

НЕЛЛИ ПТАШКИНА

Дневникъ

1918 — 1920

**РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Я. ПОВОЛОЦКАГО и К^о
ПАРИЖЪ**

Переводъ и перепечатка воспрещаются.

Tous droits réservés.

Copyright by J. POVOLOZKY & Co
PARIS 1922.

НЕЛЛИ ПТАШКИНА.

25 июля 1920 года, въ Шамони, у подножія Монблана, трагически погибла молодая русская дѣвушка. Вообразившись на стремнину надъ водопадомъ (Cascade du Dard), она случайно ступила на мохъ, подъ которымъ не было уже камней, и съ громадной высоты упала въ водопадъ ...

Тѣло дѣвушки было выброшено волнами горнаго потока, глубоко внизу ... Похоронили ее на кладбищѣ Монпарнасъ, въ Парижѣ.

Звали ее Нелли Львовна Пташкина. Всего за мѣсяць до смерти ей исполнилось 17 лѣтъ. За пять дней до гибели она сдала въ Парижѣ, при Сорбоннѣ, первые экзамены на бакалавра. Она умерла на самомъ порогѣ юности ...

Судьба ея, въ эпоху революціи, похожа на сотни другихъ. Такъ-же, какъ и она, многія тысячи русскихъ дѣтей были сорваны съ мѣста своей родины послѣ роковыхъ октябрьскихъ дней 1917 г. Тысячи дѣтей узнали, что значить бѣгство изъ родного города, скитанія по чужимъ квартирамъ, грубые обыски, угрозы разстрѣла, грабежъ красныхъ и бѣлыхъ, бомбардировки, погромы, чрезвычайки, выводъ родныхъ „къ стенке“, жизнь на чужбинѣ, смерть близкихъ, не вынесшихъ ужасовъ жизни, и многое, многое, пережитое за послѣдніе годы ...

Нѣтъ! Не тысячи, десятки тысячъ русскихъ дѣтей пережили все это. Но изъ нихъ немногія, и то впоследствии, расскажутъ обо всемъ пережитомъ.

Нелли Пташкина рассказала объ этомъ въ своемъ дневникѣ, въ который она каждый вечеръ заносила и свои мысли, и событія окружающей жизни . . .

Пять тетрадей ея дневника изъ эпохи ея дѣтства (10—14 л.) остались въ Москвѣ. Двѣ тетради, писанныя въ эпоху бѣженства, печатаются ниже. Въ нихъ рассказана жизнь Нелли въ Москвѣ (январь — апрѣль 1918 г.) и въ Кіевѣ (май 1918 — октябрь 1919 г.), и дорога отъ Кіева до Парижа въ 1919 — 1920 г.

Я познакомилась съ подлиннымъ дневникомъ Нелли, который довѣрила мнѣ ея мать. То, что напечатано, отъ слова до слова, безъ вставокъ и измѣненій, принадлежитъ Нелли. Выпущены лишь нѣкоторыя мѣста, касавшіяся личной жизни близкихъ людей.

Въ дневникѣ рассказана жизнь семьи, гонимой большевиками, жизнь дѣвочки въ эпоху революціи. Дневникъ интересенъ, какъ человѣческій документъ нашей чрезвычайной эпохи . . .

Но еще болѣе интересенъ онъ потому, что въ немъ отразилась и навѣки запечатлѣлась замѣчательная, большая женская душа! Это юное сердце горѣло великой любовью къ Россіи, къ великой и несчастной отчизнѣ. Въ головѣ 14-лѣтней дѣвочки уже зрѣли глубокія мысли, возникали цѣлыя философскія построенія . . . Она хотѣла отдать свою жизнь на служеніе народу, забывая о страданіяхъ своихъ близкихъ, своего класса.

И, наряду съ этимъ, въ ея душѣ возникали видѣнія изъ другого, „лазореваго міра“, нѣжныя и изящныя . . . Она меч-

тала стать писательницей, не подозревая, что она была уже ею, что своимъ дневникомъ она уже заняла мѣсто въ русской литературѣ ...

Глубоки и проникновенны ея мысли о смерти, о мирѣ, о человѣкѣ, приходящемъ и проходящемъ, какъ тѣнь; ея мысли о прошломъ человѣчества и о грядущемъ земли.

Еще въ октябрѣ 1918 г. ее внезапно осянило предчувствіе ея смерти, рокового паденія въ бездну ... И еще напряженіе, еще ярче стало желаніе ея жить, жить, чтобы „увидѣть радугу той бури, что проносится надъ Россіей“ ...

Читая отрывочныя строки этого дневника, набросанныя торопливою рукою, вы поймете, какъ ка я душа жила въ тѣлѣ этой юной дѣвушки, какъ безжалостна смерть, отнявшая эту юную и многообѣщавшую жизнь.

Сергій Сватиковъ.

**ДНЕВНИКЪ
НЕЛИ ПТАШКИНОЙ.**

*Я рѣшилась издать этотъ дневникъ,
какъ памятникъ дочери, созданный ея
трусами. Отдаю мысли и переживанія
моей дѣвочки всѣмъ, кто цѣнитъ нѣж-
ность душевныхъ изливовъ.*

Ф. Пташкина.

... „Я люблю стоять у края бездны, у самую
края, чтобы движение — и ...

И сегодня, подводя къ краю обрыва, еще не
такого глубокого, какъ мнѣ хотѣлось, мнѣ пришло
въ голову, что когда-нибудь я такъ и утну, со-
рвавшись съ бездны“!.. (20 окт., 1918 г.).

(Изъ дневника).

I.

МОСКВА

ЯНВАРЬ — МАРТЬ

1918

13 Января. Миѣ-бы очень хотѣлось, чтобы эта тетрадка дневника показала мой духовный ростъ, чтобы она отличалась отъ другихъ.

Сегодня буду продолжать разбирать „Одинъ въ полѣ не воинъ“. Миѣ-бы хотѣлось кончить этотъ разборъ сегодня, потому что я думаю, что завтра буду слишкомъ подъ впечатлѣніемъ Художественнаго Театра. Я немного волнуюсь. Только-бы не разочароваться!..

Сильвія пала жертвой борьбы новой, свободной жизни и старой жизни, съ ея моральными требованіями. Она не выдержала этой борьбы, для нея слишкомъ тяжелой... Сильвія разочаровалась въ Лео, и этимъ самымъ было погублено то, во имя чего она бросила все и всѣхъ и пошла спасать любимаго человѣка. А, между тѣмъ, старая жизнь, привязанности заявили свои права. Останься Лео въ глазахъ Сильвіи на той-же высотѣ и любви онъ ее, она не такъ чувствовала-бы эту пустоту. Одиночество дѣлалось все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ она ближе узнавала Лео. И, когда онъ женился на Жозефѣ, чаша переполнилась... Не было больше силъ страдать и, завершивъ свое дѣло просьбой не вымещать на Лео досаду за ея уходъ, она пошла къ отцу, послѣднему своему пристанищу, зная, что и тамъ духовная жажда ея не будетъ удовлетворена, но — слѣдуя влеченію своего сердца.

Но и послѣдняго уже не было... Для жизни не осталось силъ и энергій... Да, Сильвія погибла въ этой борьбѣ старой и новой жизни...

Глядя, какъ я разбираюсь и углубляюсь въ мельчайшія ощущенія и мысли, можно, пожалуй, заключить, что я — педантка и дѣлаю это сухо и мертво, по убѣжденію, что надо все разъяснить. Но не подумайте такъ. Педантизмъ такъ-же чуждъ мнѣ, какъ чуждъ романтизмъ А. А. Каренину. Я дѣлаю этотъ разборъ скорѣй отъ сердца, чѣмъ отъ ума, и не изъ-за того, что все должно быть выяснено, не изъ-за этого желанія разбирать все принципиально — (вотъ это — педантизмъ!) — нѣтъ, я дѣлаю это ради искусства, по необъяснимому, произвольному желанію самой себѣ сдѣлать все яснымъ.

Этотъ разборъ и уясненіе такъ мнѣ интересны, что я съ большимъ удовольствіемъ буду продолжать разбираться и въ другихъ вопросахъ, пришедшихъ мнѣ въ голову, когда я передъ тѣмъ, какъ начать писать про Сильвію, просматривала книгу. Съ какимъ удовольствіемъ перечитывала я душевныя переживанія Сильвіи. Обязательно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, перечитаю эту книгу. Зная содержаніе, не такъ торопиться и прои^каешься глубокими мѣстами, чувствуешь ихъ...

Да, вотъ еще. Я написала: „люби онъ ее“... Онъ ее любилъ, но когда самъ ощутилъ это чувство, когда оно стало сознательнымъ, и Сильвія узнала объ этомъ, было уже слишкомъ поздно...

Еще одно... Мысли такъ быстро рождаются, что, пока пишешь одно, въ головѣ уже сотни другихъ и, перебивая намѣченный планъ, забываешь ихъ... Когда я читаю, у меня часто появляются мысли, или неимѣющія никакой связи съ читаемымъ, или отдаленную, но глубокую. По большей части, мысли эти требуютъ разъясненія, а такъ, во время чтенія, я не могу ими заняться, потому что тогда никогда бы не прочла книжки. Я ихъ откладываю на неопредѣленное „послѣ“, онѣ забываются, и вопросы такъ и остаются неразрѣшенными, а между тѣмъ уяснить ихъ было-бы очень хорошо. Поэтому я придумала: во время чтенія всѣ появившіеся вопросы заносить

на бумагу, чтобы послѣ разбирать ихъ. Даже пріятно потомъ просто просмотрѣть, что интересовало меня.

Ну, теперъ вернусь къ Лео... Сильвія говоритъ о немъ что онъ человѣкъ, который ради расчета женится на не-любимой дѣвушкѣ, который публично становится на сторону воззрѣній, ненавистныхъ ему до глубины души, который ищетъ ручательства въ успѣхѣхъ своего дѣла не въ святости самого дѣла, а прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, не думая о томъ, что эти средства оскверняютъ святое дѣло. А Туски говоритъ о Лео, что онъ поставилъ на карту свою честь и свою совѣсть...

О, съ какимъ глубокимъ наслажденіемъ про-глядываю я книгу; мнѣ кажется, что я проникаюсь, пропиты-ваюсь переживаниями Лео; черезъ нѣкоторое время, въ Кіевѣ, обязательно перечту ее.

Вотъ видите, у меня не хватаетъ мужества, — да, именно, для этого необходимо мужество ума и сердца, — чтобы признать Лео безусловно правымъ.

14 Января. Была я вчера въ Художественномъ, на „Вишневомъ садѣ“. Вы, можетъ быть, ждете отъ меня обычныхъ послѣ театра возгласовъ, аховъ и оховъ, удесятеренныхъ сильнымъ впечатлѣніемъ. Вы ошибаетесь, ихъ не будетъ. Это, конечно, не значить, что я осталась равнодушной, далеко не значить. Словомъ, я получила глубокое наслажденіе отъ дивной постановки и дивной игры, упоительной... Мнѣ такъ не хочется ходить въ провинціальныя театры; въ Кіевѣ я пошла бы, тамъ труппа хороша обычно, но—въ нашъ Саратовскій!.. Я безумно боялась въ концѣ перваго акта, что здѣсь также будутъ хлопать. Эти аплодисменты оскверняютъ то высокое и хорошее, что мы сейчасъ видѣли, они превращаютъ въ обыденное, грубое представленіе это дивное, истинно-художественное исполненіе.

Было хорошо, хорошо!.. Глаза пріятно отдыхали на

декораціяхъ, игравшихъ не малую роль въ созданіи полной картины. Я только жалѣю, что для перваго раза попала на „Вишневый Садъ“, а не на болѣе сильную пьесу: тогда впечатлѣніе было-бы страстнымъ, бурнымъ, по обыкновенію, а тутъ оно было спокойнымъ, именно оттого, что было создано, большей частью, не пьесой, а постановкой. Но, вообще, я очень довольна. Теперь я знаю, въ Саратовѣ восторгъ происходилъ именно отъ пьесы; въ исполненіи я разбираться не умѣла, а, потому, оно не могло способствовать уменьшенію впечатлѣнія, даже — наоборотъ, но о хорошей постановкѣ тамъ не могло быть и рѣчи... О, я еще много, много жду отъ Художественнаго Театра.

Уменьшенію впечатлѣнія отъ пьесы способствовало, по моему, еще то, что я уже прочла ее. Мнѣ кажется, что изъ за этого мнѣ не пришлось, какъ другимъ, вынимать носового платка въ концѣ сцены съ Фирсомъ... О, это великолѣпная сцена! Эти носовые платки ужасно забавляли меня. Мнѣ кажется, все-таки, лучше раньше видѣть пьесу, а потомъ читать. Правда, что, когда она прочтена, больше вниманія остается для обстановки, и впечатлѣніе свое, а не то, чужое, что даютъ артисты. Хотя — нѣтъ!.. во впечатлѣніи это ничего не затрагиваетъ; у меня, напримѣръ, образы дѣйствующихъ лицъ „Вишневаго Сада“ будутъ тѣ, которые мнѣ вчера дали, а не тѣ, что создались при чтеніи. Надо сказать, что образы у меня создаются, когда я читаю, но опредѣленныхъ чертъ лица они не имѣютъ, и я не сумѣла-бы ихъ описать, но общее впечатлѣніе у меня есть; однако, вотъ оно разошлось. Потомъ надо еще сказать, что на знакомую пьесу больше тянетъ, но незнакомая заинтересовываетъ больше, и общее впечатлѣніе отъ нея сильнѣй. Когда-же пьесу раньше видишь, — доказательство отъ противнаго, — не такъ много обращаешь вниманія на декорации, и тогда впечатлѣніе уже совсѣмъ отъ артистовъ... Но главное, что стоитъ за первую часть моего разглагольствованія, это то, что видѣть не все можно, а читать нужно и, въ концѣ концовъ, такъ-ли, этакъ-ли, — выходить приблизительно то же самое. И я думаю, если мнѣ

не представится возможности въ будущемъ сезонѣ увидѣть „Трехъ сестеръ“ и „Чайку“, — прочесть ихъ. Хотя, для большаго впечатлѣнія лучше-бы увидѣть ихъ, а, впрочемъ, впечатлѣніе и такъ, вѣроятно, будетъ сильное. Ну, я, по обыкновенію, замечталася изъ за пустяковъ между „хотями“ и „впрочеми“...

Да, лучше напередъ читать: и смотрится иначе, т. е., на все обращаешь вниманіе, и даже большое впечатлѣніе можетъ быть: сѣренькое, послѣ чтенія, превращается въ ярко и со вкусомъ раскрашенное, а такъ — оно сразу раскрашенное. Если впечатлѣніе — не больше, то къ нему прибавлено любопытство, и потомъ оно, подогрѣтое любопытствомъ, становится больше. Я говорила, что послѣковки мои убѣжденія постоятъ за себя.

Мнѣ очень нравится фраза Саши, когда она говоритъ Петѣ, что онъ оттого такъ смѣло все рѣшаетъ, что не перестрадалъ этихъ вопросовъ. Нравится своей вѣрностью!..

У меня рѣшительно нѣтъ времени говорить о дѣйствующихъ лицахъ. Когда я читала „Вишневый Садъ“, то подумала, что мнѣ еще рано, и я его не поняла; но, собственно говоря, понимать особенно нечего. Иден нѣтъ. Типы, картинки красивыя, изъ быта вымирающаго дворянства. Въ общемъ, хорошо, но отъ Чехова я еще жду большаго.

Самое помѣщеніе Художественнаго Театра тоже мнѣ очень понравилось. Чрезвычайно уютно, красиво, просто, т. е., изящно. Красота и простота!

15 Января. Я уже говорила, что, когда въ голову придетъ какая-нибудь мысль, требующая разъясненія или, вообще, работы надъ собой, то она до тѣхъ поръ не перестаетъ сверлить, пока я не сдѣлаю надъ ней, чего надо. Конечно, это очень хорошо, но чувство не особенно пріятное: чуть займешься чѣмъ-нибудь, она заставляетъ вспоминать о себѣ. Но, несмотря на это чувство, я очень довольна, что у меня есть эта способность.

Мнѣ пришло въ голову, что у меня какая-то двойственная натура. Это и пріятно тѣмъ, что у меня всего понемногу есть, и раздражаешься, такъ какъ не можешь опредѣлить, кто ты, но, конечно, больше пріятно, чѣмъ досадно. Дѣло въ томъ, что часть „меня“ относится къ высшимъ, заоблачнымъ сферамъ, а другая — очень земная, или, говоря проще, во мнѣ есть и матеріализмъ, и идеализмъ, романтичность. Вотъ это-то и есть двойственность.

Когда я бываю въ театрѣ или, по какой-нибудь другой причинѣ, нѣсколько растаиваю, всѣ разсужденія, разборы, анализы становятся безконечно далекими, сухими и ненужными. Жизнь кажется полной. Тогда я переношусь въ другой міръ, нѣжный и прекрасный, не земной. Въ немъ все — ясный лѣтній день, съ цвѣтущими цвѣтами и голубымъ небомъ, а главное — все нѣжно и прѣкрасно. Тогда я — совсѣмъ другой человѣкъ! И мои увлеченія, и любовь къ театру, и восхищеніе чужою юной любовью — все это отъ того міра, и тогда я не могу понять, къ чему я разбираю, рѣшаю вопросы, анализирую. Раньше я больше принадлежала тому міру, теперь, обыкновенно, — этому; но тотъ — всегда живетъ въ глубинѣ моей души и, надѣюсь, никогда не исчезнетъ.

Въ этомъ отношеніи есть у меня съ мамой различіе: она больше меня принадлежитъ тому, голубому миру. Да, очень не хотѣлось-бы мнѣ его лишиться.

Когда-же я живу въ земномъ мірѣ, все наоборотъ: здѣсь книги, холодныя разсудительныя мысли, сомнѣнія и т. п. Тутъ и тѣни нѣтъ той Нелли, чистой, умиленной, возвышенной... Тутъ она думаетъ, думаетъ, строитъ планы разумной, серьезной жизни, но свѣтъ того міра безсознательно освѣщаетъ эти планы и эти думы. Ему, голубому міру, обязана я своей чистотой, благородствомъ и товарищеской честностью. Это умъ и сердце, душа. Хорошо, что и то, и другое есть у меня...

А, вѣдь, эта двойственность подраздѣляется на безчисленное множество мелкихъ интересовъ, желаній. Да, у меня все, почти все есть. Хотѣлось-бы и остаться разносторонней, общей, чтобы одинъ міръ не вытѣснилъ другого. Было-бы

скверно, если-бъ все вылилось въ одну форму, но, надѣюсь, этого не будетъ. Да, во мнѣ есть многое, и всю меня знать очень трудно!

18 Января. Не писала я потому, что кончала „Анну Каренину“. Книга мнѣ очень понравилась, но я чувствую, что рановато прочла ее. Не то, что я читала только фабулу, — такъ читать я не умѣю, — но я не могу сердцемъ почувствовать Анну, а только разумомъ пыталась понять ее. Въ то время, какъ я ее читала, умъ мой былъ постоянно напряженъ; весь день какія то мысли, возбужденныя книгой, отчасти перенесенныя въ мѣръ общихъ вопросовъ, а отчасти касавшіяся непосредственно книги, бродили въ головѣ и не давали мнѣ покоя. Я ужасно устала, мнѣ приходилось заставлятъ себя думать о другомъ, чтобы на время забыться. Изъ этого, главнымъ образомъ, я заключаю, что рано прочла ее.

И вчера, когда я уже кончила, я, въ полномъ смыслѣ слова, отдыхала головой, и теперь съ новыми силами буду читать „Войну и Миръ“.

„Анна Каренина“ оказала мнѣ двѣ большія услуги. Во первыхъ, она показала, что „падшія“ женщины не всегда заслуживаютъ только презрѣнія, какимъ я дарила ихъ раньше. Нѣтъ, надо раньше разобраться, почему онѣ пали.

Никогда ничего нельзя осуждать, не узнавъ!

Она, книга, утвердила переворотъ, совершившійся во мнѣ. Раньше я строго, въ высшей степени строго и, главное, неутомимо смотрѣла на жизненные явленія, чуть отступавшія отъ истины. Истины, созданной мною самою.

На людей, какъ людей не глубокихъ, поверхностныхъ, — скорѣй второе, чѣмъ первое, — смотрѣла съ презрѣніемъ, свысока, на слегка флиртующихъ тоже, а о невѣрныхъ женщинахъ и говорить нечего. Теперь-же я сознаю свою ошибку, я научилась снисходительности, необходимой и справедливой. Это сдѣлали люди, книги и жизнь, — лучшіе учителя.

Второе, я у Левина нашла ключъ ко многимъ своимъ вопросамъ и сомнѣнiямъ. Я ясно увидѣла, что только разумомъ жить нельзя!

Это не уничтожило во мнѣ всѣ вопросы, потому что не во всѣхъ дѣло идетъ о разумѣ и сердцѣ, но значительно успокоило ихъ. Все-же, пока, разбирать ихъ не буду: я надѣлаю ошибокъ, а самой съ собой, со своими убѣжденiями, бороться трудно.

Это медленный процессъ, совершающiйся внутри насъ, когда всѣ истины, всѣ вѣрованiя наши повергаются во прахъ и создаются новыя. Т. е., это не то, чтобъ было трудно, но . . . , словомъ, неприятное разочарованiе въ самой себѣ. Лучше этого избѣжать сразу, повѣривъ въ вѣрное.

Да, этотъ процессъ я одинъ разъ пережила. А, съ другой стороны, приятно чувствовать, какъ, благодаря своимъ наблюдениямъ, убѣжденiя перерабатываются. Неприятно ощущение, что старое неправильно, но съ удовольствиемъ чувствуешь, какъ приобретается новое. Но, главное, — у меня еще нѣтъ силъ для этой борьбы. И, все-же, я рада, что прочла „Анну Каренину“, хотя, съ другой стороны, приятно съ перваго раза схватить все, что хотѣлъ сказать авторъ, но тогда она, можетъ быть, не дала-бы мнѣ этихъ двухъ рѣшенiй. А они столь важны для меня, что я жертвую охотно наслаждениемъ, т. е., не жертвую, а безъ сожалѣнiя мирюсь съ фактомъ . . .

(Къ вечеру) О чемъ - же я должна писать? Собственно, ни о чемъ экстренномъ. У меня много недоговореннаго. Но, Богъ съ нимъ; писать приятно, когда пишешь, что хочется, такъ какъ я пишу для себя . . .

Мы переѣхали къ тетѣ Эммѣ, гдѣ будемъ до папинаго приѣзда изъ Петрограда, а тогда поѣдемъ въ Саратовъ, а потомъ въ Кiевъ. Какъ-бы хотѣлось устроиться и зажить своей жизнью!.. А папа еще не увѣзжалъ и неизвѣстно, когда поѣдетъ, хотя собирается со дня на день, но что значить, когда папа собирается, когда ему неспѣшно! Да, нормальная жизнь еще очень далека отъ меня.

Сообщу, курьеза ради, теперешнія цѣны. Во первыхъ, покупаютъ все оптомъ, „запасы“ Хлѣбъ — 2 руб. фунтъ. Мука — 130 руб. пудъ бѣлой и 95-100 руб. — черной; мясо черное — 4 руб. фунтъ. Правда, это цѣны въ Москвѣ, и спекулятивные; по карточкамъ дешевле, но все-же... Калоши, у солдатъ, мелкія — 40 руб.; въ магазинѣ, безъ карточекъ, ботинки — 175 руб. и т. д. Фруктовъ дешевле 5 руб. — нѣтъ. Причемъ яблоки за эту цѣну маленькія, крымскія. И все, все такъ! Страшно становится, когда подумаешь, до чего дошло, и что еще будетъ...

Сепаратный миръ готовится, позорный миръ, благодаря которому мы потеряемъ Польшу, Прибалтійскій край съ портами, выходами въ Европу. Мы будемъ заперты. А внутри страны!.. Гражданская война, голодъ, отдѣленіе одной части Россіи за другой... Ужась!.. Ужась!..

Но этотъ ужась я чувствую, когда я слушаю рассказы старшихъ, ну, или сама подумаю объ общемъ, а такъ — мрачной картины у меня передъ глазами нѣтъ. И, дѣйствительно, я вижу: трудно жить, очень трудно въ Москвѣ, но, все-же, мы живемъ, ѣдимъ сытно, ходимъ въ театръ... Это мѣшаетъ общему представленію. Создается впечатлѣніе, что это ужасное — гдѣ-то далеко, далеко, а вблизи какъ-то свыклись и поэтому не видятъ, что все такъ мрачно. Вотъ потому-то, что я не могу себѣ общаго представить, что я все таки скорѣй подѣтски, во всякомъ случаѣ недостаточно сознательно, смотрю на вещи, я жалѣю; что я не на нѣсколько лѣтъ старше.

Подъ вліяніемъ происходящихъ событій измѣнился и мой взглядъ на исторію, или, скорѣе, прояснился. Читая или уча (?) про какое-нибудь событіе раньше, я представляла себѣ только общую картину, т. е. ту, о которой мнѣ говорила книга. Частная-же жизнь подходила у меня подъ рамки общей, т. е., лица жили общей жизнью страны. Теперь-же я понимаю, что бывшее мое представленіе — это картина историка, рисующаго общую связь событій, но, что полная картина того времени быть таковой не можетъ. Я понимаю, что и во время французской революціи люди жили такъ же, какъ мы

живемъ, независимо отъ общаго, и что во времена междуцарствія такъ было, словомъ всегда...

Другими словами, у меня создался взглядъ на частную жизнь въ исторіи.

Я хотѣла-бы, чтобы, когда мы прїѣдемъ въ Кіевъ, у Иры уже прошли роды (какъ странно это писать!)... Я первый разъ читала ихъ описаніе у Китти Щербацкой, и мнѣ страшно сдѣлалось; пусть лучше безъ насъ, а, съ другой стороны, хочется, — и гораздо больше, чѣмъ не хочется, — быть при всемъ этомъ. Только-бы благополучно все прошло. Такъ обидно было-бы, если-бы Ира, молодая, только что начинающая жить своимъ домомъ, своей семьей, ушла-бы!

Нѣтъ, не надо! Намъ суждено умереть и, кромѣ безропотнаго покоренія судьбѣ, тутъ ничего не сдѣлаешь. Но умереть, поживши по крайней мѣрѣ! Если-бъ такъ сдѣлать, чтобы умирали только отъ старости; и, навѣрное, когда-нибудь, всѣ болѣзни станутъ излѣчимыми или совершенно уничтожатся... Не люблю маленькихъ, до года-полутора, дѣтей, и потому мнѣ хотѣлось-бы не раньше 2—3-хъ лѣтъ попасть въ Кіевъ.

Довольно, развѣ, сегодня писать? Пожалуй, что да. Вотъ только еще одно добавленіе о моей безумной глупости; не могу себѣ простить, какъ я мечтала въ прошломъ году о „другѣ“. Фи! Такъ наивно!

А вторая глупость та, что я не могу обойтись безъ громкихъ словъ. Въ прошлый или позапрошлый разъ писала о ко в к ѣ моихъ мнѣній. Красиво, но ничего нѣтъ, кромѣ красоты. Ничуть они не выковываются...

Я опять сомнѣваюсь въ отношеніи театра, а потому хочу сказать двѣ вещи: первая та, что спорить съ дневникомъ ни къ чему не ведетъ, такъ какъ тотчасъ послѣ окончанія сомнѣнія снова выступаютъ. Дневникъ — не при чемъ, и съ нимъ дѣло лучше не можетъ пойти. Надо одно: думать и думать безъ конца. А вторая вещь — о театрѣ. Лучше всего дѣло, мнѣ кажется, т. е., я увѣрена, можетъ рѣшиться собственнымъ опытомъ: я до сихъ поръ смотрѣла на театръ, какъ на искусство,

само по себѣ создающее, а теперь надо попробовать смотреть на него только, какъ на воспроизводящее. Потому я сумѣю рѣшить, что лучше, и никакія разсужденія не помогутъ. Лучше почувствовать, а потомъ говорить, чѣмъ наоборотъ

За послѣднее время на меня иногда нападаетъ стихъ ужаснаго раздраженія. Малѣйшее слово доводитъ меня почти до бѣшенства, и приходится сдерживаться, чтобы не кричать, не бѣсноваться. И, главное, слова, на которыя въ другое время я не обратила-бы вниманія, во время такого стиха рѣжутъ меня, какъ фальшивый звукъ ухо музыканта. Въ такое время особенно раздражаюсь я и не могу слышать, когда зовутъ меня „Люшка“, или, какъ маленькому ребенку, такимъ тономъ, „объяснительнымъ“, говорятъ, по какой улицѣ мы идемъ и т. д. Я становлюсь зла, слезы навертываются на глаза и, вообще, настроеніе ужасное.

Можетъ быть, эти слова, вообще, не шереховаты, но, во всякомъ случаѣ, никогда такъ, какъ теперь, не раздражали меня. Чѣмъ это объяснить, — не знаю. Можетъ быть, ненормальной жизнью или чѣмъ нибудь другимъ? Вообще, у меня нѣтъ прежняго безпрекословнаго повиновенія мамѣ, я спорю, не соглашаюсь. Да, въ такіе періоды мама меня и не трогаетъ, но многое другое въ мамѣ меня рѣжетъ. Да, нѣтъ людей безъ недостатковъ, но, все-же, моя Дорогая — прелесть!..

Чай давно выпить, а я все пишу, пишу и долго могла-бы еще писать, такъ много надо мнѣ сказать, но... assez!

22 Января. Сегодня я о томъ-же буду говорить, и не потому, что это одно изъ недосказанныхъ, а потому, что оно сдѣлалось насущнымъ вопросомъ дня. „Почти“, потому что я старательно отгоняю его.

Я не могу никакъ отдѣлаться отъ назойливой, неразрѣшимой мысли объ общемъ. Ее трудно, очень трудно выразить, но я постараюсь сдѣлать это какъ можно лучше, чтобы вамъ и себѣ разъяснить ее.

Я сказала, что общее стало мнѣ яснѣй; можетъ быть, тогда, — (когда я меньше объ этомъ думала), — оно было такъ, но теперь оно такъ неясно, такъ туманно, что я совершенно теряюсь...

Вотъ я пишу... и вдругъ думаю: чтó это, что мой интересъ, моя жизнь и стремленія въ сравненіи... съ нашей землей, какъ планетой, со всѣмъ этимъ міромъ, называемымъ солнечной системой, а, еще больше, въ сравненіи съ тѣмъ большимъ, необъятнымъ, неизвѣстнымъ, окружающимъ насъ, той воздушной атмосферой, уходящей далеко, далеко въ пространство, всѣмъ, всѣмъ, насъ окружающимъ, не созданнымъ нами, людьми, а найденнымъ нами готовымъ, — передъ всѣмъ общимъ, большимъ, неизмѣримымъ пространствомъ природы?.. Чтó передъ этимъ моя жизнь, мои стремленія, которымъ я отдаюсь полностью и придаю такое значеніе?! Чтó это?!.. Песчинка, соринка, безпомощная, жалкая...

Эта неизвѣстность, вѣрнѣе, это сознание своей ничтожности, лучше сказать, незамѣтности, въ общемъ движеніи чего-то, куда-то, угнетаетъ, давить меня и, разъ напомнивъ о себѣ во время какого-нибудь дѣла, не даетъ ему предаться всѣмъ сердцемъ и душой.

Къ чему, думаешь себѣ, зачѣмъ стремиться куда-то, знать что-то? Чтó это дать, чтó прибавить намъ? Знаній?! Но они, всѣ знанія міра, не измѣнятъ главнаго, того, что мы — ничто! Они не приближатъ къ нашему сознанию тотъ необъятный міръ, который открывается предо мной.

Я остановилась поднять упавшую книгу и, остановившись на нѣсколько минутъ, потеряла ту ясность, съ которой я объ этомъ писала. Она исчезла, и осталось прежнее смутное чувство недовольства, чувство, что есть что-то не то въ нашей жизни...

23 Января. Сегодня я этого не чувствую. Ничтожность нашихъ людскихъ интересовъ и необъятность, вѣчность какого-то большого міра, — ушли.

Пробовала я объ этомъ думать, вызвать это сознание, — ничего не вышло. А нѣтъ его, такъ и не надо. Вызванное будетъ всегда не то, что пришедшее само по себѣ. Настанеть время, оно придетъ, и тогда я буду писать объ этомъ, о мысляхъ, навѣянныхъ мнѣ этимъ. Онѣ и сейчасъ смутно бродятъ у меня въ головѣ, но это будетъ не то. Я буду писать невѣрно, не то, что чувствую, когда въ настроеніи.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей у меня появилась другая: „какъ надо жить, что надо дѣлать“, но сегодня все это, — сама не знаю почему, — бесконечно далеко отъ меня. Вызвать это я не желаю, да и не могу. Это принадлежитъ къ несознательнымъ, произвольнымъ мыслямъ.

Въ мысляхъ моихъ о томъ, какъ надо жить, — продолженіе моихъ Кисловодскихъ мученій. Здѣсь сыграли роль и Толстовскія книги: „Анна Каренина“ и „Война и Миръ“. Тамъ они затрагиваются, и вчера, напримѣръ, я читала ихъ съ большимъ вниманіемъ, какъ часть цѣлаго, разбирала, но сегодня такъ смотрѣть на нихъ не могу. Почему перемена эта, — не знаю.

Не знаю и того, можетъ ли человекъ заставить себя сдѣлать все, что хочетъ, въ отвлеченномъ мірѣ, т. е., заставить себя думать, что угодно; или есть у него произвольныя мысли и настроенія, т. е., что онъ является не полнымъ хозяиномъ своего ума.

Разбирать этотъ вопросъ сейчасъ не могу; онъ, правда, не мертвъ, хотя отвлеченный, но сейчасъ меня не интересуетъ достаточно для этого, а главное — займетъ все мое время. При случаѣ...

Я писала разъ, что общее мнѣ ясно, а другой разъ, что оно — смутно. И то, и другое — вѣрно. Только написано было въ разномъ расположеніи.

По моему, счастье для людей, что мои вчерашнія мысли не только не всегда у нихъ, но рѣдко приходятъ къ нимъ. Онѣ, эти мысли, не даютъ предаться своему дѣлу полностью, какъ то необходимо для жизни. Но... сегодня мнѣ, какъ будто, чего-то не достаетъ; я знаю чего: этихъ мыслей, этого

сознания. Какъ будто какая-то пустота внутри меня. Эти два сознания хорошо сравниваются со слѣпотой. Человѣкъ, отъ рожденія слѣпой, былъ окруженъ всевозможными гадостями, онъ не зналъ этого, не имѣя зрячихъ глазъ. Онъ чувствовалъ окружающее, зналъ его, но не подозрѣвалъ, что оно — гадость. И, вдругъ, онъ „прозрѣлъ“ на нѣсколько мгновений и увидалъ истинный мѣръ, окружающій его, и сейчасъ-же ослѣпъ... Онъ не забывалъ, что кругомъ — гадость, онъ опять не видалъ окружающаго, опять зналъ, ощупывалъ и не вѣрилъ видѣнному разъ, онъ все забывалъ, что оно — гадость; но, ощупывая его, не было у него прежняго безмятежнаго спокойствія...

Да, чего - то мнѣ не достаетъ. Я, можетъ быть, еще оттого ощущаю этотъ недостатокъ, что нѣтъ у меня дѣла, сильно захватывающаго меня.

Безусловно, у человѣка, захваченнаго дѣлами, — онъ не могутъ явиться.

Этимъ я не хочу сказать, что мысли и сомнѣнія эти появляются отъ бездѣлья, отъ котораго ничего не можетъ появиться дѣльнаго и нравственнаго. Для нихъ необходимо извѣстное, естественное къ тому расположеніе человѣка, и расположеніе къ тому-же окружающаго.

Но нечего спорить о такой мертвой вещи, когда болѣе живое дѣло ждетъ меня. Но, если есть естественное расположеніе, есть часть человѣка, часть его мысленій, не зависящая отъ его ума... Какое интересное существо — человѣкъ! Всѣ сложныя переживанія, чувства можно объяснить естественной наукой, и все становится просто и... животно!

Какимъ является человѣкъ въ мѣръ? Уже съ зародышемъ индивидуальной, внутренней своей жизни, или формируется жизнью и окружающими? Какъ интересно это узнать, но еще болѣе самой, на дѣлѣ, на опытѣ, убѣдиться въ чемъ-нибудь... Изучу это... обязательно! Какъ много интереснаго надо еще мнѣ узнать, и все это будетъ ничто. Но мимо, мимо! Я захлебываюсь сегодня, такъ много, много хочу сказать.

А какъ много условностей, даже въ языкѣ. Говорятъ, напримеръ, — и я тоже говорю: „чувствуетъ сердцемъ“. А что

такое сердце? Кусокъ тѣла, неспособный чувствовать. Что-же чувствуетъ у насъ? Вѣроятно, голова, мозги. Но, значить, не только матерія входитъ въ составъ человѣка. Вотъ, все это узнать! Но послѣ, послѣ...

Пока я писала про сердце и условности языка, пришла изъ потаеннаго ящика моей головы, находящагося гдѣ-то сзади, мыслишка, одна изъ неясныхъ. Что заставляетъ меня писать дневникъ? Что заставляетъ насъ учиться, читать и т. д.? Что, вообще, заставляетъ насъ все дѣлать? Я уже сама развила ее, эту мысль, а первоначально она была только про дневникъ, и на нее я могу, кажется, отвѣтить. Что, вѣрнѣе говоря заставляетъ крутиться и бесполезно биться въ лабиринтъ затѣмъ, чтобы послѣ остаться съ такимъ-же туманомъ?..

Нѣтъ. Я кажется, право, съумѣю объяснить это. Только надо нѣсколько развить вопросъ. Что такое мой дневникъ? Это — запись моихъ мыслей, чувствованій. Первый разъ взявшись за дневникъ меня побудило желаніе ихъ записать. А оно само явилось подъ вліяніемъ М. Башкирцевой и Раи. А что, вообще, заставляетъ браться за дневникъ? Надо замѣтить, что это, большею частью, — особенность молодыхъ. Почему? Ясно, что вслѣдствіе особенностей ихъ склада мыслей. Какими же особенностями обладаетъ молодость? Неумѣніемъ въ себѣ сосредоточиваться, яркостью впечатлѣній, колоритностью ихъ, неразочарованностью. Старый человѣкъ, хоть и получаетъ яркое впечатлѣніе, но, мнѣ кажется, все-же холоднѣе къ нему относится, чѣмъ мы, молодые, только вступающіе въ жизнь. Молодость въ себѣ сосредоточиваться не умѣетъ и изливаться другимъ не хочетъ. На помощь появляется дневникъ. Старый человѣкъ въ себѣ все перерабатываетъ...

А оттого дневники ведутъ не всѣ молодые, потому что, во первыхъ, для этого надо имѣть нѣкоторую долю внутренней глубины, во вторыхъ, многіе, очень многіе не ощущаютъ потребности излагать свои чувства.

Что-же заставляетъ меня писать дневникъ? Ну да, желаніе высказать свои чувства. А что заставляетъ появляться

это желаніе? Надо вспомнить, что я испытывала, когда начинала свой писать... Стойте, я, кажется, знаю! Честное слово, какъ ни стыдно признаться, это, кажется, — вотъ что. Эту мысль мнѣ подали другіе, тѣ, которые писали до меня. Необходимо имѣть въ себѣ самой расположеніе къ этому, безъ него ничего не будетъ, но подталкивающимъ служить примѣръ. Что касается послѣдующаго, то привычка, — вѣдь люди такъ быстро ко всему привыкають! — создала потребность и удовольствіе излагать свои чувства.

24 Января. Сегодня, какъ и вчера, всѣ мысли и сомнѣнія далеки отъ меня; я совершенно не могу ихъ найти и почувствовать, но, думается мнѣ, придетъ время, и они снова явятся ко мнѣ.

Жизнь моя идетъ ровно, по разѣ заведенному пути, безъ новыхъ впечатлѣній, спокойно...

Я люблю встрѣчаться съ новыми людьми, жить нѣкоторое время съ ними: получаешь такъ много разныхъ новыхъ наблюденій, впечатлѣній, мыслей, и самое себя въ то-же время познаешь, съ ними сравнивая. Поэтому, я люблю жить въ Кіевѣ.

Я люблю сильно своихъ тамошнихъ родныхъ, и потому мнѣ тамъ пріятно, но жизнь тамъ интересна, именно, изъ за этихъ встрѣчъ съ новыми интересными, потому что близкими, людьми.

Какъ теперь устроится наша жизнь, — совершенно не знаю. Хорошаго въ перспективѣ мало. Кромѣ неопредѣленности ожиданія, въ нашемъ положеніи еще болѣе непріятно то, что, пока, сообщенія съ Кіевомъ совершенно нѣтъ, а съ Саратовомъ — невѣроятно трудное. По Рязанско-Уральской дорогѣ ходятъ только 3-й и 4-й классы, по одному вагону, и теплушки, но бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что переполнено отчаянно, и, въ связи съ отсутствіемъ 1 и 2 классовъ, проѣздъ сопряженъ съ адскими мученіями.

1917 года въ Россіи. И тамъ, въ неясной дали, знаю, находятся другія времена. И... я оглядываюсь. Что-же? Въ одинъ изъ такихъ историческихъ періодовъ живу Я, на моихъ глазахъ совершается онъ...

Вотъ, что мнѣ странно. Но я продолжаю глядѣть на эту цѣпь...

Въ тѣ, до нашего времени, историческіе перевороты и эпохи тоже жили люди, дѣвочки, какъ я, думающія о себѣ; шла, независимо отъ событій, частная жизнь людей, у каждаго своя, индивидуальная...

Но, вѣдь, это относится къ наукѣ исторіи, только къ наукѣ, это что-то мертвое, что надо учить?

Но и наше время будутъ изучать; для жителей во времена грядущихъ звеньевъ цѣпи исторіи, цѣпи времени, оно будетъ только отдѣломъ исторіи, такимъ-же сухимъ и мертвымъ, какъ для меня тѣ, прошедшіе, о которыхъ я тоже учила. Хорошо. Для нихъ оно будетъ сухимъ, какъ для меня — тѣ, предыдущія, но для меня оно — не мертвое, не сухое! Оно — жизнь! Потому что на моихъ глазахъ совершается, потому что Я живу во время его совершенія.

Значить?.. Значить, и тѣ, прошедшіе, — не мертвы, они не только отдѣлы исторіи, они — жизнь, только прошедшая. Жизнь... Вы слышите? Войны Наполеоновскія, преобразованія Петровы — жизнь! О, какъ ясно я себѣ представляю это время. Мнѣ ничего не стоитъ вообразить, что я живу въ ихъ времена, потому что я знаю частную жизнь во время крупныхъ государственныхъ переворотовъ.

Да, между мной и тѣми, которые жили въ ихъ время, только та разница, что они жили во времена одного историческаго событія, а я — другого. Какъ... странно!.. Историческій переворотъ... и я. Странно...

Я представляю себѣ, какъ будто я изучаю наше время, какъ изучаю всякое другое, и вдругъ: вѣдь я жила тогда, на моихъ глазахъ все это совершилось!

.....

Съ какимъ интересомъ и удовольствіемъ я писала. Съ интересомъ и съ удовольствіемъ — потому, что писала и чувствовала! — Это самое привлекательное въ дневникъ. Такой историческій взглядъ на вещи очень, очень интересенъ, и для меня привлекателенъ.

Отъ него нѣтъ тѣхъ сомнѣній, которыя появляются, когда поглядишь на всю землю, обнимешь все взглядомъ и увидишь наше ничтожество.

Отъ этого, наоборотъ, все, какъ-будто, разъясняется и успокаивается.

Безусловно, что онъ дальнороче обыкновеннаго взгляда людей на вещи, но все-же тотъ, второй, со своими сомнѣніями и „проклятыми вопросами“, — шире, еще больше обнимаетъ, чѣмъ этотъ.

Потому что и историческая цѣль — ничтожество? Нѣтъ, она, пожалуй, не ничтожество. Но я сейчасъ не могу судить о томъ, который изъ двухъ взглядовъ стоитъ выше, который изъ нихъ вѣрнѣе. Не могу, потому что мысли о ничтожествѣ сейчасъ далеки, далеки отъ меня.

Меня мучили въ Кисловодскѣ сомнѣнія, правильна-ли теперешняя жизнь, и какъ много надо въ ней измѣнить. Но теперь эти сомнѣнія далеки отъ меня. Какъ будто мой кругозоръ сузился до обыкновеннаго кругозора людей. Чтобы думать объ этихъ сомнѣніяхъ, мнѣ сейчасъ не хватаетъ чего-то; я думаю, не хватаетъ сейчасъ той части моего ума, которая расширила мой кругозоръ. И есть сейчасъ у меня кое-что лишнее. Это лишнее — есть мое спокойствіе, поглотившее ту часть моего ума...

Теперь я хорошо понимаю исторію. И это сдѣлало время, въ которомъ я живу. Безъ него я, или не пришла-бы къ этому историческому взгляду, или дошла-бы до него, но съ мученіями.

Я, вотъ сейчасъ, думаю о томъ, что меня мучило въ Кисловодскѣ, беру одинъ изъ тѣхъ вопросовъ... ну, хотя-бы... надо ли жениться, къ чему это? — Да что со мной? Меня пугаетъ мое „я“... Я могу задуматься надъ ними, обсуждать

ихъ, но при этомъ мнѣ чего-то не достаетъ. И нельзя, я не могу съ такой холодной головой обсуждать это. Такъ нельзя!

Надо для этого имѣть то „что-то“, чего мнѣ не достаетъ. А вдругъ оно не вернется? Вдругъ у меня ничего не будетъ, кромѣ того, что у всѣхъ? Это не тщеславіе, нѣтъ! Если-бъ оно не приходило, если-бъ я его не знала, я не жаловалась-бы. Но оно было, я его чувствовала, и вдругъ оно пропало. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!! Оно должно вернуться. Я попробую подумать объ этомъ — не вернется ли оно? Да, правда, чего мнѣ волноваться?! У меня-же, вѣдь, все по настроенію. Придетъ настроеніе, — будутъ и они, мои сомнѣнія.

Кажется, хватить на сегодня. Хочется только выяснить еще, т. е., сказать то, что я начала про исторію.

Благодаря моему историческому взгляду — исторія изъ мертвой науки превращается въ чрезвычайно живую.

Благодаря ей мы узнаемъ предыдущія звенья исторіи.

Меня интересовала вопросъ, не мертва-ли она, нужна-ли она? Да и да! Исторія помогаетъ намъ опредѣлить настоящее положеніе наше, помогаетъ узнавать народъ, — поэтому-то она не мертва и нужна.

На первый взглядъ, изученіе прошедшихъ событій, пожалуй, совершенно бесполезно, съ точки зрѣнія настоящаго. Это и меня немножко смущаетъ.

Къ чему намъ знать Наполеоновскія войны? Обстоятельно я не могу на этотъ вопросъ отвѣтить, надо подумать...

... А пока скажу, что въ Саратовъ пошли международные вагоны. Огромный плюсъ въ нашемъ положеніи. Надѣюсь, что съ Кіевомъ все устроится...

25 Января. Вчера вечеромъ пріѣхалъ папа изъ Петрограда. Политическихъ новостей онъ съ собой не привезъ, но за то — много для нашей семьи интересныхъ. Переводъ его въ Москву рѣшенъ окончательно. Больше того, при желаніи, этотъ переводъ можетъ быть немедленнымъ. Одна только бѣда: что большевики могутъ каждый день заняться страховыми об-

ществами... Въ правленіи рѣшено, въ такомъ случаѣ, работы не прекращать и остаться на мѣстахъ.

Большевики заняли, или почти заняли, по газетамъ, Кіевъ. Поэтому есть шансы, что черезъ недѣлку, полторы сообщеніе съ нимъ будетъ восстановлено, и тогда...

Какъ я устала отъ этой ненормальной жизни! Теперь остается только одно: ждать и ждать. Чего? Приѣзда ли Г-го, еще ли чего, но надо ждать пока; до тѣхъ поръ, какъ папа устроитъ свои денежные дѣла. А потомъ, будемъ что нибудь предпринимать.

Собственно говоря, я помирилась съ такой безалаберной жизнью. Другого не осталось, а это лучше, чѣмъ мучиться.

О занятіяхъ я думаю такъ: кончать въ гимназіи заниматься рано, кромѣ того, они пропускали изъ за событій, дома-же проходишь всегда больше. Даже предположивъ, что я начну заниматься только черезъ мѣсяць, мнѣ кажется, что, занимаясь много и упорно, я къ осени смогу поступить въ гимназію. Сравнительно съ происходящимъ, мои заботы о занятіяхъ могутъ показаться мелкими и смѣшными, но, мнѣ кажется, это не такъ!

Дѣло въ томъ, что, какъ-бы ни шли событія, что-бы ни случилось съ Россіей, — время будетъ итти. Пройдутъ годы. Я вырасту и, несмотря на все, вступаю въ жизнь. Что мнѣ для этого надо? Образование, ученіе.

То, что я сейчасъ пропускаю, зачтется мнѣ послѣ. Я хочу этимъ сказать, что занятія для меня — жизнь, большая часть моихъ интересовъ, и потому я такъ беспокоюсь объ ихъ судьбѣ.

И потомъ, все-же, свое „я“ — на первомъ мѣстѣ, а на фонѣ ужъ выступаютъ и событія, и все остальное. Своя частная жизнь затмеваетъ ихъ.

Здѣсь* мнѣ не удалось такъ уединиться съ дневникомъ, какъ въ Саратовѣ. Папа замѣтилъ, что я каждый день „усаживаюсь въ укромный уголокъ и пишу“.

Однажды, за чаемъ, онъ сказалъ, что замѣтилъ, и спросилъ не веду ли я дневникъ.

* Въ Москвѣ.

Что-то оборвалось внутри меня, и кажется, что я покраснѣла, какъ спѣлая вишня. Такъ не хотѣлось выдавать свою тайну. — Нѣтъ, — рѣшительно сказала я, но было поздно!.. Мое красное лицо выдало меня. „Такъ что-же?..“ съ отгѣнкомъ насмѣшки продолжалъ папа. — „Ничего, она сочиненія пишетъ,“ вступилась за меня мама. Часъ отъ часу было не легче. Потомъ, по мнѣ видно было, что папино предположеніе вѣрно.

Я закрыла пылавшее лицо руками. Всѣ, тетя, дядя, папа и мама, улыбаясь, смотрѣли на меня...

Я походила въ этотъ моментъ на неразумнаго ребенка, который наивно продолжаетъ защищаться и отгнѣкиваться отъ своей тайны, думая перехитрить взрослыхъ.

Нѣтъ, онъ даже не думаетъ этого, потому что знаетъ, что его тайна извѣстна, но, по глупому инстинкту, бессознательно, все же дѣлаетъ это. Но я знала, какъ смѣшенъ онъ въ этотъ моментъ. Съ какой снисходительностью глядятъ на него. И я рѣшилась! Все равно, все извѣстно, лучше дать отпоръ. По крайней мѣрѣ, мое достоинство останется при мнѣ, и не будетъ повода для насмѣшекъ.

— Да, пишу, — собравшись съ духомъ, сказала я, нѣсколько холодно (отъ досады, вѣроятно) и, отнявъ руки отъ лица, посмотрѣла въ глаза сидящимъ.

Они коротко разсмѣялись. Для нихъ это была чепуха, дѣтская тайна, выведенная на чистую воду. Они не знали, какую боль причинило мнѣ то, что мой дневникъ, самое заветное, что есть у меня, открыто...

И, сказавъ „да“, я почувствовала эту боль.

Боль, какую можетъ испытывать несчастный рабъ, отдавая своему господину то дорогое, что есть у него. Это — боль садовника, принужденнаго владѣльинымъ имъ цвѣтокъ срывать и отдать прохожему. Только тогда почувствовала я, какъ безко-

* Повзвѣвшая приписка Нелли.

нечно дорогъ мнѣ мой дневникъ! Да, онъ дорогъ мнѣ также и въ то время, какъ, полная новыхъ, интересныхъ впечатлѣній, я чувствую необходимость, потребность писать въ этой тетрадкѣ...

Однако, этимъ дѣло не кончилось.

— „Дай мнѣ его почитать“, шутя попросилъ дядя...

И мнѣ пришлось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ поддерживать этотъ шуточный разговоръ о томъ, о чемъ я могу говорить только съ близкими мнѣ по душѣ людьми. Эти минуты были самыя тяжелыя изъ всего разговора про дневникъ. Чѣмъ объяснить такое мое отношеніе къ дневнику?

У другихъ, — я не буду говорить о Юрѣ, пишушемъ что-то вроде дневника, — но возьму Раю,* — у нея этого нѣтъ. Она его никому не показываетъ, но всѣ знаютъ отъ нея, что она его ведетъ. И ничего!.. А я не могу такъ. Мнѣ больно о немъ говорить. И не знаю, отчего? Боюсь-ли насмѣшки? Ея не можетъ быть. Но всѣ не такъ, какъ я, относятся къ дневникамъ, проще...

Взрослые смотрятъ на нихъ насмѣшливо, какъ на дѣтскія сочиненія, т. е. подражаніе взрослымъ, что ли... Не всѣ, конечно, но въ общемъ. Дорогая, я знаю, серьезно смотреть на него. Тетя Анюта хорошо-бы посмотрѣла; Маня, мамина подруга; можетъ быть, Саша; Ира, но у нея примѣшалось-бы любопытство. И, все-же, съ ними я испытала-бы такое-же чувство обрыванія внутри...

А-а! Оно происходитъ отъ страха, какъ они отнесутся къ нему.

Для Раи, вообще, дѣтей-сверстниковъ (я подразумеваю болѣе глубокихъ и серьезныхъ), дневникъ не такъ дорогъ, скорѣе, они не такъ цѣнятъ въ немъ ту интимность, скрытость, которую цѣню я, и, поэтому, для нихъ не играетъ роли, будутъ ли знать про него или нѣтъ. А для меня эта интимность очень важна, и — поэтому — я такъ бережно отношусь къ нему.

Но отчего происходитъ эта интимность? Мнѣ кажется, отъ того, что я скрытнѣе ихъ, болѣе вошла сама въ себя. А почему я скрытна? Или (если человѣкъ родится готовымъ)

* Саратовская подруга.

— отъ природы, или — вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ?!.. Во всякомъ случаѣ, дневникъ — мое нѣжное и больное мѣсто.

Маленькій *post-scriptum*. Когда вчера говорили объ этомъ дневникѣ, мнѣ было куда легче слушать и говорить о немъ. Мнѣ кажется, это отъ того, что они уже раньше знали про это.

Однако, чувствую, что и другимъ было-бы мнѣ также больно открыть свою тайну. И, еще — вотъ что. Это желаніе интимности и тайны дневника происходитъ отъ того, что я сначала смотрѣла на дневникъ не такъ, какъ другіе. Ихъ взглядъ былъ проще. Мой-же — возвышеннѣе. Словомъ, мнѣ дневникъ казался чѣмъ-то, вродѣ святыни, тайны, недоступной для всѣхъ. Теперь я знаю, что такой взглядъ образовался у меня изъ за моей экзальтированности.

Какъ хорошо, что я себѣ все разъяснила!

А экзальтированность уже природная.

Да, я думаю, — я уже это говорила, — что человѣкъ рождается съ опредѣленнымъ складомъ ума, и воспитаніе можетъ только развить его наклонности, но не создать и не перемѣнить ихъ. Такъ-то такъ, да только, все-же, воспитаніе б-о-ольшую роль играетъ.

Предположить, развѣ, что ребенокъ рождается съ неясно намѣченными наклонностями, а воспитаніе доканчиваетъ ихъ развитіе. Одно несомнѣнно: и то, и другое, принимаетъ участіе въ построеніи характера, сердца и ума.

Пока, я могу только предполагать; когда-же выросту, хочется мнѣ заняться этимъ вопросомъ.

Словомъ, вопросъ этотъ я разрѣшить сейчасъ не могу: мало у меня знаній для этого. Какъ интересна человѣческая природа! Не та, что мы изучаемъ въ третьей части Трояновскаго, а болѣе глубокая, возбуждающая этотъ, и подобные ему, вопросы.

Кажется, нашла то, что удовлетворить меня. Вотъ оно что! Человѣкъ рождается съ опредѣленнымъ складомъ ума. Воспитаніе можетъ развить его, и выявить въ немъ новыя черты. Мнѣ кажется, что человѣкъ не рождается совершеннымъ ком-

комъ глины, изъ котораго можно слѣпить, что угодно, но, однако, и не глиной опредѣленной формы. Напримѣръ: умнымъ или глупымъ онъ рождается, но доброту можно развить, озлобленнымъ, злымъ, можно его сдѣлать, и. т. д. Подробности ничего не могу пока сказать.

Если-бъ я писала все, что у меня въ головѣ, то могла-бы писать еще и еще...

27 Января. Мнѣ вотъ что странно: когда нѣтъ у меня яркихъ ежедневныхъ впечатлѣній, я сажусь за дневникъ безъ желанія, или, точнѣе, съ желаніемъ, происходящимъ отъ привычки.

Дѣло въ томъ, что, мнѣ кажется, всѣ испытываютъ больше легкости писать, излагать тѣ мысли, которыя ихъ занимаютъ, чѣмъ просто думать о нихъ. И затѣмъ, дневникъ значительно облегчаетъ душу, когда она полна. У меня это, пожалуй, больше въ горѣ, чѣмъ въ радости.

Кто-же ведетъ дневникъ? Во первыхъ, очень многіе великіе люди; великіе „человѣки“, а не писатели, дѣятели и т. п. Но этого, конечно, мало. Я смотрѣла на простыхъ смертныхъ тоже: изъ тѣхъ, кого я знаю, вели дневники люди съ душой...

Одно останавливаетъ меня въ этомъ предположеніи... Почему Нина (кіевская) не ведетъ его?

... Она славная, очень славная дѣвочка, съ сердцемъ и душой, достаточно серьезная и глубокая, но... какъ-бы это сказать? Она создана въ самый разъ, въ мѣру. Въ ней есть и „фуфырство“, и глубина, и серьезность. Я могла-бы съ ней дружить, но не такъ, какъ съ Раей. Я эту средину очень цѣню въ людяхъ, и въ этомъ отношеніи Нина какъ разъ то, что надо... Она, даже, больше, нежели на половину, серьезна.

Такъ почему-же, все-же?... Я знаю, какъ она разсуждаетъ: „Къ чему, — говоритъ она, — буду я записывать то, что я чувствую, для кого? Для себя? Зачѣмъ это мнѣ?“...

У меня мысль о дневникѣ давно была. Она безсознательно появилась съ тѣхъ поръ, какъ я начала разбирать, анализировать свои чувства...

Нина чувствуетъ, но не задаетъ себѣ вопроса: „что я чувствую“, не анализируетъ. Вотъ почему она не пишетъ дневника.

Или, можетъ быть, пишутъ его тѣ, которыя обладаютъ хотя-бы небольшимъ самоувереніемъ. Кто анализируетъ, тотъ себѣ цѣну знаетъ...

Раньше, мнѣ было лѣнь писать, потомъ я собралась съ духомъ, и продолжала уже по привычкѣ. Отъ привычки сдѣлалась потребность въ яркіе дни, и привычка — въ сѣрые, какъ теперь...

29 Января. Произошла нѣкоторая перемена въ нашемъ политическомъ мірѣ. Приѣхала изъ Саратова Релли съ мужемъ и рассказывала, что красногвардейцы приходили ночью искать маму и насъ. Конечно, въ такомъ случаѣ, ѣхать туда, чтобы собрать лѣтнія тряпки, рискуя собственной, если не жизнью, то свободой, — не стоитъ!

Какъ быстро человѣкъ приспосабливается къ обстоятельствамъ! Казалось-бы, что положеніе наше не изъ приятныхъ, однако живемъ, ничего...

Но это къ лучшему. Что-бы мы дѣлали, если-бъ все, начиная съ такихъ вещей, глубоко задѣвало-бы насъ?!.. Да, это-то все — пустяки, а что, дѣйствительно, печально, и о чемъ серьезно можно волноваться, — это безпорядки въ Кіевѣ.

Столкновеніе между украинцами и большевиками происходитъ тамъ кровавое. По газетамъ судя, кварталы Крещатика — обломки. Лучшіе магазины города — разграблены, грабежи происходятъ и въ квартирахъ, всюду.

200 орудій обстрѣливали, а можетъ быть, обстрѣливаютъ городъ. Врываются въ квартиры, разстрѣливаютъ мирныхъ жителей. „Ужасы октябрскаго выступленія въ Москвѣ блѣднѣютъ предъ тѣмъ, что происходитъ тамъ“... Но, что меня успокаи-

васть, это то, что знаю, какъ преувеличиваютъ все газеты, и что это только общая картина, а, въ частности, это не такъ... Однако-же, были-же во время обстрѣла Москвы и жертвы, и обвалившіеся дома. Почему у насъ должно быть все благополучно?!..

И, въ глубинѣ души, я очень, очень боюсь за всѣхъ нашихъ. Даже больше, мнѣ все кажется, что съ ними что-то случилось. Но, относительно папы, когда онъ былъ въ Питерѣ, тоже казалось, а, однако, все съ нимъ обошлось благополучно...

Нѣтъ, право, не вѣрится. Магазины нашихъ родныхъ, домъ, въ той части Крецатика, которая разорена. А дѣдушка такъ боленъ, и — еще хуже — Ира должна на дняхъ родить; подъ пальбу-то, что съ ней, съ ребенкомъ можетъ случиться?!.. Какой для нихъ былъ-бы ударъ! Не надо! Не надо!..

.....

Да, тяжелое время приходится намъ переживать!.. Очень!.. Ну, да сказать по правдѣ, я-бы хотѣла пережить что-нибудь, что-бы осталось въ памяти. Но, чтобы отъ несчастій мнѣ и нашимъ быть застрахованнымъ, а то — лучше не надо!

А все-же, и у меня кое-что есть. Хорошо-бы сохранять газеты! Только я не могу такъ, съ мѣста на мѣсто переѣзжая. Чтобы что-нибудь въ памяти осталось!.. Хорошо, что дневникъ есть.

Я въ себѣ замѣтила одну черту: когда при мнѣ начинаютъ хвалить какого-нибудь ребенка за серьезность, развитость, за глубину, словомъ, за то, что я такъ цѣню въ себѣ, — я чувствую себя „не по себѣ“, не могу смотреть въ глаза говорящему. Мнѣ все кажется, что говорящій, хваля этого ребенка, хочетъ сказать мнѣ: „Вотъ видишь, ты не одна; много такихъ, какъ ты; не думай о себѣ, не воображай“... И у меня невольно въ душѣ готовится отвѣтъ: „Да я-же ничего не говорю, не думаю даже; я знаю, что я не единственная; что я не масса, но, что я не единица. Напрасный укоръ

вы мнѣ бросаете: я вовсе не думала, что такихъ, какъ я — итъ"... Словомъ, я, какъ будто, оправдываюсь.

Мнѣ нѣ въ чемъ, я знаю. Но, если это чувство совершенно безсознательно приходитъ ко мнѣ, — это не безъ причины. Значить, что-то въ глубинѣ есть. Это я знаю. Когда Юпитеръ сердится, — онъ не правъ. Тоже и здѣсь.

Что-же есть во мнѣ? Но придется вернуться нѣсколько назадъ и распространиться.

Тамъ, въ Саратовѣ, дѣйствительно, изъ всѣхъ знакомыхъ, только Рая и я были этого „лагеря“. Тамъ, правда, окружающіе были ниже насъ. Дѣтей своего уровня я не видала. У меня не было сознанія, что я единственная, но воспиталось другое, — что я выше ихъ.

Вотъ, въ этомъ и заключается главный недостатокъ жизни въ провинціи, маленькомъ городѣ: не видишь людей, и взгляды на самое себя становится одностороннимъ. Потому, я такъ люблю жить среди новыхъ людей: на нихъ глядя, себя узнаешь съ новыхъ, другихъ сторонъ, чѣмъ дома, — встрѣчаясь всегда съ одними и тѣми-же; а, живя въ столицѣ, — разнообразіе людей больше.

Даже, не столько людей, сколько фона окружающаго, а это тоже очень важно. Оттого-то, можетъ быть, и я дикарка такая, отъ этой жизни въ провинціи. Имѣя даже ограниченный кругъ знакомыхъ, но, живя въ столицѣ, выходить не то.

Ахъ, я довольна, что живу въ Москвѣ! т. е. буду жить съ осени. Но это къ дѣлу не относится.

Такой взглядъ былъ у меня раньше. Да, еще было то... — Это признаніе мнѣ многого стоитъ... Это полное отреченіе отъ стараго, отъ самаго сокровеннаго, но я привыкла быть откровенной съ собой, и потомъ, даже, если я не напишу этого, все-таки мысль-же, мысль останется и будетъ у меня.

Да, такъ вотъ оно что: — у меня было сознаніе, страстное желаніе, перешедшее въ сознаніе того, что я буду знаменитостью.

Оно бы л о! Сейчасъ, сейчасъ все разъясню.

Тогда я писала, что это не сознаніе, что я, даже, не увѣрена въ своихъ силахъ, что я сомнѣваюсь; что мнѣ кажется,

что это должно быть, но, что я сильно сомнѣваюсь въ себѣ... Сколько я мучилась!

Помню этотъ вечеръ съ Эрной... Все это заставляло меня считать себя выше другихъ.

А странно!.. У Рая есть это сознание, а она, какъ будто, проще меня. И не такъ скрытна; — но это не относится сюда, — она проще въ общеніи съ людьми.

Время шло. Это сознание, вѣрнѣе желаніе, дѣлалось меньше... А сейчасъ? Теперь оно не такъ сильно. Какъ разочаровалась-бы Рая, услышавъ это! Но оно — такъ.

Непріятно сознавать, что самое дорогое, завѣтное желаніе, что казалось такимъ большимъ, казалось всей жизнью, — поблекло, исчезло. Не то, чтобъ исчезло, — а... вотъ что...

Я попрежнему была-бы очень довольна, если-бъ могла быть писательницей. Какое было-бы счастье!

Только теперь это желаніе не такъ, какъ было раньше. Оно проще. Такъ хотятъ многіе. И Нина (саратовская), и другія. Нѣтъ!.. Все-же, не такъ.

Я была-бы безумно рада, если-бъ мнѣ сказали, что я талантлива. Но и Нина радовалась-бы. Почему я — по другому, чѣмъ она?

Словомъ, раньше это было единственное будущее, а теперь прибавились мечты о работѣ общественной, — начинаетъ духъ захватывать, — политической работѣ, на пользу русскому народу...

— Нѣтъ, я начала писать и, вдругъ, опять такъ захотѣлось! Но, все-же, теперь мое будущее не только на этомъ построено и, — что ни говори, — желаніе, мечта притаились. Можетъ быть, оттого, что не приходилось ее вызывать. Но, все-же, мнѣ кажется, что я попробую счастья на этомъ поприщѣ. Ахъ!..

Но хорошо, что желаніе это притаилось, я стала проще смотрѣть на другихъ. Я не единица. А чѣмъ я буду, — посмотримъ!

Съ какихъ поръ это стало, — не знаю. Но теперь только я поняла, что насъ, серьезныхъ, такихъ какъ и я, и лучшихъ,

много, и особеннаго это ничего не составляет. Можетъ быть, у меня есть что нибудь свое, особенное: мысли объ общемъ, мечты (пустота!), но у всѣхъ есть что нибудь свое.

30 Января. Какъ-же представляется мнѣ мое будущее, моя жизнь?

Опредѣленной картины у меня нѣтъ. Я знаю только, что моя жизнь не будетъ пуста и безсодержательна, какъ жизнь нашихъ „дамъ“. Но, что я буду дѣлать, я пока не рѣшила.

Однако, мнѣ хочется, и думаю, что я исполню это, принять участіе въ работѣ политической, народной. Больше всего, въ этой области, рисуются мнѣ картины моей будущей жизни. Мнѣ кажется, что очень важно просвѣщеніе, и на эту почву, думается мнѣ, будетъ направлена часть моей дѣятельности. Только часть!

Меня интересуесть столь многое, что мнѣ хочется все объять въ своей жизни. Что я буду еще дѣлать, — я не знаю.

Можетъ быть, — какъ было-бы хорошо! — буду писать.

Словомъ, — я не знаю. Одно ясно рисуется мнѣ въ будущемъ, это жизнь, полная занятій, дѣятельности и еще то, что я хочу принести пользу русскому народу, что я не остануь безучастной къ политической жизни страны.

Моя будущая жизнь — это мое заповѣдное мечтаніе. Мнѣ такъ хочется жить, „жить“ такъ, какъ я понимаю это слово, жить полной жизнью, не изо дня въ день, какъ большинство людей, а... я не знаю, какъ это сказать ясно, только моя жизнь мнѣ представляется не такой, какъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ. Она — движеніе, она — что-то свѣтлое, хорошее... И потому, когда я думаю о томъ времени, когда я буду жить, — въ душѣ моей что-то таетъ, духъ захватываетъ... И мнѣ становится хорошо, хорошо, я счастлива тогда, счастлива ожиданіемъ этой жизни, ея будущимъ, которое придетъ ко мнѣ...

До сихъ поръ люди всегда баловали меня, и я такъ привыкла къ этому, что, если въ гимназiи этого не будетъ, мнѣ будетъ не по себѣ.

Въ нашей дѣтской средѣ, съ малыхъ лѣтъ, я играла первенствующую роль. Потомъ выросла, поступила въ гимназiю, и тамъ тоже быстро заняла одно изъ первыхъ мѣстъ. Подъ вліяніемъ всего этого я цѣнила себя высоко. Другихъ дѣтей, равныхъ мнѣ по этому первому положенію, не было, я была одна, или почти одна. И я привыкла къ своему первому мѣсту. Вотъ почему, когда при мнѣ хвалятъ дѣтей, мнѣ становится неловко. Невольно. Но мнѣ кажется, что все-же я ни въ чемъ не виновата.

Я никогда не думаю, что я одна. Но почему, тогда, этотъ упрекъ? Онъ не можетъ быть безъ подкладки.

— Нѣтъ! другой причины я не вижу.

Я не хочу сказать, что въ гимназiи, на примѣръ, меня цѣнили даромъ, что въ этомъ дѣлѣ я — совершенно въ сторонѣ. Нѣтъ, это не такъ. Не даромъ! Я, правда, много работала по классу, въ журналѣ* за правиломъ была, но училась какъ всѣ... лучшія...

31 Января. Никакъ не могу про это кончить, а мнѣ-бы, вообще, не вредно было привести свои мысли въ порядокъ.

Сегодня, кажется, успѣю это сдѣлать.

Какими ничтожными кажутся эти интересы, какъ подумаешь о нихъ, но люди такъ обставили, загромодили нашу ничтожную жизнь, что часто изъ за всѣхъ этихъ преградъ не видишь того, какъ она ничтожна. Людскія преграды заслоняютъ свободное пространство неизвѣстной дали, и человѣку кажется, что онъ и его интересы — это все.

* Рѣчь идетъ о журналѣ, который издавался въ I-й Саратовской женской гимназiи ученицами того класса, въ которомъ училась писавшая этотъ дневникъ.

И когда интересы эти подходят и охватывают его, то сознание, — у кого оно есть, — своей ничтожности, становится delicate, и человекъ поглощенъ собой (или своими интересами, что тоже — онъ).

Такъ случилось и со мной. Уже нѣсколько времени, какъ я хочу пофилософствовать какъ разъ на эту тему, но мелкіе, вообще, и крупныя, для меня, интересы не позволяютъ этого.

Уже второй день, какъ я нахожусь въ напряженно-болѣзненномъ состояніи. Все утро мнѣ хотѣлось плакать, и было очень тоскливо, но потомъ, зная лѣкарство, я вышла походить.

Погода успокоила меня. Солнце такъ ласково свѣтитъ и освѣщаетъ все кругомъ, снѣгъ такъ блеститъ, что невольно забываются всѣ огорченія и настроенія. Ни о чемъ не думаешь, только чувствуешь, какъ, подъ вліяніемъ ласковыхъ лучей, и тоска, и слезы, все горькое, нехорошее, таетъ, и становится легко, легко!..

Потомъ пришла и съѣла за дневникъ.

... Это началось вчера. Въ обѣдъ (послѣ дневника уже), получилось письмо Г., что ѣхать въ Саратовъ мамѣ можно. Я обрадовалась, но папа сказалъ, что мнѣ ѣхать не зачѣмъ. Я, какъ будто, не очень огорчилась даже, и потому не поняла, почему что-то оборвалось внутри меня и испортило мнѣ настроеніе. Я перенеслась въ тотъ, другой міръ, безъ „общихъ“ мыслей, только съ чувствомъ.

Съ этого началось и шло до сегодняшней прогулки, — теперь прошло.

Въ такомъ настроеніи я совсѣмъ другой человекъ, чѣмъ всегда.

Во мнѣ живутъ двѣ Нелли. Иногда хочется знать, какая настоящая. И, если въ это время я въ „тмѣ“ міръ, мнѣ кажется, что — та, а въ этомъ, — тогда эта. На самомъ-же дѣлѣ, одна дополняетъ другую, и обѣ вмѣстѣ составляютъ меня.

Думала я пойти въ пятницу въ Художественный на „На всякаго мудреца довольно простоты“. Н-но!.. Съ театромъ

у меня всегда одна история: мнѣ кажется, что я не имѣю права просить на это денегъ, что это не хорошо... Не потому, что такая дороговизна... Это чувство было во мнѣ всегда, т. е. давно... И дома мнѣ всегда горько было. Т-ра и другія дѣвочки бѣднѣе меня, а ходять, и ходять часто. А я не могу. И надо, чтобъ желаніе было исключительно сильное, чтобы я попросила купить билетъ... Можетъ быть, это отъ того, что папа часто говоритъ о деньгахъ, о дороговизнѣ... Да, пожалуй, что эта неловкость просить билетъ, происходитъ оттого, что я себѣ говорю, что въ такое время нельзя себѣ позволять удовольствій, но скрытой, глубокой причиной этого сознанія являются разговоры наши. Кто въ нихъ виновать? Папа.

Я не могу понять, затѣмъ люди берегутъ деньги? На когда?..

Вѣдь, они умрутъ послѣ, а деньги только для жизни, какъ и все, но, все-же, изъ всего деньги — самое грубое, матеріальное.

Что такое деньги?

Условность, которую люди создали для удобства. Сами по себѣ онѣ не цѣнны; только по отношенію къ жизни, къ тому, что они даютъ. Зачѣмъ-же ихъ беречь, и въ вѣчномъ ожиданіи чего-то, лишать себя и удобствъ, и наслажденій, которые можно купить за деньги?

О, жалкіе, жалкіе люди — тѣ, которые берегутъ ихъ! Жалкіе!

Жалкіе тѣмъ, что не сознають того, что я сознаю, и придаютъ имъ значеніе. Бѣдные!..

Вчера за чаемъ зашелъ разговоръ о томъ, ѣхать ли мнѣ въ Саратовъ. Дорогая видѣла мое разстроенное лицо и думала, вѣроятно, что это отъ отказа въ поѣздкѣ. Можетъ быть, не сознательно, это и было отъ этого, но, сознательно, мое настроеніе я считала безпричиннымъ. Желая меня успокоить и, дѣйствительно, думая это сдѣлать, Дорогая сказала, что я тоже поѣду. Папа рѣзко, по обыкновенію, протестовалъ. „Скажи“, думалось мнѣ, „расходовъ жаль“! И папа

сказаль это. Но Дорогая настаивала, ссылаясь, что я ей нужна.

Кажется, что, въ концѣ концовъ, я поѣду. Папины слова про расходы глубоко задѣли меня. И я рѣшила, что я должна ѣхать, если я дѣйствительно нужна (мама говоритъ, что — да), но что, въ такомъ случаѣ, не надо мнѣ ходить въ театръ.

Я не знаю, почему это рѣшеніе созрѣло у меня. Вечеромъ я говорила съ мамой и убѣдила ее не покупать билетовъ. Но, какъ мнѣ хотѣлось итти!

Мое болѣзненное настроеніе только увеличивало это желаніе. Мнѣ казалось, что, попади туда, я буду счастлива... Я отказалась, поборола себя.

Но гдѣ-то, въ глубинѣ души, я вѣрила, что сегодня къ обѣду мама принесетъ билетъ, и мнѣ придется пойти, а съ другой стороны, мнѣ хотѣлось, хоть разъ, поступить по своему, принести въ жертву желаніе, чтобы то, отъ чего я отказалась, такъ и не пришло ко мнѣ, но я вѣрила... Мама пришла — безъ билета!..

Я опять пришла въ свое болѣзненное состояніе. Мнѣ было больно, больно... Потому прошло. Я-ли заставила пройти, оно ли само, но оно прошло, и я смотрю на это, какъ на совершившійся фактъ.

Надо отрѣшиться отъ старыхъ желаній и... надо умѣть, признавъ въ себѣ что-нибудь плохое, что нравилось намъ, надо умѣть отрѣшиться отъ этого. Это я сама себѣ говорю.

Кто-то, кажется Герценъ, сказалъ, что тому, кто не умѣетъ отрѣшиться отъ стараго, нечего надѣяться на свѣтлое въ будущемъ. Я не говорю, что я согласна съ нимъ. Только это поддерживаетъ меня въ томъ, что отрѣшиться надо!

(Къ вечеру). Такъ хочется писать сегодня, что я рѣшилась, даже теперь, когда все дома.

Опять зашелъ разговоръ о театрѣ, и тетя Эмма хотѣла, купивъ билеты, пригласить меня. Я была-бы такъ рада, если-бы

пошла. И теперь, когда прошло мое болѣзненное состояние, я не могу понять, почему-бы мнѣ не пойти. Наша семья отъ этого не разорилась-бы! Но, когда подумаешь о недовольствѣ...

Я вотъ все думаю, такъ ли сдѣлала-бы я, будь я самостоятельной?!

И выходить, нѣтъ!..

Будь деньги мои, — за нихъ отвѣчать мнѣ некому, кромѣ себя, и поэтому я могу себѣ позволить все, что мнѣ угодно. Но деньги — не мои. Не я зарабатываю ихъ, и потому я обязана сократиться, когда ихъ приходится тратить такъ много. Какая глупая вещь деньги! Бѣсится она меня, потому что, будучи такъ презрѣнны, онѣ такъ всемогущи.

Глупые люди, сдѣлавшіе такъ!!!.

14 (I) Февраля. Мама собирается меня отдать въ смѣшанную женско-мужскую гимназію; тамъ — мужская программа, конечно, и мнѣ придется много работать, чему я очень рада.

Но Дорогая говорила съ одной ученицей VIII-го класса этой гимназіи, которая сказала, что въ VI-ой мнѣ поступить будетъ слишкомъ трудно и надо держать въ V-ый. Дорогая, ничего... Но я, узнавъ про это, горько расплакалась. Мнѣ было обидно быть опять въ V-омъ. Но я чувствовала, что это былъ только предразсудокъ, что V-й мужской въ Москвѣ — въ Саратовѣ VI-ой женскій, что года я не потеряю, такъ какъ здѣсь 7 классовъ, а потомъ — безъ экзаменовъ въ университетъ.

Только мнѣ было обидно самое слово: „пятый“...

Рая — въ VI-мъ, а я въ V-мъ. Но въ душѣ я уже рѣшилась, отреклась отъ этого предразсудка; только, мнѣ было обидно, и потому я ревѣла. Но я была и есть довольна, что отрѣшилась отъ этого предразсудка, побѣдила его. Эта сила во мнѣ меня порадовала. Сама гимназія мнѣ очень нравится,

и я уже мечтаю, какъ я буду учиться тамъ. Будутъ мальчики знакомые, больше товарищи; съ хорошими, простыми отношеніями. У нихъ — кружки разные. Преподаютъ приватъ-доценты. Старосты выборные для связи съ начальствомъ. Все это очень хорошо, прекрасно, и безумно мнѣ нравится. И я буду очень довольна, если поступаю туда. Можетъ быть, удастся мнѣ и въ VI-ой, это было-бы прекрасно. Работы я не боюсь и думаю осилить. Тогда было-бы дивно, только врядъ-ли выгорить дѣло. Вѣроятно, я все-же поступаю въ V-й. Ну ничего! Зато — какая гимназія!!..

Вы знаете, что я рѣшила? Мнѣ кажется моментами, что я стала равнодушнѣе къ папѣ... — Когда онъ пріѣзжаетъ откуда нибудь, это другое дѣло, а такъ... ничего!

Эта мысль испугала меня, когда пришла въ голову, и я думаю, лучше не останавливаться на ней, чтобы не раздуть ее писаніемъ. Пусть она лучше будетъ въ глубинѣ души...

Я знаю, что я, большей частью, непривѣтлива, хмура и сурова съ нимъ. До сихъ поръ, я заставляла себя быть другой... — „Все таки — папа, не хорошо,“ говорила я себѣ; а теперь думаешь: „къ чему“?! Вотъ, чѣмъ эта мысль опасна. Можетъ быть, мнѣ это только кажется, можетъ быть, это — только временное чувство, когда я бываю такъ высоко раздражена, что замѣчаю всякіе пустяки.

Во всякомъ случаѣ, предаваться ему не годится, его слѣдуетъ забыть и быть ласковой и привѣтливой. И мнѣ это удастся безъ большого усилія.

А почему надо быть привѣтливой?! Этотъ вопросъ задать умъ, логика, но сердце, по общечеловѣческой рѣчи, не согласно и говорить, что — надо! Если я буду доказывать сама себѣ „почему“, доводы мои не удовлетворяютъ меня, но сердце будетъ говорить свое, а я больше ему довѣряю въ такого рода вопросахъ.

17 февраля. Пріѣхалъ Г. На дняхъ мама съ нимъ ѣдетъ въ Саратовъ. Я остаюсь. С. А. говоритъ, что не стоитъ мнѣ

ломаться въ дорогѣ; папа противъ поѣздки; мама можетъ безъ меня обойтись. Все это очень пріятно.

Жаль немного, что я не ѣду. Дамъ ко всѣмъ письма. Классу. Прошу номеръ журнала на память. Я вправѣ. Столько работала въ немъ. Думаю, дадутъ...

.....

Нѣтъ, лучше не думать о томъ, что я писала въ послѣдній разъ. Быть можетъ, это — ошибка. Быть можетъ, я люблю, но не сильно, а, можетъ быть, нѣтъ. Но когда я не думаю, я могу безо всякаго усилія быть, по крайней мѣрѣ, ровной въ обращеніи. А когда думаешь, — мысль, что я притворяюсь, что, на самомъ дѣлѣ, никакого чувства нѣтъ, — меня мучить, и мнѣ становится страшно, страшно. Не думая, легче! И потомъ, когда я въ обыкновенномъ настроеніи, я ничего особеннаго не замѣчаю. И тогда кажется, что все хорошо, не углубляешься...

Это тяжело. Увы! папа чуждъ мнѣ, совершенно чуждъ.

И чѣмъ я становлюсь старше, тѣмъ это замѣтнѣе! Онъ — родитель, но не отецъ...

А все-же, вѣдь, папа — хороший человекъ, т. е. въ немъ есть хорошее. И, вообще, — нѣтъ людей совсѣмъ плохихъ. Въ каждомъ есть что-нибудь хорошее... Вотъ, я не люблю его за его непониманіе... Но всегда этого чувства нѣтъ у меня. Иногда мнѣ жаль его. Глубоко!..

Вотъ, потому-то я и говорю, что въ душѣ каждаго есть что-нибудь свѣтлое. Странно: почему-же люди тогда плохіе?

А, можетъ быть, ихъ можно всегда за хорошее брать? Только за него? Всегда, нѣтъ! Но открыть это хорошее мы должны. И цѣнить его. И не осуждать людей. И это хорошее помнить.

Осуждая человекъ, вдругъ видишь въ немъ что-то хорошее. Какъ-же осуждать тогда? А плохое все-таки плохо! Какъ-же?..

Отвѣтить можетъ только жизнь.

Зато, мы съ Дорогой понимаемъ другъ друга!..

18 февраля. Была я вчера въ Художественномъ Театрѣ на Гамсуновской пьесѣ „У жизни въ лапахъ“...

Какая постановка! Какая игра! Этотъ 3-й актъ въ гостищицѣ... А-а! Такого удовольствія я, право, не получала. Настоящее, художественное удовлетвореніе.

Но 3-й актъ!.. Онъ лучше всего. Какая красота! А — „милости просимъ“... А негръ, какъ истуканъ, стоитъ... „Я принесъ Вамъ самого себя“... Да, что слова!.. Это тогда, во время дѣйствія, восторгъ обуреваетъ душу; забываешь, что это сцена, и живешь, живешь!..

А качаловскій голосъ! Въ „Горѣ отъ Ума“ онъ безподобенъ, говорятъ... Но, что теперь! Впечатлѣніе тогда, а воспоминаніе блѣдно, т. е. слова, когда его выразить хочешь.

Ахъ, какая, какая красота!..

Во время 2-го акта я почувствовала, какъ дыханіе захватываетъ у меня, и медленно, медленно яркая мысль озаряетъ меня и заставляетъ содрогаться: „Они играютъ такъ, играютъ, представляютъ! И такъ чудесно, такъ жизненно! И это только игра... игра... представленіе!“ Вы понимаете, эта мысль хотѣла мнѣ сказать, что игра, представленіе такъ чудесны. Игра!..

А про 3-й— и говорить нечего. Я все время сидѣла очарованная... Вотъ, будемъ жить въ Москвѣ... О, тогда я буду часто, часто наслаждаться... Мнѣ кажется, что лучше и быть не можетъ театра.

О, я далеко ушла отъ саратовскаго восторга. Теперешній спокойнѣе и полнѣе, я думаю. Тамъ я восторгалась пьесой, а здѣсь — театромъ, постановкой, всѣмъ... А артистами почему восторгалась? Это были первые хорошіе, которыхъ я видала, а съ моей экзальтированностью!.. Здѣсь этого не будетъ. Здѣсь я отъ всего въ восторгѣ.

Вчера, во время спектакля, мнѣ ужасно захотѣлось поступить въ школу при Художественномъ. Такъ захотѣлось!.. А почему-бы и нѣтъ?! Развѣ нельзя поступить и на курсы, и въ театральную школу? Я знаю примѣръ. Мнѣ будетъ тогда

18—19 лѣтъ. Я буду такъ молода. Развѣ я не могу проучиться тамъ нѣсколько лѣтъ?! Если я не совсѣмъ бездарна, конечно. Я такъ люблю театр! Вѣдь, можетъ быть-же? Конечно, только въ этомъ случаѣ я буду учиться. Я не говорю, что я буду играть на сценѣ: одной этой жизни мнѣ мало, но у меня, въ 18 лѣтъ, она будетъ вся впереди, и, если я нѣсколько лѣтъ поучусь въ театральной школѣ, я ничего не потеряю. А тамъ, посмотримъ! Пойти на сцену? Играть какъ они? Да, это — счастье. Только этого мало мнѣ... Вмѣстѣ съ другимъ.

Что-бы мнѣ хотѣлось имѣть, такъ это альбомъ Художественнаго Театра. Тамъ снимки всѣ, исторія театра, артистовъ... Когда все успокоится, надо будетъ приобрести его. Теперь — нельзя. Поглядѣть-бы хотѣлось.

Будущее... Я писала, что съ радостнымъ трепетомъ думаю о немъ. Постарайтесь понять, что я скажу.

Радостный трепеть овладѣваетъ мной, когда я гляжу въ даль; туда, поверхъ домовъ, города, людей, туда, гдѣ все — ясно, все — солнечно... Тогда мнѣ кажется, моя жизнь будетъ другой, чѣмъ общая, будетъ свѣтлая, интересная.

И такъ хорошо тогда! Скорѣй-бы только, думаешь! Но это въ дали...

А я умѣю еще глядѣть по другому, взгляды мой дѣлается ниже, онъ смотритъ проще, и странную картину онъ видитъ...

Я вижу тогда молодыхъ дѣвушекъ, такихъ, какой я буду года черезъ три—четыре. Онѣ живутъ, эти дѣвушки, живутъ какъ всѣ, живутъ изо дня въ день, ожидая чего-то. Живутъ сѣро, скучно... А, вѣдь, навѣрное и онѣ мечтали жить свѣтлой, хорошей жизнью, и онѣ смотрѣли въ золотую даль... А теперь?!.. Гдѣ она у нихъ, эта даль золотая?.. Не дошла онѣ... И можно ли дойти? Есть ли она? Или только она въ мечтахъ?

Не я-же одна мечтаю? И онѣ? Такъ и я буду жить, по канвѣ рутинной?.. Ожидая кого-то?..

Ничего не будетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Страшно мнѣ, страшно! Не хочу! Дайте даль золотую! Жить полной жизнью, всѣми силами души!..

А давно не писала я такъ!.. Когда вырасту... О, тогда я испробую.

И, если съумѣю, если будетъ во мнѣ искорка священная... А иные вѣрятъ въ меня! Какъ это пріятно!

Сейчасъ мнѣ кажется, что желаніе умѣть писать такъ велико, такъ сильно у меня ...

Сейчасъ оно только притаилось, потому что атмосфера другая.

А правда, почему моя жизнь должна быть другой, чѣмъ у дѣвушекъ, о которыхъ я писала? Когда я думаю объ этомъ, мнѣ становится страшно. Что-же будетъ тогда? Что будетъ съ моими мечтами?

Нѣтъ, онѣ цѣлы, цѣлы, мои мечты, никому не отдамъ ихъ ...

Собственно, о чемъ я мечтаю, что вижу я въ „золотой дали“? О какой полной и свѣтлой жизни думаю? Что въ ней, какая она? Я не знаю.

Только одно знаю, что она должна быть свѣтлой и полной, только яркой и солнечной ...

Ну, вотъ. Такъ-такъ!.. Дѣти, подростки, всѣ, навѣрное, такъ думаютъ о своей будущей жизни, всѣхъ манить, всѣхъ прельщаетъ она.

А, когда проходитъ время, мечты исчезаютъ, довольствуешься настоящимъ. И не то, что довольствуешься имъ, а счастлива, вполне счастлива, разъ мечты исчезли. И живутъ они, эти мечтатели, живутъ, какъ всѣ... Потомъ умираютъ... Рождаются новые ... Ну, это область другая. Да, такъ вотъ! Мечты сами по себѣ исчезнуть. А скорѣй-бы жить, — чтобы знать, что будетъ со мной?!?..

Если-бы всѣ знали это, вырастая, если-бы всѣ имѣли опредѣленный планъ жизни, — люди были-бы дѣльнѣе; особенно женщины; онѣ не ждали-бы чего-то ... неопредѣленнаго ... что, неизвѣстно откуда, придетъ къ нимъ ...

20 Февраля. Мама вчера уѣхала въ Саратовъ; черезъ недѣлку прїѣдетъ съ вещами, письмами, и тогда мы поѣдемъ въ Кіевъ.

Я опять начинаю испытывать какую-то пустоту, недовольство своей жизнью, неудовлетворенность, недоумѣніе передъ ея значеніемъ. Зачѣмъ я пишу дневникъ? Чувство это смутно, смутно во мнѣ, и я сама даю ему опредѣленіе, но все-же мнѣ кажется, что это такъ.

И еще мнѣ кажется, что, если жизнь полна и занята, такія мысли не приходятъ въ голову: для нихъ нѣтъ времени. И оно лучше ... И лучше, и хуже ...

(Вечеромъ). Объ этомъ смутномъ чувствѣ ... я поговорю или послѣ, если успѣю, или въ другой разъ. Эти вопросы — самая глубь моихъ ежедневныхъ впечатлѣній.

А такъ, я начинаю обычно съ верховъ, потому что они являются яркими; до глубины очередь и не доходитъ. И потомъ, я полусознательно, т. е. немного съ намѣреніемъ, избѣгаю о нихъ думать: слишкомъ много сомнѣній возбуждаютъ они. Къ тому-же, сейчасъ у меня этого смутнаго чувства нѣтъ, а о немъ надо писать, когда оно есть.

.....
За все время войны я только два раза очень интересовалась событіями, т. е., не машинально слѣдила за извѣстіями газетъ, а съ нетерпѣніемъ ждала и читала ихъ. Можетъ быть, были и кромѣ этого случаи, но, во всякомъ случаѣ, болѣе мелкіе ...

Еще одинъ: во время октябрьскаго переворота 1917 г. и событийъ въ Саратовѣ ... Остальные два случая: во время первыхъ дней революціи, самыхъ первыхъ событийъ, и теперь.

Меня очень трогаетъ вопросъ о мирѣ, и я съ нетерпѣніемъ жду его разрѣшенія, которое, кажется, не замедлитъ совершиться.

Передъ нами — двѣ перспективы: во первыхъ, — сепаратный миръ съ Германіей, во вторыхъ, — продолженіе теперешняго положенія, т. е. продолженіе германскаго нашествія съ очень

малозначительнымъ, а фактически — безо всякаго съ нашей стороны сопротивленія.

Мнѣ кажется, что говорить и имѣть въ виду позоръ, подлость совершающагося, не стоитъ! Послѣ всего, совершеннаго Россіей по отношенію къ союзникамъ, что значить сепаратный миръ? Развѣ, со времени воцаренія большевиковъ, мы принимали какое-либо участіе въ войнѣ? Отвѣтъ ясенъ — нѣтъ! По моему, сепаратный миръ неожиданностью ни для кого не окажется. И такое замѣтное событіе должно пройти незамѣченнымъ, какъ въ былыя времена — паденіе Западной Римской Имперіи.

Конечно, въ союзныхъ странахъ газетчики будутъ громко выкрикивать это, а обыватели — поспѣшно покупать газеты, но дипломаты давно подготовлены къ этому.

Нѣтъ! Они будутъ подготовлены, но, все-же, это явится ударомъ ... Что-же касается моихъ словъ о позорѣ, ихъ необходимо разъяснить себѣ.

Да, да! Сепаратный миръ позоренъ, очень позоренъ, но мнѣ кажется еще болѣе позорнымъ жить подъ германскимъ кулакомъ!

Это говорить мнѣ мое непосредственное чувство, а что разумъ скажетъ разсужденіемъ, не знаю и это хочу выяснить.

Въ смыслѣ международныхъ отношеній, что лучше: заключеніе сепаратнаго мира или война, хотя-бы и такая жалкая, какъ наша? — Конечно, второе.

Въ концѣ концовъ, если послѣ сдѣланнаго мы будемъ продолжать войну, измѣнится-ли отношеніе къ намъ союзниковъ?

Вѣдь, эту войну мы проиграли, и презрѣніе къ намъ также будетъ передаваться изъ потомства въ потомство. Но морально мы, все-же, не такъ низко падемъ, пожалуй.

Признаю ли я, вообще, позорность сепаратнаго мира? —

Да, онъ очень позоренъ, и я возмущалась-бы въ высшей степени, если-бы его раньше хотѣли заключить, когда шла мало-мальская война. Но теперь — поздно глядѣть назадъ. Что будетъ изъ того, если мы будемъ продолжать войну съ германцами, т. е. не войну, а, если мы позволимъ имъ продол-

жать свое гнусное нашествіе?! Мы лишимся большой территории, мы лишимся свободъ, мы будемъ подъ властью Германіи, мы будемъ ея рабами.

Эта мысль взрываетъ меня!

Лучше власть большевиковъ, чѣмъ германская.

Это представляется мнѣ верхомъ ужаса и позора.

Чтобы какіе-то „фоны“ стояли во главѣ управленія, а германскіе шудманы — на углахъ, чтобы они распоряжались нами?!..

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!.. Ихъ власть для меня хуже всего. Что-же дѣлать, чтобы отъ нея избавиться? Можемъ ли мы воевать? О, какъ-бы я хотѣла, чтобы партизанской, народной, какой угодно войной мы освободились отъ этихъ гадовъ. О, почему я не могу принять участія въ созданіи арміи! Почему мы такъ несчастны, такъ темны, что очутились въ этомъ безпросвѣтномъ положеніи!

О, бѣдная, бѣдная Россія!! Несчастливая! Какъ-бы помочь тебѣ? Какъ-бы вывести изъ этого ада?

Да, я хочу чтобы миръ не былъ подписанъ, если будетъ продолжаться война, фактически продолжаться.

А, если нѣтъ? Намъ остается одно тогда ... сепаратный миръ. Онъ позоренъ, онъ безчестенъ, но онъ спасаетъ отечество, мы не увидимъ германцевъ у себя въ столицахъ. Врагъ не пойдетъ дальше. Да, я лучше хочу такого мира, чѣмъ безпрепятственнаго завоеванія Россіи германцами.

Это безсознательное желаніе пугаетъ меня, потому что оно безчестно, съ одной стороны, но заставить себя мыслить по другому я не могу. Что меня сильно, очень сильно смущаетъ, это то, что мое желаніе безчестно, т. е., собственно говоря, что оно согласуется съ лозунгомъ большевиковъ, который всѣ признаютъ невѣроятнымъ. Это противъ общественнаго мнѣнія, которое, увы, я такъ цѣню въ данномъ случаѣ. То есть, я только предполагаю, что, поѣтому, оно меня смущаетъ ...

Троцкій писалъ, что вынужденный тяжелой разрухой сепаратный миръ оказался необходимымъ.

Это заявленіе — наглая ложь: большевики все время стремились къ миру, хотя-бы сепаратному. Конечно, было-бы лучше, если-бы мы продолжали войну, хотя-бы ту, что вели при Временномъ Правительствѣ. И тогда я возмущалась мыслью о сепаратномъ мирѣ...

Много темнаго для меня въ этомъ, и много придется подумать.

21 Февраля. У меня сейчасъ такое хорошее, хорошее настроеніе: спокойное и радостное. Хочется мечтать о хорошемъ, о радостномъ. Хорошо! Хочется жить у себя, хочется видѣть своихъ, кievскихъ...

Въ одной изъ сегодняшнихъ газетъ есть сообщеніе, что большевистскія реквизиціи въ Кіевѣ обрушились и на нашихъ... Нехорошо. Но меня больше волнуетъ мысль о безпокойствѣ, которое причинили дѣдушкѣ. Вѣдь, онъ — боленъ...

Богъ дастъ, скоро устроимся и будемъ всѣ вмѣстѣ. Если-бы было все хорошо, спокойно!

Съ осени мы окончательно устраиваемся въ Москвѣ, а такъ, кто знаетъ, что будетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы уѣхали изъ Саратова, событія стали сильно задѣвать нашу семью: бывало раньше, наша жизнь — особъ статья, а они гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ, а теперь — никакъ не могу отдѣлаться отъ чувства общности съ событіями.

Проклятые германцы! Не дадутъ они еще намъ въ Кіевѣ жить. Когда все это кончится, чѣмъ? Безконечны страданія Россіи... Люди строятъ предположенія, но это ровно ничего не значитъ, мы ничего не знаемъ. Скорѣй-бы намъ устроиться! Зажить! О большемъ, чѣмъ о Кіевѣ, я и не мечтаю. Слава Богу, теперь все-же оно ближе. Мама пріѣдетъ изъ Саратова, и мы поѣдемъ. А, что дальше будетъ, — посмотримъ. Съ Кіевомъ сообщеніе налаживается; ко времени нашего отъѣзда, надѣюсь, будетъ совсѣмъ сносно.

Сегодняшнія газеты рѣшительно ничего не принесли. Германцы продолжаютъ наступленіе. Отвѣтъ изъ Берлина

еще не полученъ. Можетъ быть, вечернія скажутъ что-нибудь новое.

Я опредѣлила свое мнѣніе и знаю, чего хочу, а чего нѣтъ. Я не хочу попасть подъ германскій кулакъ и предпочитаю, чтобы продолжалась власть большевиковъ.

Самое большее, чего я хочу, чтобы продолжалась, вѣрнѣе началась, война съ Германіей. Пусть всѣ мужчины будутъ призваны, пусть гибнуть тысячи людей еще, но пусть Россія будетъ спасена. Но это — невозможно! Нѣтъ власти, чтобы заставить людей идти на фронтъ. Что-же остается? Или сепаратный миръ, или завоеваніе Германіей? Развѣ можно назвать теперешнее состояніе войной? Вѣдь, съ Германіей никто не воюетъ. Они приходятъ и берутъ.

Окружающіе меня радуются германскому нашествію, надвѣясь на порядокъ. Меня это не радуетъ, а глубоко печалитъ... Я писала, что хочу мира, сепаратнаго мира. Хочу его, чтобы не быть подданой Германіи; а, можетъ быть, здѣсь примѣшивался шкурный, личный вопросъ?! Можетъ быть, я хотѣла его, потому что тогда мы съумѣемъ проѣхать въ Кіевъ?! Нѣтъ, этого не можетъ быть. И, вотъ, почему.

Я не хочу германскаго завоеванія, чтобы не быть вынужденной жить подъ ихъ властью. И только. Это было ближе ко мнѣ, больше касалось меня, а сепаратный миръ — дальше, и потому онъ не ужасалъ меня, не пугалъ...

Это было вчера. А сегодня?!.. Я не хочу жить подъ германской властью. Вотъ мое желаніе, сильное, очень сильное. Когда я это сказала, С. А. спросилъ: „Ты патриотка?“ Не знаю, мнѣ казалось, что особенно — нѣтъ; но, если это такъ называется, — да!..

Да, такъ сепаратный миръ представлялся самымъ близкимъ выходомъ изъ этого положенія, и потому я желала его. А сегодня? Сейчас! Всего два положенія представляются мнѣ на выборъ, только два положенія возможныхъ, только два: сепаратный миръ, германское нашествіе безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны.

Чего-же я хочу? Ха-Ха! Это то-же самое, что предложить

ребенку: какимъ прутомъ высѣчь тебя, березовымъ или ивовымъ? Я ничего не хочу; ни того, ни другого.

Но съ нашествіемъ германцевъ мы погибнемъ совершенно, съ сепаратнымъ миромъ?.. О, какое униженіе, какой позоръ, какія унизительныя условія... Нѣтъ! Его принять это... это — гадко, скверно, отвратительно, унизительно. Это невозможно.

А германское нашествіе лучше? А медленная смерть съ сопротивленіемъ лучше? Лучше, лучше! Если-бъ только у насъ была Армія, гордая духомъ, крѣпко спаянная однимъ желаніемъ — спасти отъ когтей хищника родное гнѣздо, мы могли-бы бороться, выбора не было-бы. Мы должны были-бы бороться... И почему Германія побѣдила-бы? У насъ есть союзники. Они-бы помогли намъ. Если-бы только повторилось время Минина и Пожарскаго, если-бы всѣ, забывъ свои распри и ненависть къ теперешней власти, если-бы всѣ дали свое имущество, все до копѣйки, государству, выборной организаціи своей, и сами пошли-бы... Мы могли-бы бороться! Мы боролись-бы!.. Эхъ... если-бъ было не такъ, какъ есть... Нѣтъ, это невозможно. На 100 человекъ едва наберется 2—3 мыслящихъ, какъ я, а остальные рады плавненію отчизны. Я не знаю, почему и за что люблю родину... Нѣтъ, этого я не знаю, почему боюсь нашествія германцевъ и ненавижу ихъ. Можетъ быть, это — любовь... Но я знаю, почему другіе всѣ радуются. Слишкомъ много страдали они за послѣднее время; слишкомъ много вынесли отъ большевистскаго правительства; имъ нуженъ порядокъ. А германцы дадутъ его. Это фактъ. А больше имъ ничего не надо, ничего!.. Ихъ ненависть, равнодушіе и желаніе понятны, но можно ли ихъ оправдать?! Нѣтъ это взглядъ шкурный, узкій, оправдать его нельзя. Хотя понять — можно. Они виноваты, но вина ихъ уменьшается обстоятельствами...

Взяты Минскъ, Луцкъ, Двинскъ... Сопротивленія почти нѣтъ... Московскій Совѣтъ противъ сепаратнаго мира. Есть слухи о всеобщей мобилизаціи.

Меня очень радуетъ мнѣніе Совѣта и мобилизація; однако, этотъ слухъ уже опровергался.

Тяжело, очень тяжело. Какъ могла я хотѣть сепаратнаго мира? Это, вѣдь, ужасный позоръ! Большевики пишутъ, что, какъ ни тяжелъ этотъ миръ, они принуждены подписать его, чтобы спасти родину отъ окончательной гибели. И, вотъ, это меня смущаетъ. Сильно смущаетъ. Что будетъ безъ сепаратнаго мира? Побѣда — очень сомнительна. У нашей арміи, предполагая, что она будетъ существовать, не будетъ бодрости духа, внутренней, нравственной спайки. И такъ, я беру случай продленія несчастной для насъ войны. Несомнѣнно, что Россія погибнетъ, будетъ побѣждена Германіей. Такъ! Возьмемъ борьбу съ сопротивленіемъ съ нашей стороны. Мы тоже гибнемъ. Но, все-же, мы не совершимъ подлости, окончательной и самой сильной, все-же, про насъ не будутъ говорить, что мы предали союзниковъ, отступились отъ своего слова. Правда, что и такъ не мало гадостей совершили мы, но, къ счастью, союзники, судя по заявленіямъ ихъ дипломатовъ, умѣютъ различать, что совершили мы, народъ, русскіе вообще, и что сотворено большевиками. И, если мы соберемъ всѣ свои силы и начнемъ наступать, — они оцѣнятъ это.

Но пассивность русской интеллигенціи не забудется, она ляжетъ пятномъ, чернымъ, грязнымъ пятномъ на нее . . .

Да, тогда нашъ позоръ не будетъ такъ великъ, но мы погибнемъ . . .

А, если будетъ заключенъ сепаратный миръ, мы опозоримся на вѣки, и отступленіемъ отъ слова, и своимъ униженіемъ, но мы будемъ живы; Россія, хотя и уменьшенная, но будетъ существовать . . .

Вотъ дошла я до этого туманнаго и мучающаго меня, когда я о немъ думаю, вопроса.

И „Одинъ въ полѣ не воинъ“ виноватъ въ этомъ. Слова Лео о необходимости исключить правила нравственности, возбуждали во мнѣ это сомнѣніе. Если-бы ихъ сказалъ не Лео, а кто-нибудь другой, я, можетъ быть, не обратила-бы на нихъ такъ много вниманія, но въ устахъ Лео они пріобрѣтаютъ еще большій вѣсъ. Онъ оказываетъ нѣкоторое давленіе на меня, и потомъ, часть моего ума говоритъ: „да“, соглашается съ нимъ, а обратнаго противовліянія нѣтъ. И ничто не говорить :

„нѣтъ“, такъ рѣшительно, какъ сказала Лео „да“. Что мнѣ дѣлать? Что считать за правду?!..

23 февраля. Какъ хотѣлось мнѣ вчера пописать! Какъ тосковала я по дневнику! Но никакъ не могла. Сегодня никого нѣтъ дома, и, потому, я могу использовать это время. Если я взволнована, огорчена, ничто не успокаиваетъ, какъ дневникъ. Если я сильно радуюсь, — во время писанія — радость успокаивается, сглаживается.

Словомъ, дневникъ мнѣ сталъ необходимъ.

Вчера было скверно у меня на душѣ, да и сегодня съ утра не лучше. А потомъ, когда я заигралась съ дѣтьми, это прошло; и то страшное, мрачное, что начало овладѣвать мной, ушло въ пространство... съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ вернуться.

Начинается это тогда, когда читають газеты. Читають про то, что нѣмцы все ближе и ближе, что миръ на позорнѣйшихъ условіяхъ, того и гляди, будетъ подписанъ; что завтрашній день готовитъ намъ новые ужасы, которые поглотятъ насъ; ужасы, покрывающіе все мракомъ неизвѣстности и страха.

Да! Въ такія минуты ничего, кромѣ мрака, кромѣ страшной, черной бездны, безпросвѣтной, бездонной, не видишь...

Въ такія мгновенія руки опускаются, ужась и тоска окочиваютъ душу, и хочется забыть про все это, забыть про весь міръ, представляющей такой кошмаръ. Но забыть не приходится, а мракъ все ближе и ближе, все плотнѣй окутываетъ меня, и нѣтъ выхода... Нѣтъ его!..

Тогда мнѣ кажется, что я понимаю безчисленныхъ мучениковъ своей души, рѣшившихъ лучше кончить съ жизнью, чѣмъ жить въ этомъ аду...

Потому, что адъ въ душѣ и тоска, безумная тоска. Я испытываю то, что чувствуетъ, думаю, птица, неожиданно попавшая въ силки. Бьется, бѣдная, отъ одной стороны къ другой, и

вверхъ, и внизъ, но нѣтъ выхода! А она не можетъ еще опомниться, не можетъ понять, что воля ея кончена... Бьется птичка, бьется, и побѣжденная сильнымъ человѣкомъ, въ отчаяніи, въ безсиліи, смиряется, безропотно отдавшись въ его волю.

Такъ, тѣ люди, которые не выдержали безумной борьбы съ самими собой, покончили съ жизнью, покончили съ кошмаромъ.

Я не знаю, можно ли изъ написаннаго понять мое состояніе въ такія минуты. Только, тогда я ужасно страдаю, тоскую и хочется кончить все это...

Но все-же тоска не такъ безредѣльна, чтобы я рѣшилась на этотъ шагъ. У тѣхъ, у погибшихъ, она, вѣроятно, была больше и продолжительнѣе, можетъ быть, непрерывнѣй...

Да, да, тяжело, очень тяжело!.. Когда читаютъ газеты, тогда все происходящее становится близкимъ, и мелкіе интересы, въ другое время защищающіе насъ отъ этого ужаса, меркнутъ, и выступаетъ то большое, огромное, и давитъ своей тяжестью.

Что будетъ? Что еще будетъ?.. Когда все это кончится? Или — оно безъ конца?..

А-а-ахъ!!

Пройдутъ вѣка, мы истлѣемъ, но наши горести перейдутъ въ радости для потомства, миръ настанетъ на землѣ. Что-то въ этомъ родѣ сказала Чеховъ въ „Трехъ сестрахъ“...

Какъ, иногда, вдругъ поймешь, поймешь до самой глубины, всѣмъ сердцемъ поймешь!.. Что мучитъ меня въ такое время? Мучитъ все происходящее, которое тогда съ пугающей ясностью открывается мнѣ. Мучитъ то, что впереди только то же ужасъ, тотъ-же кошмаръ. Правда, хочется тогда кончить съ жизнью, чтобы больше не мучиться... И еще, я поняла слова Толстого, что лишь тотъ боится смерти, кто не видѣлъ жизни. Я вижу жизнь иначе, чѣмъ онъ, но смерти не боюсь... для себя...

Да, да, писать объ этихъ страшныхъ минутахъ? Онѣ — поистинѣ страшны!

Вот, если я буду писать, когда буду чувствовать... А я только ребенок... Что-же должны чувствовать взрослые?! Не всё, не всегда, но когда на них находят такія мгновения!? Теперь я понимаю, почему говорят, что теперешняя жизнь — не жизнь, что она уменьшаетъ человѣческое существованіе, что, вмѣсто года, надо считатьъ десятокъ... Я понимаю! Вотъ я пишу, и мнѣ кажется, что частной жизни нѣтъ у насъ въ Россіи, а есть только люди, подавленные ужасомъ, но вспоминается мой-же выводъ о частной жизни въ великія историческія эпохи, и приходится сознаться, что ужась этотъ овладѣваетъ лишь временно, и отдѣльными личностями... Но, такъ какъ я далека, очень далека, отъ этого общаго спокойствія, то и писать о немъ не хочу.

То временное, тревожное состояніе сейчасъ мнѣ ближе... Я сейчасъ чувствую это, только не такъ сильно, какъ въ то время, какъ буду чувствовать завтра утромъ, отъ газеты. Многому научило меня это время...

А, вѣдь, правда, что мы, т. е. люди вообще, страдаемъ для потомства. Ему будетъ хорошо жить. Спокойно, во всякомъ случаѣ...

Но я замѣчаю, что на другихъ газеты не такъ сильно дѣйствуютъ, какъ на меня. Они принимаютъ все это спокойно, для нихъ оно дальше. Правда, что эти „они“ — взрослые. Н-но... словомъ, я хочу сказать, что изъ того, что послѣ игры съ дѣтьми, это мое состояніе прошло, я заключаю, что на меня сообщеніе такъ сильно дѣйствуетъ потому, что у меня нѣтъ, или очень мало, этихъ мелкихъ интересовъ, служащихъ защитой отъ кошмара... На меня они такъ сильно дѣйствуютъ потому, что частная жизнь (самая близкая) ненормальна, разстроена и всецѣло зависитъ отъ событій.

Я помню дома, въ Саратовѣ, мной тоже овладѣвало временами такое состояніе, но тогда оно было дальше отъ меня. И тогда мнѣ было сильно не по себѣ, но это было ничто, сравнительно съ теперешнимъ.

И, я думаю, я увѣрена, что ненормальная своя жизнь играетъ не малую роль въ этомъ чувствѣ. Конечно, она не

единственная причина, но все-же имѣть большое значеніе. Къ общей тревогѣ прибавляется боязнь, сомнѣніе, что съ нами будетъ. Непріятно мнѣ, что примѣшивается сюда шкурный вопросъ, но, все-же, оно такъ.

Скорѣй-бы пріѣхала мама! Мы были-бы, хоть, всѣ вмѣстѣ: рѣшили-бы, что будетъ дальше. Устраиваемся въ Москвѣ, такъ въ Москвѣ. Этотъ вопросъ объ устройствѣ, о Кіевѣ, даже поблѣднѣлъ сейчасъ подъ давленіемъ все-го, но, все-же, хочется, чтобы пріѣхала мама. Я знаю, почему хочется: когда положеніе такъ неопредѣленно, какъ наше, и адо имѣть что-нибудь въ будущемъ, на что можно было-бы смотрѣть, какъ на конецъ неопредѣленности.

Скорѣй-бы, ахъ, скорѣй-бы! Слава Богу, что, хоть телеграфъ исправно съ Саратовомъ работаетъ. Вотъ-бы, письмо получить отъ нея...

И еще, въ такое время моя частная жизнь пропадаетъ. Мракъ, черный и холодный, все поглощаетъ. И тогда чувствуешь, что мамы нѣтъ, что она въ другомъ мѣстѣ, что ей надо пріѣхать къ намъ, что дорога трудная... Словомъ, мысли о ней связаны съ тою частной жизнью, которая исчезла. Какъ будто, мама сама гдѣ-то далеко, далеко... А мракъ оставилъ свободнымъ только то мѣсто, что непосредственно вокругъ меня, а мама осталась внѣ этого мѣста. И потому, тогда такъ безумно хочется, чтобы она была здѣсь. Цѣпляешься за нее, какъ за якорь спасенія, потому что такой якорь нуженъ.

Тогда исчезаютъ и Кіевъ, и родные тамошніе, — все поглощается о б щ и м ъ, поглощается страхомъ и безпокойствомъ за все. Своему нѣтъ тогда мѣста.

За это послѣднее время я чувствую такъ, какъ будто-бы до сихъ поръ была слѣпой, и теперь, прозрѣвъ, увидѣла все, что дѣлается кругомъ. А, увидавъ это впервые, ужасаюсь, сильнѣе того, кто давно могъ наблюдать за происходящимъ.

Я уже говорила, что событія стали мнѣ ближе. И указала на одну изъ причинъ.

А другая, — просто то, что событія не тѣ, что были раньше, они новыя, къ нимъ еще не привыкли, они активныя. Къ нимъ

привыкнуть нельзя, уже потому, что они, находясь въ непрерывномъ движеніи, мѣняютъ свою форму. Да, что предъ нами? Ужасъ! Мракъ! Германское нашествіе! Сепаратный миръ!..

Мысль явилась сейчасъ: теперешнее положеніе страшнѣе прежняго тѣмъ, что тамъ, раньше, мы не видѣли, что будетъ впереди. Мы предполагали; нѣтъ, намъ предполагалось, что будетъ тоже, что и сегодня, а конецъ гдѣ-то тамъ, далеко... А теперь онъ близко; мы знаемъ, что ожидаетъ насъ завтра, и знаемъ, что это „что-то“ страшно и ужасно.

Завтра... А что принесетъ завтрашній день?!..

26 Февраля. Незначительнымъ большинствомъ голосовъ рѣшено на миръ согласиться. Несмотря на посланное германцамъ объ этомъ заявленіе, наступленіе ихъ продолжается; говорятъ, что они приближаются къ Петрограду. Украинцы и австрійцы въ 50-ти верстахъ отъ Кіева. Сообщение съ Саратовомъ возстановлено. Газеты, за исключеніемъ большевистскихъ, не выходятъ и не будутъ выходить до подписанія мира, какъ гласитъ приказъ.

Жду изъ Кіева телеграмму. Если сообщеніе вѣрно, нашимъ опять тамъ придется пережить кровавые дни. Переживутъ ли? Что теперь съ ними? А, какъ было-бы хорошо жить тамъ! Заниматься!

За эти дни я стала спокойнѣе относиться къ нашему положенію: можетъ быть, потому что имѣю опредѣленный маякъ впереди — маминъ прїѣздъ. Да, какъ она прїѣдетъ и начнется неопредѣленность, — я опять начну изводиться. Но пока — ничего; а сегодня, даже хорошо. Событія не даютъ. Оторванность своей частной жизни отъ общаго даетъ себя чувствовать, — признакъ, что голова ничѣмъ особеннымъ не занята. Разныя сомнѣнія тревожатъ меня. И, оглядываясь на все, меня окружающее, хочется почему-то сказать: какъ странно! Странно, что я сижу и пишу дневникъ, странна обстановка. „Почему это

такъ?“ — хочется мнѣ спросить. Вотъ, я пишу, всецѣло отдаваясь этому занятію, а тайный голосъ шепчетъ: „не то! не то!..“

Понимаете, я не могу всецѣло отдаваться этому. Какое-то глупое сознание мѣшаетъ. Что оно хочетъ сказать? — не знаю!

Какъ будто часть моего „я“ со стороны на меня и на мои занятія смотритъ и удивляется.

Очевидно, это — сознание оторванности частной жизни отъ событій. Когда жизнь полна, такимъ мыслямъ некогда лѣзть въ голову. Думаю я о раздвоенности своей, о принадлежности къ двумъ мірамъ: романтическому, идеальному, и жизненному, матеріальному. Навѣрное, когда я вырасту, это исчезнетъ; я сформируюсь тогда, а пока, — я еще на распутьи... А, можетъ быть, такъ и останусь?! Увидимъ. Но, пока, въ сторону личныхъ чувства и смущенія, поговоримъ лучше о мирѣ.

И въ этой области чувство мое раздваивается: на несознательное, въ высшей степени индивидуальное, желающее помимо меня, помимо моей воли, и другое — зависящее отъ разума, сознательное.

Или, можно сказать, чувство мое раздѣляется такъ: одна часть, которая желаетъ для меня, болѣе личная, эгоистичная, а другая — для общаго. Первая — несознательная, а вторую — я желаю разумомъ.

Если разсматривать, которая — сильнѣй, я не съумѣю отвѣтить, потому что онѣ — одна противоположность другой.

Я уже говорила, чего я сознательно не хочу: я не хочу жить подъ германскимъ игомъ. Причинъ много. Я не хочу этого, потому что это унижаетъ наше, русское достоинство.

Объ этой причинѣ я себѣ говорю и, конечно, она существуетъ. Только подъ ней есть подкладка болѣе личныхъ свойствъ, о которыхъ я себѣ не говорю, но которая, сознаю, существуетъ. Я боюсь германцевъ; боюсь, потому что не знаю, а, поэтому, не хочу ихъ. Вотъ, уже личная подкладка, не столь громкая, какъ лицевая сторона. Германцы — это что-то новое, невѣдомое и страшное, и я не хочу его. Это совсѣмъ не значить, что я, кромѣ такихъ эгоистичныхъ ощущеній, ни-

чего не чувствую. Больше сознательная, лицевая сторона ясно показывает мнѣ позоръ германскаго нашествія и униженіе Россіи, если Германія будетъ „наводить намъ порядокъ“.

Собственно говоря, эта часть тоже несознательна, потому что родилась сама, неизвѣстно мнѣ, почему и отчего. Дѣйствительно, это чувство патриотизма — несознательно, но между первымъ и вторымъ та разница, что второе я чувствую всѣмъ существомъ своимъ, а первое — только знаю, только сознаю.

Итакъ, больше всего я не хочу германцевъ. Пусть, идутъ они съ благими намѣреніями, пусть при порядкѣ, который они завели-бы у насъ, намъ, буржуа, жилось-бы лучше, спокойнѣе, жизнь стала-бы нормальнѣе, несмотря на это, вопреки голосу разсудка, какъ-бы, говорящему, что съ совѣтами будетъ намъ все хуже и хуже, я чувствую, что не хочу германцевъ.

Слишкомъ позорно, слишкомъ унижительно и больно было-бы видѣть, какъ они будутъ расправляться съ „нами“, русскими.

Да, съ „нами“ ... Это была-бы не я, не мои близкіе; это были-бы тѣ, которые считаютъ себя нашими врагами, — большевики, но это были-бы все-же русскіе, свои, а тѣ — чужіе, пришлые!

Только въ такіе моменты чувствуешь, любишь ли ты то, что люди называютъ „родиной“.

И я знаю, что люблю ее!

Да, больше всего я хотѣла-бы, чтобы сьорганизовалась Армія и отразила-бы враговъ. Раньше всего — внѣшній врагъ. Въ виду его намъ надо всѣмъ сплотиться воедино, забыть классовую вражду и бороться съ нимъ.

Я горячо одобряю поступокъ Станкевича, заявившаго, что, продолжая оставаться членомъ партіи трудовиковъ, онъ, ввиду тяжелаго положенія родины, предлагаетъ Совѣту Комиссаровъ свои услуги.

Такъ должны были-бы сдѣлать всѣ.

Бѣдные большевики! Въ его честномъ поступкѣ они усмотрѣли что-то такое, за что надо арестовать его. Бѣдые! не понимаютъ... Я пробовала разобраться, пробовала думать,

почему отвергают сепаратный миръ, почему нельзя прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, правда, ужасной, но спасающей отечество, почему всѣ осуждаютъ Ленина?..

Германцы наступаютъ. Граждане призываются къ оружію. Въ этихъ возваніяхъ сквозитъ подъемъ духа и... если-бъ онъ могъ заразить индифферентную публику!

Оставляю на время анализъ и скажу, что я чувствую. Я рада. Я глубоко рада, что миръ не заключенъ и что мы будемъ воевать.

А, можетъ быть, свершится чудо, и мы побѣдимъ? О, если-бы! Какое счастье!

Если-бы всѣ могли такъ чувствовать, какъ я, чувствовать, что идутъ они бороться не за большевиковъ, а за Россію, что они ее спасаютъ, если-бы могли всѣ воедино сплотиться. Нѣтъ, мы еще поборемся! Да, я довольна, очень довольна. Правда, что Кіевъ переживетъ опять кровавые дни, наши будутъ страдать, подвергаться опасности...

Но, надо шире смотрѣть, надо забыть про семейныя узы. Что-же дѣлать?! Придется имъ пережить. Можетъ быть, упадутъ они въ Австрійскія руки, т. е. возвратятся къ Украинѣ, все возможно...

Такъ вотъ, мысль о Кіевѣ затемняетъ мое удовольствіе, и то, не изъ за меня, а—изъ за мамы: Дорогая очень ужъ волноваться будетъ. И еще то, что вопросъ о нашемъ устройствѣ становится неопредѣленнѣе: поѣдемъ или не съумѣемъ?

И, все-же, несмотря на все, я очень, очень довольна. Нѣтъ, мы не сдадимся. Только еще одно: совѣстно мнѣ не принимать участія въ этомъ общенародномъ дѣлѣ; совѣстно, что я ничего не буду противъ враговъ дѣлать. Хотя, если всѣ будутъ окопы рыть, я пойду. А такъ... я не убѣгу на фронтъ. Не хватитъ мужества. Но мнѣ-бы хотѣлось что-нибудь дѣлать и сдѣлать.

И еще одно портитъ мое удовлетвореніе. Неужели придется подъ германской властью жить? Это было-бы больно; больно и обидно! Когда это будетъ, я откажусь отъ всѣхъ

удовольствій, т. е. театра и т. п. Почему? Въ знакъ горя. Это будетъ умѣстно, если горе будетъ. А оно, чувствую, будетъ.

Это просто высшая деликатность, чувство ... такта. Вы подумайте. Нѣмцы овладѣли нами, а мы, какъ ни въ чемъ не бывало, будемъ по прежнему веселиться?

Одна знакомая француженка дала зарокъ во все время войны никуда не ходить. И я подумала, не смѣшна ли она? Я подумала и увидала, что понимаю и одобряю ее.

Только ... хочется сказать, что это лишеніе ... напрасно. Надо поддерживать себя и не опускаться. Поддерживать въ себѣ бодрость. Вотъ, во время большевистскаго выступленія у насъ въ Саратовѣ, пошла-же я въ театръ? Конечно, было не время, но чувствовала, что падаю духомъ и хотѣла поддержать его...

Какъ давно уже нѣтъ своего угла, своей милой, уютной квартиры! ..

27 февраля. Изъ Петрограда никакихъ свѣдѣній. Циркулируютъ слухи, что онъ взятъ. Изъ Кіева и Саратова мы ничего не имѣемъ. Слава Богу, ужасное состояніе не возвращается ко мнѣ. Событія времени — далеко, т. е. я чувствую ихъ, чувствую ясно, но они не мучаютъ меня.

Получили изъ дому — до прїѣзда мамы — посылку отъ Лены: домашнее печенье. Я ужасно обрадовалась, не печенью, а духу домашнему, который оно съ собой принесло. Оно напоминало мнѣ домъ, домашнюю жизнь, нормальную, привычную ... и грустно и прїятно сдѣлалось. Господи, какъ я соскучилась по своей жизни, своей обстановкѣ! Какъ надоѣло слоняться по чужимъ! Скорѣй-бы! Скорѣй-бы мама прїѣехала ...

Иногда прїятно мечтать, рисовать себѣ картины будущаго, не очень далекаго ... Хорошо на душѣ становится! Удовольствіе наполняетъ ее; тихое, спокойное.

Вотъ, сегодня я мечтала. Мечтала о томъ, какъ буду жить лѣтомъ, стараясь забыть, что такъ жить не буду. Хорошо было. Мечтаю о томъ, какъ мама прѣдетъ. Мечты такія успокаиваютъ и доставляютъ наслажденіе. Большое. Вы знаете, когда ходишь по улицѣ и мечтаешь такъ, или, вообще, думаешь о чемъ-нибудь своемъ, то шумъ улицы кажется другимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Не слышишь его. Всѣ звуки сливаются въ одинъ неопредѣленный гулъ. И слышишь только собственные слова, произносимыя въ головѣ, образующія мысли. И вдругъ!.. очнешься. На минуту перестанешь думать. Какъ тихо кажется. Какъ все... неодушевленно, далеко, но — главное, — тихо. Это — мысли замолкаютъ. Странно тогда... Глядишь и думаешь: почему-же все замолкло? Двигутся люди, безъ всякой связи одинъ съ другимъ, въ моемъ воображеніи, ѣдутъ лошади, автомобили; и все это странно, какъ будто со стороны смотришь, не участвуя въ общемъ движеніи, въ общей жизни. Такія минуты бываютъ не очень часто; для нихъ надо, чтобы мысль совсѣмъ замолкла.

Бываютъ ли у кого-нибудь такія минуты?

И другія, — когда чувствуешь себя въ жизни и объективно на все смотришь? Такія бывали. Уэльсъ писалъ, что онъ это чувствовалъ...

Какъ много всякой всячины умѣщается въ головѣ человѣка, я хочу сказать, въ моей головѣ. Много различнаго.

Чего я хочу сегодня, когда я спокойна и въ „среднемъ“ настроеніи? Войны или мира? Я скажу — войны. Да, я больше хочу, чтобы война продолжалась, чтобы всѣхъ, — я знаю, что мои тоже пойдутъ, — забрали, чѣмъ чтобы былъ заключенъ миръ.

Я этого хочу.

Я спрашиваю себя: „Хорошо! Будетъ война. А ты знаешь, что тогда вы не сѣмѣете устроиться, что жизнь ваша будетъ вопрежнему разбита?“ И я отвѣчаю себѣ: — „Да. Я это знаю. Но я хочу войны!!.. Это мое послѣднее слово. Хочу, чтобы была организована Армія и мы сразились-бы съ вра-

гомъ. Я съ удовольствіемъ читала, что въ красную гвардію записались многіе интеллигенты.

Будь я большой, я дѣлала-бы что-нибудь. Можетъ быть, мнѣ и теперь удастся. Для этого надо знать, гдѣ мы будемъ. Если я буду еще писать о томъ-же, то этотъ голосъ станетъ сильнѣе и звонокъ, онъ подниметъ во мнѣ энтузіазмъ.

Это будетъ чувство. Потому-то я не продолжаю. Наде кончить анализъ.

Но я уже чувствую, какъ огонь зажженъ во мнѣ... Я рада, я счастлива, что чувствую такъ. Я довольна своимъ чувствомъ. Я противъ мира; я хочу войны! Я съ чистой совѣстью могу сказать, что мира не хочу и буду огорчена, если онъ будетъ заключенъ. Нѣтъ, мира я не хочу...

Я поглядѣла на эти печенья, и... мнѣ захотѣлось плакать. И почему-то захотѣлось, чтобы мама была со мной. Это воспоминанье о домѣ меня разстраиваетъ... И, потому, хочется плакать. Хочется такъ дома, вообще, быть...

28 Феврала. Новаго ничего. Генеральный секретаріатъ, т. е. теперешнее правительство Украйны, далъ знать Германіи, что онъ согласенъ на миръ, если она не будетъ вмѣшиваться во внутреннія Украинскія дѣла. Съ большимъ нетерпѣніемъ жду я отвѣта Кюльмана. По правдѣ сказать, мнѣ хочется, чтобы они согласились. Тогда мы съумѣемъ поѣхать и устроиться въ Кіевѣ.

Украйна мнѣ чужда, рассматриваемая, какъ самостоятельное государство. И, хотя я знаю, что этотъ миръ нечестенъ, мнѣ его хочется. Но, какъ жить спокойно, если тутъ, въ сердцѣ Россіи будутъ хозяйничать нѣмцы?! Совѣсть будетъ мучить. Въ то время, какъ родина изнываетъ подъ чужеземнымъ игомъ, ты живешь весело и спокойно, успокаивая себя тѣмъ, что тамъ, гдѣ ты живешь, ихъ нѣтъ. Это стыдно!

Къ общему чувству радости по поводу поѣздки въ Кіевъ, прибавится еще то, что мы уѣзжаемъ отъ нѣмцевъ, и ихъ опаса́ться намъ нечего.

Совѣсть успокаивается тѣмъ, что германцы далеко; но больно за Россію мнѣ будетъ; однако, будетъ чувство удовлетворенія, что я не живу подъ ихъ игомъ. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что допустить этого не должно, что жить подъ нѣмецкой властью нехорошо; нехорошо ничего не предпринимать и спокойно ждать, пока они придутъ. А, — такъ, голосъ этотъ будетъ молчать, и я съумѣю быть покойной, но поднимается другой голосъ ...

Мое чувство пылко, искренно и горячо, но, пока нѣмцы далеко, оно ... спокойно. Я страдаю за Россію, н-но ... „Что-же дѣлать? Я ничего не могу“. Словомъ, оно мнѣ ничего не диктуетъ ... А, какъ только они ближе, дѣло непосредственно меня касается, я чувствую, что бездѣятельной оставаться нехорошо, что и я должна принять участіе въ общемъ движеніи.

Если-бы наши отразили германцевъ! Неужели они завладѣютъ Россіей? Нѣтъ, мы еще поборемся! Почему такъ инертно общество? Что бы я могла дѣлать? Съ какимъ наслажденіемъ принесла-бы я хоть крохотную долю участія ...

Въ красную армію я не пойду. Я чувствую, что не пойду. Что-то удерживаетъ меня. А, можетъ быть, это не безумство?

Какое глубокое удовлетвореніе испытывала-бы я, если-бы я что-нибудь дѣлала ради общаго великаго дѣла! А, можетъ быть, какое-нибудь дѣло найдется? Но — что? Нѣтъ, смѣшно. Неужели я и ничего не могу сдѣлать? А Дурова? Съумѣла-же, вѣдь! Какъ странно. Отъ участія какого-нибудь человѣка въ общемъ, какъ будто, дѣлу лучше не будетъ, а, между тѣмъ, такъ разсуждать нельзя: потому что, если-бы каждый такъ думалъ, то никто-бы не пошелъ, и общаго не было-бы. Правду скавалъ кто-то, что каждый дѣлаетъ для себя, а выходитъ „каменная стѣна исторіи“ ... И приходится съ себя начинать.

Собственно, на войну, напримеръ, почему человекъ идетъ самъ? Потому что тайный голосъ говоритъ ему, что нехорошо сидѣть сложа руки. И онъ идетъ. Идетъ для себя, чтобы голосъ совѣсти его не мучилъ. Какая польза отъ этого одного человекъ? Въ общемъ ... Но каждый, поступая такъ, идя для себя, совершаетъ часть общаго историческаго дѣла, участвуетъ въ созданіи историческаго событія.

1 Марта. Вчера, къ вечеру, получилось письмо изъ Кіева; пишетъ тетя Анята. Въ ихъ домъ попало четыре снаряда, но вреда они не принесли.

О Сашириномъ „дитю“ ничего не сообщено; меня сильно удивляетъ ихъ молчаніе. Дѣдушка чувствуетъ себя не важно; онъ сильно ослабѣлъ изъ за событій. Очень жаль дѣдушки: ему предстоятъ адскія страданія. Лучше уже сразу конецъ, чѣмъ такъ мучиться. Бѣдный! Потомъ, въ газетахъ читали мы приказъ о запрещеніи вѣзда въ Москву. Это меня сильно разстроило. Я опять почувствовала, что что-то страшное, необъятное давитъ меня. Ощущеніе это хорошо поддается описанію: чувствуешь, что настало такое бѣдствіе, спастись отъ котораго нѣтъ возможности. И, съ каждой минутой ощущаешь, что оно все ближе; окружаетъ со всѣхъ сторонъ, не оставляя ни малѣйшаго просвѣта, чтобы спастись ... И тѣмъ ужаснѣе эти мысли, что ясно сознаешь невозможность что-либо сдѣлать, сознаешь, что спасеніе не въ твоей власти ... И оно все ближе, ближе, и уже начинаешь задыхаться отъ недостатка воздуха. И чувствуешь потребность забыться, забыть про это фатальное, неминуемое бѣдствіе, хоть на время забыться!..

И, чѣмъ больше думаешь о немъ, или подъ его давленіемъ ничего не дѣлаешь, тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ страшнѣе кажется оно. Единственное спасеніе — заняться чѣмъ-нибудь, поглощающимъ всѣ мысли, не оставляющимъ времени, чтобы думать о страшномъ.

А „это“ имѣть даже, пожалуй, опредѣленную форму, т. е. чувство, испытываемое при приближеніи неотвратимаго. Оно подобно тому, что мы испытывали-бы, — если можно представить себѣ такую картину, — при приближеніи четырехъ безконечно высокихъ каменныхъ стѣнъ ... Эти стѣны давятъ человѣка своей громадой ... Глядя на нихъ, онъ чувствуетъ себя пигмеемъ ... Ему кажется, что онѣ поглощаютъ весь воздухъ, что онъ задыхается ... Собственно, самое сходство въ томъ, что и тамъ кажется, что да в и т ь .

У меня, почему-то „это“ представляется, именно, въ формѣ четырехъ стѣнъ, отъ которыхъ убѣжать некуда.

И теперь я поняла, что для того, чтобы почувствовать тяжесть всего, надо, чтобы оно близко касалось самаго человѣка ... Въ такія минуты всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ, чувствуешь, какъ все ужасно. Чувствуешь, а не понимаешь ... Но для этого надо, чтобы своя жизнь была разстроена.

... Сегодня, слава Богу, папа досталъ удостовѣреніе, что мамуся — постоянная жительница Москвы.

Хочется вѣрить въ благополучный исходъ ...

Вотъ вчера, когда я испытывала необходимость забыть про мою тяжесть, забыть не то, что мама вѣхатъ въ Москву не съумѣетъ, а ту гору, что давила меня, потому что ясно не ощущаешь, въ чемъ, именно, дѣло, а чувствуешь только, что есть что-то тяжелое и ужасное, отъ чего скрыться, спастись нельзя, и что неминуемо сбудется, я поняла, почувствовала, что испытываетъ человѣкъ, запивающій съ горя. Онъ испытываетъ необходимость забыться ...

Я ясно представила себѣ всѣ его душевныя переживанія и почувствовала, что раньше, чѣмъ презирать, надо пожалѣть пьяницу. Онъ топить въ винѣ свое горе; для него это единственное средство забыться. А забыться — мучительно надо, а не то тяжесть, гора задавить ... И, онъ пьетъ ... пьетъ стаканъ. Сознаніе еще живо, оно не утонуло въ винѣ ... И онъ будетъ пить, пить до безчувствія, пока хоть искра сознанія останется въ немъ. А потомъ, смутная мысль

будетъ шептать ему, что надо жить, а не то случится что-то тяжелое.

Сознаніе пробудится и напомнитъ о горѣ, и онъ опять будетъ пить, пить безъ конца, пока не свалится ...

Не оттого ли такъ много пилъ русскій народъ, что такъ много страдалъ онъ? И да, и нѣтъ. Многіе, можетъ быть, отъ того, но не всегда эта причина руководитъ пьющимъ. Иные находятъ въ водкѣ просто удовольствіе. Такихъ мнѣ не жаль.

Дня не проходитъ безъ того, чтобы я не подумала о домѣ. Я не знаю, чѣмъ эта жизнь такъ привлекаетъ меня, только вспоминаешь о ней, какъ о безконечно счастливомъ времени.

Если бы, даже, меня спросили: „жалъ тебѣ дома?“ — то я могла-бы отвѣтить: „не знаю, пожалуй, нѣтъ“ ... Потому что слова „домашняя жизнь“ ничего особеннаго мнѣ не говорятъ какъ-то. Что-же тамъ? Та-же жизнь, что и здѣсь, — просится отвѣтъ. Н-но ... другія, незначительныя воспоминанія наполняютъ мою душу теплотой и счастьемъ. Это детали той домашней жизни. И, вспоминая ихъ, безумно захочется опять такъ-же жить. Даже не жить. Слово „жить“ тоже нѣмо для меня, а захочешь чего-то, что сейчасъ вспоминаешь, захочешь той-же обстановки, чтобы, словомъ, былъ домъ ... И тогда томительно захочется этого дома и всего, связаннаго съ нимъ ... Но, чтобы захотѣть это, надо чтобы это слово ожило, чтобы за нимъ рисовались различныя мелкія картинки, минуты той жизни. Вотъ тогда затоскуешь о домѣ ... И тогда я томительно жду приѣзда мамы, которая привезетъ съ собою ароматъ нашего дома ...

Хотя маму я всегда жду ...

Когда я представляю себѣ нашъ семейный ужинъ, (почему именно его?), — какъ это было давно, еще до маминаго отъѣзда на Кавказъ ... Или чай нашъ дѣтскій, съ Раей, „миской“ и Эсъ Эсомъ ... Какъ было хорошо! Или, когда я сидѣла, занималась, или шла къ тетѣ Лизѣ, — милыя картины! Чѣмъ вы, неодушевленные предметы, притягиваете душу нашу? И тогда слово „Кіевъ“ — молчитъ ... Но, когда я вызову въ

воображеніи вечеръ съ присутствіемъ всѣхъ кіевскихъ родныхъ, когда я вызову ихъ образы, — на душѣ становится тепло, тепло.

О занятіяхъ я тоже не вспоминаю съ наслажденіемъ. Я отвыкла отъ нихъ, но, когда я вникну въ это слово, когда я увижу за нимъ образы и картины, — захочется работы. И захочется не столько изъ за самихъ занятій, сколько изъ за того, насколько они связаны съ остальной прежней, хорошей жизнью, насколько они составляютъ часть того міра, о которомъ я вспоминаю съ наслажденіемъ и котораго такъ желаю.

Если мнѣ предложили - бы брать урокъ какой - нибудь, я была-бы недовольна, но зажить всей старой жизнью я была-бы рада.

Не означаетъ ли это, что я опустилась, сжилась съ той средой, въ которую временно попала; она завладѣваетъ мною и заѣдаетъ меня; я привыкла къ ней... Да, это къ сожалѣнію, такъ. Вспоминая картины „той“ жизни, я говорю себѣ: какъ это хорошо! Но оно представляется мнѣ явленіемъ совершенно иного міра, и въ будущемъ я не вижу его... Я привыкла... Скорѣй-бы мама ѣхала и привезла-бы съ собой „ароматъ“ дома! Даже не дома, его нѣтъ въ воспоминаніяхъ; это слово мертво; а запахъ того хорошаго, чуднаго міра, свѣтлаго міра...

.....

Узнала только что, что Жлобино взято нѣмцами. Проклятушіе! Что-то будетъ съ нами? Я то, — ничего. Дорогая будетъ страдать. Видно, въ Москвѣ устроимся.

Э-хъ! Мама, скорѣй ворочайся, моя дорогая! Жду тебя...

Еще одно непріятное чувство испытываю я. О немъ я писала не разъ. Къ счастью, его мнѣ опредѣлить удастся совершенно ясно и опредѣленно. Это, когда я пишу, мнѣ представляется вдругъ вся мелочность того, чему я предаюсь всѣмъ сердцемъ...

2 Марта. Скверно! Киевъ взятъ... Газетное сообщеніе такъ же лаконично, и это, мнѣ кажется, означаетъ, что особенно сильныхъ боевъ не было. Однако, суть вовсе не въ этомъ. Киевъ палъ. Онъ въ рукахъ нѣмцевъ. Возстанутъ-ли тамъ власть Рады? Такъ, или иначе, но все-же верховодить всѣмъ будутъ, вѣроятно, нѣмцы. Для чего-же они старались, если теперь упустятъ добычу. Для украинскаго народа?! Но онъ такъ-же чуждъ имъ, какъ мнѣ... нѣмцы. Ясно, что Австрія и Германія хотять Украину подъ свою власть забрать. Но, опять таки, суть не въ этомъ... Эхъ... скверно! Не разбираясь, не вдумываясь, скверно то, что городъ попалъ подъ нѣмецкую руку. Киевъ, — тотъ городъ, гдѣ живутъ наши, такой близкій мнѣ, и вдругъ... за границей, во вражескихъ рукахъ. Странно...

Взяли... взяли его! И ужасъ еще въ томъ, что идутъ они, какъ друзья, „отъ великорусскаго ига Украину освободить“.

Были-ли бои? Какъ взятъ былъ городъ? Что теперь въ немъ? А люди живутъ себѣ тамъ по прежнему, въ частной жизни. Какія несомвѣстимости въ жизни, право! За нашихъ я спокойна. Вотъ странность: отрѣзаны они теперь отъ насъ. Они — другого теперь міра... На долго-ли эта невольная отчужденность?...

Киевъ взятъ, — какъ много въ этихъ словахъ!

Но теперь, когда мы привыкли къ безпрестанному нѣмецкому движенію впередъ, они не производятъ того ужасающаго впечатлѣнія, которое произвели-бы, случись это во время настоящей войны. Киевъ палъ... Палъ!.. Взяли его... У-у, проклятые!

Итакъ, за родныхъ я спокойна. Надѣюсь, что имущество не будутъ грабить. И они не уйдутъ оттуда... Они, небось, рады, что порядокъ будетъ?... А, вѣдь, собственно, свои-же, украинскія войска, частью, взяли его. До чего дошло! Свои соединяются съ врагами, чтобы итти на своихъ-же!

Не умѣщается въ головѣ, — поди-же ты, — что въ Киевѣ, мнѣ родномъ и близкомъ, хозяйничаютъ нѣмцы, что онъ сталь

далекимъ... Неужели онъ останется въ ихъ рукахъ? Боже! Это будетъ несчастьемъ. Такъ много русскаго связано съ нимъ. Нѣтъ, невозможно! Онъ нашъ! Кіевъ, мой милый, родной Кіевъ — нѣмецкій городъ! Нѣтъ, невозможно!

Ну да, они дадутъ его Украинѣ. Ха-ха. Благо-го-род-ство! Они уйдутъ оттуда, какъ-же! Ау, Кіевъ! Неужели такъ-таки и останется? О, какъ это больно!

Жаль мнѣ Дорогую. Для нея это будетъ ударомъ... Она будетъ безумно огорчена, что не сможетъ туда поѣхать. А я рада, что мы, — не тамъ: по крайней мѣрѣ, германцевъ не отвѣдаемъ... Что-жъ теперь будетъ? Дорогая приѣдетъ, — какъ я жду ея приѣзда! Я, даже, не скучаю по мамѣ, а такъ... жду ужасно... Жаль мнѣ мамусю, очень!

Ну, ладно; съумѣемъ ли мы устроиться? Умора: „устраиваться“, когда надо бояться прихода врага!

Не въ Саратовѣ-же ѣхать! Значить, забывъ про „бошей“, надо устроиться здѣсь. Конечно, окончательно. Маленькая квартирка, меблированная, но все-же будетъ на ша... Занятія пойдутъ... Ей Богу, смѣшно, въ такое время! Но нельзя-же сидѣть и ждать, что будетъ. Надо жить своей частной жизнью, стараясь забыть, что все можетъ рушиться! Надо жить!

А, право, жизнь, какъ теперь, не представляется мнѣ такой ужасной и безсодержательной. Раньше думалось: хорошо, ты живешь, но нельзя-же такъ всегда жить. Долженъ-же быть конецъ! А его не было видно. Вотъ и получалось глупо. А теперь думается, что это только пока... А дальше событія покажутъ, что дѣлать... Словомъ, теперь можно жить... и смотрѣть, что будетъ, потому что чувствуешь, знаешь, что что-то быть должно и, какъ будто, видишь конецъ всему этому, т. е. видишь, что дальше будетъ что-то другое, и что эта жизнь, только пока мы не узнаемъ, что это за „другое“...

Словомъ, время полнѣйшимъ образомъ разстраиваетъ частную жизнь. Приходится заставлять себя жить...

Миръ подписанъ! Что теперь еще будетъ? Проклятое время! Ну, развѣ можно жить? Что будетъ?..

3 Марта. Право, не могу найти подходящихъ словъ, которыя бы, въ общемъ, сказали о моемъ внутреннемъ состояніи. Слишкомъ много разнаго, ежеминутно мѣняющагося, ощущаю я. Да, затрудненіе въ томъ, что, если я начну одно, другое исчезаетъ. А все сразу умѣстить нельзя, все сразу написать, чтобы чувствовалось, что одно составляетъ только часть другого, и что всѣ части вмѣстѣ создаютъ цѣлое: настроеніе и нравственное самочувствіе.

Мнѣ-то легко и хорошо, и хочется думать о будущемъ, даже — ни о чемъ не думать, а просто радостно и хорошо. Какъ будто, невидимый оркестръ въ душѣ у меня тихо играетъ нѣжную и ласкающую мелодію. Это не слова, не фразы, — это подлинное чувство, и я ощущаю то, что я написала. Но это чувство не наполняетъ всю мою душу, оно только набѣгаетъ...

Гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ, вспоминаются ежедневныя тревоги и сомнѣнія при чтеніи газетъ... Вопросы объ общемъ положеніи, о нашемъ устройствѣ, какъ будто, хотятъ прійти, но, вдругъ, исчезаютъ и уступаютъ мѣсто общему спокойствію, когда забываются эти грызущіе меня вѣчно вопросы, — не тѣ, которые грызли въ Кисловодскѣ, а мелкіе, ежедневные: то чувство, которое постоянно владѣетъ мной во время жизни въ Москвѣ, чувство неопредѣленности; словомъ, отраженіе той ненормальной жизни, которую я веду... Жизни ничѣмъ не заполненной, имѣющей только одно: „чтобы скорѣй былъ вечеръ; вечеромъ — ночь; утромъ — вечеръ“... Эта жизнь имѣетъ что-то такое, что всегда слегка напрягаетъ, что не оставляетъ мѣста той спокойной безопасности, которую даетъ нормальная жизнь. Да, — безопасность! Вотъ, что составляетъ сущность нормальной жизни, о которой я, въ минуты тоски, безсознательно жалѣю.

Теперь я поняла, почему чувствовала всегда такое облегченіе, уѣзжая изъ Саратова: я становилась спокойной, безпечной.

Можетъ быть, если часто мѣнять жизнь, она больше заполняетъ душу? Не знаю.

Для меня за словами „безпечность“, „общее спокойствіе“ скрываются образы.

Порою, общее спокойствіе смѣняется опять всегдашней напряженностью, и тогда хочется плакать. Плакать, потому что чувствуешь себя чужой; потому что хочется мамы... а, въ сущности, оттого, что безпечность уходитъ... Да, жизнь ломаетъ, старить. Вотъ Рая — безпечна; она живетъ нормально, а я выбита изъ колеи. Время меня слишкомъ задѣваетъ, слишкомъ сильно надломлена въ моемъ сознаніи частная жизнь...

И вотъ, когда я хочу жить своимъ домомъ, — я хочу жить, какъ прежде, хочу быть безпечной, т. е. не чувствовать всегда какого-то напряженія. Мнѣ только 14 лѣтъ! Я имѣю право быть еще немного ребенкомъ, быть безпечной, спокойной...

И, когда я тоскую, я жалѣю о томъ, что не могу быть спокойной, я жажду этого спокойствія. Вотъ, эти двѣ жизни борются во мнѣ сегодня и являются причиной быстро смѣняющагося состоянія.

А почему явилась та, старая жизнь? Я получила письма. Отъ Раи и Изы. Я стала старше Раи. Эта ненормальная жизнь надломилла меня и заставила вытянуться. Она, въ этомъ отношеніи, больше ребенокъ.

Какъ хорошо писать подъ музыку: въ гостиной кто-то играетъ!..

Я рада, довольна, что стала сознательнѣе, а, съ другой стороны, мнѣ жаль себя; жаль, что нѣтъ того спокойствія; я рада приобрѣтенію, но не цѣнѣ. Но, въ общемъ, все пройдетъ...

Я поняла теперь, почувствовала, что хотѣла сказать Рая, когда говорила, что она жалѣетъ о томъ, что такъ много знаетъ, что больше не ребенокъ. И я жалѣю.

И почувствовала, почему дѣтство считается лучшимъ временемъ. Золотымъ временемъ. Или оно не вернется? Оно исчезло? Нѣтъ... Можетъ быть, того не будетъ, но будетъ лучше, нормальная жизнь сдѣлаетъ свое дѣло.

Письма, полученные мною, доставили мнѣ много удовольствія. Но... они пришли, какъ будто, изъ другого міра, гдѣ атмосфера не такъ наэлектризована, гдѣ живутъ легче и спокойнѣе...

Ну, слава Богу, на этой недѣль, наконецъ, прїѣдетъ Дорогая . . .

Вообще, мнѣ кажется, что въ провинціи атмосфера времени чувствуется меньше. Какъ странно! Они живутъ тамъ, дѣлая каждый свое. Какъ все это далеко. Безконечно далеко! Саратовъ такъ далекъ отъ меня . . . такъ безумно далекъ . . . Совсѣмъ другой міръ. И право, читая письма, кажется мнѣ, что я-отверженная какая-то . . . Что у всѣхъ есть занятія, интересы, жизнь своя, — у меня нѣтъ.

Читая мамино письмо, мнѣ думалось: „она тамъ мебель продаетъ, пакуетъ, она занята этимъ, ее не тревожитъ общее положеніе . . . Что я за несчастная такая? Почему другіе могутъ, несмотря на все, жить, а я нѣтъ?“

Совсѣмъ изъ другого міра. Какъ будто больная, не могущая ходить, увидала, какъ другія дѣти бѣгаютъ и прыгаютъ, и ей это страннымъ кажется. Такъ и мнѣ. Потому-то мнѣ и кажется, что между мной и Раей — цѣлая пропасть!

Да, такъ мнѣ думается, что въ столицѣ электричество больше чувствуется; или это оттого, что у меня теперь нѣтъ своихъ частныхъ интересовъ, что я сосредоточиваюсь мыслью только на страданіяхъ родины? . . .

А какъ странно, что, въ общемъ, во всей громадной махинѣ жизни, и прошлой, и настоящей, и будущей, во всемъ, — какая-то 14-лѣтняя дѣвочка сидитъ и пишетъ разныя глупости о своей маленькой душѣ, представляющей ей чѣмъ-то большимъ, и такъ серьезно занимается дѣломъ, являющимся, въ сущности, ма-а-ленькимъ и ничтожнымъ . . . А ей это дѣло кажется большимъ, и она вся отдается ему. Какъ странна эта отчужденность, замкнутость мое й маленькой жизни въ сравненіи съ другой, необъятно великой. И она имѣетъ свои темныя и свѣтлыя стороны, имѣетъ событія, кажушіяся ей первой важности . . . Большой міръ состоитъ изъ безчисленнаго числа маленькихъ, въ свою очередь представляющихъ, каждый, свой особый мірокъ. Вотъ, это мнѣ безумно странно . . . Такая маленькая жизенька, какъ моя, и . . . такая большая. И у cadaго такъ! Безумно странно.

А, все-же, я много передумала за это ненормальное мое время. Оно принесло известную долю пользы. И за это я благодарна ему. Нѣтъ, все-же лучше з н а т ь. Свое „вѣдѣніе“ я не отдала-бъ ни за что. Жаль временами невѣдѣнія, но нѣтъ!.. Если мы изъ вѣдѣнія вернемся въ невѣдѣніе, оно не будетъ представлять для насъ прелести, которую имѣеть сейчасъ, потому что мы не будемъ знать, что есть в ѣ д ѣ н і е, и сознанія своего блаженства у насъ не будетъ; мы просто будемъ безсознательными дѣтьми. А, потому, говорить о томъ, что лучше, мы не можемъ. Мы сравниваемъ, желая узнать. Но, бывши въ невѣдѣніи, мы бы не были тѣмъ, что мы есть сейчасъ: мы не можемъ представить себѣ, что было-бы, если-бъ мы „не знали“.

Это та зависимость отъ времени, о которой говорить въ эпилогѣ къ „Войнѣ и Миру“ А. Н. Толстой. Я чувствую ее...

Сейчасъ мнѣ ничего не жаль, я просто констатирую фактъ. И, потому, это не жалость, а сожалѣніе.

Человѣкъ никогда не жалѣеть, что не знаетъ, онъ не жалуется на свое настоящее, но съ грустью вспоминаеть... и не съ грустью, а такъ, съ мягкой тоской о своемъ прошломъ.

Опять я начинаю чувствовать Толстовскія слова... Только временами жалѣеть человѣкъ... Временами онъ малодушенъ...

А, впрочемъ, что знаю я обо всемъ этомъ?

Меня смущаетъ моя фраза о томъ, что жалѣть о вѣдѣніи — это жалѣть о жизни. Ну, да, конечно, это такъ. Только это не исключаетъ возможности сожалѣть, какъ я раньше думала... И, все-же, я не отдала-бы своего вѣдѣнія...

Уже поздно! Я хотѣла написать о письмахъ, о существованіи, а вышло, что витала въ заоблачныхъ странахъ...

4 Марта. Конечно, въ пропасти между мною и Раей дѣло не только въ невѣдѣніи. Тутъ, просто, долгая отчужденность изъ за жизни въ разныхъ городахъ, отсутствіе посто-

жиной связи, извѣстій. Можетъ быть, даже навѣрное, если-бы мы увидѣлись, я-бы ея не почувствовала. Не слѣдуетъ примѣшивать сюда такія крупныя чувства. Только, все-же, мнѣ кажется, что у меня есть новое, чего нѣтъ у нея: я больше реагирую на окружающее. Можетъ быть, это мнѣ только кажется. Словомъ, понятія вѣдѣнія и невѣдѣнія слишкомъ серьезны для даннаго случая.

Въ политическомъ мѣрѣ новаго то, что договоръ, какъ будто, подписанъ, но только русскими; причемъ, среди другихъ тяжелыхъ условій то, что Батумъ и другія мѣста отходятъ къ туркамъ. Однако, это далеко не самое худшее: мы прижаты совершенно въ экономическомъ и политическомъ отношеніи... Впрочемъ, этотъ миръ фактически не существуетъ и врядъ ли будетъ существовать, даже если русское правительство официально войны вести не будетъ... Такъ много слышно про тивъ мира, что, мнѣ кажется, партизанская война, во всякомъ случаѣ, продолжаться будетъ. Если только духомъ воспрянемъ мы, — мы еще можемъ сражаться. А духъ, кажется, начинаетъ просыпаться. Словомъ, мы еще поборемся!

Съ радостью прочла я извѣстіе о томъ, что подъ Витебскомъ нѣмцы потерпѣли пораженіе. Это только подтверждаетъ, что мы не окончательно сломлены. Но до какихъ поръ можетъ такая война продолжаться?

Земли у насъ много, мы долго можемъ отступать. Но когда-же тогда конецъ будетъ? Опять приходится прибѣгать къ Л. Н. Толстому. Только, если духъ народа сломленъ, — побѣду должно признать за врагомъ. Въ другихъ случаяхъ, это лишь условности. Значитъ, мы можемъ сражаться безъ конца? Ну, нѣтъ, конецъ, несомнѣнно, будетъ. Какой-же — при партизанской войнѣ? Предположивъ, что духъ народный будетъ постоянно поддерживаться на одной высотѣ, что будетъ тогда? Что могло-бы быть въ такомъ случаѣ. Мы тревожили-бы германцевъ, мѣшали-бы имъ продвигаться впередъ, разстраивая и ослабляя ихъ армію. Но потомъ? Гдѣ-же конецъ? Мнѣ кажется, что его слѣдуетъ искать съ ихъ стороны. Но какой? Разстроенная нѣмецкая армія уходитъ?.. Мы не преслѣдуемъ

ее дальше границы, и война сама собой прекращается?.. Но почему-же мы будем все время держаться? Как? — На это ответа нѣтъ. Ясно, что разоматривать это само по себѣ, какъ голый фактъ, отдѣльно отъ всего связаннаго съ нимъ, — нельзя; что онъ нераздѣльно связанъ со множествомъ условій и случайностей, отдѣльно отъ которыхъ взятый даже не существуетъ.

Опять прихожу къ теоріи Льва Николаевича о зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или необходимости. Это лишній разъ доказываетъ мнѣ необходимость читать.

Да, такъ, что выйдетъ или можетъ выйти изъ такой партизанской войны, — покажетъ только будущее; во всякомъ случаѣ, мы можемъ признать, что при твердомъ рѣшеніи бороться, — мы можемъ сражаться. А этого вполне достаточно, чтобы заставить ... чтобы мы могли сражаться. Вотъ, почему миръ неприемлемъ. Мы еще можемъ бороться!..

.....

Сколько-бы я въ день ни написала; — все это будетъ лишь частью моихъ мыслей, даже частью верховъ; все написать нѣтъ никакой возможности. Я сажусь за дневникъ, начинаю писать, выбирая наиболее яркое или, если такового нѣтъ, наиболее близкое; напишу, напишу, — и брошу, — отъ разныхъ причинъ, но брошу: рѣдко, когда весь мой дневной запасъ впечатлѣній и ощущеній бываетъ высказанъ; чаще, бросивъ, мнѣ до конца остается такое-же пространство, которое я прошла, — если не больше ...

.....

Въ полученномъ отъ мамы письмѣ она пишетъ, что она укладывается и, вообще, безконечно много работаетъ. Дорогая говоритъ, что дѣтскую, спальню и различныя хозяйственныя мелочи она продала. Все это меня ужасно обрадовало. Обрадовало потому, что все это напомнило мнѣ о домѣ, о нашемъ устройствѣ; и пахнуло на меня домашней жизнью. И, вотъ,

тогда я испытала чувство, какъ будто это письмо изъ другого міра, гдѣ все движется, все работаетъ, но, главное, въ знакомой обстановкѣ. Я испытала чувство, что все, тамъ происходящее, и близко, и далеко, въ одно и то-же время. И, потому, мнѣ стало странно. Какъ будто, мнѣ въ кинематографѣ показывали себя и другихъ, но только то, что происходило съ нами нѣкоторое время спустя.

Мама прїѣдетъ, привезетъ необходимѣйшія обиходныя вещи, и мы устроимся. Что думать о германскомъ нашествіи?.. Можетъ быть намъ въ Москвѣ не придется его увидѣть. Если принимать во вниманіе всякія случайности, можно всю жизнь ждать чего-то. Больше энергии, больше жизненной силы, больше надежды, больше жизнерадостности!

Мнѣ думается, что устроимся мы въ Москвѣ теперь-же, правда — не окончательно, безъ своей мебели, но такъ, какъ жила тетя Эмма, переѣхавъ сюда. И это меня глубоко радуетъ. Радуетъ своей близостью.

(Посль)... Что будетъ, если я скажу, напримѣръ, что я испытываю истинное удовольствіе сидѣть въ комнатѣ, окончательно обставленной, съ гардинами? Она пріобрѣтаетъ для меня безумно уютный видъ, говорящій безконечно много; она говоритъ, напоминаетъ о своемъ домѣ, о той жизни.. Э-эхъ, скорѣй-бы!

Вообще, слова должны, для полного пониманія, представлять собой въ нашемъ воображеніи цѣлыя картины, образы. Только тогда можно сказать, что мы понимаемъ. Что такое слово, буква? Смѣшно мнѣ иногда! Какія-то каракульки, мы читаемъ „М“. Почему такъ, а не этакъ: W? Условность, необходимая, но — условность. Такъ вотъ, мнѣ иногда кажется безумно страннымъ, что какія-то черточки говорятъ, какъ живыя! Ха-ха-ха! Вотъ, почему-то то, что я прочла, надо прочесть такъ, а не по другому. Но этого мало. Вотъ, я пишу слово: „пишу“. Кажется, чтó въ немъ? Ничего. А прочтешь его, скажешь, и — цѣлый міръ! Это странно. Иногда, когда пишешь и ищешь подходящее выраженіе, вдругъ найдешь такое словечко, и — все озарится яркимъ свѣтомъ. Такое

маленькое, само по себѣ ничтожное, пустое и... удивительно.

Почему „ягода“ надо читать ягода, а не „варенье“? И почему ясно представляешь себѣ, т. е. знаешь, что за предмет обозначается этимъ словомъ? Такое словечко — и такое большое понятіе! Ужасно странно! А безъ этихъ странностей, не было-бы жизни... культурной... всякой... Все, рѣшительно все, — условности.

Неужели это сознание имѣется не у каждого человѣка? А это такъ просто. А, все-же, приходится покоряться этимъ условностямъ и довольствоваться этимъ сознаниемъ.

Иногда слова бываютъ живыя, а иногда — мертвыя. Вотъ, объ этомъ я хочу нѣсколько словъ сказать.

Когда самъ пишешь что-нибудь и потомъ свое читаешь, то слова живутъ, за ними открываются цѣлыя картины; авторъ видитъ именно то, что онъ хотѣлъ сказать. А для другихъ — они могутъ быть мертвыми и, обозначая извѣстное понятіе, не связываются въ непрерывную картину, образъ, какъ у автора, вырвавшего это сочетаніе словъ у себя изъ души. Да, для него они живутъ...

Такъ вотъ, чтобы не ошибаться въ оцѣнкѣ своихъ произведеній, раньше, чѣмъ дать прочесть ихъ другимъ, надо обождать, пока этотъ авторскій пылъ, самоослѣпленіе исчезнетъ и только тогда, холоднымъ взоромъ равнодушнаго зрителя окинувъ свое сокровенное дѣтище, дать его на судъ другимъ...

О, какъ хотѣла-бы я умѣть владѣть этимъ волшебнымъ даромъ!.. Быть писательницею, писать, — мнѣ кажется счастьемъ...

Я читала газеты и кое-что вычитала, но вернуться къ нимъ, это значить вернуться къ политикѣ, а сегодня хочется отдохнуть...

Какъ хорошо было писать предпослѣдія строки!..

5 Марта. Но какъ ломаетъ, все-же, время! Подчасъ, когда я вспоминаю, что мы никакъ не можемъ изъ за него устроиться, когда я вижу, какъ разбита наша жизнь, меня бе-

реть малодушный страхъ передъ всѣмъ, я не въ состояніи тогда что-либо дѣлать или думать. Мнѣ хочется, однако, чтобы этого не было, забыться хочется, но нѣтъ никакой возможности; какъ ни отгоняй этотъ грозный призракъ, — онъ все равно приходитъ... Нѣтъ возможности жить, нѣтъ силъ жить такъ... Какъ тяжело тогда! Какъ хочется плакать, рыдать! Какъ больно тогда чувствовать себя одинокой, какъ безумно хочется, чтобы была рядомъ мама! Къ ней прильнуть, забудется, кажется, этотъ гнетъ, отдохнешь тогда... Якоремъ спасенія представляется она... О, моя Дорогая... Скорѣе, скорѣй. Какъ безумно тяжело бываетъ минутами. Разбитой жизнью (это я то?!) чувствуешь себя...

Вотъ, въ этомъ чувствѣ, главнымъ образомъ, сказывается гибельное вліяніе времени... на дѣтей, мнѣ кажется. Я понимаю теперь, почему говорятъ, что годъ жизни въ теперешнее время равенъ десяти годамъ обыкновенной и спокойной. Да, Рая не чувствуетъ времени, — это изъ ея письма видно; въ этомъ отношеніи она ребенокъ, а я — выросла. И, все-же, я не отдала-бы этого, не согласилась-бы промѣнять его на ея невѣдѣніе. Но, вотъ, другимъ общая жизнь не мѣшаетъ-же жить своей частной жизнью? Почему? Потому что у меня ея нѣтъ, и я знаю, что она зависить отъ внѣшнихъ обстоятельствъ? Только мнѣ кажется, что теперь, даже, когда мы будемъ устроены, я буду болѣе сознательна, чѣмъ мои сверстники. Эта жизненная школа даромъ не проходить.

Такъ устала, такъ безконечно устала я отъ этой жизни! И, хотя тогда общая жизнь будетъ не лучше, все-же состояніе будетъ покойнѣе. Но усталость у меня — отъ общей жизни: она причина причинъ.

Я рѣшила бороться теперь съ этимъ чувствомъ апатіи, овладѣвающимъ мною въ моменты припадка такой тоски. Пусть будетъ у меня, какъ у другихъ: своя частная жизнь — особъ статья, а то — другое! Но нѣтъ. Это чрезвычайно трудно: въ Саратовѣ я знала, что, что-бы ни было, а наша жизнь будетъ течь по прежнему, а здѣсь я чувствую ее неразрывно, тѣсно связанной съ общей. И это не малую роль играетъ въ

моемъ чувствѣ тоски. Но, все-же, это возможно, и я постараюсь поддерживать свой духъ, свою энергію на извѣстной высотѣ. Для самой себя. Мое нравственное самочувствіе будетъ тогда лучше. Надо поддерживать себя, чтобы имѣть силу — жить.

Я не хочу допускать этихъ моментовъ апатіи. А для этого мнѣ не надо допустить, чтобы частная и общая жизнь смѣшивались.

Какъ-же я это сдѣлаю? Я буду прогонять свои мысли, какъ только онѣ побѣгутъ по опасному уклону. Я... я буду самообманываться. Да, надо сознаться, что, въ концѣ концовъ, это будетъ лишь самообманъ. Но пусть! Отъ него никому и ничему не убудетъ, а мнѣ будетъ лучше.

Надо говорить себѣ, что все, заставляющее падать духомъ далеко не такъ ужасно. Вотъ, это я хочу сдѣлать и, надѣюсь, съумѣю исполнить. Я не буду поддаваться внутреннему голосу, безнадежно шепчущему, что наша жизнь неразрывно связана со временемъ, да, вдобавокъ, такъ связана, что никакъ не можетъ устроиться и что, поэтому, все кончено и ничего не будетъ. Нѣтъ, я не хочу этого. Я настойчиво буду говорить себѣ, что съ прїѣздомъ, — какъ-бы это понѣжнѣй сказать, не подберу, — мамы, все устроится. Я не буду поддаваться впечатлѣніямъ отъ газетъ, приносящихъ тяжкія вѣсти. Не буду поддаваться тому, что они, извѣстія, опять ухудшили наше (частное) положеніе. Черезъ четыре-пять дней все должно устроиться, — и баста!

Вотъ, такъ хочу я всегда вѣрить, и тогда будетъ хорошо.

Встанешь утромъ, и все хорошо. Повозисься, и идешь по дѣламъ. Погода великолѣпная. Солнце ярко свѣтитъ съ голубого неба, еще почти не грѣя, но, несмотря на это, подъ его лучами становится легко и хорошо. Все тяжелое, все гнетущее исчезаетъ, уступая мѣсто мечтамъ, радужнымъ и свѣтлымъ.

Въ мечтахъ ничего особеннаго нѣтъ, но потому, что свѣтитъ солнце и все кругомъ блеститъ въ его лучахъ, онѣ тоже превращаются въ яркія и свѣтлыя.

Я пробовала мечтать о томъ-же безъ солнца, и — странное дѣло — не могла этого сдѣлать. Въ нихъ не было уже той прелести. Солнце... живительное и яркое! Чѣмъ объяснить такое великое и большое значеніе, кромѣ матеріальныхъ благъ, неодушевленнаго предмета? Вотъ, идешь тогда и думаешь о томъ, какъ чудно лѣтомъ или весной, когда все зелено; все живетъ. И представляешь себѣ лѣсъ, поле, садъ... И такъ дивно, такъ легко тогда!

Скоро наступитъ весна. Въ первые ея моменты нетерпѣніе овладѣваетъ мной. Зеленѣющія почки, ручьи воды, весенній воздухъ, имѣющій какую-то необыкновенную прелесть, живительность, дразнить и манять. Они напоминаютъ о томъ, что скоро все оживетъ. И тогда хочется кричать: „скорѣй, скорѣй“!..

Какъ можно не любить природы, какъ можно быть равнодушной къ веснѣ? Это, воистину, чудесное время!

Каждое время чудесно, и всегда, при приближеніи одного изъ нихъ, кажется, что оно наипрекраснѣйшее. У меня теперь это съ весною. Когда я думаю о ней, мнѣ хочется громко пѣть, кричать, кружиться бѣшенно. Но, все же, я боюсь утверждать, что весна — лучшее время, хотя мои мысли склоняются къ этому, но я знаю, что то-же мнѣ хочется говорить и лѣтомъ, и осенью... Разница только въ томъ, что каждое время навѣваетъ свои мысли, — вотъ и все. Но надо забыть эту иллюзію, надо вернуться къ дѣйствительности: пришли что-то про обыскъ говорить!..

6 Марта. Какъ тяжело! Каждый день послѣ обѣда, во время котораго сообщаются всѣ новости дня, мной овладѣваетъ страшная тоска и безумно хочется плакать. Сегодня это еще больше, чѣмъ всегда. Я не вижу уже ясно причины; мнѣ просто тяжело, тяжело... Я знаю: это отъ времени. За обѣдомъ окончательно разлетается создающаяся утромъ иллюзія, что и а ша жизнь вскорѣ будетъ нормальной; все покрывается мракомъ, и не видно разсвѣта, и тяжело, тяжело! Теперь я по-

нимаю, чѣмъ ужасна жизнь въ Москвѣ; не голодомъ страшна она, а этой безумной нервностью и наэлектризованностью.

Трудно удерживаться отъ апатіи, когда сообщаютъ о ежедневныхъ захватахъ анархистами домовъ, объ аэропланахъ надъ Москвой... А, впрочемъ, надо трезвѣе смотрѣть на вещи, не надо такъ разстраиваться. На меня все это такъ сильно и удручающе дѣйствуетъ потому, что наша жизнь не устроена, потому что въ самомъ корнѣ надломлена я.

Но трудно, очень трудно удерживать отъ сліянія эти обѣ жизни: общую и свою. Ну, какъ будешь говорить себѣ, что съ прїѣздомъ мамы все у насъ устроится, мы заживемъ хорошо, нормально, когда знаешь, что каждый день готовить намъ новые сюрпризы.

Такое состояніе находить на меня временами, — обычно, на полчаса послѣ обѣда, — но, вотъ, сейчасъ оно прошло, и стало легче, совсѣмъ хорошо. Мнѣ кажется, однако, что тогда, когда все представляется мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ, взглядъ мой правильнѣе, потому что, дѣйствительно, положеніе отчаянное.

Нѣтъ, не надо отчаяваться, и вотъ почему: что-бы ни было, вообще, у насъ, и ничего не быть не можетъ, уже потому, что „что-нибудь“ должно-же быть въ концѣ концовъ. Что-нибудь. Нельзя-же жить, ожидая, что скажутъ событія. Это противно всѣмъ человѣческимъ законамъ: частная жизнь должна существовать. Какъ-нибудь будетъ. Мы должны устроиться, независимо отъ того, что нѣмцы продолжаютъ наступать, что хорошаго ничего не предвидится. Мы должны! Нельзя жить, ожидая. Законъ природы говоритъ, что, независимо отъ общаго теченія жизни, исторіи, мелкія частицы этой жизни должны жить, каждая своей жизнью. Я говорю „законъ природы“, потому что я не могу въ точности и ясности доказать причину, но, несмотря на это, всѣмъ существомъ своимъ знаю, убѣждена, что такъ должно быть. Какой-то инстинктъ говоритъ мнѣ, что это такъ и, что я не ошибаюсь. Итакъ, спокойствіе и терпѣніе.

А, все-же, мнѣ кажется, что мы устроимся въ Москвѣ. Видите-ли, даже, когда жить мы будемъ у себя и начнутъ за-

нѣтя, т. е. то, чѣмъ, какъ я знаю, должна быть заполнена „нормальная“ жизнь, все-же, мы будемъ жить будущимъ. Мы будемъ ждать, что будетъ, что скажутъ событія. Собственно говоря, человѣкъ всегда живетъ вѣрой и надеждой на будущее, она, эта вѣра, поддерживаетъ его, и безъ нея жизнь невозможна.

Вотъ, почему, мнѣ кажется, въ Саратовѣ моя Дорогая такъ тосковала; въ будущемъ не представлялось тамъ ничего, оно было лишь пустотой...

Мы, дѣти, т. е. болѣе или менѣе сознательные изъ насъ, подростки и юноши, живемъ имъ, это ясно. А взрослые?..

Въ каждомъ человѣкѣ живетъ эта вѣра; онъ можетъ ощущать или не ощущать ее, но она существуетъ. Она относится къ болѣе или менѣе далекому будущему, но она есть. Какъ только мы не видимъ будущаго, на насъ находитъ то состояніе, которое въ послѣднее время овладѣваетъ такъ часто мною.

Оно, собственно, изъ-за этого и происходитъ.

... Но, что ни говори, а какъ вспомнишь, что дѣлается въ Россіи, такъ холодно станеть. Но больше бодрости, больше вѣры!

(Послѣ). Нѣтъ, какъ ни успокаивай себя, нельзя, все-же, совершенно отдѣлать свою жизнь отъ общей. Ненормальность времени все равно чувствуется. У меня не хорошо то, что нѣтъ середины: или я совершенно опускаюсь, или — слишкомъ забываюсь. Надо смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ есть. Положеніе скверное, отчаянное. Но надо помнить, что, несмотря на все, нельзя смотрѣть на себя, какъ на совсѣмъ пропащихъ, выбитыхъ изъ колѣн... Что будетъ со всѣми, — будетъ и съ нами, а пока, все-же, мы будемъ жить. Таковъ законъ, противъ котораго никто ничего не можетъ сдѣлать. Но, когда думаешь о томъ, что скоро я буду заниматься, невольно приходитъ въ голову: „къ чему это, когда все равно все по рѣзкому уклону идетъ къ концу, когда разсвѣта не видно впереди?“ И, вотъ, когда это приходитъ въ голову, тогда надо сказать себѣ, что, что-бы ни было, частная жизнь будетъ су-

ществовать, она будет итти независимо отъ общихъ рамокъ; что будущее, узкое, только наше, — принадлежитъ намъ. Что, пока мы живы, мы, несмотря на все, будемъ жить, мы должны жить, даже, если-бъ не хотѣли. Непроизвольная сила, независящая отъ насъ, заставляетъ насъ, все-таки, ждать. Съ такимъ взглядомъ на вещи легче дышется, когда вспомнишь о времени, и тутъ-же невольно представляешь себѣ безвыходность теперешняго положенія.

Выходъ есть: онъ въ томъ, что время никогда не останавливается, и все бѣжитъ впередъ, а, потому, замкнутой фигуры наше положеніе представлять не можетъ!

Можно сказать, что это — эгоистичный, слишкомъ мирный взглядъ на вещи. Но на это у меня вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Правда, что при такомъ отношеніи къ дѣлу общая жизнь представляется чѣмъ-то далекимъ, независимымъ отъ частной.

Но такой взглядъ не можетъ быть эгоистичнымъ уже потому, что отъ этого отношеніе наше къ общему нисколько не измѣняется.

Мы такъ-же можемъ находить, что дѣло скверно, что Россія идетъ къ гибели и т. д. Только, все это будетъ независимо отъ нашей частной жизни... И независимо потому, что о ней мы вовсе думать не будемъ, предоставляя ее теченію времени.

Мнѣ кажется, что такъ можетъ разсуждать всякій, прямого отношенія къ дѣлу не имѣющій, т. е. такого какъ Ленинъ, Троцкій и др... Такъ могутъ думать всѣ, кто не является, какъ будто-бы, вершителемъ судебъ человѣчества, т. е. чья судьба по настоящему не связана съ общей дѣятельностью. И даже эти „вершители судебъ“ имѣютъ свою частную жизнь, пожалуй, только намъ она не видна. Мы же, пассивные зрители, можемъ утѣшаться моимъ разсужденіемъ. И не только можемъ. Оно вполнѣ справедливо. Можетъ быть, другимъ людямъ и не нужно его, этого разсужденія, они не смѣшиваютъ своей жизни съ общей, но у меня, временами, это бываетъ, и, потому, мнѣ оно очень кстати пришло въ голову. И все это,

я увѣрена, только оттого, что у меня нѣтъ этой постоянной частной жизни.

Конечно, главной отравой теперешней жизни является сознание, что она временна, и то, что я не знаю, когда наступит окончательная, зная въ то-же время, что наступить она должна... Если-бы мнѣ сказали, что такъ, какъ я живу сейчасъ, я буду жить все время, дѣло-бы измѣнилось и я успокоилась-бы, но я знаю, что это лишь временно.

Еще одна особенность, появившаяся вслѣдствіе этой, все-же, ненормальной жизни. Прежде, во времена оныя, въ то время — (ловлю себя на томъ, что прислушиваюсь къ звонкамъ, считая, что это могутъ быть чужіе, и, слѣдовательно, есть шансы на то, что это можетъ быть мама) — какъ мы жили въ Саратовѣ, и я посѣщала гимназію, занималась или, — другими словами, — все было опредѣленно, тогда день былъ болѣе яркимъ, тогда время имѣло свою особенную окраску. Среда выглядела такъ, четвергъ — уже по другому, а воскресенье, черезъ двѣ недѣли, тоже имѣло свой цвѣтъ. Зная, что наступаетъ весна, я знала, что это внесетъ особенныя перемѣны, какъ-то: близится конецъ учебнаго года, затѣмъ наступитъ лѣто, дача и т. д., а теперь этого нѣтъ. Всѣ дни стали сѣренькими и, заглядывая въ будущее, я вижу ихъ все такими-же. Наступаетъ весна, но она не несетъ съ собой ничего; все то-же; и я перестаю различать, какъ тогда, красочно такъ, время. Мнѣ начинаетъ казаться, что оно стоитъ и не движется, что времена года остановились. И это оттого, что я не вижу въ будущемъ перемѣнъ, приносимыхъ каждымъ временемъ года.

Я еще — вотъ что хочу сказать. Ужасно глупо смотрѣть, — конечно считая, что жизнь общая идетъ нормально, — на перѣздъ въ Москву, какъ на что-то, могущее принести много свѣтлыхъ и яркихъ перемѣнъ. И тутъ, въ Москвѣ, можно жить сѣро и скучно. Тутъ есть только возможность жить интересно. И потомъ, что сдѣлаешь безъ людей? Раньше всего, люди по душѣ нужны, а, въ общемъ, жизнь тутъ идетъ такъ-же, какъ и тамъ. И ужасно наивно такъ вѣрить въ него, какъ вѣрила я.

7 Марта. Я думала о томъ, что написала вчера, о своемъ взглядѣ на событія, и пришла къ заключенію, что онъ совершенно вѣрнъ. Такой взглядъ хорошъ лишь для тѣхъ, у кого бывають мои минуты апатіи. Вѣдь, онъ говоритъ лишь то, что нельзя смотрѣть на настоящее, какъ на замкнутый кругъ, что „что-нибудь“ должно быть. Поэтому, утѣшеніе отъ него весьма слабо и годно лишь тогда, когда, подъ давленіемъ всего окружающаго, кажется, что нѣтъ никакого исхода. Тогда онъ придаетъ бодрость и безусловно можетъ помочь въ сохраненіи бодрого духа. Это, даже, не разсужденіе, не выводъ изъ доказательствъ ума, — это лишь напоминаніе истины, существующей и жизненной.

Отдѣленіе себя отъ окружающаго — немислимо: мы всегда будемъ чувствовать, что жизнь наша находится въ зависимости отъ общей жизни.

Такое отдѣленіе — не безусловное, не полное — еще болѣе или менѣе возможно въ тихомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ глуши, въ провинціи. Здѣсь-же, въ Москвѣ, оно совершенно немислимо. И, скажу еще разъ, все, что мы можемъ сказать себѣ для своего успокоенія, заключается, именно, въ томъ, что время не останавливается, и, слѣдовательно, „ничего“ не быть не можетъ. Какъ тяжела ни была-бы общая жизнь, частная все-же будетъ существовать. Нѣтъ, эта фраза уже лишняя и сюда не относится... Вся доктрина моя заключается только въ томъ, что что-нибудь будетъ, что время безпрестанно движется впередъ. Большаго сказать себѣ мы не можемъ и не смѣемъ.

Что-же касается частной жизни, то о ней я должна сказать слѣдующее: чѣмъ ближе она къ центру, тѣмъ менѣе возможно ея отдѣленіе, тѣмъ больше чувствуется время. Можно даже сказать, что, чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ меньше инициативы частной жизни, тѣмъ больше жизни „пока“ и ожиданія. Въ самомъ-же центрѣ, какъ въ максимумѣ, она можетъ почти замереть. Степени ея находятся въ зависимости отъ самого индивидуума. Къ этому я прихожу по собственнымъ ощущеніямъ: въ Саратовѣ общая жизнь, казалось мнѣ, находится внѣ круга

моей жизни, которая от нея была совершенно изолирована; въ Москвѣ-же я чувствую себя неразрывно съ ней связанной. Правда, этой разницѣ способствуетъ многое: ухудшеніе положенія Россіи съ Октября 1917 г. по теперешній день, разстройство моей частной жизни и моя возмужалость, происходящая отъ причинъ, вызвавшихъ второе условіе. Но, все-же, я увѣрена, что теорія моя о томъ, что, ближе къ центру, общее ощущается сильнѣй, — вѣрна. Что-же касается совершеннаго, т. е. почти совершеннаго замиранія частной жизни, то и тутъ, въ Москвѣ, можно жить своимъ настоящимъ, но, однако, общая жизнь все-же будетъ врѣзываться и сплетаться съ частной. Человѣку не свойственно думать только объ общемъ. Сознательная и ощущающая, на себѣ, даже, тяжелое положеніе Россіи и напряженность момента, онъ, все-же, будетъ жить своею жизнью и, даже, веселиться, и т. п. Я представляю себѣ это въ видѣ двухъ силъ, одной — отъ ума, другой — произвольной.

Первая — это будетъ сознание момента, вторая — заставляющая его существовать и даже развлекаться. Человѣкъ, не разсуждая, не думая о томъ, что и зачѣмъ онъ дѣлаетъ, будетъ покоряться ей. Поэтому театры, кафе, кинематографы и т. п. въ Москвѣ — полны. Я не представляю себѣ, чтобы люди могли сознательно это дѣлать, т. е. дѣлать отъ ясно выраженаго желанія пойти въ эти мѣста. Мнѣ кажется, что они дѣлаютъ это лишь по инерціи, подъ давленіемъ какой-то внутренней, толкающей ихъ силы. Конечно, я сужу по себѣ.

Тутъ, въ Москвѣ, совершенная частная жизнь мнѣ не представляется возможной. Мнѣ все кажется, что у каждаго она слишкомъ тѣсно связана съ общей.

Конечно, частная жизнь можетъ существовать, а можетъ и сойти на нѣтъ ...

Представимъ себѣ такое положеніе: городъ обстрѣливается нѣмцами ... Ясно, что частной жизни быть тогда не можетъ. Жители, прячущіеся въ погребахъ, живутъ только „пока“, а потому, у нихъ нѣтъ жизни. И, какая-же можетъ быть она, когда надъ головой рвутся снаряды. Тогда она всецѣло сливается съ общей жизнью. Я хочу только сказать, что и тогда

законъ движенія времени можетъ спасти отъ апатіи и окончательнаго отчаянія. Правда, положеніе прячущихся не изъ пріятныхъ, но и оно не безвыходное. Въ такомъ случаѣ, не надо думать о будущемъ, приходится довольствоваться тѣмъ, что „что-нибудь“ со временемъ будетъ. Вотъ, — выходи!

Итакъ, и частная жизнь можетъ совершенно замирать, но стихійнымъ явленіе это быть не можетъ. Его можно разсматривать лишь, какъ одинъ изъ отдѣльныхъ случаевъ ... Я могла-бы многое еще сказать ... Много думается за послѣднее время, но мысли эти вертятся вокругъ событій, и — поэтому — въ высшей степени реальны и жизненны.

8 Марта. Сегодня у меня удивительно хороший день, а потому и философія моя опять измѣнилась. Получили письмо, что мама, вѣроятно, въ субботу выѣдетъ. Слѣдовательно, въ понедѣльникъ будетъ здѣсь. Что же касается разрѣшенія на въѣздъ въ Москву, то сегодня пріѣхали и безъ него ...

Мамуся пріѣдетъ, мы возьмемъ квартиру, — благо на примѣтъ есть у папы нѣсколько, — и заживемъ. Гопъ, гопъ! Какъ, будетъ славно!!

Когда все хорошо, то вѣрится въ будущее, и все представляется розовымъ. Хочется думать, что тогда время опять окрасится и, вообще, все будетъ хорошо.

Пока можно жить въ Москвѣ. Другіе живутъ и мы будемъ жить. Тра-ля-ля! — Будетъ хорошо!

Но вчера вечеромъ, когда прочитали въ газетахъ о запрещеніи въѣзда въ Москву, мнѣ сдѣлалось, ой! ой! какъ не по себѣ! Такъ обидно, такъ горько обидно было, что Дорогая не можетъ пріѣхать ... И сегодня утромъ — тоже. Тогда я попробовала утѣшить себя своей философіей и, несмотря на все, было все-же горько, обидно и тяжело. Но, однако, это помогло немного. Я говорила себѣ: отчаяваться не надо; что-нибудь будетъ, и, собственно, это на каплю успокоило меня.

Надо добавить: первое, въ чемъ я отчаявалась: я не думала, что мама не прїѣдетъ въ Москву. Намъ, т. е. мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что происходящее, въ концѣ концовъ, совершается внѣ насъ, и, поэтому, мнѣ казалось, что, такъ или иначе, мама проберется въ Москву. Отчаяніе и тоска мои происходили отъ того, что я не знала, какъ это произойдетъ и когда, — словомъ, отъ того, что положеніе сильно ухудшилось, и тогда разсужденіе, что „что-нибудь“ будетъ, мало помогало. Для этого надо было предположить, что „что-нибудь“ должно понимать въ смыслѣ хорошаго: въ данномъ случаѣ то, что, такъ или иначе, мама прїѣдетъ.

Вчера я не совсѣмъ вѣрно выразилась. „Что-нибудь“ надо понимать въ смыслѣ обязательнаго удачнаго выхода изъ дѣла, т. е. признать, что безвыходнаго положенія быть не можетъ, а по другому, въ прямомъ смыслѣ, „что-нибудь“ утѣшенія принести не можетъ. Что-же касается безвыходнаго положенія, то, насколько я о немъ могу судить, не побывавши въ немъ, время и обстоятельства могутъ всегда продиктовать, что нужно дѣлать.

А, впрочемъ ... Что сдѣлаетъ человѣкъ, желающій сейчасъ ѣхать въ Петроградъ? Онъ никакъ не можетъ. Въ этомъ отношеніи положеніе его получается безвыходное. Правда, что тогда онъ остается въ Москвѣ и т. д., но это уже не то. И, все-же, положеніе безвыходное. Тогда остается еще одинъ исходъ: покориться. Это — послѣднее, что можно сдѣлать.

Я опять нашла истинное значеніе своего „что-нибудь“, опять почувствовала его, и согласна съ нимъ.

Но, пока, больше надежды на то, что мама прїѣдетъ, а о дальнѣйшемъ нечего думать. А, право, хорошо имѣть такъ свою философію: съ ней легче жить. Только, чтобы быть истинной, она должна быть выстрадана жизнью и вся на ней основана. Тогда только можно жить по ней, а сухая, книжная философія къ жизни непримѣнима.

Что касается частной жизни, то это зависитъ больше всего отъ самаго индивидуума.

Надо признать, что и въ самомъ центрѣ возможна жизнь частная, совершенно полная. Это зависитъ лишь отъ степени зависимости ея отъ общей жизни и отъ ббльшаго или меньшаго личнаго благополучія даннаго лица. Мнѣ нѣсколько трудно представить это себѣ, благодаря тому, что первое условіе для меня очень сильно, а второе — довольно слабо. Словомъ, замѣтна разница между моимъ вчерашнимъ и сегодняшнимъ настроеніемъ. Господи, только-бы ничего, вправду, не помѣшало мамѣ благополучно доѣхать. Разъ, въѣздъ въ Москву запрещень, нѣтъ смысла въ томъ предположеніи, что мама можетъ пріѣхать. Но, вѣдь, другіе пріѣзжаютъ! Этотъ аргументъ картину совершенно измѣняетъ. Разъ — однимъ возможно, почему другимъ будетъ невозможно?! Не надо отчаяваться, пока ясно не ощутишь на себѣ неотвратимаго дѣйствія жизни. Не надо потому, что, можетъ быть, ударъ пройдетъ мимо. А, разъ это „можетъ быть“ поддерживааетъ человѣка и не невозможно, зачѣмъ сознательно отказываться отъ утѣшенія?!

Человѣку свойственно надѣяться . . .

9 Марта. Нѣтъ! Я не могу понять, какъ люди могутъ жить, совершенно не касаясь общей жизни. Для меня она теперь является главной. Взять, хотя-бы, чтеніе . . .

Какъ только въ немъ совершенно нѣтъ ничего напоминающаго теперешнее время, оно кажется мнѣ безконечно далекимъ отъ меня. И театры тоже. Они — изъ другого міра. Ихъ міръ прекрасенъ, но, все-же, онъ для меня дальше этого, суроваго, по сравненію съ нимъ, міра. И, поэтому, мнѣ не можетъ хотѣться, какъ раньше, пойти туда. Я не могу желать этого такъ пылко, такъ страстно, какъ когда-то . . . Я пойду туда и буду наслаждаться, но это будетъ лишь временнымъ отвлеченіемъ отъ истинной жизни.

Я много думала вчера вечеромъ о частной жизни. Раньше мое будущее представлялось мнѣ вполне опредѣленнымъ. Не въ смыслѣ того, что я буду дѣлать, а въ смыслѣ того, что я выросту, буду путешествовать . . . Я видѣла безъ опредѣленныхъ формъ, но чувствовала свою жизнь. Она представлялась мнѣ чѣмъ-то существующимъ (только въ будущемъ), реальнымъ.

Словомъ, я знала, что у меня будетъ жизнь, и въ общихъ формахъ осязала ее.

Теперь-же мѣра времени потеряна. Я не могу думать о своемъ будущемъ, даже, какъ видите, сравнительно недалекомъ. Все сливается у меня съ общей жизнью, и будущее представляетъ собой только то, что она скажетъ. Будущая осень — для меня пустой звукъ; я не представляю себѣ, когда это будетъ. Я не могу думать о томъ, что у меня будетъ, потому что передъ моею жизнью стоитъ призракъ того, что позволить и скажетъ она, жизнь общая. Она все заняла, все заслонила.

Я говорила уже, что мнѣ кажется, что время остановилось и, что пошло оно по другой дорогѣ. Раньше время было: „весна“, „лѣто“, „осень“, „зима“, „будущій годъ“, „когда я выросту“ и т. д. А теперь это все пропало, все сливается съ тѣмъ, что будетъ, вообще, что скажутъ событія... Другой мѣры нѣтъ! Да, время имѣетъ громадное вліяніе на формирование человѣчества. За мою жизнь внѣ дома, съ октября, я многое узнала, передумала, я стала другимъ человѣкомъ. И, поэтому, я рада, что столько пережила: прежде ослѣпленная, я вижу теперь все въ настоящемъ свѣтѣ. Да, такъ вотъ, нашей частной жизни я не могу себѣ представить. Въ моемъ понятіи не укладывается жизнь, полная своихъ мелкихъ личныхъ интересовъ. Я думала вчера вечеромъ, какъ-же это бываетъ, — и не могла представить себѣ.

Право, любопытно, буду ли я жить полной своей жизнью. Хотѣлось-бы.

Что-же сказать? Конечно, ни о чемъ другомъ, какъ о касающемся времени, я не могу говорить: у меня нѣтъ другихъ интересовъ. А, въ общемъ, положеніе такое: миръ заключенъ; продолжаютъ ли германцы наступать, въ точности не извѣстно; предполагается, что — да.

Петроградъ эвакуируется; на югъ — германцы и украинцы продолжаютъ наступать; на Дальнемъ Востокѣ союзники, того и гляди, вмѣшаются въ дѣло... Внутри страны разруха полнѣйшая, въ Москвѣ продовольственный вопросъ обострился почти до крайности, но, пока, за деньги можно все имѣть... Съ каждымъ днемъ реквизируются и захватываются новые дома

и особняки ... Анархисты значительно усиливаются. Это последнее, конечно, никак нельзя отнести къ „общему положенію“ ... На вторникъ, годовщину революціи, предполагается выступленіе большевиковъ и, какъ будто, противъ анархистовъ. Предположеніе можно считать почти фактомъ. Дѣло обѣщаетъ быть жаркимъ ...

Вотъ, лучший примѣръ того, какъ все сливается у меня. Если, иногда, я и переносюсь въ будущее, что не часто бываетъ теперь, мнѣ сейчасъ-же приходитъ въ голову: „какъ можешь ты думать о томъ, что съ тобою будетъ, когда не знаешь, позволить ли это время? При такой неизвѣстности, какъ можешь ты представлять себѣ свою частную жизнь?“ Надо сказать, что и такъ мечтанія мои — безъ времени и мѣста ...

Мечтая, я не представляю себѣ, что это будетъ, мнѣ просто хорошо думать объ этомъ. Но, когда этотъ голосъ напоминаетъ мнѣ лишній разъ дѣйствительность: — „Да, конечно“, соглашаюсь я, или вѣрнѣе заглашаю пробуждающій меня реализмъ, „этого можетъ и не быть, но я буду мечтать, — слишкомъ это хорошо — забыть о дѣйствительности; не думать, что это будетъ, а просто такъ, ничего не думать“ ...

Оказывается, сейчасъ получилась телеграмма, что раньше среды мама не пріѣдетъ. Печально!

11 Марта. Я много почувствовала съ тѣхъ поръ, какъ писала послѣдній разъ. Да, такъ много, что не знаешь, съ чего начать.

Мою послѣднюю радость и новость составляетъ то, что мама пріѣдетъ въ четвергъ. Пріѣздъ ея почти обезпеченъ. Оказывается, что вѣхать можно будетъ тѣмъ, кто постоянно живетъ въ столицѣ и случайно былъ разлученъ съ семьей. Господи, хоть-би теперь ничего не помѣшало, и мама, наконецъ, пріѣхала!.. Сегодня я не знаю, почему такъ болѣзненно жду ея пріѣзда: я не ощущаю радости, что онъ принесетъ намъ измѣненія, что мама привезетъ новости... Я просто до ужаса хочу, чтобы Дорогая уже пріѣхала.

Завтра годовщина революціи. Будеть праздникъ, шествія, митинги и т. д. Но пройдетъ ли день этотъ тихо и мирно? Многие говорятъ, что будетъ „весело“ ...

Годъ тому назадъ! Живо помню я радостное, единодушное чувство, охватившее всѣхъ русскихъ при первыхъ вѣстяхъ о свободѣ. Какъ молодо, радостно было все!.. Прошелъ годъ!.. Сколько измѣненій и перемѣнъ!.. Весенній праздникъ, когда все кругомъ было, казалось, освѣщено лучами солнца и играло въ нихъ, превратился въ страшную драму. Нѣтъ иллюзій, нѣтъ сказокъ весны ... Жизнь встала передъ нами. Какъ сурова и неприглядна она!.. Какъ постарѣли всѣ за этотъ годъ! Правда, его хватило-бы на десять лѣтъ ... Какъ много, много измѣнилось ... А, между тѣмъ, уже бывали такія переживанія какъ наши. Такія-же — по суровости и ужасу совершающагося...

Если взглянуть на наше время съ исторической точки зрѣнія, мы не увидимъ тогда безпросвѣтной анархіи, картины, полной мрака и ужаса, изъ которой, кажется, нѣтъ выхода, а лишь историческое явленіе, грандіозное, правда, по своему размаху, но, все-же, лишь преходящую ступень исторіи.

Міръ жилъ до нея, онъ переживалъ уже такія катастрофы, онъ переживетъ и эту... Время такъ же будетъ идти впередъ... Все пройдетъ, опять будетъ спокойно... до новаго взрыва... И, потому, — слова эти не мои, но вѣрнѣе ихъ ничего въ данномъ случаѣ подыскать нельзя, — вопросъ не въ томъ, что будетъ, а вопросъ въ томъ, какъ самимъ пережить этотъ кошмаръ намъ, людямъ съ ограниченнымъ кругозоромъ. Лишь-бы мы пережили!.. А, вообще, такъ или иначе, міръ переживетъ это время. Мы не знаемъ, что будетъ впереди, но съ увѣренностью можемъ сказать, что „что-нибудь“ будетъ. Только намъ, пожалуй, не узнать, что будетъ; мы такъ и умремъ до разрѣшенія кровавой эпопеи...

Я этимъ не хочу вовсе сказать, что людямъ не слѣдуетъ принимать участія въ событіяхъ и ограничиваться лишь ролью пассивныхъ зрителей... Законъ таковъ, что люди движутъ событіями. Они, конечно, не вызываютъ ихъ, — это исполняетъ время, жизнь народа, его развитіе и т. д., словомъ, жизнь

общая или исторія, — они только становятся во главѣ движенія, руководя, опять таки, лишь въ глазахъ толпы; шаги вызываются тоже общей жизнью, но, несмотря на это, все-же событія не обходятся безъ выдѣленія отдѣльныхъ личностей изъ толпы. Такъ вотъ, законъ непрерывности говоритъ намъ, что люди такіе не переведутся, что они будутъ слѣдовать одинъ за другимъ, и такъ безъ конца, безъ конца. Есть законъ и на то, что не могутъ люди быть лишь зрителями. Говоря обо всѣхъ людяхъ, какъ объ одномъ лицѣ. Кто-нибудь долженъ стоять во главѣ. Онъ долженъ руководить событіями.

Вотъ, законъ природы: временемъ, событіями управляють не люди: безчисленное множество причинъ вызываетъ ихъ, но, тѣмъ не менѣе, ни одно выдающееся событіе не обойдется безъ главы. Зачѣмъ это нужно тогда, разъ они не могутъ измѣнить дѣла? Я могу на это отвѣтить.

Признавая, въ общемъ, зависимость явленій отъ историческихъ условий, я не могу сказать, что это такъ, вплоть до мельчайшихъ раздѣленій этихъ самыхъ событій. Безусловно, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ своей первоначальной причиной волю человѣка, но многочисленные предшествующіе факты, обезпечивающіе появленіе человѣка, предопредѣляютъ его волю. Вотъ, самый лучший и краткій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Люди, находящіеся во главѣ историческаго движенія, являются необходимымъ орудіемъ исторіи для направленія дѣйствій. Я хочу сказать, что не признаю другой высшей власти, державно опредѣляющей судьбы человѣчества, кромѣ власти времени, исторіи, кромѣ власти с а м о й жизни... Мнѣ кажется, другой нѣтъ; и, потому, человѣкъ „является необходимымъ орудіемъ“, т. е., придавая ему значеніе неодушевленнаго предмета, я не хочу указать, какъ на источникъ этого, — на волю высшаго существа, а лишь этимъ указываю на законъ природы, т. е. такой, который безъ дальнѣйшихъ объясненій, является закономъ строительства жизни. Закономъ безъ начала, вышедшимъ изъ самыхъ нѣдръ существующаго. Итакъ, эти люди, вожди, необходимы. Людямъ, не признающимъ высшихъ надъ собой, царямъ природы, надъ кого-

нибудь въ руководители; другого пути нѣтъ. Это нужно для людей, для исторіи...

Впрочемъ, довольно философіи. Она сильно отдастъ Л. Толстымъ, хотя мнѣ кажется, что она является лишь продуктомъ моихъ собственныхъ размышлений, но утверждать этого я не буду. Сама я надъ этимъ никогда серьезно и подолгу не задумывалась, а начала писать, и слова полились готовыми, — развѣ такъ можетъ создаваться свое убѣжденіе?.. А, между тѣмъ, я вѣрю тому, что написала. Возможно, что безсознательно оно навѣяно мнѣ „Войной и Миромъ“. Не буду читать теперь ничего, пока не будетъ у меня объ этомъ своихъ убѣжденій, не буду читать доказательствъ и ученій...

14 Марта. Мама не пріѣхала. Будетъ въ субботу. На этотъ разъ, это, кажется, была уже послѣдняя задержка.

Надѣюсь, что время быстро пройдетъ: сейчасъ уже пять часовъ. Завтра — дѣти будутъ, — съ ними играть буду. А потомъ, вотъ, — и суббота.

Въ политической жизни — хорошаго мало. 17-го узнаемъ будетъ ли ратифицированъ миръ; смахиваетъ на то, что да.

Когда не читаешь газетъ, немного забываешься, но не читать ихъ нельзя. Правда, что отъ этого ни лучше, ни хуже никому не будетъ. И, разница только въ томъ, что ты самъ, усыпляя себя, живешь въ другомъ мѣрѣ, гдѣ все не такъ страшно и мрачно. И, несмотря на это, нельзя не читать газетъ, потому что ихъ мѣръ, — хоть и страшный, — но мѣръ настоящей, жизнь; а тотъ, что создается невѣдніемъ, — ложный. А жить надо настоящей жизнью. Надо имѣть мужество жить такъ, какъ жизнь идетъ. И чему поможетъ такое самоусыпленіе? Все равно, когда придутъ событія, — настоящая жизнь захватитъ въ свои объятія.

Но я за послѣднее время, — нѣсколько дней, — не читала, и, что Вы думаете, — хуже стало. Какая-то пустота образовалась внутри меня, исчезло послѣднее, что поддерживало

меня. Теперь — полнѣйшее отсутствіе всякихъ интересовъ и, право, полная апатія. Живешь только ожиданіемъ... пока — маминаго приѣзда. Махнула на все рукой, т. е. само какъ-то махнулось. Ничего не осталось, ничего...

Какъ будто такъ: кругомъ меня — сѣро, холодно и пустынно; все одинаково сѣро, а вдали — яркій свѣтъ: маминъ приѣздъ, суббота. Почему они такъ ярко свѣтятся, я не знаю; вѣроятно, потому, что другого цвѣта, чѣмъ все окружающее; и еще потому, что какимъ-то инстинктомъ я чувствую, что они, правда, свѣтлы, ярки и хороши. И, я знаю, что рано или поздно, свѣтъ этотъ дойдетъ до меня. И, зная это, мнѣ не хочется ничего дѣлать, а просто лежать и... ждать.

Я читала „Семейное Счастье“. Эта вещь произвела на меня большое впечатлѣніе, показала мнѣ, что потеряла я за это время. И я поняла, почему наше время такъ губительно. Почему теперешніе юноши и подростки не тѣ, что раньше. Я чувствовала то, что чувствовала Маша; я ощущала, что искалъ въ ней мужъ, будучи еще опекуномъ; про что говорилъ онъ: „въ Васъ есть“... Все это — мнѣ родное, близкое... и далекое. Теперь оно далекое. Всѣ эти чувства, эта иѣжжизненная, сокровеннѣйшая часть человѣческой души — не для нашего реального времени. Материального. То было слишкомъ романтично. А, между тѣмъ, это „то“ — самое прекрасное, что можетъ быть у человѣка. Это — чувствительность, любовь къ красотѣ, чуткость къ ней, это благородство души. Все, что есть лучшаго, красивѣйшаго въ насъ, — это „то“. И „Семейное Счастье“ разбудило во мнѣ эту струнку. Я почувствовала тогда, что она у меня есть... и была... и скрылась, спряталась въ самую глубину души. Ей — не мѣсто, не время теперь...

Я читала, и мнѣ не хватало воздуха, я глубоко вздыхала. И гдѣ-то наворачивались слезы, слезы тоски по этому прошлому, въ которомъ такъ много красиваго, чуднаго... Что-же еще сказать? Вотъ, объ этомъ красивомъ и чудномъ говорила я 11-го. О, тогда оно было яркимъ, и казалось, что его много. А, можетъ быть, и другія мысли зажглись во мнѣ тогда, но только теперь онѣ потухли.

Не знаю, есть ли это чувство у каждого человѣка? Врядъ ли! Только у нѣкоторыхъ. У меня оно было. „Семейное Счастье“ напомнило мнѣ про то время, когда можно было такъ чувствовать. Когда меньше ума было... Научная эра!.. Эра логики и разума... Неужели то время, время чувства, не вернется? Неужели, чѣмъ дальше, люди будутъ все больше и больше слушаться ума? Вѣроятно! Я сама могу чувствовать на себѣ развѣдающее дѣйствіе анализа. Да, да! та жизнь красивѣе!.. „Семейное Счастье“ рассказало мнѣ о томъ времени... Защемило что-то при мысли, что оно ушло. Жаль стало. Неужели-же оно не вернется? Это тоже — тоска о „беззаботности“. Или это только мнѣ кажется? Но, если да, то, право, жизнь основанная на чувствѣ — красивѣе. Но... эта, нынѣшняя, — умнѣе. Развѣ надо ей покориться поэтому?... Ахъ, прочь сомнѣнія! Сегодня не буду разбираться. Писать могу, но этого въ одинъ день не рѣшить. На это надо много, много дней спокойной жизни! Ахъ, зачѣмъ меня развѣдаютъ сомнѣнія, властно тянуть къ себѣ эти два міра? Зачѣмъ такъ мучать вопросы, сомнѣнія?!..

„Человѣку знать не нужно, что такое человѣкъ“... Но, когда что-то, по м и м о тебя, хочеть это знать, пытается проникнуть за внѣшнюю оболочку... Трудно жить! Не жить — дѣйствовать, но жить — мыслить, пытаться проникнуть въ суть вещей! Какъ это трудно, какъ тяжело!..

Вотъ, когда такъ живешь, то забываешь о томъ... хорошо... И, когда оно вспомнилось, какимъ сладкимъ показалось, какимъ хорошимъ...

Мнѣ вдругъ сдѣлалось сейчасъ легко и хорошо... Еще-бы немного, и въ душѣ заиграла-бы музыка, и я увидѣла бы незримое для другихъ...

Я знаю, это вызвано послѣдними строками, которыя я написала. Только, все-же, настроеніе у меня поднялось.

А, можетъ быть, это ощущеніе великой Красоты — принадлежность молодости, а потомъ все выравнивается просто.

По Толстому, оно такъ и выходитъ... Н-но, тогда... я уже перечувствовала все...

Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы я уже перечувствовала все, это только время притупило тѣ струнки. А то - бы онѣ звучали.

Кто-то сказалъ, что уже съ 1905-го года молодежь „ома-терьялилась“... т. е. онѣ, конечно, сказалъ не такъ, но его слова это обозначали. А, если такъ, — а оно, вѣроятно, такъ, — то это только доказываетъ, что мы идемъ къ научной эрѣ, эрѣ разума. Романтизмъ — почти прошлое... А во мнѣ онѣ есть. Его много. Я раньше чувствовала его, а теперь нѣтъ. Только „Семейное Счастье“ показало, что онѣ во мнѣ не заглохъ...

Но во мнѣ есть и современщина и, поэтому, иногда бываетъ такъ тяжело. А, можетъ быть, то лишь временами должно просыпаться въ душѣ человѣка. Конечно, в с е г д а — оно не возможно. И, потому, картина вовсе не такъ мрачна. Оно живетъ въ душѣ человѣка, живетъ и въ моей душѣ...

А здорово я свою лѣнь прогнала! Что можетъ сдѣлать сила воли! Нѣтъ, больше не могу писать, потому что я въ отличномъ настроеніи и ничего, какъ слѣдуетъ, не вижу. Довольно!

(Вечеромъ). Право, не знаю почему мнѣ вдругъ тогда такъ радостно сдѣлалось?! Это было безъ причины, но я скоро отрезвилась: принесли газету. И, слушая всѣ ужасы дня, я почувствовала, какъ понемногу замолкалъ гимнъ моей души, и я опять пришла въ ровное настроеніе. Говорять, что вопросъ о мирѣ предрѣшенъ. Москва объявлена коммуной.

Я не ясно представляю себѣ, что это, такъ какъ это было лишь предположеніе, а не декретъ, а затѣмъ я только слушала, папа-же читаетъ очень скоро.

Кромѣ этого, ничего новаго. Комиссары собираются произвести чистку московской прессы отъ буржуазныхъ органовъ. Да! Положеніе не мѣняется, по крайней мѣрѣ, къ лучшему. Все такъ-же скверно.

И много еще тяжелого предстоит намъ пережить. Много! Неужели мы увидимъ конецъ? Неужели намъ удастся пережить великую русскую революцію, а не только жить въ ея періодъ? „Намъ, — говорятъ родители, — уже не удастся спокойно пожить, а вы сьумѣете“... Но это — вопросъ будущаго, и только будущаго.

Знаете, когда читають газету, то иногда я чувствую это... исторически. Сейчасъ объясню. Во первыхъ, для этого надо, чтобы я была мало-мальски спокойна; а не то всѣ извѣстія камнемъ на душу ложатся, и ужъ тогда, кромѣ безмѣрной, давящей меня тяжести, я ничего не чувствую. Когда я спокойна, я не чувствую тогда всей кошмарности и странности совершающихся событій... Не чувствую ее такъ, какъ чувствую, когда въ извѣстіяхъ есть что-либо, могущее задѣть непосредственно мою семью...

А, пожалуй, что тогда, когда я волнуюсь, мой взглядъ на совершающееся — правильнѣе. Т. е., я вижу все въ болѣе правильномъ освѣщеніи, чѣмъ, когда я спокойна. Только я слишкомъ быстро поддаюсь унынію...

Сегодня, во время чтенія газетъ, я отвлеклась отъ личнаго и глядѣла на переживаемое время, какъ бы съ большой высоты, ровно, спокойно и объективно...

А впрочемъ, знаете, можетъ быть, я никакъ особенно на это не глядѣла, а только, подъ вліяніемъ моего бодрого духа, все такъ перемѣняло тона, какъ только попадало отъ ушей въ голову. Однако, я могу все-же сказать, что смотрѣла какъ-бы объективно, ... спокойна была...

Когда читають газеты, я не могу понять частной жизни, кромѣ жизни ожиданія того, что будетъ вообще: я не могу представить себѣ, рядомъ съ такой огромной общей жизнью, болѣе или менѣе независимое отъ нея, полное частное существованіе, — вотъ это никакъ не укладывается у меня въ головѣ. Никогда еще въ исторіи человѣчества не были потрясены всѣ основы жизни отдѣльныхъ людей такъ, какъ теперь — въ Россіи.

16 Марта. Мама сегодня не приехала ... В данное время в Киев ехать никак нельзя. Может быть, возможность представится через некоторое время. Но дело в том, что это „некоторое время“ продолжается уже с 1-го Января, или два с половиной месяца. Следовательно, вопрос в том, как проживем мы это время. Все так-же, у тети, или устроимся сами? Будет ли продолжаться такая безалаберная жизнь или начнется что-либо более нормальное, занятия; поселимся ли в своей квартирѣ?.. Как-же мы будем тогда жить? Нормально. Глупый отвѣтъ! Пустой звук. Однако, надо удовлетворяться имъ. Нѣтъ, я знаю, какъ выгладить нормальная жизнь; только образно себѣ ее представить не могу. Остается одно — ждать.

Еще одно заботить меня: какъ Дорогая будетъ? Ее эта безалаберщина ужасно мучить. Вотъ, почему, думаю я, мы какъ-нибудь (въ томъ смыслѣ, что не особенно хорошо) устроимся. Но, какъ, чѣмъ будетъ моя Дорогая жить? Неужели опять та-же тоска и грусть вѣчная? Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Но даже, если мы устроимся своимъ домкомъ, будетъ ли ей хорошо тогда? Право, какъ-же съ Радостью будетъ?? Какъ-же мамочка будетъ? Вотъ, этотъ вопросъ меня мучить, а отвѣта нѣтъ на него ...

Вдумайтесь-ка: какъ глупо, что мы такъ, вотъ, сидимъ и ждемъ чего-то ... Время все идетъ, идетъ, а мы по прежнему си-ди-мъ. Ужасно глупо все это. Наша жизнь у тети в Москвѣ, и все ...

Право, странно: зачѣмъ мы живемъ? Ради чего? Каждый день ложимся спать, утромъ встаемъ, ѣдимъ, пьемъ ... И такъ, безъ конца ... Какъ заведенная машина ... Что-же за сила заставляетъ людей такъ жить?.. Странно!

Какъ много страннаго, когда начинаешь вдумываться въ вещи! Безконечно много!..

А, все-же, какъ будетъ Радость жить? А? Какъ? Не можетъ быть, чтобы опять все такъ-же шло ... Не можетъ быть безъ конца ... А, почему — нѣтъ, скажите? Вѣдь, шло-же до сихъ поръ? Хорошо. Но гдѣ конецъ? Гдѣ онъ? На всѣ

эти вопросы одинъ отвѣтъ: время скажетъ, и, слава Богу, время недалекое, — ближайшіе дни ...

Почему о с е н ь — предѣлъ нашей неопредѣленности?.. Это можетъ продолжаться и больше, и меньше. Я согласна съ тѣмъ, что событія молчать не будутъ, они скажутъ намъ, что будетъ. Согласна съ тѣмъ, что они идутъ ускореннымъ темпомъ, что все разрѣшится ... когда-нибудь ...

Вотъ оно, ужасное слово! Когда-нибудь. Значить, все это время мы должны такъ жить?! Почему-бы намъ не устроиться? Чего ждать? Конца всего, — смѣшно! Возстановленія сообщенія съ Кіевомъ, — не менѣе! Потому что все это когда-нибудь будетъ. Нельзя-же такъ опускаться. Нѣтъ, право, мы должны устроиться, по крайней мѣрѣ, мы должны опредѣлить, что будетъ, конечно, не вообще, — это ужъ не отъ насъ зависить, — но пока, для себя... Но нельзя-же вѣчно ждать. Лучше сейчасъ устроиться, а, если событія скажутъ что нибудь лучшее — возможность поѣздки въ Кіевъ, — тогда воспользоваться...

Миръ ратифицированъ!.. С-р. ушли отъ большевиковъ. Ожидаются дѣйствія со стороны Японіи...

20 Марта. За эти нѣсколько дней, что я не писала, столько, столько новыхъ накопилось впечатлѣній!

Я пришла къ заключенію, что дневникъ — своего рода отчетность самой себѣ. Миѣ какъ-то странно безъ него; необычайно кажется только чувствовать, а потомъ забросить впечатлѣніе, забыть про него; я слишкомъ привыкла къ тому, что должна сообщить все дневнику.

Новостей много, безъ конца ихъ, но, конечно, въ корнѣ ничто не перемѣнилось, не сдѣлалось другимъ... Скажу раньше объ общемъ нашемъ положеніи дѣлъ... Въ Саратовѣ при мамѣ всѣ вещи упаковали, оставивъ въ квартирѣ лишь пустыя стѣны. Часть вещей — не мебели, которая, конечно, вся осталась тамъ, — а носильное, постельное, столовое бѣлье,

запасы, которые дома были, мама съ собой взяла. Идутъ они багажемъ; часть прибыла, часть — въ дорогѣ, надѣмся, что эта вторая часть не пропадетъ. Словомъ, отъ насъ въ Саратовѣ ничего не осталось, — кромѣ мебели.

Оттуда мы уѣхали. Теперь — здѣсь. Въ Кіевъ ѣхать нельзя. Когда это будетъ, — неизвѣстно. Надо ли ждать для этого, чтобы нѣмцы взяли Москву? Какъ больно слышать, когда съ глубокимъ удовлетвореніемъ говорятъ объ этомъ, къ сожалѣнію, многіе... Или того, чтобы съ Украйной былъ заключенъ миръ?.. Мы тоже не знаемъ, но фактъ тотъ, что, пока, этого сдѣлать нельзя; и нельзя — на неопредѣленный срокъ... Быть можетъ, мѣсяць; быть можетъ, два.

Къ счастью, Дорогая тоже нашла, что теперешняя жизнь не можетъ продолжаться такъ до безконечности, и потому рѣшено, что мы должны устроиться.

Мы опять перековываемъ къ дядѣ Исааку, но съ той, отъ перваго житя, разницей, что мы будемъ не гостями, а хозяевами. Мы снимаемъ у дяди двѣ комнаты, хозяйственные расходы и харчи общіе, ведетъ хозяйство — мама. Словомъ — полноправно. Мы начнемъ заниматься, — все какъ слѣдуетъ... А, когда будетъ возможно, — поѣдемъ въ Кіевъ; къ зимѣ-же, Богъ дастъ, совсѣмъ окончательно устроимся... По мѣрѣ того, какъ наше положеніе становится опредѣленнѣе, будущее время, въ моемъ сознаніи, начинаетъ мало по малу окрашиваться.

26 М а р т а. Я давно уже не писала... Жизнь наша почти налажена; черезъ нѣсколько дней будутъ приглашены всѣ учителя, и начнутся правильныя занятія, а вмѣстѣ съ ними — своя частная жизнь...

Устроились мы очень хорошо: чувствуемъ себя совсѣмъ, какъ дома. Только... конечно, безъ облачковъ обойтись нельзя, и они есть, но, въ общемъ, все идетъ гладко, и я очень довольна. Наибольше меня занимающіе вопросы суть: во первыхъ, про-

тивный вопрос: „что дальше?“; второй — „зачѣмъ дневникъ?“; и — наиболѣе рѣзкій, — „мамино состояніе“. Этотъ послѣдній больше всего мнѣ все портить. Но о нихъ я, если успѣю, напишу послѣ, а пока . . . пока будемъ говорить о другомъ.

За послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ мы мало-мальски начали устраиваться, состояніе мое, т. е. отношеніе къ общей, совершающейся вокругъ жизни стало измѣняться и, все болѣе и болѣе, походило на, — я сказала-бы, — нормальное отношеніе 14-лѣтняго ребенка . . . Я понимаю Раю теперь; понимаю не какъ раньше, болѣзненно ощущая какое-то недоумѣніе передъ полнотою ея жизни, а понимаю, потому что чувствую такъ-же, какъ чувствуетъ она.

Событія снова стали чѣмъ-то далекимъ, совершающимся внѣ меня и не нарушающимъ общаго теченія моей жизни. Я прекрасно понимаю теперь, что даже въ центрѣ возможна частная жизнь такъ-же, какъ и въ провинціи, съ той только разницей, что, живя тутъ, знаешь все, гдѣ что происходитъ, большой-же разницы въ отношеніи разстройства частной жизни нѣтъ. Не считая, конечно, такихъ явленій, какъ, напримѣръ, дороговизны, трудности достать продукты, личной безопасности и. т. д. . . . А нѣтъ большой разницы, потому что одинъ изъ законовъ природы говоритъ намъ, что, что-бы ни было въ общемъ, частная жизнь, т. е. собраніе разныхъ мелкихъ интересовъ, заслоняющихъ и отдаляющихъ общую картину, а главное, заполняющихъ личную жизнь человѣка, должна существовать, если только эта личная жизнь, т. е. самъ человѣкъ, не задѣтъ общимъ потокомъ. А такъ, какая-же разница между провинціей и центромъ? Ея нѣтъ. Да, пока самъ человѣкъ не задѣтъ, онъ живетъ своей личной жизнью. Онъ можетъ прекрасно сознавать, принимать близко къ сердцу совершающееся, но какъ-то — одной стороною ума, такъ, что это не мѣшаетъ ему жить своей личной жизнью, всецѣло отдаваясь маленькимъ интересамъ.

Это странный законъ. Я не могу понять, почувствовать его, потому что, на первый взглядъ, въ немъ есть, какъ будто, противорѣчіе, странность, которую умъ мой не можетъ понять до глубины. Я могу только примириться съ очевидностью,

спорить противъ которой бесполезно и глупо. Глупо, потому что это — законъ, созданный не головой человѣка, гдѣ всегда можно найти что-либо условное, а существующій независимо отъ его воли. Суще-ству-ю-щій, и мы, люди, можемъ только преклониться передъ нимъ. Можемъ только признать его. Понять, почувствовать его — вопросъ спорный, но признать его мы должны, потому что онъ существуетъ, онъ очевиденъ.

А кто станетъ спорить противъ очевиднаго?!..

Только что Л. А. по телефону сказалъ мамѣ, что преподаватель есть, — одинъ изъ лучшихъ въ Москвѣ. Я ужасно довольна! Безумно приятно заниматься съ хорошимъ преподавателемъ. Я очень довольна ...

Но еще недавно, какихъ-нибудь недѣлю, полторы тому назадъ, я чувствовала по другому, я иначе относилась ко всему, вообще, совершающемуся. У меня ничего, или почти ничего не было, кромѣ общихъ интересовъ ...

27 Марта. Да, съ тѣхъ поръ, какъ мы устроились, кругозоръ мой самъ по себѣ измѣнился.

Однако, отъ этого самого мое отношеніе къ окружающему не измѣнилось, т. е. событія такъ-же интересуютъ меня ... А только я, сама по себѣ, стала спокойнѣе, у меня, словомъ, появилась частная жизнь, заслонившая и отдалившая общую.

Это законъ такой, писала я, чтобы человѣкъ жилъ, несмотря на окружающій фонъ, своей жизнью. И странный законъ, — въ высшей степени странный: въ то время, какъ родина, все близкое и родное погибаетъ, во время совершенія величайшихъ міровыхъ событій и переворотовъ, — надо добавить, — когда всѣ шансы на сторонѣ врага, кѣмъ-бы его ни считать, когда наша сторона слаба и безсильна, когда кажется намъ, что наступилъ конецъ всему хорошему, красивому, — въ это время человѣкъ можетъ заботиться о себѣ, можетъ жить своими маленькими и ничтожными интересами ... Даже больше: человекъ можетъ веселиться!..

Развѣ это не странно? Развѣ не кажется, что одно должно было-бы исключить другое?..

А, между тѣмъ, мы видимъ обратное; видимъ, какъ въ наше тяжелое время люди живутъ своей полной жизнью. И потому, что мы это видимъ, намъ приходится сказать, что такой законъ существуетъ.

(*Вечеромъ*). Иногда, нѣсколько разъ на день, мѣняется мое состояніе: то принадлежу я къ одному міру, то — къ другому. И тогда мнѣ кажется, что то одинъ, то другой — естественны и должны существовать. Конечно, надо признать, что оба они естественны, оба — жизненны. И, вслѣдствіе этого, нельзя укорять тѣхъ, кто совершенно полно живетъ частной жизнью. Это естественно, разъ общее теченіе ихъ не захватываетъ.

Но почему это естественно? Вѣдь, казалось-бы, что такихъ людей надо принимать за выродковъ, — за исключенія изъ общаго правила, и исключенія въ скверную сторону, — за уродовъ... Но этого мы сдѣлать не можемъ, потому что тогда всѣ люди оказались-бы уродами.

Нѣтъ, нѣтъ, частная жизнь, и полная частная жизнь, возможна всегда, при всякихъ общихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ... Такъ это есть и такъ должно быть. Толстой, въ „Войнѣ и Мирѣ“, показалъ намъ это, онъ далъ это почувствовать, т. е. онъ въ одномъ мѣстѣ прямо говоритъ это.

Вопросъ только въ томъ, насколько естественна эта частная жизнь, и гдѣ переступаетъ она границы закона.

Одни знакомые, напримѣръ, предложили тетѣ Эммѣ ѣхать въ „Ярѣ“... Предложеніе ихъ съ негодованіемъ было отвергнуто. — „Нашли время“, съ упрекомъ сказалъ дядя. Да, для этого теперъ не время, я сама это сознаю, но почему-же больше время для театровъ, концертовъ? И для нихъ не время, надо со-знаться. Такъ почему-же для перваго меньше, чѣмъ для вто-рого? Почему оно болѣе возмутительно? Гдѣ граница въ такомъ случаѣ?

Что скажу я, если меня спросятъ: „надо ли теперъ зани-маться“?.. Я разсмѣюсь въ лицо: „странный вопросъ, —

будеть отвѣтомъ, — конечно надо, этому время помѣшать не
можетъ“ ...

И, вѣдь, я буду права, не правда ли? Да, конечно! Частная
жизнь должна существовать, несмотря на рамки общаго
окружающаго, но, тѣмъ не менѣе, она все-же стѣснена, она
должна быть ограничена событіями времени ...

II.

К І Е В Ъ

АПРѢЛЬ 1918 — ЯНВАРЬ 1919

18 А пр ѣ л я . Я совершила преступленіе, что не писала такъ ужасно долго. Преступленіе предъ самою собою...

... Мы жили у дяди Исаака. Великолѣпно устроились. Занимались. Все шло прекрасно. Вдругъ получается изъ Саратова телеграмма: „Врачи совѣтуютъ Луи перемѣнить климатъ“. Въ чемъ дѣло, ясно — папу разыскиваютъ...

Однако, оставили телеграмму въ сторонѣ; казалось, что въ Москвѣ найти невозможно. Рѣшили и успокоились. Забыли про нее. Разъ подъ вечеръ, собираются наши пойти къ тетѣ Эммѣ; папа былъ готовъ, мама одѣвалась. Раздается звонокъ. Паша идетъ открывать и, конечно, раньше черезъ цѣпочку смотреть. Видить — солдатъ и штатскій.

— Вамъ кого? — „Пташкинъ здѣсь живетъ?“ ...

— Живеть. Только сейчасъ уѣхалъ. — Догадалась она, что гости непрошенные.

— Отворяйте, — приказываютъ они. А папа, между тѣмъ, выходитъ въ переднюю. — „Что такое?“ спрашиваетъ... Паша отходить, какъ будто дѣтей отгоняетъ, сама-же объясняетъ въ двухъ словахъ: „За вами пришли“. — „Скажите: уѣхалъ“, бросаетъ папа на ходу, кидается за пальто и шапкой, и заднимъ ходомъ уходитъ...

К і е в ъ . 7 М а я . Какъ безумно давно не писала! Сколько произошло новаго за это время и въ общей, и въ частной жизни. Теперь думаю, съумѣю, наконецъ, писать по прежнему регулярно. Только-бы успѣть все рассказать. Начну сейчасъ-

же. — Теперь мы въ Кіевѣ у дѣдушки, который очень боленъ, но о „теперь“ — въ концѣ, раньше о прошедшемъ...

... Мамѣ успѣлъ папа лишь кинуть: — За мной пришли, я ухажу!..

Я сидѣла у себя въ комнатѣ, ничего не зная о совершающемся.

— Нелюша, поди сюда, — таинственно бросаетъ мнѣ мама, входя къ намъ. Почувявъ что-то недоброе, я поспѣшила къ ней. — За папой пришли; арестовать его хотятъ, — поясняетъ она.

Какъ всегда, во время чего-нибудь страшнаго, чувствую я, какъ что-то обрывается въ груди. Но нѣтъ времени думать объ этомъ. Надо дѣйствовать!

Мама суетъ мнѣ пояса съ брилліантами, быстро одѣваю ихъ; за корсажъ прячу деньги, бумаги; остальное мама отдаетъ прислугѣ, и шкафъ свободенъ для обыска.

Между прочимъ, дядя даетъ спрятать папинъ портфель нашей кухаркѣ, служившей у насъ 10 лѣтъ, но Лена открецивается отъ него: „Чтобы меня вмѣстѣ съ ними утопили, нѣтъ, не хочу“... А дядина няня, выходящая его дѣтей, тотчасъ взяла.

Это, конечно, не представляетъ никакой важности и, даже, не прибавляетъ ничего къ общей картинѣ, но, разъ написала, пусть остается.

Въ то время, какъ мы съ мамой прятали бумаги и прочія цѣнности, комиссары — какъ выяснилось позже — Всероссійской чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и саботажемъ, разговаривали съ дядей.

— Живетъ у Васъ Пташкинъ?

— Живетъ, только сейчасъ онъ уѣхалъ...

— Т. е., какъ?

— Да, человекъ дѣловой; то приѣзжаетъ, то уѣзжаетъ...

— Намъ надо комнату его осмотрѣть...

— Пожалуйста!..

Прошли, поглядѣли...

— Представителя домового комитета позовите...

Пошли за нимъ, а они подождали у дяди въ конторѣ. Потелефонировали въ комиссаріатъ, за милиционеромъ. Скоро пришелъ и онъ... Остановка была лишь за домовымъ комитетомъ. Комиссаровъ было двое: матросъ — русскій, и штатскій — латышъ. Первый изъ нихъ добродушный, исполнявшій обыскъ и т. п. спокойно, чуть не равнодушно, какъ обязанность, флегматикъ, словомъ. Другой — болѣе сознательный, болѣе яркій, обыскивавшій съ полнымъ сознаниемъ своего дѣла, онъ могъ быть и не рядовымъ работникомъ, главаремъ.

Этотъ латышъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ понималъ, что папа въ Москвѣ, что намъ извѣстно его мѣсто-пробываніе.

— Скажите ему по телефону, чтобы пришелъ, — заявилъ онъ намъ. Но, что могъ онъ сдѣлать? Какъ могъ заставить онъ папу появиться? И, зная это, ему все-же приходилось притворяться, какъ будто-бы онъ этого не зналъ...

9 Мая. Впрочемъ, знаете, скучно-таки писать о внѣшней жизни, уже прошедшей; куда интереснѣе о внутренней говорить.

Буду краткой, очень краткой. Папа благополучно удралъ, а черезъ десять дней и мы собрались въ дорогу...

Путешествіе изъ Москвы въ Кіевъ теперь дѣло не шуточное... Это цѣлая Одиссея, которую я, право, не могу рассказывать; какъ-нибудь послѣ, можетъ быть; а пока скажу одно, ѣхали мы черезъ Оршу, Шкловъ, Жлобинъ, Гомель. Изъ этого послѣдняго — на пароходъ. Приѣхали сюда. Дѣдушка боленъ, конечно; медленно, но вѣрно дѣло идетъ къ концу. Онъ очень слабъ, ѣсть скверно, но, къ счастью, немного страдаетъ пока; что дальше будетъ, — неизвѣстно. Дѣдушка не знаетъ, что съ нимъ, и вѣрить вранью врачей... пока. Живетъ онъ у себя, гдѣ и мы поселились. Мама ведетъ хозяйство. Всѣ мы бываемъ съ дѣдушкой, котораго нельзя оставить одного, въ частности, — папа. Конечно, наша жизнь связана такимъ образомъ. Остальныя дѣти приходятъ каждый день.

У СашИры дѣвочка, — Лизой назвали ее, въ честь умершей бабушки. Похожа она на Иру.

Теперь я смѣло могу обратиться ко внутренней жизни ... Еще одинъ штрихъ! Пока, мы не занимаемся, начнемъ съ 1-го Юня, къ тому времени освободится Давидъ Яковлевичъ Либерманъ, а мнѣ хочется съ нимъ заниматься: я его знаю, съ нимъ начала я учиться здѣсь-же, въ Кіевѣ; потомъ онъ былъ у насъ въ Саратовѣ на дачѣ ...

10 Мая. Въ первое время нашего здѣсь пребыванія я цѣлыми днями „училась“, глядя на окружающихъ ... Много новаго увидѣла я; новаго въ области жизни, если хотите. Тогда масса была новыхъ впечатлѣній, трудныхъ ... Теперь они, приблизительно, утихомирились.

Хотѣла бы рассказать о поѣздкѣ на кладбище, къ могилѣ дорогой бабушки ... Бабушка! Съ этимъ словомъ, такимъ роднымъ и близкимъ, особенно здѣсь, въ этой родственной обстановкѣ, столько связано нѣжныхъ воспоминаній ...

16 Мая. Я ужасно рѣдко пишу теперь, объяснить почему, — не сумѣла-бы. Просто отвыкла, вѣроятно, и, поэтому, трудно бываетъ засѣсть, или потому, что жизнь течетъ слишкомъ ровно и однообразно ... Нѣтъ, врядъ-ли. Не знаю ...

Посѣтившій на дняхъ дѣдушку профессоръ сказалъ, что процессъ замедляется, и эта исторія, идя такимъ темпомъ, можетъ растянуться мѣсяца на три-четыре. Правда, что черезъ недѣлю-же положеніе можетъ измѣниться, но, какъ-бы то ни было, на лѣто мы, — т. е. наша семья и дѣдушка, — ѣдемъ на дачу. Она уже снята въ Святошинѣ.

Перспектива лѣта мнѣ очень улыбается; единственно, чего очень боюсь, мамѣ будетъ скучно: вѣдь, мы будемъ одни. Если-бы СашИра жили съ нами, — дѣло другое, а такъ — мамѣ не

весело будетъ. Правда, она съумѣетъ въ городѣ ѣздить, но все-же . . . А я довольна, очень довольна. Разведу огородъ, буду растенія собирать, хочу быть поближе къ природѣ, а общество . . . — могу обойтись, и скучать не буду. Жаль, что заниматься придется, но дѣлать нечего.

Два съ половиной, три мѣсяца осталось мнѣ, а года я ни за что терять не хочу; лучше — весь день заниматься. Готовиться буду я къ женскому 6-му классу. На зиму придется намъ, вѣроятно, здѣсь остаться, и тогда я поступаю въ гимназію, гдѣ учится Нина. А странно, правда? Кому я все это рассказываю? Сама себѣ? Но я, вѣдь, знаю!

Изъ всего, видѣннаго мной теперь въ Кіевѣ, страннѣй всего, борьба двухъ жизней. Сейчасъ объясню и расскажу. Это вотъ что. Перо мое еле движется, то и дѣло останавливаясь, а мысли блуждаютъ гдѣ-то далеко; ничего, постараюсь сосредоточиться.

Какъ-бы выразить яснѣй эту, даже, не борьбу, а два противоположныхъ теченія, укладывающихся въ одно русло. Вотъ такъ. Дѣдушка боленъ, очень боленъ. Мы всѣ, конечно, жалѣемъ его; всѣмъ горько, что онъ будетъ много страдать и скоро умереть, — какое противное это слово! И, все-же, несмотря на это, у всѣхъ жизнь идетъ своимъ чередомъ, какъ всегда, даже больше, всѣ живутъ полной жизнью. И я тоже, и дѣти всѣ дѣдушкины, всѣ!.. Это тоже законъ природы. Ихъ много . . . И большинство ихъ мнѣ странно. Получается такъ, какъ будто-бы дѣдушкина болѣзнь — въ сторонѣ отъ остальной жизни . . .

20 Ма я. Безобразіе! Я совсѣмъ не пишу. Мнѣ это не нравится вовсе; что за манера! Только вотъ: я буду писать не о старыхъ, а о новыхъ впечатлѣніяхъ: этакъ — интереснѣе! Въ общемъ, жизнь моя идетъ однообразно и спокойно. Читаю . . . изъ разумныхъ занятій это — все . . . Правда, завтра начинаю заниматься. Безумно много надо работать, чтобы успѣть. Но энергія у меня есть, силы тоже, и я думаю успѣть . . .

Когда я начинаю писать, мной овладѣваетъ характерное для меня ощущеніе странности. Не то, чтобы я чувствовала, что это странно, а просто въ головѣ, въ сознаниі у меня не укладывается представленіе объ этомъ, я смутно чувствую, что что-то тутъ не такъ... Сейчасъ это чувство касается сопоставленія двухъ жизней; одной безсознательной, повседневной, гдѣ одно идетъ за другимъ, я сказала-бы, не оглядываясь назадъ, совсѣмъ безотвѣтственно, одни факты, такъ что не останавливаешься на какомъ нибудь изъ нихъ; гдѣ происходитъ постоянная смѣна внѣшнихъ явленій, постоянная пере-мѣна... А другая, это та, когда я пишу...

Что я собственно дѣлаю, когда пишу дневникъ? Какъ-бы отдаю отчетъ себѣ въ своихъ мысляхъ, проверяю ихъ...

И вотъ, когда я думаю о томъ, что я сейчасъ дѣлаю, — пишу дневникъ, — чувство „неладности“ овладѣваетъ мной. Что-же, собственно, здѣсь „неладно“, „странно“?..

Мнѣ кажется, это ощущеніе происходитъ отъ того, что я выхватываю лишь кусочекъ этой постоянно смѣняющейся жизни, и тогда получается неравное соотношеніе. Одинъ фактъ ярко освѣщенъ, въ то время, какъ такіе-же, если не болѣе крупные, остаются въ темнотѣ.

Или еще оттого, что я отвыкла писать, т. е., въ такомъ случаѣ, отъ обѣихъ причинъ вмѣстѣ... Но для того, кто не ощущаетъ такой странности, написанное лишь пустыя слова.

Я читаю сейчасъ по русски естественно-историческія книжки. Воспитываю въ себѣ сознание естественной общности, ясное представленіе общихъ началъ. И мнѣ это удается...

Естественная исторія принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, которыя обнимаютъ широкое пространство. Я себѣ довольно легко представляю обще-мірвыя картины и временные процессы...

... Проглядывая мой московскій дневникъ, я вижу тамъ яркое чувство ненависти къ нѣмцамъ... Чего только я не писала тогда. Какой ужасной, невѣроятной представляла себѣ жизнь подъ ихъ кулакомъ. И, невольно сравнивая мое тогдашнее къ нимъ отношеніе съ теперешнимъ своимъ поведеніемъ

и чувствами, т. е. теорию и практику, мнѣ дѣлается совѣстно.

Стыдно того, что громкіе благородные порывы, такъ и остались порывами, не принесшими никакихъ результатовъ.

Не то, чтобы я примирилась съ владычествомъ нѣмцевъ, — оно, какъ таковое, всегда будетъ возмущать меня, — но это, какъ бы, въ теоріи, а на дѣлѣ нѣтъ этого яркаго чувства, т. е. ярко я его не ощущаю, какъ-бы пассивно отношусь къ нимъ, нашимъ „побѣдителямъ“ ...

Такъ вотъ, здѣсь, когда я на улицѣ вижу нѣмцевъ, я не ощущаю ничего особеннаго. Можно, конечно, заставить себя думать объ ужасѣ ихъ завоеванія, но объ этомъ, навѣянномъ чувствѣ говорить не приходится. Да, въ Москвѣ я представляла себѣ свое чувство куда болѣе яркимъ, чѣмъ оно оказалось въ дѣйствительности, т. е. тамъ оно было такимъ яркимъ. Да, мнѣ непріятно предъ самой собой за то, что я не оправдала того, что сама такъ ярко обѣщала въ Москвѣ ... Я говорила, что не буду ходить въ театръ ... Завтра иду покупать билеты на Полевицкую. Сказать прямо, мое поверхностное чувство смахиваетъ скорѣе всего на совершенно индифферентное ... Но, все-же, таково оно лишь поверхностно. Или, какъ это назвать? Если разбирать вопросы отвлеченно, „теоретически“, я, конечно, буду противъ нѣмцевъ, но штука въ томъ, что на дѣлѣ этого вовсе нѣтъ ...

Кіевъ. 16 Сентября. Н-ну ... я опять за дневникомъ ... Сколько времени я не писала. Почти полгода. Я не могла писать все это время. Теперь снова обращаюсь къ своему дневнику.

Много, много переменялось съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ сидѣла за своей тетрадкой ... Надо, хоть немного, сказать объ этомъ времени и потомъ всецѣло обратиться къ настоящимъ переживаніямъ.

Дѣдушки больше нѣтъ. Онъ скончался въ августѣ мѣсяцѣ (1918). Смерть его на меня, а, впрочемъ, кажется, и на всѣхъ

повліяла менше, чѣмъ кончина бабушки. Не знаю, почему: смерть любимаго человѣка всегда тяжела. Но мелкихъ причинъ для этого много: долгая подготовка, почти пунктуальное повтореніе прошлогодней обстановки.

Похороны дѣдушки были грандіозны. Онъ больше, чѣмъ заслужилъ ихъ своимъ отношеніемъ къ ближнимъ. Смерть его также была необыкновенна: онъ умеръ, исполняя, какъ будто, долгъ, строго и спокойно. Онъ не умеръ, а постепенно заснулъ. Опять не было дяди Кимы. Онъ только стороною узнаеть о нашемъ новомъ несчастьи. Другіе были всѣ...

Эту зиму, понятно, проживемъ въ Кіевѣ: въ Москвѣ — все попрешнему, съ той разницей, что теперь еще хуже.

Устроились въ квартирѣ у дѣдушки. Съ дядей Лѣмой. Потомъ... по папинымъ дѣламъ, вѣроятно, останемся окончательно въ Кіевѣ; мнѣ лично хочется жить въ Москвѣ. Однако, большого значенія не имѣеть: гимназію буду, все равно, здѣсь кончать, а потомъ поѣду себѣ въ Москву, въ университетъ. Маму жалко, но думаю, здѣсь она сможетъ хорошо устроиться...

Я поступила въ гимназію, въ 6-ой классъ, слѣдовательно, нічего не потерявши, въ смыслѣ времени. О томъ, что я очень довольна, говорить не приходится. Не только довольна, а, главное, глубоко удовлетворена и довольна собой. Мнѣ надо было, въ два съ половиной лѣтнихъ мѣсяца пройти годичный курсъ. И я прошла. Работа была адская. Я отказывалась отъ тѣхъ небольшихъ развлеченій, которыя могли быть предоставлены мнѣ: не гуляла, не ходила въ „Кино“, не провожала Сашу и Иру, когда они пріѣзжали къ дѣдушкѣ. Это пустяки, но, ввиду моихъ къ нимъ отношеній, для меня имѣло значеніе. Я вставала вначалѣ (пока не произошло изъ-за этого ряда домашнихъ сценъ) въ пять часовъ; тутъ-же принималась за занятія и, за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ, вставала изъ-за стола только, чтобы итти ко сну. Энергія моя удесятерилась, и я смѣло шла впередъ.

Иногда искушеніе влекло меня: въ пять часовъ такъ хотѣлось еще спать, думалось: — „Къ чему это все!! Поспайка я до семи часовъ, а тамъ — встану“. Но нѣтъ, нельзя было,

и я вставала, и шла заниматься. Понятно, не все лѣто такъ продолжалось: иногда я поддавалась, и разрѣшала себѣ отдохнуть. Но этихъ случаевъ за все лѣто было раза три-четыре. Скромно, но тогда мнѣ казалось преступленіемъ. Иногда я была больше не въ состояніи работать: читаешь исторію разъ, другой, третій, четвертый, — и все новымъ кажется; въ головѣ ни строчки не остается. Тогда я шла гулять въ лѣсъ, на часъ, а потомъ опять и опять за книги. Однако, къ концу, силы стали изсякать: я все-же просиживала цѣлыми днями, но почти, а иногда и вовсе, ничего не дѣлала. Къ счастью, къ этому времени курсъ былъ пройденъ, и оставалось только повтореніе.

Наступили экзамены. Я блистательно выдержала и поступила. Для меня торжество было полное. Всѣ радовались и поздравляли съ достигнутой цѣлью. — „Молодецъ“, сказалъ Саша. И это было самымъ правильнымъ.

Я тоже радовалась, не изъ-за поступленія, а, главнымъ образомъ, мнѣ было пріятно, что я достигла своей цѣли. Я смѣло могу быть довольна собой.

Пока, занятія въ гимназіи чепушныя. Не знаю, какъ будетъ дальше. Все-же, свободнаго времени у меня будетъ мало: музыка и два языка (англійскій и нѣмецкій). Это — по части науки. Кромѣ того, мнѣ надо массу читать, не теряя даромъ ни одной минуты: вѣдь, за все лѣто я не держала книги въ рукахъ. Изъ-за этого-же нехватанія времени и не писала я.

18 Сентября. Я хочу читать по многимъ отраслямъ: естествознанію, астрономіи, общественнымъ наукамъ, исторіи, исторіи культуры, историческіе романы, беллетристику; такъ что времени терять не приходится.

Придется строго за собой слѣдить и не позволять себѣ даромъ прохлаждаться.

Если, уступая своимъ маленькимъ слабостямъ, не буду урываться каждую свободную минуту за книжку, я потеряю

въ ббольшемъ, которое для меня гораздо важнѣе. И, между прочимъ, въ жизни всегда такъ. Не слѣдишь за собой, даешь силу страстямъ (маленькимъ или большимъ), потомъ приходится раскаиваться: приходитъ худшее. Всегда необходимо себя удерживать, строго удерживать. — „Жизнь — постоянное отреченіе,“ — за эти слова, говорящія великую истину, я такъ люблю тургеневскаго „Фауста“. Но, удерживаться всю жизнь, жертвовать иногда такимъ упоеніемъ, такимъ сильнымъ, хотя-бы минутнымъ, счастьемъ, — это тяжело! Что получаешь въ обмѣнъ? Холодное благополучіе и сознаніе исполненнаго долга. Это тяжело, но это надо... Постояте, стойте... когда я лѣтомъ отказывалась отъ мелкихъ удовольствій, развѣ, въ концѣ концовъ, я не выиграла?..

Тамъ, въ гостиной, тетя играетъ на роялѣ, и мнѣ такъ безумно захотѣлось сидѣть въ темной комнатѣ, освѣщенной луной, на окнѣ, съ Раечкой, съ кѣмъ-нибудь „понимающимъ“, и унести въ волшебный міръ мечтаній...

Унесусь съ тобой, дневникъ... Хочется чего-нибудь нѣжнаго, красиваго, прекраснаго... Хочется писать объ этомъ тонкомъ, глубокомъ, создавать образы... Какія-то крылья подхватываютъ меня... Мысли слишкомъ туманны, чтобы быть выраженными словами, не хватаетъ ихъ, одни смутные образы...

Ну, прошло! Т. е., я могу создать образъ такой-же, какъ и раньше, но крыльевъ больше нѣтъ. Ихъ я могу вызвать, стоитъ только начать писать, но я не хочу: толку мало. Обожду, и тогда, если съумѣю... О, съ какимъ наслажденіемъ я писала-бы, создавала образы людей... Можетъ быть, это тщеславіе. Но, почему меня не привлекаетъ тогда какая-либо другая отрасль? Потому, что тамъ я чувствую себя совершенно неспособной, вѣроятно.

А если и тщеславіе, такъ что-же? Умѣренная доза его не мѣшаетъ; она даетъ энергію работать.

Это будущее уже такъ недалеко: мнѣ 15 лѣтъ, черезъ три года я кончаю гимназію. И тамъ, тамъ начинается жизнь. Разумная, сознательная... счастливая-ли жизнь? Черезъ три

года я вступаю на жизненное поприще; мнѣ предстоитъ начать самой бороться за свое существованіе.

Мое будущее ... каково оно будетъ? Исполнятся-ли мои мечты? Буду-ли я жить такъ, какъ намѣтила себѣ это? Сознательно, производительно, не даромъ?

Н-но ... теперь мнѣ этого мало. Ко всему этому мнѣ хотѣлось-бы еще присутствія того голубого міра, о которомъ я когда-то говорила.

Но чего, именно, изъ этого міра? Вѣроятно, любви. Только — „вѣроятно“, потому что это слово какое-то пошлое, не такое, какимъ я его представляю. И мнѣ дѣлается противно. И потомъ, я не могу сказать, чтобы я ея хотѣла. Я, просто, много думаю о ней ...

21 Сентября. Желаніе болѣе поверхностнаго, веселаго, — чего раньше у меня никогда не было, — становится во мнѣ все сильнѣе... Можетъ быть, я мало пишу дневникъ послѣ такого большого перерыва...

23 Сентября. Вообще, я отвыкла, сильно отвыкла отъ дневника.

Въ этомъ году у меня сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, выражается желаніе жить не только умственной жизнью, но также и самымъ простымъ, банальнымъ, отнюдь, конечно, не грязнымъ и пошлымъ, весельемъ.

Думаю сравнительно много о вечерахъ гимназическихъ, о гимназистахъ, (т. е. хочется, чтобы были знакомые мальчишки). Ну, вотъ. Этого, думается, достаточно.

Да и въ будущей жизни это начинаетъ занимать большое мѣсто. Не очень большое, но, все-же ...

Нѣтъ, о любви я всегда думала съ замираніемъ и умиле-ніемъ. Чистая, высокая любовь всегда умиляла меня. Да,

мнѣ хотѣлось - бы нѣкотораго свѣтскаго успѣха. На эту зиму у насъ и составлены планы, соотвѣтствующіе этимъ новымъ идеямъ: устроились танцы; однако, кавалеры наши, кажется, неинтересные. Мнѣ мало, чтобы они ухаживали, хочется и внутренне интересныхъ; у нихъ-же этого нѣтъ, кажется.

На Рождество хотимъ что нибудь поставить, на конькахъ кататься (это я предлагаю); въ театръ хочу много ходить, тоже хорошо-бы вмѣстѣ ... Соскучилась по музыкѣ, оперы хочу, концертовъ ... Но и читать много надо, и дневникъ не забыть ...

24 Сентября. Пишу утромъ, до ухода въ гимназію. Отъ лѣта у меня осталась привычка — вставать въ шесть часовъ; такъ — полчаса, а то и часъ въ моемъ распоряженіи имѣется.

Вчера я кончила объ этомъ своемъ, новомъ. Не знаю, получается ли дѣльное и вѣрное впечатлѣніе. Я больше думаю о любви, чѣмъ раньше. Т. е. непосредственно, въ мысляхъ, ея, кажется, нѣтъ. Но въ моемъ окружающемъ она мнѣ всюду мерещится. Мнѣ непріятно писать объ этомъ ...

27 Сентября. Нѣтъ, право, нехорошо такъ мало писать. Совѣстно какъ то, но это — такъ ...

Словомъ, женщина, дѣвушка, начинаетъ входить въ меня. Мнѣ 15 лѣтъ. Черезъ два года я кончаю гимназію. Что тогда? Хочу годъ пропутешествовать; пожалуй, годъ — много; лѣто ... Поступить въ университетъ. Думала раньше на филологическій; теперь, кажется, поступаю на юридическій. Мнѣ кажется, что для соціальной работы, въ которой я твердо рѣшила принять участіе, самое подходящее образованіе это юридическое. Кромѣ того, женщинѣ-юристу дороги шире всякихъ другихъ; на этомъ поприщѣ я могу быть защитницей слабыхъ и угнетен-

ныхъ, и, въ концѣ концовъ, можетъ быть, я могу говорить, смогу быть адвокатомъ.

Но, кромѣ юриспруденціи, которая мнѣ будетъ для жизни, меня интересуеть такъ много другого, что отдаться только праву было-бы грѣшно.

Да, я и не собираюсь этого сдѣлать: я могу вольнослушательницей посѣщать историко-филологическій факультетъ; книги по всѣмъ отраслямъ знаній къ моимъ услугамъ. 22-23-хъ лѣтъ я кончаю университетъ, и тогда я хочу поѣхать путешествовать. Путешествовать по всему свѣту, всюду побывать, и не только смотрѣть, но и изучать. Пусть это путешествіе продлится 5-8 лѣтъ, — все равно; гдѣ захочется, — поживу немного. А потомъ, наученная жизнью, съ запасомъ энергіи, опыта и знаній, я вернусь на Родину и отдамся дѣлу служенія другимъ.

О, Господи, какъ хорошо думать и писать объ этомъ свѣтломъ, дѣятельномъ и интересномъ будущемъ. Только-бы сбывлись мечты мои. Только-бы ничто не помѣшало имъ.

Міровая война можетъ не кончиться . . . но нѣтъ, къ этому времени все, хотя-бы приблизительно, войдетъ въ норму.

Съ мечтами о будущемъ связано у меня много вопросовъ и сомнѣній . . .

Учиться я хочу въ Россіи. Можетъ быть, въ другихъ странахъ преподаваніе поставлено лучше, жизнь интереснѣе, но это все — чужое, и пріятнѣе всего мнѣ будетъ учиться въ Москвѣ. Мнѣ кажется, что ничто не сможетъ замѣнить Художественнаго Театра. Можетъ быть красиво, прекрасно, но, мнѣ кажется, это будетъ не то. Потомъ, я смогу, разъѣзжая, слушать лекціи, но въ университетѣ мнѣ хочется быть въ Россіи.

А какъ чудно живутъ студентки въ Англіи! У нихъ сразу создаются простыя, товарищескія отношенія, безъ фальши и пошлости.

И, все-же, я хочу учиться у себя на родинѣ, изучать все на родномъ языкѣ. Однако, когда и мнѣ говорятъ про кого-нибудь, что онъ кончилъ за-границей, мнѣ это кажется, чѣмъ-

то большимъ нежели русскій университетъ. Тамъ, правда, преподають лучше, но, все-же, это предразсудокъ.

А на какія деньги я буду жить, пока буду въ университетъ? Конечно, пріятнѣе на свои, но я думаю, что, учась въ высшей школѣ, можно жить на средства родителей. Опре-дѣленные, конечно, и не больше. А путешествовать? О, это я хочу на свои, обязательно.

И, все-таки, въ моемъ дневникѣ главное лицо — я. А у дяди Володи не такъ было. Э-го-и-стка. Ну, не страшная...

28 Сентября. Уже поздно, и я скажу только про танцевальныя впечатлѣнія. Почти что слабыя... Не отъ танцевъ. На нихъ весело и мило, а отъ „послѣ“: мнѣ кажется, что было скучно. Я боюсь, что другимъ, мальчикамъ, скучно было, и у нихъ осталось плохое впечатлѣніе.

Ждала я какъ-то большаго. Но, можетъ быть, оно придетъ. Вѣдь, я только начинаю, да и мы всѣ также, мы только начинаемъ „входить въ свѣтъ“.

А мальчики у насъ, кажется, „ученые“. Мнѣ только обидно, что мы для нихъ что - то побочное, средство безъ стѣсненія научиться плясать, а потомъ они уйдутъ. Хотѣлось - бы проучить ихъ, только, вѣдь, я не съумѣю. Вотъ, гдѣ женщина сказала!..

И надо сознаться, что все таки лучше всѣхъ держалъ себя Саша Донде. Т. е., не лучше всѣхъ, но одинъ изъ лучшихъ. Если хочеть, онъ очень интересенъ; если только не ломается...

Надо, чтобы, помимо танцевъ, было весело, а этого, кажется, нѣтъ.

29 Сентября. Въ планѣ моей будущей жизни, казались-бы, далеко не женственной, любовь и другія тому подобныя, мягкія и нѣжныя, сантиментальныя явленія, должны были-бы отсутствовать, но этого вовсе нѣтъ.

Я не разъ писала, что у меня въ натурѣ живеть стремленіе къ тому, „другому“ міру. И, при всемъ моемъ влеченіи къ соціальной работѣ, общественной дѣятельности, мнѣ больно разставаться съ красотой жизни и съ мыслью о любви.

А что, если - бы мнѣ не пришлось испытать любви?!.. Вѣдь, это можетъ случиться, не всякому-же удастся испытать и пережить ее. Да... Если мнѣ не придется любить?.. Мнѣ и теперъ, при этой мысли, коломутно становится. Больно... Не испытать этого... Такой прекрасный, чудный огонь жизни... Любовь... Неужели это прекрасное въ жизни, къ чему меня непреодолимо тянетъ, не будетъ мнѣ доступно, и только сѣрое, будничное, хотя тоже хорошее, будетъ моимъ? О, этого я боюсь, ужасно боюсь...

Разъ мы шли съ мамой, и мама сказала: „когда ты выйдешь замужъ“... — А, вѣдь, можетъ быть, что я и не выйду, — несмѣло спросила я. — Конечно, — хладнокровно отвѣтила мама.

И я почувствовала, какъ что - то оборвалось въ груди и сдѣлалось горько, горько.

Тогда... тогда я замкнуь сама въ себѣ, мнѣ придется убить въ себѣ всѣ стремленія къ любви и ограничиться, постараться ограничиться, книгами и общественной дѣятельностью. Только не это, только не это...

Я не знаю, что такое любовь, не сужула - бы анализировать это чувство, но это — прекрасное, чудное чувство... Самое красивое на землѣ.

И какъ портятъ глупые люди этотъ чистый кристалль.

Бѣдные, бѣдные люди!

Когда я вижу влюбленную парочку, чистую, по крайней мѣрѣ на видъ, меня всегда охватываетъ умиленіе, и мнѣ всегда хочется глядѣть подольше на нихъ. Хорошо дѣлается на душѣ.

Не знаю только, хорошо ли выразила я сегодня свои чувства...

Ахъ, какъ прекрасна любовь!.. Скорѣй-бы, скорѣй. Упоеніе охватываетъ меня... Скорѣй! Л-ю-б-и-т-ь... О, Боже...

.

Конечно, смѣшно мнѣ, 15-лѣтней дѣвчкѣ, разбираться во всѣхъ этихъ вопросахъ, но разъ они приходятъ въ голову, поговорю о нихъ.

То, что меня значительно занимаетъ, это вопросъ о томъ, могу-ли я, имѣю-ли нравственное право выходить замужъ. (Непріятное слово!) Это сомнѣніе, конечно, приобретаетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если мои планы осуществляются и я дѣйствительно окажусь способной къ общественной жизни.

Семья, особенно дѣти, воспитаніе которыхъ такъ неизмѣримо важно для человѣчества, это — извѣстная отвѣтственность, занимающая много времени. А у меня его будетъ мало.

Исполнять-же эти обязанности плохо я не хочу. А женщина-мать очень сильна во мнѣ. Я съ наслажденіемъ думаю о томъ, что у меня будутъ свои дѣти, какъ я буду воспитывать ихъ. Эти думы составляютъ одинъ изъ главныхъ узоръ моихъ мечтаній.

1 Октября. Я сомнѣвалась, имѣю-ли я право выйти замужъ, не должна ли я принести въ жертву личное счастье и отдать себя всю на служеніе другимъ. Но теперь это сомнѣніе разрѣшилось.

Въ чемъ обвиняютъ часто теперешнихъ женщинъ - людей? Въ томъ, что, становясь „людьми“, онѣ перестаютъ быть женщинами (въ здоровомъ смыслѣ этого слова), и этимъ самымъ нарушаютъ законы природы. Такъ вотъ, предположимъ, что я стану такой женщиной, пусть, какъ я надѣюсь, не рядовой, выдѣляющейся изъ среды, и пренебрегу своими женскими обязанностями; откажусь отъ семьи. И мнѣ смогутъ бросить этотъ упрекъ ... И, правда, предположимъ, что не я одна, а десятки, сотни женщинъ отдадутся общественной работѣ, пренебрегая, вслѣдствіе этого, семьей. Что будетъ тогда? Прекратится ли приростъ общечеловѣческаго населенія?

Нѣтъ, за идеаль женщины я принимаю такую, которая, будучи въ то-же время человѣкомъ, скажемъ, даже обществен-

нымъ работникомъ, останется женщиной, т. е. женственной, и будетъ соблюдать то, что предназначено ей природой; не откажется сознательно изъ за этой своей жизни отъ семьи.

Такая женщина — идеаль женщины; она смѣло можетъ пользоваться уваженіемъ, какъ человекъ, сохраняя въ то-же время здоровыя женскія черты, — изящество, нѣжность и то обаяніе, которое она вноситъ съ собой (уютъ, мягкость и т. п.) Изъ всѣхъ литературныхъ героинь, знакомыхъ мнѣ, больше всѣхъ къ такой женщинѣ подходитъ Гончаровская Ольга, и поэтому я горячо люблю ее. Мнѣ нравятся и другія героини, но это уже не то, что Ольга ... Я уважаю ее, я восхищаюсь ею, я удовлетворена ею. И Сильвія Шпильгагена — больше другихъ человекъ; человекъ сильной воли, сознанія и энергіи...

Въ то время, какъ я писала, у меня возникла другая мысль. Да, это идеаль женщины, но достижимъ-ли онъ въ настоящее время? И не должны-ли мы, какъ черноработчіе, подготовить имъ почву?

Собственно, чтó я хочу ужъ такъ много сдѣлать? Хотя, правда, работы много: школы, приюты, партійная работа, — всего этого достаточно, чтобы заполнить жизнь, но можно и для семьи время найти. Нѣтъ, имѣть семью не только мое право, но и необходимость для судьбы женщины, вообще, для того, чтобы доказать, что она равна и полноправный членъ общества.

Ну, предположимъ такое время, какъ теперь; что дѣлать съ дѣтьми? Ихъ можно всегда устроить, если считать, какъ я считаю, что общія дѣла важнѣе личныхъ; да, поступать должно только такъ. Заслуга и заключается, именно, въ томъ, чтобы преодолѣть могущія встрѣтиться на пути къ достиженію этого идеала затрудненія. Да, да, только такъ!

Въ моихъ-же мечтахъ я, какъ это ни странно, въ одно и то-же время мечтаю и о дѣтяхъ, и о самостоятельной жизни, въ высшей степени уютной и красивой. Вопросъ о женской долѣ, вообще, меня въ высшей степени интересуетъ. Этотъ интересъ, какъ-то органически живетъ во мнѣ, онъ не вызванъ

ни чтеніемъ, ни разговорами, а какъ - то самъ по себѣ поселился во мнѣ.

Надо-ли говорить, что я всѣмъ сердцемъ и умомъ думаю о томъ, что женщины должны быть вполнѣ полноправны, потому что, въ умственномъ отношеніи, я не считаю насъ ниже мужчинъ.

Въ этомъ году, среди книгъ по общественнымъ наукамъ у меня много записано по женскому вопросу, и эти книги я буду читать съ большимъ наслажденіемъ.

Конечно, до сихъ поръ женщина сравнительно мало заявила себя, какъ способный человѣкъ. Среди нихъ много пустыхъ кокетокъ и духовно безсодержательныхъ, но, все-же, надо отмѣтить, что теперь начинаютъ появляться женщины во всѣхъ профессіяхъ, работающія наравнѣ съ мужчинами.

А развѣ среди мужчинъ нѣтъ пустыхъ ловеласовъ? Мало-ли ихъ? Развѣ, сами мужчины не смотрятъ на женщину, какъ на интересную и грушку и прощаютъ ей ея недостатки, этимъ самымъ потворствуя имъ. Я говорю, конечно, въ общемъ. Есть исключенія, но, въ среднемъ, ихъ значительное меньшинство.

Развѣ воспитаніе женщины подготовляетъ ее къ серьезной жизненной работѣ? Зло этого воспитанія коренится въ глубинѣ вѣковъ. Дайте женщинѣ возможность, почву, и она не будетъ хуже мужчины.

Я не хочу, конечно, сказать, что женщина сама по себѣ безупречна: нѣтъ; мнѣ только хочется выразить, что она не такъ ужъ виновата.

Я замѣчаю, что высказываю мысли, напоминающія книгу, которую я читала, но мнѣ глубоко кажется, что эти мысли выходятъ у меня прямо изъ души.

Что-жь! Одно другому не мѣшаетъ.

— Да, женщинѣ нужны всѣ права, и со временемъ она вполнѣ заслужитъ ихъ. Теперь у насъ еще много женщинъ, которыя довольствуются своей пустой жизнью, но если поднять воспитаніе дѣвушки, очистить социальныя условія жизни, къ ней относящіяся, женщина поднимется. Но и теперь, среди

нихъ, есть многія, которыя съ успѣхомъ могутъ жить сознательной жизнью. Дайте имъ возможность. Когда при мнѣ бранять женщину, мнѣ дѣлается не по себѣ, я чувствую, что это не такъ, но не рѣшаюсь спорить: нѣтъ аргументовъ, и только мысленно я говорю: „подождите!“

3 Октября. Сегодня какъ разъ писательское настроеніе; потому за дневникъ съ удовольствіемъ съла.

Вчера принесли карточки дѣдушки и бабушки, увеличенныя; еще того времени, когда они были живы и здоровы. Это не карточки, а портреты, поражающіе яркимъ сходствомъ. Когда глядишь на нихъ, что-то ударяетъ прямо въ сердце и дѣлается такъ больно, больно ...

Неужели все — уже прошлое? Неужели ничего не осталось? Такъ, моментами, рѣзко бросается въ глаза сознание потери ... Боже, все прошло. Ихъ больше нѣтъ. Невольно мысль переноситъ къ лѣту, и оно какъ-то кажется и далекимъ, и близкимъ.

Вспоминаются отдѣльные эпизоды. Вотъ дѣдушка лежитъ въ саду, на кушеткѣ. Вотъ ясный, солнечный день, и онъ медленно идетъ къ креслу, подъ руку съ фельдшерницей. Я вижу его, ясно вижу ... И вотъ — онъ мертвый, въ гробу, масса народу, поютъ, потомъ торжественныя похороны!.. Все кончено. Нѣтъ ничего ... Это прошло. Какъ остро чувствуется потеря ...

Сознание не можетъ какъ-то обнять этого. Дѣдушка, дѣдушка умеръ. У-м-е-р-ъ! На бумагѣ такъ не выражается это острое сознание; не выражается такъ, какъ его чувствую.

13 Октября. Опять давно не писала. Хотѣла кончить книгу („La révolution française“, Thiers'a), чтобы начать русскую.

Мама уѣхала въ Крымъ. Съ Сашей. Прїѣдетъ не скоро. Ей надо, какъ слѣдуетъ, поправиться и отдохнуть послѣ годичныхъ мытарствъ. Изнервничалась мама совершенно. Не узнать прямо ее. Не та стала. Нервничала, раздражалась безъ всякаго повода, что, къ сожалѣнію, заставляло находить ее неправой. Много мелкихъ недостатковъ находила я у мамы за послѣднее время. Но, конечно, несмотря на нихъ, мама выше общаго уровня; она, въ высшей степени, эстетична, всѣмъ интересуется. Но она не создана для грубой матеріальной жизни, которую намъ приходится вести, т. е. жизни, въ которой обо всемъ этомъ надо такъ много думать; мама привкла къ иной, болѣе спокойной и обеспеченной жизни ...

Я часто думаю теперь о Л. А. Л., онъ — славный. Больше! Онъ — очень интересный. Я не встрѣчала такихъ. Я-бы хотѣла его знать, и чтобы онъ меня зналъ, и чтобы я ему понравилась ... Да, я этого хочу. Съ удовольствіемъ думаю, что въ университетѣ могу его встрѣтить ... Онъ очень хороший. Тонкій. Хорошо было-бы, чтобы одинъ изъ моихъ кавалеровъ по танцамъ такимъ былъ. А то такъ, кромѣ танцевъ, ничего! Правда я ихъ мало знаю, мальчиковъ, съ которыми приходится танцовать, но оно такъ.

14 Октября. Миръ близокъ. Германія согласилась на условія Вильсона; въ томъ числѣ и на то, чтобы очистить оккупированныя мѣста. Созовутъ международный конгрессъ... И тогда, тогда ... Гдѣ-то тамъ, вдали, на горизонтѣ, неясно очерчивается заря спокойной жизни. Да, мы, кажется, не только будемъ жить во время революціи, но и переживемъ ее. Что будетъ съ Россіей?! Конечно, этотъ вопросъ будетъ однимъ изъ главныхъ на международномъ конгрессѣ. Но какъ отнесутся къ намъ? Не воспользуются-ли своей силой, не отомстятъ-ли за Брестскій договоръ? Хочется вѣрить, что нѣтъ. Если слова ихъ не ложь, то они должны поступить благородно.

Итакъ, предположимъ, что Россію не тронули, и мы можемъ опредѣляться, какъ хотимъ.

Я думаю, что скорѣй всего будетъ федеративный союзъ. Но мнѣ кажется, что у насъ полный порядокъ сейчасъ-же не настанетъ: слишкомъ взбаламучено народное море. Мнѣ кажется, что мятежи и т. п. будутъ еще нѣкоторое время продолжаться. Но, все-таки, спокойствіе несравненно ближе, чѣмъ раньше.

Какое будетъ правленіе? Мнѣ кажется, что должны избрать только демократическую республику.

Господи, неужели когда-нибудь вновь наступитъ миръ и тишина?! Вновь пойдетъ жизнь по старому руслу. О, тогда, ставъ старше, я лучше сѣумѣю пользоваться ею. Потомъ путешествія. Необъятный океанъ, горы, безпредѣльныя зеленыя равнины, Парижъ, Лондонъ... Природа... Люди... Какъ все это манитъ, зоветъ. А до нихъ — университетъ въ Москвѣ, Художественный Театръ, музеи... Какъ это все притягиваетъ...

И видите, если я не узнаю взаимной любви... О своей я не говорю; я, вѣроятно даже, полюблю; такъ вотъ, если я не узнаю взаимности, моя жизнь отъ этого не пострадаетъ. Я хочу такъ устроиться, и устроюсь, чтобы не зависѣть отъ нея, не говоря о томъ, чтобы ждать ее, какъ многія барышни. Я буду жить. Придетъ, — возьму, а если нѣтъ, мнѣ будетъ жаль, безумно жаль, но я буду жить.

Мнѣ рисуется въ воображеніи небольшая квартирка, обставленная уютно и красиво... Всюду красота, мягкость, уютъ. И я, женщина — человѣкъ. Я живу интересной жизнью. У меня собираются писатели, художники, артисты. Такое общество, гдѣ дѣйствительно интересно. У насъ тѣсный, дружескій кружокъ. Заманчивѣй этой картины я не знаю. Я свободна, самостоятельна. Какъ хорошо и свѣтло!!.. И среди такой жизни я не пожалѣю о любви. Ей, даже нѣтъ мѣста. Жизнь полна безъ нея. Мнѣ жаль только утра любви... Тѣхъ минутъ, воспоминаніе о которыхъ скрашиваетъ всю жизнь человѣка.

Когда я вижу нѣжность влюбленныхъ, мнѣ дѣлается хорошо, какъ передъ чѣмъ-то красивымъ, именно, красивымъ. Мнѣ, какъ-то, приятно на душѣ тогда. И я хотѣла-бы наблюдать, наблюдать безъ конца... А вотъ еще странность. Дѣтей въ моемъ воображеніи я вижу. Съ удовольствіемъ думаю о нихъ. Мужъ-же — фигура, никогда не появляющаяся въ моемъ воображеніи, совершенно чуждая, такъ какъ о немъ я ни разу не думала.

Съ одной стороны, вижу свою квартирку, съ другой, — съ наслажденіемъ думаю о дѣтяхъ.

Но, если — да, то моя семейная жизнь не должна остановить всего другого; такъ или иначе, но своей жизнью я буду жить.

(Вечеръ). Я глубоко субъективна... Читала рассказы Боборыкина. Такъ! Есть — ничего; даже — больше. А мысли пробудили они широкія. Много горя и нищеты, нравственной, физической, на свѣтѣ! Сколько народу губится, сколько дѣвухъ гибнетъ, прозябаеть.

Можетъ быть, если рассказы возбудили эти мысли, они хороши, потому что достигли цѣли. Дворцы богачей, довольство, пресыщеніе, — и нищенская каморка, отказъ отъ самаго необходимаго, невозможность ученія, вообще, нравственныхъ удовольствій. Какая несправедливость! И тѣ, и другіе — люди!.. Какъ можно забывать это? Какъ глубоко эгоистичны, какъ узки тѣ, которые не думая объ этомъ, транжирять деньги и жизнь, не принося никому пользы.

Мнѣ скажутъ: это — жизнь, это — неизбежное зло, которое не должно отравлять вашей жизни... Пусть это — жизненное зло, но значить-ли это, что его можно оставлять безнаказаннымъ?! Соціализмъ, равенство, братство — это свѣтлыя вершины культуры и гуманизма, но мнѣ представляется важнѣйшей задачей — немедленная матеріальная помощь всѣмъ этимъ несчастнымъ...

Надо воспитывать дѣтей, просвѣщать взрослыхъ. Да, помогать вытянуть ихъ изъ бездны нищеты и мрака, въ которой они погрязли.

А проституція!.. Вотъ зло, вотъ кошмаръ культуры! Какъ можно ее терпѣть?! Какой позоръ для женщины... Какой развратъ! Уничтожить его — одна изъ главныхъ задачъ борцовъ за человѣчество, въ частности, за женщинъ.

А какъ часто эти „падшія“ не виноваты; какъ часто онѣ падаютъ изъ за невѣжества, изъ за грозящей голодной смерти! Какая темнота!

И, вѣдь — только отъ людей зависитъ устранить всю пошлость и гадость, темноту и невѣжество, а они упорно не хотятъ! И только отдѣльныя личности борются за свѣтлыя идеи культуры.

Я, вотъ, думаю о томъ, что сейчасъ сижу и пишу спокойно, въ своей комнатѣ, и предстала предъ моими глазами картина бѣднаго кабачка, наполненнаго усталымъ людомъ, грубо веселящимся или неумѣло толкующимъ о политикѣ.

Та жизнь, а не моя комната, не мои теперешнія занятія... Мысли уже перебѣжали дальше...

Я вдругъ, какъ бывають у меня минуты какого-то страннаго просвѣтленія, я почувствовала, какъ далека я отъ жизни. А жизнь? — я почувствовала ее въ какихъ-то общихъ картинахъ города, улицы, общей, большой жизни... Какъ я мала, какъ мы всѣ въ одиночку малы передъ общимъ.

Это чувство мнѣ знакомо, но сейчасъ оно очень сильно, я ощущаю его. А перечитывая дневникъ, я увидала, что въ Москвѣ, въ то страшное для меня время, я много думала. Вообще, я не жалѣю объ этой кутермной жизни: я многому научилась. Хорошо, что я взяла себя въ руки и снова начала, какъ слѣдуетъ жить, а то съ Ниной, вообще со всѣми, распуская себя, только изъ пустого въ порожнее переливаешь, и понемногу это дѣлаетъ и тебя пустой. Теперь я не поддамся.

20 Октября. Идемъ вечеромъ въ „Летучую Мышь“, т. е. я получу настоящее эстетическое удовольствіе.

Нѣтъ, право, такого настроенія, какъ сегодня, у меня, у-ухъ! какъ давно не было. Оно... опредѣлить его не съужью; даромъ время уйдетъ. Только больше чувствуешь пустоту жизни окружающихъ, свою отчужденность отъ нихъ. Общаго мало. Ничего. И папа чужой становится. Неприятно. Но это далеко не все сегодняшнее. Только часть. А другое, не знаю, какъ сказать. Настроение спокойное, но подернутое грустью, что-ли; тишиной такой. Тихостью.

Думаю о Л. А. — я о немъ часто думаю: другихъ мужчинъ такихъ тонкихъ, глубокихъ мнѣ не приходилось видѣть. Но его я мало знаю. А что онъ обо мнѣ думаетъ? Какъ далеко я отъ нихъ всѣхъ, нашихъ! Включая и Нину, конечно. Потому я сегодня у нея такая вялая была: не было интересовъ общихъ. Тупость. Равнодушіе.

Можетъ быть, это все осень. Не знаю. Но я цѣлый часъ гуляла одна въ саду. Тамъ необыкновенно. Народу сравнительно много, но, въ общемъ, тихо. Деревья стоятъ такія грустно спокойныя... Нѣтъ, это даже не грусть, а полный такой покой. Какой-то тихій покой, тихій, но не пришибленный.

А знаете!.. Есть въ книгахъ люди, они становятся часто такими послѣ несчастій... Это Лиза, Лиза Калитина изъ „Дворянскаго гнѣзда“. Они могутъ быть и веселые. Но какая-то тишина вѣтъ надъ ними. Да, это Лиза!..

Зеленаго цвѣта мало. Больше желтые тона. Мѣстами земли совершенно не видно. Воздухъ кажется желтымъ. А кругомъ такъ тихо, хорошо. Вы выходите къ Диѣпру. Горизонтъ гдѣ-то далеко... Все подернуто сѣровато-синей дымкой. И это какъ разъ подходитъ къ листвѣ, къ настроенію, навѣваемому осеннимъ садомъ.

Видно, какъ движется рѣка и быстро мчится парходикъ внизъ по теченію... Чувствуется необъятность міра. И такъ спокойно! Такъ безконечно далеки люди со своими страстями. Миръ, тишина, покой... Что можетъ быть лучше и прекраснѣе природы?! Безконечно значителенъ для насъ этотъ ея вѣчный миръ, ея всегдашнее спокойствіе. Это не „холодное равнодушіе“, о, нѣтъ!

Въ несчастьи-ли, въ грусти или въ слишкомъ бурной радости, ничто лучше и глубже не успокаиваетъ, какъ природа. Она ниспосылаетъ истомленной душѣ человѣка глубокой, глубокой покой.

Я люблю стоять у края бездны. У самого края. Чтобы движеніе — и... И сегодня, подходя къ краю обрыва, еще не такого глубокого, какъ мнѣ хотѣлось, мнѣ пришло въ голову, что когда-нибудь я такъ и умру, сорвавшись въ бездну!..

Это предчувствіе навѣяла на меня прогулка... Но теперь, уже послѣ прогулки, я еще острѣе чувствую навѣянное, чѣмъ тогда, во время нея... Пора...

21 Октября. Было такъ хорошо, легко на душѣ. Испортилось. Юра испортилъ. Досадно...

Опять гуляла тамъ. Опять чудно-хорошо. Каждый день буду ходить послѣ гимназій, но, къ сожалѣнію, не одна: надо будетъ брать съ собой Юру. А жаль! Такъ чудно гулять одной. Такъ много говорить окружающее. А съ нимъ ужъ этого не будетъ. Одна, я перерождаюсь совершенно. Такъ вольно дѣлается...

Я стояла опять у обрыва, откинула пальто и дышала полной, полной грудью. А вѣтеръ дулъ въ лицо... И такъ хорошо, хорошо. Гдѣ ужъ вдвоемъ! И еще... И смѣшно, и мило, и пріятно. Вотъ что. За мной все время ходилъ офицеръ; фу, какъ на бумагахъ пошло получается, а на самомъ дѣлѣ оно вовсе не такъ. О томъ, чтобы пристать, и рѣчи не было. Онъ держался въ отдаленіи. Но шель за мной. И мнѣ было сладко-пріятно, что я кого-то интересую. И я думаю, что буду встрѣчать еще его. Всегда. Каждый день. Можетъ быть, глупости, а кажется...

Милый мой дневникъ, вотъ сегодня, какъ влекло къ тебѣ. Я люблю тебя. Пишу съ наслажденіемъ. Такъ чудно гулять одной... Какъ жаль! Будетъ простая, банальная прогулка. А не брать Юры нельзя: ему надо гулять. Ну, довольно.

Я не скучаю по мамѣ. Нѣтъ. Но ужасно хочется знать, какъ она и что съ нею. Извѣстій не хватаетъ. Пусто. А, вотъ, получила сегодня письмо, и хорошо. Кусочекъ мамы прилетѣлъ. Чего-же я жду отъ нея? Не знаю.

... „Не знаю, куда...“ — говоритъ „дриада Булонскаго лѣса“. Я не представляю себѣ мамы. Ни лица, ни цѣльнаго внутренняго облика. Потому и не знаю, чего-же я хочу? Хочется извѣстій. Когда ихъ долго нѣтъ, какъ-то не хорошо. Но, слава Богу, мама устроилась тамъ совсѣмъ хорошо и поправляется... Нѣтъ, плакать ужъ вовсе не надо...

Я смотрѣла на Дифпръ, на его густую, синюю краску и вообразила себѣ Черное море, Симеизъ, и ее тамъ...

Вчерашній вечеръ въ „Летучей Мыши“ навѣялъ мнѣ такую картину... Спектакль кончился. Заиграла музыка. Кое-гдѣ появился чай, фрукты... И я себѣ представила шумную, нарядную залу. Публики, конечно, масса. И мы сидимъ за отдѣльнымъ столомъ. Мы, т. е. я и другіе... Я — взрослая, молодая дѣвушка, что-ли. Другіе — не знаю. Но, главное, интересные. Кругомъ веселье. Одурачающее, опьяняющее веселье. Музыка, шампанское. Оживленный разговоръ, легкій, но приподнятый, какъ и все. Вотъ и настроеніе мое приподнялось...

Развѣ не весело, развѣ не чудно это? Но не только легко! Раздражающе, вызывающе весело. А? Хорошо!

Я не думала о всегдашней такой жизни. Но иногда... Просто, картина представилась. Ясно такъ увидала ее я. Прямо передъ глазами. Обстановка располагала... Будетъ это когда-нибудь или не будетъ? Да или нѣтъ?..

О, мнѣ иногда безумно хочется попробовать шальной, страстной жизни. Хочется окунуться въ этотъ омутъ. Какой, чего?..

Нѣтъ, полнѣй я не сѣмью опредѣлить. Особенно сегодня. Омутъ веселья, легкаго, пустого, свѣтскаго веселья. Такихъ ужиновъ, разговоровъ, не знаю еще чего... флирта, что ли? Нѣтъ, противное слово. Чепуха, вродѣ любви. Безумной, свѣтской жизни. Но интересной, захватывающе веселой...

25 Октября. Въ эти дни, когда мнѣ хотѣлось писать, я чувствовала одиночество... Всѣ, рѣшительно всѣ, были такими чужими и далекими; подумала о Нинѣ, но и она сейчас не ближе моему внутреннему „я“.

Такъ устроены человѣкъ, что долго онъ можетъ заставлять себя обходиться безъ людей, понимающихъ его, безъ осмысленныхъ разговоровъ, словомъ, можетъ, повторяю, воспитывать въ себѣ замкнутость. На долго можно, и то не всѣ могутъ; а навсегда, по крайней мѣрѣ, на болѣе долгій срокъ, уже труднѣе. И въ эти дни, я чувствовала прямо потребность поговорить съ „человѣкомъ“, но такого нѣтъ, рѣшительно нѣтъ среди всѣхъ, окружающихъ меня. Было тяжело одной... Посадила возлѣ себя М. А., она славенькая, добренькая, но ничтожна. Нѣтъ, нехорошо говорить „ничтожна“. Нѣтъ ничтожнаго человѣка. У всякаго своя душа, а душа человѣка, сама по себѣ, велика.

Не буду такъ говорить. Словомъ, я не могу не чувствовать своего умственного превосходства надъ ней. То, что она только чувствуетъ, то я чувствую и понимаю... Нехорошо! „Гордыня!“... Но это такъ. И, вотъ, чуть не стала предъ ней изливаться. Приходилось удерживаться. Хотѣлось къ дневнику, но надо было читать, и я читала...

Изъ писателей въ этомъ году хочу прочесть Чехова, Толстого и Мережковского. Остальное, къ сожалѣнію, будетъ только „между“.

Вотъ! Я не помню дословно, но приблизительно слѣдующее сказала Бѣлинскій: „любить одинъ разъ — не заслуга, и любить много разъ — не преступленіе; равно смѣшно хвастаться первымъ и порицать второе“. Я не привожу это, какъ авторитетъ, а только, какъ подтвержденіе мое й мысли, давно бродившей и сформировавшейся во мнѣ; я нашла на изреченіе Бѣлинскаго и была счастлива.

Моя мысль немного пугала меня своей смѣлостью, какъ мнѣ казалось тогда. Теперь уже особой смѣлости я не нахожу въ ней. Обождите. Вотъ сейчасъ, въ то время, какъ я пишу, она развилась гораздо дальше и смѣлѣе, на самомъ дѣлѣ.

Мнѣ хотѣлось-бы поговорить объ этомъ съ кѣмъ-нибудь, но рѣшительно не съ кѣмъ. Только съ Раей или Талей Гольдманъ-Либеръ (еще по Саратову) могла-бы я поговорить объ этомъ. До прїѣзда мамы придется молчать. А тамъ я, вѣроятно, скажу мамѣ, чтобы узнать, что она, а въ ея лицѣ, другіе люди думаютъ объ этомъ.

Почему человѣкъ долженъ любить только разъ, или, скажемъ, не любить больше съ тѣхъ поръ, какъ онъ „вступаетъ въ бракъ?“, Почему съ этихъ поръ естественное движеніе сердца запрещено ему? Не есть-ли это одна изъ формъ рабства? Притомъ ужаснаго, потому что нравственнаго.

Я встрѣтила человѣка. Такъ или иначе, но страстно полюбила его. Онъ заполняетъ всю меня. Я счастлива. Проходитъ время. Я встрѣчаю другого. Интереснаго. И развѣ снова не можетъ вспыхнуть въ душѣ священный пламень любви? Жизнь отвѣчаетъ, что — да. На каждомъ шагу мы видимъ повторяющуюся любовь, но часто она клеймится позоромъ, и человѣкъ осуждается на вѣчное презрѣніе. За что? За то, что душа его откликается на красивое и прекрасное? Вѣдь, для каждого любимый — красивъ и прекрасенъ.

... Ингеборгъ. Плоха ли она оттого, что постепенно любить многихъ, „мѣняетъ своихъ любовниковъ“ на языкѣ узкихъ взглядовъ. Да, мѣняетъ. Такъ что-же? Она всѣхъ любить искренно и полно.

Человѣку должна быть дана возможность свободно любить, столько разъ, сколько онъ хочетъ.

Вы знаете? У меня мелькнула мысль, что если дадутъ домашнее вольное сочиненіе, взять мнѣ, именно, это. Тема меня интересуетъ. Но будутъ скандалы. Кажись, не рѣшусь безъ маминаго совѣта. Отложу пока. Если да, такъ успѣю, когда она прїѣдетъ.

Я не умѣю доказывать. И написанное, вѣроятно, ни капельки никого не могло убѣдить, даже меньше: не могло-бы возбудить мысли по этому поводу.

А Анна Каренина? Я цѣню ее, какъ человѣка, не считаю ее преступницей, скорѣе — жертвой современныхъ нравовъ. Конечно, отчасти.

Бракъ — рабство: онъ мѣшаетъ предаваться, какъ говорятъ испытанные (и я такъ думаю), высшему блаженству — любви. Человѣческая личность должна развиваться совершенно свободно. Бракъ мѣшаетъ этому развитію. Даже больше. Онъ часто толкаетъ на „моральныя преступленія.“ Не только тѣмъ, что запрещенный плодъ сладокъ, но уже тѣмъ, что при немъ посторонняя любовь, могущая быть совершенно естественной, дѣлается преступленіемъ. Были-ли бы менѣе счастливы люди, скажемъ, мужчина и женщина, если-бы они жили не вѣнчаясь, а просто такъ „любовниками,“ на общемъ языкѣ. Возможно, даже, не на одной квартирѣ, но видѣлись-бы каждый день, словомъ, фактически могли-бы вести ту-же жизнь супруговъ. При взаимной любви, что мѣшаетъ имъ устроиться вмѣстѣ?

Ахъ, я могу поговорить съ тетей Анютой, надо подумать.

26 Октября. Танцовали, какъ всегда — по субботамъ. И хорошо, и плохо... Когда начинаешь кружиться въ вихрѣ вальса, дѣлается почему-то такъ хорошо... И хочется тогда кружиться безъ конца. Забывается окружающая обстановка, на душѣ легко, пріятно... Нѣтъ, не то, не тѣ слова нужны для выраженія чувства при вальсѣ...

27 Октября. Была днемъ въ театрѣ. Ставили „Наслѣднаго Принца“. Мило, поэтично и нѣжно. Легко, красиво. Глубины нѣтъ настоящей, глубины мысли, сюжета. Эти чувства знакомы, понятны, они захватываютъ, но пьесу все-же нельзя назвать глубокой: она много даетъ воображенію, но и только. Въ общемъ, очень и очень хорошо. Все поэтично

такъ, красиво. И играли, относительно, хорошо; и, даже, со-
всѣмъ хорошо.

Создалось настроеніе; не безъ тихой грусти; гдѣ-то да-
леко блеснули слезы. Почему? Да такъ создается само,
подъ вліяніемъ глубокой тоски принца, окутывается все легкой
дымкой при видѣ юной любви.

И, конечно, не къ грубой прозаичной, а дома у насъ и
холодной, чужой жизни, хотѣлось возвращаться. Пусть-бы
продолжалась волшебная сказка тихой поэзіи, красоты и,
воображаемой хотя-бы, ласки и теплоты... Но не останавли-
вается теченіе жизни!

Дома — холодъ, отчужденность, и я пошла къ Нинѣ: я,
все-таки, была, хотя отчасти, не одна. Потомъ гуляла съ те-
тей Анютой; объ этомъ не говорила ей, да и не буду.

Молодость... Какъ прекрасна она! Какъ бьетъ
ключемъ жизни! Пользоваться, пользоваться ею, чтобы ни
одинъ моментъ не пропалъ даромъ. Жизнь! Я чувствую,
какъ всѣ фибры мои вздрагиваютъ... Жить полно, инте-
ресно... О, стойте!... Я кончу университетъ и поѣду пу-
тешествовать. Долго, долго, все объѣду, всюду побываю. Эта
жизнь кочевая такъ интересна; столько новыхъ людей, новыхъ
мѣстъ. Потомъ приѣду. Хочу свой кружокъ... интерес-
ный, сплоченный. Потомъ... когда-нибудь смерть, холодная
и спокойная.

Эхъ, лирика, лирика! А жизнь, „какъ посмотришь съ хо-
лоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка...“
и все разлетается при „словѣ разсудка...“

Да, „Наслѣдный Принцъ“ — хорошая вещичка, преле-
стная, романтичная...

Ахъ, получу завтра изъ библіотеки какую-нибудь чудную
книгу... Я только чудныя и записала.

Бѣдный, бѣдный принцъ. И, вѣдь, много въ жизни такихъ
людей, схоронившихъ въ глубинѣ души скорбныя страницы
своей духовной жизни, имѣющихъ тамъ, въ глубинѣ, свой пе-
чальный уголокъ, — схоронившіе его... Схо-ро-ни-вшіе! —
Послѣднее, доминирующее впечатлѣніе меланхолично.

И хорошо, и плохо отъ этихъ танцевъ. Ахъ, да!

Я люблю театръ, подь часъ я чувствую, съ какимъ-бы наслаждениемъ сама перевоплощалась въ своихъ любимыхъ героинь. И... временами... мнѣ кажется, что съ удовольствіемъ поступила-бы я на сцену. Но, чтобы не быть посредственностью, теряющейся среди массы другихъ профессиональныхъ актрисъ, а чтобы играть для искусства. Это не значитъ, обязательно играть въ Художественномъ, который я глабоко люблю, всей душой, всѣмъ существомъ.

Вотъ, когда я буду жить въ Москвѣ, а это будетъ скоро, потому что въ университетѣ я тамъ буду, я каждую недѣлю буду ходить туда. Скорѣй буду лишать себя другого: буду ходить на самыя дешевыя мѣста, но буду упиваться этой красотой.

Ахъ, ты милый мой дневникъ; какъ ты дорогъ мнѣ; безъ тебя я совсѣмъ одинока была-бы!

Такъ, вотъ. Такіе Художественные Театры надо по всей Россіи создавать, чтобы и провинціалы могли-бы наслаждаться. Вѣдь, театръ можетъ дать много; именно, настоящій, художественный театръ.

Но для всего этого надо способность, талантъ. А мнѣ думается, что совершенно я не лишена ихъ. При развитіи, если они есть, можетъ быть, могъ-бы получиться толкъ. Всецѣло отдаться сценѣ я не могу: другая половина моя зоветъ и къ другой жизни. Но одно не должно исключать другого. Я серьезно подумываю, когда поѣду въ Москву, въ университетъ, поступить въ студию Художественнаго Театра. А что будетъ дальше — посмотримъ. Окажусь годной, останусь кончать, нѣтъ — уйду. Такъ далеко боюсь заглядывать.

...„Глупо стронть планы на всю жизнь, когда ты не хозяинъ даже завтрашняго дня...“ А, все-таки, пріятно. Люблю...

31 Октября, Вы думаете не хочу писать? Страстно! Но не хватаетъ времени, а читать надо... „О чемъ

пѣла ласточка“ уже прочла. Очень хорошо. Для сердца, не для ума...

1 Н о я б р я. Какая прелесть стихи. Настроение было до них отчаянное, а теперь такъ легко, легко; вольготно, радостно-тихо, словомъ, хорошо...

А неприятностей много. Днемъ совсѣмъ-таки коломутно было. Холодно стало такъ, неудобно; захотѣлось любви, нѣжной ласки; мамы захотѣлось. А они всѣ такіе холодные, далекіе... Со вчерашняго дня это.

• Передо мной уже вставалъ какъ-то вопросъ о заработкѣ денегъ, но я не въ силахъ была рѣшить его, т. е. не находила выхода.

Я писала на дняхъ о „свободной любви“... Да, человекъ можетъ любить столько разъ, сколько вмѣститъ его душа. Любовь нельзя считать. Она безгранична. Одинъ устроенъ такъ, другой — этакъ. Для иного — одного раза достаточно; другого — не удовлетворяетъ. Но, вотъ я пишу, и передо мной встаетъ женщина, часто мѣняющая свою любовь, и какъ будто поднимается протестъ... Довольно объ этомъ.

... Я вижу, я чувствую безконечное протяженіе вѣковъ; какое-то громадное пространство. Солнце. Планеты. И наша земля. Маленькая среди большихъ. И большая для другихъ, еще болѣе мелкихъ и ничтожныхъ существъ, цѣлый міръ для пигмея-человѣка. Двигается время... На землѣ никого... Третичная и другія эпохи, названія которыхъ я не знаю. Потомъ, животное превращается въ дикаря, дикарь обращается въ культурнаго человѣка. Онъ строитъ города, составляетъ государства...

Изъ тьмы вѣковъ глядятъ на меня Ассирія, Вавилонъ, потомъ Греція и, наконецъ, Римъ, великій вѣчный, Римъ... Онъ поработилъ весь міръ, ведетъ войны съ другими государствами, онъ — царь и владыка всего...

И въ этомъ огромномъ организмѣ исторической жизни каждая молекула, каждый человекъ живетъ своей полной

жизнью, заполняющей его кругозоръ. Она тоже для него цѣлый міръ, великій и значительный; онъ не задумывается надъ судьбами человѣчества, не видитъ его въ цѣломъ. Для него его Римъ — прошлое, настоящее и будущее. А общій ходъ исторіи идетъ своимъ чередомъ. И палъ вѣчный городъ ... Его вѣкъ — мгновеніе, въ сравненіи съ исторіей всей земли.

На мѣстѣ расцвѣта цивилизаціи и богатой культуры — полное разрушеніе. Послѣ лѣтняго дня—настала темная ночь. Но за ночью слѣдуетъ день. Наступаетъ новая эра — наши вѣка.

Тѣ - же города, та - же культура, тѣ - же войны, и тотъ-же, всепоглощенный своей недолгой жизнью, ограниченный своимъ узкимъ кругозоромъ человѣкъ.

Настала бойня: великая бойня народовъ, гдѣ забыто все, кромѣ жажды крови; люди опьянѣли отъ нея ... Они выставляютъ святыя лозунги, но бойня остается бойней, война — войной. Нѣтъ на землѣ спокойнаго уголка; нигдѣ не продолжается прежняя нормальная жизнь, о которой, какъ о далекомъ снѣ, вспоминаютъ люди. Не сумерки-ли это нашей эры, нашего времени?!.. Не настаетъ-ли другая жизнь, не вступаетъ-ли человѣкъ на новый путь исторіи? Что будетъ потомъ? Черезъ сто, двѣсти, триста лѣтъ? Молчаніе. И, если прошлое открыто намъ, если мы можемъ видѣть, что прошелъ человѣкъ, — мы не знаемъ, что суждено ему.

И только одно можетъ предположить человѣкъ, устремившій свой взоръ въ туманъ будущаго: такъ же, какъ и до сихъ поръ, поколѣніе будетъ смѣняться поколѣніемъ; падутъ одни государства, и на ихъ мѣста придутъ другія; также поглощенъ будетъ своей личной жизнью человѣкъ, также будетъ казаться ему цѣлымъ міромъ — пигмеемъ среди міра — Земля. А въ безграничномъ мировомъ пространствѣ будетъ такъ же свѣтить солнце, такъ же вращаться планеты ...

Я писала съ такимъ волненіемъ эти строки, что меня бросило въ жаръ; я чувствую, какъ пылаютъ мои щеки ...

Пока я писала, мнѣ пришло въ голову то, что до сихъ поръ никогда не представлялось моему уму. Древній, античный міръ Греціи и Рима не былъ преддверіемъ къ нашему времени, какъ къ вершинѣ горы, дальше которой некуда итти. Ихъ культура была такъ же высока, какъ и наша; они достигли всего, что, послѣ долгаго разрушенія, постепенно создавалъ человѣкъ нашего времени. Они стояли на пути цивилизаціи такъ же высоко, какъ и мы ... Они — тотъ же 20-ый вѣкъ, но съ другого конца исторіи земли. Они были, царствовали и прошли, и мы будемъ процарствуемъ и пройдемъ ...

И, если - бы я теперь изучала ихъ исторію, — что́ я и сдѣлаю, конечно, — читая о нихъ, я смотрѣла - бы на нихъ не такъ, какъ на подготовительный періодъ, а на совершенно самостоятельный, на нихъ, какъ на насъ самихъ въ другомъ вариантѣ; на ихъ исторію, какъ на нашу исторію, прошедшую и законченную. Тогда я перенеслась-бы мысленно на много вѣковъ впередъ, и оттуда, съ высоты, достигнутой знаніемъ, — потому что человѣкъ все идетъ впередъ, и у насъ есть многое, чего не знали они, — я оглянулась бы на наше время, кажущееся намъ столь блестящимъ. На самомъ дѣлѣ, наше время есть лишь переходная ступень, на которую когда-нибудь будутъ смотрѣть, какъ мы глядимъ теперь на Римъ, какъ на что-то давно, давно прошедшее ...

А подумать только! Они когда-то существовали, жили, эта Греція, этотъ Римъ, о которыхъ мы учимъ ... Эта частная жизнь со своими особенностями, которую описываютъ, существовала. Су-щест-во-ва-ла. Дрожь охватываетъ меня. Передъ вѣчностью или передъ чѣмъ другимъ? Но я чувствую, съ восторгомъ и дрожью чувствую ея существованіе, — я ощущаю ходъ времени, я вижу исторію ...

Теперь я понимаю изучающихъ античную исторію. Она интереснѣе всякой другой, потому что тамъ, гдѣ-то, необыкновенно далеко, у людей была такая-же полная жизнь, какъ и наша. Интересная именно тѣмъ, что была когда-то давно; до постепеннаго созиданія зачатковъ современной жизни въ средніе вѣка.

Она — нечто отдельное от послѣдующей исторіи; отдельная тѣнь, что имѣетъ начало и конецъ, ясно видимый нами. А въ послѣдующей исторіи его нѣтъ. Вотъ этимъ-то и интересна она... Когда-то продолжу я свои мысли объ исторической перспективѣ?!

3 Ноября Взяла, вѣрнѣе, дали въ библіотекѣ книгу Авсѣенко „Письма о женщинахъ“. Хорошая или плохая, пока не знаю, во всякомъ случаѣ, затрагиваетъ различные вопросы очень глубоко и потому читается очень медленно: приходится часто останавливаться и дѣлать длинныя замѣтки.

Ахъ, еще про нихъ и не говорила. Да, да. Я читаю и замѣчаю выраженія, мысли, вызванныя книгой. Конечно, не на книгѣ, а въ тетрадкѣ особой. Надоумилъ московскій учитель, Александръ Карловичъ. Вотъ педагогъ, вотъ учитель! Съ нимъ заниматься — наслажденіе.

Взяла вторую книгу: Левъ Толстой, „Севастополь“. Отъ первой устану, сяду за вторую, потомъ — опять.

Какая жалость: мои предыдущія тетради дневника остались въ Москвѣ. Получу-ли я ихъ, и когда? А такъ было бы пріятно посидѣть, почитать ихъ... Прощлая жизнь, знакомыя лица, какъ живыя, вставали-бы передъ глазами. Прощлая жизнь!.. Это жизнь въ Саратовѣ, бывшая не такъ ужъ давно, но кругомъ такъ и столько перемѣнилось, что она кажется только какимъ-то далекимъ сномъ.

Я не жалѣю о самомъ Саратовѣ, но Раю, свою квартиру, уютную, пахнущую домомъ, семьей, — я часто вспоминаю съ сожалѣніемъ... Раю, потому что не съ кѣмъ поговорить, подѣлиться, открыть душу. Нина!.. она хорошая, славная дѣвочка, но она „золотая середина“ и не больше. Для меня-же этого мало. Вчера вечеромъ... Свѣта не было... Мы усѣлись, ноги на диванъ, и я пробовала говорить съ нею. Ничего... Но тужо... Говоришь больше сама. А Нина молчитъ. Что же это? Изліянія? Ихъ мнѣ не надо, а взаимности нѣтъ, вѣроятно потому, что и не можетъ быть, не изъ чего.

Лиля? Тоже хорошая дѣвочка, можетъ быть, даже глубже Нины. Но рѣшительно нѣтъ возможности поговорить. Приходится прямо выуживать слова. Не умѣють онѣ, что-ли; нѣтъ у нихъ матеріала? Не знаю, но только я часто чувствую одиночество и отсутствіе моей Раички... Хочу надѣяться, что эта долгая разлука не разъединитъ насъ. Есть въ гимназіи одна хорошая дѣвочка. Иногда съ нею разговоришься о природѣ, писателяхъ, социализмѣ, но я ее еще маловато знаю.

А тоска по домашнему уюту, теплой семейной обстановкѣ, была во мнѣ такъ сильна эти дни, что вчера я съ наслажденіемъ пошла къ тетѣ Розѣ, чтобы отдохнуть отъ холода нашей квартиры. И значительно согрѣлась у нея.

Эхъ! Хорошо жилось въ Саратовѣ. Какъ у насъ все устроено было! Тепло, уютно. Милая столовая, будуаръ, мамина спальня, куда приходили по утрамъ на маминъ звонокъ. Моя комната... Хотя я ее особенно не вспоминаю; не такая была, о какой я мечтаю. Дворъ... Бачмановскій балконъ... Мое увлеченіе Катей... Глупая была дѣвочка! Нашъ спектакль... Улицы милыя саратовскія. Все милымъ и славнымъ кажется изъ теперешняго далека. Въ воспоминаніяхъ, обычно, все, различныя незамѣтныя мелочи, приобрѣтаетъ пріятную окраску. А особенно: воспоминанія дѣтства. Да, я не жалѣю о Саратовѣ, какъ о таковомъ, но многое изъ той жизни вспоминаю съ тихой радостью, скорѣе — умиленіемъ. Гимназія-же... Я люблю ее: она родная, своя. Жалѣю о Надеждѣ Ильинишнѣ: другой такой классной дамы мнѣ не имѣть. Организациі наши. Вообще, свой классъ, какъ тоже что-то родное и далекое теперь.

Ничего-бы не имѣла противъ: очутиться тамъ, посмотрѣть на нихъ всѣхъ, кончатъ тамъ-же, т. е. не возвращаться, но и не уходить. Но это все: ни съ кѣмъ изъ дѣвочекъ я очень близко не сошлась, а здѣсь сразу обтесалась и нашла друзей; пока только гимназическихъ, а Леля Радичъ, можетъ быть, потомъ и больше. И, все-же, та гимназія мнѣ родна и близка, а эта — чужая; это только казенная „гимназія“, а тамъ былъ второй домъ. Все-таки, пять лѣтъ проучилась!

... На дняхъ пришлось мнѣ побывать въ одной квартирѣ. Звоню, вошла въ переднюю. Широкая передняя, барская обстановка и уютъ, т. е. просто семейная обстановка. И знаете? Мнѣ сдѣлалось глубоко въ душѣ больно, что-то защемило: „И мы такъ жили, и у насъ было хорошо все устроено? А теперь!“ Н-да-съ, было коломутно-съ немного... Не столько изъ за барства, сколько изъ за своего chez-soi. И сходство обстановокъ напомнило мнѣ о домѣ... А здѣсь семьи нѣтъ. Живуть разбросанно... Холодно... Неуютно и пасмурно дѣлается на душѣ. Можетъ быть, когда пріѣдетъ мама, дѣло измѣнится. Мама! Въ такія минуты я часто вспоминаю о ней. А какъ она выгладить, представить себѣ не могу.

5 Н о я б р я. Сегодня не садилась даже за книгу. Кончила заниматься и прямо — за дневникъ.

... Да, холодно, очень холодно у насъ на квартирѣ. Оно и понятно; всѣ чужды другъ другу, у каждого своя собственная жизнь; каждый, до сихъ поръ, не имѣлъ ничего общаго съ другимъ; и только теперь, въ силу обстоятельствъ, пришлось жить вмѣстѣ. Въ частности, у насъ мамы нѣтъ. Такъ что совсѣмъ чужой чувствуешь себя по отношенію къ другимъ. Конечно, когда мама пріѣдетъ, такъ сильно этого уже не будетъ чувствоваться, потому что н а ш а семья будетъ спаяна. Временами это тяжело бываетъ.

... Иногда я съ ужасомъ начинаю думать о томъ, что, когда я вырасту, я буду заурядной дѣвушкой, съ простенькой сѣренькой жизнью, что, въ концѣ концовъ, я ничѣмъ отъ другихъ не отличаюсь, и всѣ мечты мои и чувства — это только броженіе молодой крови. И мнѣ дѣлается глубоко больно, что-то сжимается въ душѣ. „Неужели ничѣмъ, ничѣмъ я не отличаюсь отъ массы?“ — тоскливо звучитъ вопросъ. Именно, — тоскливо звучитъ онъ. Нѣтъ, не хочу! Не надо!..

Мой мірокъ—это мой, личный, глубоко индивидуальный. Я — не масса; я всегда считала себя выше нея, считала, что я — не всѣ, что во мнѣ много своего, чуждаго имъ.

А мои мечты, мои надежды на будущую жизнь? Что же? Все должно прахомъ пйти? И я — „всѣ“?! Именно, объ этомъ спрашиваю я себя иногда — „Только масса?“ ... О, будущее; что-то покажетъ оно мнѣ? Сбудется или не сбудется? Утону-ли въ общемъ, или буду нестись на поверхности? О, время, время. Скорѣй-бы. А знаете, въ общемъ, и не долго осталось. Годъ, два, — и гимназія кончена. Тамъ уже сразу пойдетъ болѣе сознательная жизнь. Что-то скажетъ время?!

Я вовсе не объ извѣстности и славѣ думаю, далеко нѣтъ; ихъ даже и не поминаю въ мысляхъ. Но пригодна-ли я буду для какой-бы то ни было дѣятельности? Есть-ли во мнѣ способности? Вотъ въ какомъ отношеніи — безумно боюсь быть массой, т. е., въ сущности, оказаться такой-же барышней „ни то, ни се“, какъ всѣ. Неужели во мнѣ нѣтъ ничего, рѣшительно ничего? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Что-же должно быть во мнѣ особенное? Не знаю. Складъ ума и души. Что-же другое? Посмотримъ. Только время, одно время можетъ отвѣтить на это.

Какъ-то говорили мы съ Ниной. — „Я думаю, у тебя болѣе сложная натура“, сказала она. И это доставило мнѣ глубокое удовольствіе.

Слыша, какъ другіе говорятъ это, больше вѣрится, что, можетъ быть, оно такъ и есть, чѣмъ когда сама хочешь и видишь это такъ.

Эта глубокая вѣра въ себя, свою отличающуюся отъ другихъ натуру, какъ-то выросла вмѣстѣ со мной. Я вовсе не думаю объ этомъ все время, это не руководить моими поступками, но иногда такъ колышетъ сомнѣніе въ этомъ. Но, когда я начинаю говорить о будущемъ, увѣренность, что это такъ, какъ-то невольно является сама собой. Голосъ мой невольно крѣпнетъ, и тогда я вѣрю въ себя и въ свои планы.

... Давно уже я рѣшила... Давно уже мои мысли и чувства направились въ сторону социализма. Когда это случилось, вѣрнѣе, какъ это произошло, я не знаю; вѣроятно, вообще, это совпало съ моимъ „линіемъ“ или еще раньше. Что

значить, я „линяла?“ Убѣжденія сложились у меня давно; не во всѣхъ отношеніяхъ, конечно, но по нѣкоторымъ вопросамъ.

Я осуждала свободную любовь, какъ можетъ ребенокъ, выросшій въ строгой чистотѣ и правдивости, осуждать всякую грязь; я благоговѣла передъ высшими міра сего; и раньше всего, конечно, боготворила императора. Долженъ былъ въ Саратовъ пріѣхать министръ, и я безумно волновалась... И другое въ томъ-же духѣ. И вотъ, постепенно, мой кругозоръ расширился; я поняла то, что осуждала раньше. (Это не относится къ социализму, никогда мной не осуждавшемуся).

Въ моей духовной жизни это „линяніе“ составило цѣлый періодъ, когда я много, много думала. Между прочимъ, очень значительно было для меня жизненное раздвоеніе, не мало помогшее лиניянію. Гдѣ-то раньше, — объ этомъ есть и въ этой тетради, — я говорила, что представляеть оно собой для меня. Вотъ, лѣтомъ прошлаго года, тоже пришлось встрѣтиться съ жизненной раздвоенностью. Это была первая, и она глубоко поразила меня...

А, вѣдь, я начала писать о социализмѣ... Связь между написаннымъ и социализмомъ заключается въ томъ, какъ я постепенно начинала смотрѣть на всѣхъ высшихъ, на государя, какъ на обыкновенныхъ смертныхъ. Но это слишкомъ далеко отъ дѣла, я начну поближе.

Я считаю себя социалисткой и, надѣюсь, когда выросту, дѣйствительно буду таковой. А пока?.. Въ чемъ теперь заключается мой социализмъ?

Въ моихъ взглядахъ на форму правленія, на положеніе рабочаго класса, на вопросъ о всеобщемъ равноправіи. Да, социалисты, конечно, правы. Для меня сомнѣнія нѣтъ.

Такой пропасти, какъ теперь, не должно быть между богатыми и бѣдными. Всѣ должны имѣть, чтобы всѣ могли предаваться наслажденіямъ духовной жизни. Не ужасна-ли нищета рабочихъ, совершенное прозябаніе дѣтей въ такой обстановкѣ? Возмутительная зависимость однихъ людей отъ другихъ, въ то время, какъ всѣ отъ природы имѣютъ право на равное существованіе и пользованіе жизненными благами.

Я не могу писать объ этомъ, но только я всецѣло на ихъ сторонѣ, народа и социалистовъ. Я не выстрадала этого, какъ выстрадалъ въ своемъ дневникѣ дядя Володя, только чувствую, но чувствую глубоко и искренно.

Бороться за свѣтлое будущее, гдѣ не будетъ обездоленныхъ, гдѣ всѣ будутъ по духу братьями, — долгъ каждаго, (здраво и глубоко мыслящаго человѣка.

Но въ настоящемъ надо предпринимать мѣры для облегченія и улучшенія народнаго положенія. Просвѣщать его, руководить, давать широкую матерьяльную и моральную помощь — вотъ что надо дѣлать. И это я хочу дѣлать. Но довольно о себѣ! Вотъ теперь я подошла къ „буржуизму“, но пора на боковую, не только по времени, а и по самочувствію...

9 Н о я б р я. Сегодня суббота, танцовали; уже поздно, но я напишу нѣсколько строкъ...

Я танцую далеко не важно; скорѣй плохо, чѣмъ хорошо. Но люблю вальсъ... Такъ чудно нестись, хоть и ошибаешься. Подъ музыку все забывается, смѣшивается кругомъ, начинаешь уже машинально выдѣлывать пѣ. Голова начинаетъ кружиться и, все-таки, безумно хорошо какъ-то... Но все это такъ, не отъ общества, а вообще. А въ обществѣ получается нѣчто другое. Обстановка у насъ семейная, скучноватая, простая. Того, о чемъ я мечтала, нѣтъ и въ поминѣ. Нѣтъ веселья, нѣтъ легкой, заразительно веселой и милой обстановки, юношеской радости, легкаго флирта, что ли?.. Это все — только въ мечтахъ.

Будетъ или не будетъ, но мечтать мнѣ чудно-хорошо, и я мечтаю. Совсе не это соль чувства отъ танцевъ. Соль другая. И сладкая, и горькая... Чувствовать, что ты хуже другихъ, неинтереснѣе ихъ (не внѣшностью, а такъ, въ обществѣ), что, страстно желая чувствовать и переживать, — ты остаешься въ сторонѣ, одна... Вотъ это больно. И иногда

довольно сильно. Первая причина, конечно, недостаточное мое изящество въ танцахъ ...

Скажите, испытано-ли я любовь? И когда? Или, неужели, нѣтъ?!

11 Н о я б р я. На рукахъ — „Les Miserables“ Гюго; еще два тома, и я кончила. Думаю съ удовольствіемъ о глубокомъ наслажденіи стилемъ Виктора Гюго.

... „Во дни раздумій, во дни тягостныхъ сомнѣній“, — ты одна мнѣ поддержка, природа!

Серьезно, ничто такъ благотворно, успокаивающе не дѣйствуетъ на душу, думаю, что вообще, на мою-же — въ частности, какъ природа.

На душѣ было утромъ пусто и холодно. Вышла и пошла въ Царскій Садъ. Какъ только вступила подъ сводъ полуобнаженныхъ деревьевъ, отошла отъ городского шума и сутолоки, сразу легко сдѣлалось. Бѣгать захотѣлось.

Но тамъ, наверху, на откосахъ, надъ сталью - голубымъ Днѣпромъ, ярко освѣщеннымъ солнцемъ, какія - то крылья вырастаютъ за спиной; глубокое, глубокое спокойствіе овладѣваетъ мной. И спокойно и радостно ... Сядишь, смотришь, и мысли тихо плывутъ въ даль. О чемъ онѣ? Не знаю.

Ни яркихъ мечтаній о будущемъ, ни жгучихъ вопросовъ настоящаго.

Смутно думается о безпредѣльномъ міровомъ пространствѣ, о его тишинѣ и покоѣ. Видишь въ воображеніи далекое море и высокія горы ... Или смотришь на Днѣпръ и ничего не думаешь, но чувствуешь себя такъ невыразимо хорошо ... Вѣкъ-бы, кажется, не ушла къ той шумной жизни. Къ чему? Что въ ней? ..

Все — лишнее, все — мелочно и ничтожно передъ вѣчнымъ Міромъ ... И обновленная, свѣтло - радостная, возвращаешься домой.

Хороша осень, но другой прелестью, чѣмъ подмывающая весна. Чувствую, что весной адѣсь, въ Кіевѣ, у Днѣпра, среди зелени, я совершенно сама не своя буду; нервы будутъ напряжены, смутныя желанія будутъ рождаться въ душѣ и уносить меня въ волшебный лазоревый край.

На Пасху хочу поѣхать въ Добрушъ, къ тетѣ. Тамъ, въ первый разъ на лонѣ природы, я встрѣчу пробужденіе весны. О, какъ чудно будетъ среди полей, въ лѣсу или на рѣкѣ, въ лодкѣ! Всегда одна, съ этой глубокой міровой тишиной, которую я явственно слышу, когда окружена природой ...

— Какъ прекрасна природа! Какъ велико для человѣка ея „холодное равнодушіе“: оно успокаиваетъ, вселяетъ бодрость, обновляетъ ...

Гдѣ - бы могъ успокоиться маленькій человѣкъ, если - бы мать - природа отвѣчала на всѣ его волненія и мелкія страстишки?!

А жизнь, большая историческая жизнь, бѣжитъ своимъ чередомъ, не заботясь объ отдѣльныхъ личностяхъ, видя передъ собой великія міровыя событія ...

Какъ значительны теперь они, могущіе перевернуть весь общечеловѣческой строй вверхъ дномъ ...

14 Ноября. Вотъ, что сегодня. Ужъ я нѣсколько разъ замѣчала въ дневникѣ, что Юра испортилъ мнѣ настроеніе. Моментами онъ грубъ и несдержанъ. Грубость на меня ужасно дѣйствуетъ. Всѣ хорошія слова, доброе расположеніе, все меркнетъ при ней. Я сама тогда становлюсь холодна, это я сама знаю. Я заковываюсь въ броню холодности и равнодушія. Она больше, чѣмъ неприятна, знаю. Но что я могу сдѣлать? Мнѣ все кажется, я все боюсь, что въ этомъ отношеніи не такъ поступаю, не по долгу совѣсти. И, боясь этого, я каждый разъ снова начинаю ласково говорить съ нимъ, пропускаю мимо ушей всѣ его выходки, и такъ безъ конца ...

И я увидала одно: я слишкомъ мала и неопытна, я срываюсь со своего тона, раздраженная имъ. Не моя задача —

воспитывать; но все равно: мамы нѣтъ, воспитывать его, безъ нея, некому: я должна исполнять необходимое и нѣжностью заполнять мамино отсутствіе... И не выходить изъ себя... Надо взять себя въ руки. Быть сильнѣе. Завтра опять по-пробую...

15 Н о я б р я. Какая чудная вещь — чтеніе. Переносишься въ совершенно иной міръ. Чего не перечувствуешь, не переживешь, чего не узнаешь за чтеніемъ!.. Какое глубокое наслажденіе...

17 Н о я б р я. Воскресенье. Просыпаешься утромъ, и не успѣваешь еще, какъ слѣдуетъ, отойти отъ сна, въ умѣ уже проносится сладостное сознаніе, что сегодня — праздникъ, не надо идти въ гимназію, день свободенъ и весь „свой“. Хорошо! — Сейчасъ же принялась за книгу. Кончила. Еще одинъ томъ, и „Les Misérables“ окончены. Потомъ поѣхала на кладбище. Съ Раей. Туда еще одна не рискнула ѣхать и не рискну: обезпеченный скандалъ.

На кладбищѣ сѣро и уныло. У нашихъ могилъ служили панихиду, когда мы пришли: былъ И. Э. Кашукъ, у котораго недѣли двѣ, какъ скончался сынокъ, 13 лѣтъ, отъ испанки. Ужась, ужась... Еще страшнѣй, когда умираетъ ребенокъ; молодой, еще не успѣвшій пожить.

Крылья смерти вѣютъ надъ вами, какъ только входите на кладбище... Уходишь далеко, далеко отъ шумной, суетной жизни. И люди кажутся лишними. Сидѣть одной у родныхъ могилъ — вотъ чего хочется на кладбищѣ. Въ сердцѣ — пустота. Ни думать, ни горевать, — только сидѣть безъ движенія... Сознаніе, что ихъ нѣтъ, что они навсегда ушли отъ насъ, произвольно овладѣваетъ всѣмъ существомъ. Навѣваются воспоминанія. Передъ глазами встаетъ ясно спо-

койное, свѣтлое лицо дѣдушки, почему-то въ бѣломъ, уже мертваго. И тутъ же всплываютъ картины, когда его тѣло, какъ нѣчто безжизненное, безъ малѣйшаго напоминанія о человѣкѣ, которымъ оно когда-то было, когда это тѣло, завернутое въ бѣлый саванъ послѣ обмыванія, переносятъ со стола въ гробъ... О, эти минуты просвѣтленнаго сознанія смерти... И пусто въ душѣ: здѣсь владѣнія смерти...

Ихъ нѣтъ! Недавно было время, когда и дѣдушка, и бабушка, оба были живы и здоровы. Они жили, они были люди. А теперь — ничего. Неодушевленные, неразумныя тѣла. И тѣ подъ землей. Ничего нѣтъ; ничего не осталось. Ихъ жизненный путь оконченъ. Они — соръ и мусоръ. Ихъ имена зачеркнуты на лицѣ земли. Кромѣ слѣдовъ ихъ дѣятельности, воспоминаній о нихъ, — ничего!... Прошли и ушли...

Въ нескончаемомъ ряду людей, отъ незапамятныхъ временъ до тумана будущаго, показались двѣ тѣни. Теперь ихъ нѣтъ. Всплыли неясными очертаніями и скрылись...

А жизнь попрежнему бьетъ ключемъ, какъ будто ихъ и не было, не замѣтивъ ихъ исчезновенія. Что ей до нихъ?.. Измѣнится ли погода отъ перемѣщеній на голубомъ небѣ бѣлыхъ облачковъ? И мы, близкіе и родные, живемъ по прежнему полной и заполненной жизнью. Ихъ нѣтъ, мы жалѣемъ, но живемъ, какъ и жили: это естественно, это законъ природы, но это странно, непостижимо туманно и велико, какъ все природно-естественное.

... Помню день смерти бабушки: я возвращалась полемъ и строила планы на завтрашній день. Навстрѣчу идетъ Нина. „Нелли“, — громко крикнувъ, обратила она мое вниманіе на себя. И я поняла. Поняла, что тамъ все кончено. Поняла и, все-таки, отгоняла эту мысль, какъ невозможную: слишкомъ страшна и неизвѣстна была тогда смерть! „Все кончено“, тихо проговорила она, подходя... Возможность самообмана исчезла. Что-то оборвалось въ груди. Первое чувство было, все-таки, ужась; ужась отъ того, что я должна была стать лицомъ къ лицу со смертью. Ноги дрожали отъ волненія. И должна была остановиться.

„Что теперь?“ .. и, казалось, черная бездна открылась въ душѣ.

Я оглядѣлась... Все такъ-же, безъ малѣйшаго измѣненія, происходила окружающая жизнь: вдали косилъ мужикъ; поле оставалось такимъ-же полемъ; небо — небомъ; ничто не откликнулось на то, что изъ жизни ушло одно живое существо...

Такъ вотъ, и жизнь равнодушно-холодна къ смерти людей. Огромная машина движется безостановочно. А, главное, что не она, а мы, родные ушедшихъ, живемъ такъ-же, какъ и жили.

Смерть и жизнь — два неразрывныхъ брата; двѣ основы существованія.

Былъ человекъ. Разумное и могущественное существо. Умеръ... Ничего. Пепель, пыль, пустота. Со смертью — конецъ всего. И это „ничто“ — конечная станція всѣхъ человѣческихъ страстей, переживаній...

Маленькій и ничтожный. Ему дается срокъ, — живи. А потому онъ долженъ исчезнуть. Время прошло. Пользуйся-же жизнью, бѣдный, маленькій человекъ; не расходуй ее попустому: скоро пройдетъ она; забирай все, что въ состояніи взять. Будь счастливъ.

Маленькіе, маленькіе люди... Впереди васъ смерть. Всюду, непобѣдима, неизбежна черная смерть. Человекъ любить, чувствуетъ, переживаетъ, и вотъ, — кончено! Скелетъ. Страшная, парализующая жизненные силы — смерть. Что-бы ни было, — конецъ одинъ... И нашъ чередъ придетъ. И мы уйдемъ въ глубь вѣковъ; придетъ день, — и я буду хоронить маму... Ма-му. У, какъ страшно, какъ холодно...

Умру и я. Одинъ за однимъ мы сойдемъ „подъ вѣчны своды“... Что, если състь и ждать? Ничего не дѣлать: только ждать... Нѣтъ, жизненная сила такъ сильна въ человекъ, что онъ, зная про смерть, на каждомъ шагу видитъ ее, все-же, живетъ всѣми силами и забываетъ про нее.

Счастье твое, человекъ...

Умирають люди. Одинъ за другимъ сходятъ съ жизненнаго пути. Ничтожные они, пошумѣвъ, покричавъ, поработавъ,

прозябнувъ свою жизнь, уходятъ. Для нихъ — конецъ. Но не кончается жизнь... На сѣвну имъ приходятъ другіе, продолжаютъ начатое дѣло, и тоже умираютъ.

Въ туманѣ грядущихъ вѣковъ та-же картина. Живутъ и умираютъ люди. Жизнь станетъ чище, лучше, но такъ-же будутъ жить и умирать люди.

Нѣтъ, ты не совсѣмъ ничтоженъ, человѣкъ. Ты — ядрышко человечества. Безсмертнаго человечества. Ты уйдешь, но жизнь не кончится. Уйти — удѣлъ каждого, но не общій. Человѣкъ — не одинъ. Онъ — звено общей цѣпи. Звенья мѣняются, но цѣпь остается. Жизнь — безсмертна. Въ этомъ — будущее. Проникайся этой мыслью, человѣкъ, и не отчаявайся...

Хотѣла поговорить еще о современности, но поздно. Да, и не могла-бы уже. Философія окутала и унесла меня; слишкомъ трудно было-бы перенестись въ совершенно иной міръ...

Еще вотъ: стрѣльба по студентамъ возмутительна. Въ высшей степени возмутительна.

18 Н о я б р я. Какое глубокое удовлетвореніе, когда выходитъ все такъ, какъ себѣ намѣтила программу съ утра...

19 Н о я б р я. Гордость необходима человѣку. Человѣкъ безъ гордости — тряпка. Она помогаетъ ему сохранить человеческое достоинство, часто оберегаетъ честь и, направленная разумно, выноситъ его изъ житейскихъ бурь.

Но есть ложная гордость — чванство, и есть — излишняя. Объ этой второй мнѣ надо сегодня сказать нѣсколько словъ. Собственно, я изъ за этого и сѣла за дневникъ, а не то-бы читала: Ауэрбаховская „Дача на Рейнѣ“ — у меня.

Я горда, но, мнѣ кажется, хорошей гордостью: я люблю во всемъ обходиться сама, чтобы не просить людей, я — какъ-

бы это сказать — честно и сознаю это достоинство. Не знаю, какъ сказать... Ну, словомъ, я горда „человѣкомъ“, котораго, какъ и всякое разумное существо, ношу въ себѣ. Не то, чтобы это была гордость, но какая-то извѣстная тяжесть, вѣскость, нѣтъ словъ, но это гордость... Главное, скажу еще разъ, я не люблю никого ни о чемъ просить, люблю сама добиваться своего, безъ посторонней помощи и поддержки.

Не долженъ-ли имѣть такую гордость каждый? Давно уже, напримѣръ, у насъ нѣтъ носовыхъ платковъ: одинъ и тотъ же платокъ я стираю себѣ по вечерамъ. Между тѣмъ, прачка домашняя, прислуги много... Но такъ выходитъ по моему произвольному желанію. Моимъ первымъ движеніемъ будетъ выстирать себѣ, а не пойти просить объ этомъ.

На дняхъ мнѣ пришла въ голову мысль, что это своего рода гордость и очень хорошая, разумная...

Сегодня прихожѣ изъ гимназіи: въ нашей комнатѣ, въ пакетѣ фрукты. „Кто купилъ?“ спрашиваю. — „Рая“. — „Къ чему она это; точно подаваніе бѣднымъ родственникамъ“, было первой раздраженной мыслью, и я чуть не дала ей высказаться, но въ это время другая мысль отрезвила меня. — „Развѣ она думала такъ? Она хотѣла оказать любезность, выказала заботливость, и,“ — съ глубокимъ вздохомъ сказала я, обманывая самое себя, — „очень мило съ ея стороны“... Я побѣдила самое себя. Вспомнился Тургеневскій „Нищій“ въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“, и я почувствовала ея справедливость и высоту, а раньше я не ясно осязала ее.

Да, такая гордость — излишня и несправедлива. Люди идутъ съ добрымъ желаніемъ, зачѣмъ оскорблять ихъ отказомъ.

Вообще, въ жизни подаваніе бываетъ очень тягостно и тяжело, но не подъ вліяніемъ гордости надо дѣйствовать, а принимать, думая о томъ, что „надо дать людямъ возможность быть добрыми“... О, Тургеневъ! Это тяжело, но надо смиряться и побѣждать несправедливый гордый духъ. Здѣсь неумѣстна и недостойна гордость. И, въ данномъ случаѣ, со мной то-же самое: неумѣстная гордость придумываетъ тотчасъ оскорбленіе, бѣдныхъ родственниковъ, а голосъ сердца и ра-

зума—говорить о добромъ желаніи, и онъ правъ, этотъ голосъ.

Это я запомню и приму къ свѣдѣнію. Будь горда, но, когда надо, умѣй побѣждать гордость.

Въ нуждѣ надѣйся только на себя и живи своими силами, но не оскорбляйся милостынею. Скажу, даже, больше: чело-вѣкъ не имѣетъ права отказываться отъ подаянія: этимъ онъ парализуетъ добрыя намѣренія людей, а высшій долгъ гуманности запрещаетъ это: пусть ему тяжело, пусть возмущается его, даже справедливая гордость, но онъ о-б-я-з-а-н-ъ принести эту жертву людямъ. Тяжелая жертва, но — долгъ во имя человечества.

20 Ноября. Есть дни, когда чувствуешь себя особенно чужой, всѣмъ существомъ своимъ хочется ласки, нѣжности, любви, по крайности, семейнаго уюта. Съ болью думаешь тогда о Дорогой, и хочется „спастись“ къ тетѣ Розѣ.

21 Ноября. Сегодня танцовали. Думали устроить танцы два раза въ недѣлю, но это оказалось только пробой: больше не будемъ. А было весело... Первый разъ за все время, мнѣ было по настоящему весело. А почему? — сама не знаю. Обстановка, что-ли, располагающая, семейный воз-духъ, что-ли? А потомъ, когда начали, такъ хорошо, весело. И болтаешь все время о пустякахъ разныхъ, а весело. И танцую не особенно, а, все-таки, хорошо. Чудно. Рѣшила пойти на первый ученическій вечеръ и выявлять свое искусство, буду веселиться. Хорошая вещь танцы... Танцы и коньки, отъ нихъ можно получить настоящее удовольствіе.

Я дѣлаюсь совершенно какая-то другая, чѣмъ дома, скажу больше, — чѣмъ на улицѣ. когда иду туда; болтаю безъ умолку, весело и развязно, смѣюсь, и еще что-то, есть, не совсѣмъ, кажется, общее. Развязность какая-то другая: про-

стая и искренняя, кажется мнѣ. И, въ общемъ, очень хорошо, Я довольна. Иногда налетаешь на неожиданности. Сегодня: „Дамамъ надоѣло мазурку“, говоритъ Ланге. „Прошу въ единственномъ числѣ“, поправляю я. „Да, вотъ эта дама — плохая“... „Это еще вопросы!“... „То есть, плохая въ танцахъ, а вообще очень хорошая,“ отшутился онъ. Хорошо, но и смѣловато. А, вотъ, изъ всего этого, — маленькихъ дурачествъ, глупостей, шутокъ и смѣха, — получается веселье, пріятность.

И еще, ко всему пріятному вдобавокъ, кажется мнѣ, тамъ, во время танцевъ, что въ настоящемъ молодомъ обществѣ я не буду въ сторонѣ, буду выдѣляться, и дѣлается совсѣмъ хорошо отъ этого сознанія...

Но эта мысль не всегда. Вотъ, сегодня она была, и, потому, было мнѣ такъ весело.

А, другой разъ, кажется, что ты — хуже всѣхъ, и тогда танцы приносятся и горькія ощущенія. Подчасъ довольно таки сильныя...

Но сегодня было, исключительно какъ-то, хорошо и пріятно.

Но, вотъ: я болтаю глупости, веселюсь, — это не вся я. Только маленькая моя часть, — тоже настоящая, но небольшая.

А они всѣ, Ланге въ первую голову, думаютъ, что больше у меня ничего нѣтъ. Пусть себѣ думаютъ, что больше у меня ничего нѣтъ. Пусть себѣ думаютъ. Большаго имъ и знать не надо, а мнѣ и показывать: имъ мое внутреннее „я“ чуждо и не понятно. Кому оно — знакомое и родное, тотъ найдетъ, тотъ узнаетъ. Какъ-то само собою почувствуется, кому можно открыть свой внутренний міръ. И потомъ... тамъ я — такая, это правда. Но для заоблачныхъ, глубокихъ разговоровъ — я всегда открыта. О, въ такомъ случаѣ, все тотчасъ получило-бы новый отбѣнокъ, еще болѣе улучшило-бы иногда милую обстановку танцевъ.

Было и другое сегодня. Отъ мамы телеграмма, что, если напа не прійдетъ, она выѣдетъ домой. Никто не узналъ, что почувствовала я отъ этой телеграммы. Впрочемъ, и для меня

самой это чувство явилось нѣкоторымъ откровеніемъ: я не ожидала его силы.

Ласки, любви и теплоты мнѣ недостаетъ давно; и я замѣтно съѣжилась за время маминаго отсутствія; и, все-таки, я не думала, чтобы такъ глубоко обрадовалась возможности маминаго прїѣзда.

Да, я была-бы рада, но раньше всего я хочу, чтобы Дорогая была здорова и, по возможности, счастлива. Поэтому, я и виду не показала о своемъ чувствѣ... И это умѣніе подобраться во имя высшаго — меня глубоко удовлетворило. Да, я была-бы очень, очень рада, если-бы Дорогая прїѣхала...

22 Н о я б р я. Жизнь въ этой квартирѣ и обстановка все чаще и чаще давить меня такъ, что дѣлается очень горько и больно.

24 Н о я б р я. Воскресенье. По обыкновенію читала. Два раза сегодня ощущала я какую-то странную неловкость. Почитавъ немного утромъ, я пошла погулять, и на улицѣ чувствовала себя какой-то отчужденной отъ всего остального. Мысли, о чемъ — я не могла-бы опредѣленно сказать, — давили меня. Не знаю ужъ, какое онѣ производили дѣйствіе на меня, но только... не было связи съ окружающимъ; больше того, какая-то стѣна выросла между нимъ и мной.

Удивительно странно, такъ необъяснимо это состояніе. Внутренній міръ вытѣснялъ внѣшній. Первый разъ это было тоже послѣ чтенія. Я читала часа два, кончила первый томъ. Продолжать не хотѣла. И опять что-то внутреннее такъ меня заполняло, что я была не въ состояніи ничего дѣлать, — даже дневникъ писать.

Вдобавокъ, какая-то усталость: голова заполнена чѣмъ-то, но такъ заполнена этимъ, что рѣшительно ничѣмъ нельзя за-

няться. Словомъ, полнѣйшая умственная усталость. И такъ я просидѣла до ужина, и только за столомъ, въ кругу людей, отошла отъ этого состоянія оцѣпвленія. Отчего-бы оно... Единственной возможной причиной является, какъ будто, книга " „Дача на Рейнѣ“". Она переноситъ въ совершенно другой мѣръ, затрагивая различныя стороны жизни, — вотъ, отъ всего этого, вѣроятно, такъ трудно и вернуться къ дѣйствительности.

... Когда я сегодня сидѣла за книгой, мнѣ не хотѣлось итти къ обѣду. Было желаніе пойти погулять въ Царскій Садъ одной, полюбоваться на Днѣпръ, побывать въ томъ необычномъ мѣрѣ, куда переносятъ меня всегда широкія картины природы, быстро пообѣдать, и вновь за книгу... Хотѣлось провести день въ такомъ тихомъ уединеніи.

И, обвѣянная образомъ Клодвига, я, вообще, задумалась надъ такой спокойной и уединенной жизнью. Я не только представляла себѣ, я мечтала о жизни одной, въ имѣніи, на лонѣ природы.

Кругомъ—никого. Всегда одна со своими мыслями. Какъ чудно было-бы бродить одной по окрестностямъ, чувствовать дыханіе міра и слышать тишину, потомъ читать, переноситься въ древнія времена, заниматься учеными вопросами или витать въ „Лазоревомъ царствѣ...“ О да, это чудная мечта!

Все въ ней заманчиво и привлекательно. И немного смѣшно мнѣ представлять себя, 15-тилѣтнюю дѣвочку, среди этой тихой, сосредоточенной жизни какого-то мудреца.

И, между тѣмъ, я чувствую въ себѣ достаточно силъ и много желанія вести такую жизнь.

И вотъ, я вышла на улицу. Шумный городъ со своей суетой и гамомъ вступилъ въ свои права. Отъ той жизни я рѣзко перенеслась сюда, и вовсе не могу сказать, чтобы эта шумная жизнь не имѣла-бы своихъ привлекательныхъ сторонъ. Онѣ есть, безусловно, и даже многія, но совершенно инныя, чѣмъ въ той жизни.

Два міра, оба привлекательныхъ, интересныхъ, но съ различными, какъ ночь и день, прелестями. И это одна изъ

вѣчныхъ природныхъ странностей: такъ различны оба міра и, все-же, такъ интересны!.. Да, и въ городской жизни много интереснаго, очень много. Театры, люди, веселье шумной, легкой жизни, — мало ли?!

Итакъ, довольствоваться однимъ — брать половину того, что представляетъ жизнь .

Пользоваться и тѣмъ, и другимъ, — вотъ идеаль! Но удѣлать нѣсколько мѣсяцевъ, оторванныхъ отъ шума городской жизни, уединенію съ самой собой и съ широкой природой, вселяющей миръ и покой, чудно! А потомъ, возвратиться опять къ людямъ, и первое время такъ странно дѣлается ... Ужасно странно ...

Я думала сегодня объ этомъ: хотя и односторонняя, жизнь уединенія имѣть для меня много прелестей. Я представляла себѣ человѣка, прожившаго такъ свою жизнь. Всю жизнь! Пусть, онъ много позналъ, пусть массу продумалъ, глубоко вникалъ въ суть вещей, — и, все-таки, что онъ далъ жизни? Ничего. Онъ — отвлеченный отъ жизни, онъ — паразитъ; прекрасный, содержательный, но, все-таки, п а р а з и т ъ ...

Я, вотъ, написала это и подумала: можетъ быть, и ошибаюсь? Въ тиши природы, въ познаніи самаго себя, можетъ воспитаться и великій мудрецъ, умъ котораго, не смущаемый мелочами повседневной жизни, будетъ проникать въ глубокія сферы неизвѣданной вѣчности и оставлять челоуѣчеству цѣнные памятники своего мышленія, которые будутъ направлять другихъ. Такъ ли это? Гдѣ истина? Можетъ ли челоуѣкъ, совершенно ушедшій отъ жизни, принести пользу челоуѣчеству?..

... Все - таки, нѣтъ. Онъ можетъ проникнуть въ глубокіе слои вѣчности, постигать странность природныхъ законовъ, системы міра и вѣчности, но это все не даетъ ничего челоуѣчеству. Все это не сможетъ принести ему пользы, дать толчекъ прогрессу; все это будутъ не откровенія, а лишь подтвержденіе того, что бродитъ въ душѣ каждаго развитого челоуѣка. Да, самъ челоуѣкъ можетъ получить отъ такой жизни глубокое удовлетвореніе, получить необыкновен-

ную ясность и спокойствіе ума и души, но людямъ онъ ничего, все-же. не дастъ и будетъ только паразитомъ.

Надо итти; а сегодня я много думала и, вообще, могла-бы писать всю ночь. Недосказанное въ предыдущіе дни, новое, — все просится на бумагу сегодня. Когда это повторится? Жалость, жалость, жалость...

26 Н о я б р я. Ахъ, мамочка, дорогая. Такъ пусто- и тяжело. За неизмѣнимъ лучшаго, думаю о друзьяхъ на Лютеранской, объ Ирѣ, она понимаетъ... но, когда я съ ней, я молчу. Дорогая! Приласкай...

28 Н о я б р я. Семьи нѣтъ. Любви нѣтъ. Есть холодъ, пустота, глупость и тяжесть. Тяжело. Очень тяжело.

Я думаю, что, если-бы была мама, было-бы гораздо легче, если не совсѣмъ хорошо. Эхъ ты!..

Въ одной квартирѣ живутъ дядя Исаакъ, папа, насъ двое, Рая, и тетя Ева. Ну, что тутъ хорошаго получитья можетъ? За столомъ, особенно, чувствуется эта разобщенность. Отсутствіе семейной обстановки больно даетъ себя чувствовать подчасъ. Возьмемъ тетю Розу. Тоже много народу, но это, все-таки, одна семья... Если-бы была мама. Не знаю, но за послѣдніе дни мнѣ кажется, что она скоро пріѣдетъ... Неожиданно. Это, конечно, потому что я жажду ея пріѣзда. Безъ мамы я какъ-то сжимаюсь, ухожу въ себя. Мы всѣ ждемъ маму съ нетерпѣніемъ и всѣ молчимъ. Папа иногда проговаривается. Ни Юра, ни я. Это гордость. Хорошая гордость: людямъ нѣтъ дѣла до моихъ страданій и печалей. Умѣй побѣждать ихъ въ себѣ...

Сегодня... почему сегодня особенно тяжело? Нѣтъ, за ужиномъ всегда такъ. Чувство таятся, и достаточно малѣйшаго повода, чтобы оно вырвалось наружу.

Домашняя обстановка очень тяжелая. Угрюмая, сѣрая... Не знаю, чувствуютъ - ли другіе, а я — да, и очень! Особенно по вечерамъ, за столомъ... Развѣ можно написать обо всѣхъ мелочахъ, которыя отравляютъ жизнь? Развѣ укажешь на нихъ? Нѣтъ семьи, нѣтъ дома. Въ этихъ словахъ все. И домъ — не домъ; и семья — не семья...

Когда живешь одна, снимаешь комнату, этого нѣтъ. Обстановка вся совершенно иная. А тутъ скверно. Тяжело. А, вообще, собери силы, сожмись, молчи и терпи. Исполняй свой долгъ по отношенію къ Юрѣ. Воспитывай въ себѣ волю и силу: будешь готова къ жизни.

Что дѣлать, — переходное время! Будь сильной, будь стойкой, будь крѣпкой. Я стараюсь. И удается. Не всегда, но пораженія неизбѣжны. И, все-таки, я достигаю успѣховъ. А, когда я поступаю не такъ, какъ должно, я это чувствую, и это хорошо. Такъ было и сегодня, но я поправилась. Вернулась на вѣрную дорогу.

Послѣ ужина исторія изъ за лампы. Ее надо было принести. Не хотѣлось скандала; я пошла за ней... А тамъ, въ темной комнатѣ, навернулись слезы, и я не удержала ихъ; думала, Юра придетъ. Увидить и... что? Не знаю навѣрное. Но была аффектація, т. е. ложь. Не хорошо. Взяла лампу. Принесла. Даю. Хотѣлось сдѣлать просто, чтобы не было лжи, но она не прекратилась. — Спасибо, — говоритъ онъ. „Спасибо“ излишне, разъ это „должность“, (такъ говорилъ онъ)... Тонъ рѣзкій и насмѣшливый. Онъ пріятно щекочетъ нервы, а умъ твердить: опять ложь. Начала ходить по комнатѣ, чтобы успокоиться. Хотѣла сдѣлать все простымъ и естественнымъ. Спросила о коллекціи марокъ. А въ тонѣ опять ложь. Онъ молчить. Я повторяю. Разъ, другой.. Лжи все больше и больше. Скверно. Тогда сѣла за дневникъ. Успокоилась и пропустила мимо ушей его дерзкое молчаніе... Все просто и естественно. Въ этомъ — моя побѣда. Ложь была произвольной, отъ меня не зависящей, — разъ я хотѣла обратнаго. Но хорошо, что я ее чувствовала.

Я занесла сегодня двѣ плохушки про себя, — я исповѣдывалась. Эхъ ты, моя совѣсть, милый дневникъ. Такъ и надо. Во всемъ давать себѣ отчетъ и признаваться въ плохушкахъ и плохомъ. Тогда будешь „человѣкомъ“; будешь молодцомъ. Это усиліе надо надъ собой сдѣлать: я молчу, но по внѣшнему виду, по лицу, по самому этому молчанію можно видѣть мое недовольство, а его не должно быть совершенно видно. Я должна быть такой, какъ всегда; какъ если-бы это все — нормально и въ порядкѣ вещей. Теперь буду къ этому стремиться и, думаю, добьюсь. Эхъ, Нелли, Нелли, молодецъ, воспитываешь изъ себя человѣка. И, какъ вдругъ легко и хорошо сдѣлалось. Это послѣ исповѣданія. Въ общемъ, пустяки, и поменьше вниманія къ этому. Надо стать выше. Тяжело, горько, что-же дѣлать! Но не надо уговаривать себя, а, — наоборотъ, — побѣждать въ себѣ.

Ну, теперь я капаю читаю, чтобы мысли отдохнули, и тогда опять сюда ...

... За послѣднее время я все больше и больше стала убѣждаться, что я мало люблю папу. Спокойное чувство къ папѣ, чувство нѣжности, появляется во мнѣ очень рѣдко. Любить-ли онъ меня? Любить, какъ всякій отецъ, — средне. Мы слишкомъ различны. И любить, и не любить. Во всякомъ случаѣ, духовной близости — никакой. Полнѣйшее равнодушіе. Когда мама съ нами, это сглаживается, безъ нея — особенно выступает. Поэтому еще, такъ холодно дома и нѣтъ связи, нѣтъ уюта. Папа такъ-же чуждъ, какъ и всѣ остальные. Еще больше! Потому, что онъ — отецъ. Я совершенно одна. Всѣ — чужіе и равнодушные. Холодно и сѣро дома. Да, Юру онъ любить индивидуально, а меня общей, средней любовью родителей, т. е. потому, что онъ — отецъ, а я — дочь. Иногда прорывается больше, но лишь на время, а онъ такой, какъ я сказала. Мнѣ безразлично это, я такъ, помѣчаю, какъ фактъ.

Мама ... И въ ней есть много ... я не скажу отрицательнаго, — будетъ слишкомъ сильно, — а такъ, не положительнаго; но хорошаго, глубокаго, чистаго — много, и оно составляетъ сущность.

Я вогу что начинаю думать. Мама поправилась. Если она зиму проведеть тамъ, — будетъ эгоизмъ. Да, эгоизмъ... Но мама этого не сдѣлаетъ. И, все-таки, къ этому эгоизму я отношусь снисходительно. Я вижу, но не осуждаю. Я слишкомъ ее люблю... Нѣжно и крѣпко. Немного — любовью сильного къ слабому. Мама долго страдала, цѣлый годъ мучилась. Она должна обновиться, и я ничего не говорю: пусть спокойно поживетъ тамъ; здѣсь и ей тяжело будетъ.

Кто ближе мнѣ дневника? Мой дорогой! Чудная вещь — дневникъ! А вдругъ, все-же, мамуся приѣдетъ скоро...

29 Н о я б р я. Читала я „Дачу на Рейнѣ“, теперь второй томъ читаетъ Столица, моя „однокашница“, а я пока кончала „Севастопольскіе рассказы“ Толстого. Прямо чувствуешь войну, читая ихъ, и разныя мысли возбуждаются ею... Но, разъ о войнѣ, такъ поговорю-ка ужъ лучше о моментѣ.

Общее положеніе, конечно, не лучше, чѣмъ, когда мы были въ Москвѣ. Наоборотъ даже. Распаданіе проникло еще глубже, еще дальше въ страну, гдѣ теперь образовались совершенно различныя, другъ другу чуждыя и враждебныя государства.

Иностранцы вмѣшиваются съ судьбу нашей родины. Пусть гуманно, пусть они не заинтересованы, но, все-же, это они, чужіе, справляются съ нами такъ, какъ хотятъ. И, несмотря на все это, нельзя сравнить мое московское состояніе съ теперешнимъ.

Черной бездной казалось мнѣ тогда все кругомъ, я не видала своей частной жизни, ставя себя въ полную зависимость отъ совершающихся событий. Теперь, своя маленькая частная жизнь полна. Свои интересы заслоняютъ общее, не позволяя давать себѣ отчета въ дѣйствительно ужасающемъ положеніи вещей...

Подъ Кіевомъ бьются добровольцы съ повстанцами. Сотни людей гибнутъ, защищая городъ, въ которомъ я живу.

Что ни день, — то новыя звѣрства и мученія... И все это такъ близко, что ясно слышны выстрѣлы изъ пушекъ, а, между тѣмъ, я не могу дать себѣ отчета, что это близко отъ насъ. Рѣшительно нѣтъ... У меня ни малѣйшаго представленія, что ужасная бойня, — война, — чуть не подъ стѣнами города. Никакого сознанія этой близости. Наоборотъ, все кажется очень далекимъ. Въ гимназiи, какъ-то, говорили о звѣрствахъ петлюровцевъ; говорила и я, но сердце мое молчало совершенно: все это такъ далеко и чуждо. Что-же это? Не послѣдняя-ли ступень легкомыслія и пустоты? Нѣтъ, это не то. Не я одна чувствую себя далекой отъ совершающагося подъ Кіевомъ. Всѣ тѣ, у кого тамъ нѣтъ родственниковъ и близкихъ, чувствуютъ, какъ я. И, наоборотъ, тотъ, кто имѣетъ личную связь съ событіями, тотъ живо чувствуетъ все, можетъ быть, даже преувеличенно... Психологически, это естественно и просто интересно, какъ фактъ, наблюдающійся на одномъ и томъ-же человѣкѣ, на мнѣ. Интересуюсь-ли я событіями? Читаю-ли газеты? Не очень. Считаю своимъ долгомъ читать, однако не всегда могу его исполнять, въ виду недостатка времени. Своя жизнь такъ полна, что для общаго не хватаетъ мѣста. Но и здѣсь крайности непростительны.

Въ такое необыкновенно важное, историческое время, которымъ ознаменуется, быть можетъ, поворотъ міровой исторiи, — быть совершенно въ сторонѣ отъ всего — непростительно. И потому, быть знакомымъ, хотя-бы по газетамъ, съ совершающимся, долгъ cadaго.

Знаю это, стараюсь исполнять, но, все-же, не всегда удается. И все это отъ того, что личная жизнь полна и, по столу ку — по скольку, вообще, можетъ въ наше время, не зависеть отъ общаго положенія дѣлъ...

1 декабря. Послѣ жизни въ ограниченномъ среднемъ кругу, безъ особо глубокихъ интересовъ, пустынькой и маленькой, но въ тоже время сплоченной и тѣсной, семейно-уютной-

жизни, приятно окунуться въ болѣе трезвую и глубокую, приятно побыть наединѣ съ собой. Но время идетъ, и это всегдашнее, нѣсколько строгое одиночество съ книжками и своими мыслями, вынужденное молчаніе съ окружающими, изъ за отсутствія какихъ либо общихъ интересовъ, всегдашнее одиночество и полное отсутствіе людей, въ концѣ концовъ, временами, дѣлается тяжелымъ, и хочется подышать другимъ воздухомъ, хочется просто общенія съ людьми. Всегда одна. Такъ и знаешь: придешь домой, тебя ждутъ письменный столъ, книга, дневникъ, — и больше никого. Не съ кѣмъ просто поговорить. Вотъ и сегодня чувствую я это одиночество...

... Пошли днемъ въ „Летучую Мышь“. Цѣлая компанія. Много смѣялись, дурачились. Было весело и приятно. И такъ безумно не хотѣлось итти домой, въ слишкомъ знакомую, сухую и холодную обстановку. Въ первый разъ послѣ маминаго отъѣзда мнѣ не хотѣлось книги, чтенія...

И того, что мнѣ хотѣлось, — у меня нѣтъ. Да, если-бы была мама... Сегодня особенно не достаетъ Дорогой. А вдругъ правда, что мама ѣдетъ сюда, а? Нѣтъ, глупости!

Я мечтаю, что мы будемъ проводить лѣто гдѣ-нибудь на берегу моря, въ южной чудной обстановкѣ... Представляется Франція... Шумный городокъ... Жизнь въ пансіонѣ... Публика... Нѣкоторый тонъ... Да, мнѣ хочется всего этого, и я была-бы рада провести такъ лѣто. Если все не успокоится еще, мы поѣдемъ, хотя-бы, въ Крымъ.

Но Алупка, Алушта... Мнѣ хотѣлось-бы больше шума, больше города, такого курортнаго города! Не знаю почему, а такъ, хотѣлось-бы совершенно иной, чѣмъ теперешняя, жизни, путешествія. Авось сбудется.

Э-эхъ... хотя-бы въ мечтахъ, пусть существуетъ своя квартира и жизнь въ Москвѣ. Комната моя — красота и уютъ. Такъ, чтобы все ласкало взглядъ и приглашало отдохнуть! Искусство и красота. Ничего грубаго, базарнаго. Но не всякій можетъ придти ко мнѣ. Только близкихъ хочу я пускать къ себѣ. Жизнь интересная, содержательная...

Сегодня у меня все окрашено въ легкіе тона ... А то интересное общество у насъ дома. И я тамъ — полноправнымъ членомъ. Разговоръ о литературѣ, объ искусствѣ. Господи, или просто говорить развѣ нельзя интересно? А жизнь? Скоро и я вступаю въ нее. Что готовить она мнѣ? Исполнятся-ли мечты и надежды? Или сѣро, невзрачно я потону въ общей массѣ? Ахъ нѣтъ, не надо. Когда я думаю о своемъ будущемъ, — я не могу представить себѣ, чтобы оно было банальнымъ и общимъ. Можетъ быть, это испытываетъ каждый, но мнѣ кажется, что моя жизнь будетъ чѣмъ-то осязательнымъ, а не прозябаньемъ изо дня въ день.

Въ воображеніи — жизнь: это что-то далекое, манящее и прельщающее разнообразными отгѣнками своими; оно зоветъ и манитъ къ себѣ. Ахъ, жить, жить скорѣе!..

Да, въ общемъ, это ужъ и не за горами. Два, три года, — потомъ университетъ, — ужъ нѣчто большее, и я вступаю въ жизнь ... Что будетъ? Неужели все такъ и пропадетъ даромъ? Всѣ стремленія въ даль, къ дѣятельности, къ чему-то большому и хорошему?...

Окончаніе гимназіи и мое семнадцатилѣтіе я хочу праздновать буйнымъ весельемъ: это будетъ моимъ вступленіемъ въ жизнь. Время все покажетъ.

Ужасная я, въ этомъ году лѣнтяйка стала. Все-бы мнѣ поскорѣй сбросить, да за книжку сѣсть. Ни къ рефератамъ, ни къ кружкамъ не тянетъ; реакція послѣ удесятеренной энергіи лѣтомъ.

Нѣтъ, правда, такая-ли я, какъ всѣ? Вотъ у меня есть какое-то сознаніе всегда всего; въ этомъ, кажется, главное отличіе отъ другихъ. Есть-ли оно во внутреннемъ мірѣ? Да, и въ немъ, я думаю, оно есть.

Ахъ, кто - бы мнѣ показалъ меня самое правдивой и вѣрной!

Право интересно было-бы послушать, чтó думаютъ обо мнѣ тѣ, къ кому я болѣе или менѣе близка. Ира, Саша, Радичъ, Столица, московскій учитель Шнейдеръ ...

2 Декабря. Не лежить-ли у меня въ характерѣ нѣкоторая суровость или холодность? Или, я слышкомъ не похожа на окружающихъ? Я мало говорю дома, да и то, что говорю, за не частыми исключеніями, холодно; за столомъ, съ чужими, умолкаю совершенно. Нѣтъ того, чтобы посидѣть съ Раей, М. Абр. Правда, и сидѣть-то съ ними пусто.

Но дома, здѣсь, я ужасно сжимаюсь. Это второе, и оно вызываетъ скрытое первое.

Тамъ, на Лютеранской, въ гимназіи, я — совершенно иная. И среда иная тоже.

Дома я всѣмъ чужая, всѣ — чужды мнѣ. Но несомнѣнно, — во мнѣ есть доля суровости или холодности. Я открываюсь только, когда среда подходит. А, мнѣ кажется, это доказываетъ нѣкоторую возвышенность и тонкость душевной организаціи. Или, я пристрастна? Нѣтъ...

Но вотъ странно: я — любящая, легко отзывающаяся на любовь, нѣжная въ этомъ отношеніи, экзальтированная, — и, въ то-же время, — холодная, суровая. Право, или мнѣ кажется, или я, дѣйствительно, очень многогранна.

Нѣтъ, справедливо! Это только доказываетъ болѣе тонкій индивидуальный міръ. Да и, вообще, я глубоко могу самою собою довольствоваться. А это, по моему, очень важно, и я искренно довольна, что мнѣ въ значительной мѣрѣ достаточно самой себя. Это не значить, что мнѣ не нуженъ другъ: нѣтъ, а только то, что для времяпрепровожденія я беру содержаніе изнутри себя.

Боюсь, что не ясно говорю. Ну, словомъ, что я, вотъ теперь, съ маминаго отъѣзда, живу съ книгами и дневникомъ, что я могу съ наслажденіемъ гулять одна, что по праздникамъ не мчусь на Лютеранскую, не провожу времени, какъ Нина, ничего не дѣлая, слушая разговоры...

(*Потомъ*). А, впрочемъ, это вовсе не всегда, вообще, и въ данномъ случаѣ, въ частности, доказываетъ возвышенность ума и сердца...

4 Д е к а б р я . Случайно, праздникъ среди недѣли. Чудно. Начиталась вволюшку: кончила „Les Miserables“. Это было утромъ, и настроеніе хорошее было. Но потомъ оно постепенно придавливалось нашей домашней атмосферой, и, послѣ обѣда, мнѣ было безумно тяжело. Почти не было силъ что-нибудь дѣлать: я полчаса просидѣла въ качалкѣ, въ темнотѣ, не то — думая, не то — ничего не думая.

Сегодня одиночество было тяжелѣе, чѣмъ во всѣ предыдущіе дни. И когда это Дорогая прійдетъ! По временамъ такъ безумно сильно ощущается ея отсутствіе. Одна среди окружающихъ. Если-бы ихъ, вообще, не было, одиночество было-бы гораздо легче. А такъ... Какая-то оторваность, отчужденность овладѣваетъ мной въ эти минуты; чувствуешь какъ-то, что есть какое-то пустое мѣсто, потому что нѣтъ общенія съ виѣшней жизнью. Мнѣ трудно объяснить то, что неясно самой...

Послѣ обѣда ушла я къ себѣ, и, конечно, всякая связь съ общимъ прервана до ужина. Вѣроятно, отъ этого такъ тяжело. Право, какъ въ гробницѣ какой. Былъ моментъ, что комокъ началъ подступать къ горлу. Одна. Все одна... И все думала о Дорогой...

Вдругъ, на дняхъ, я прихожу изъ гимназін, и... мама дома! Вотъ-то радость. Право, должна будетъ начаться болѣе свѣтлая жизнь.

Въ минуты этого одиночества и о Лютеранской думаешь всегда. Они всѣ не знаютъ, какую значительную роль играютъ въ моей внутренней жизни. Лютеранская — для меня символъ тепла, семьи и уюта. Тамъ — ласка, общность, тамъ тепло. Тамъ отдыхаешь отъ нашего холода и набираешься новыхъ силъ для „умной“ жизни съ книгами и съ самой собой.

Сегодня хотѣлось мнѣ жить у СашИры, гдѣ я, правда, чувствовала-бы себя своей, т. е. боялась-бы чувствовать себя чужой, но гдѣ, все-таки, у меня была-бы хоть нѣкоторая семья. Мнѣ хотѣлось очутиться со всѣми ними, говорить, сидѣть у тети Розы, въ столовой...

Потомъ все прошло. Я вновь стала бодрой и сильной, и только почувствовала, что до сегодняшнего дня слишкомъ надѣялась на себя. Сегодня силы измѣнили мнѣ... Время отъ времени, Лютеранская необходима мнѣ, какъ живительная вода. Ну, я вознагражу себя сторицейъ въ воскресенье: пойдемъ вмѣстѣ въ театръ, затѣмъ къ нимъ, и до вечера... Можетъ быть, ночевать останусь.

И, все-таки, я думаю, что вполне удовлетворить меня сможетъ только вечеръ у нихъ, когда всѣ собираются вмѣстѣ, а не болтовня у Нины въ комнатѣ: въ ней нѣтъ семейной теплоты, недостатокъ которой я такъ сильно ощущаю.

Замѣтно, мнѣ кажется, что за послѣднее время у меня жалобы на одиночество и холодность стали чаще встрѣчаться. Какъ и лѣтомъ, время идетъ, силы падаютъ... Но вотъ прошла часть, другой, и все исчезло, къ счастью, конечно.

Тоска далеко, я вновь могу работать...

5 Д е к а б р я. Читала Толстого—„Смерть Ивана Ильича“ и „Власть Тьмы“. Форменнымъ образомъ разбита. Толстой тяжелъ. Продолжать чтеніе не могла. Не могу и писать теперь. Попробую отдохнуть за Некрасовымъ... Мнѣ пришло въ голову, что Толстой переживалъ въ эти годы внутреннюю борьбу, глубоко размышлялъ. Это отразилось на его произведеніяхъ, оттого они такъ тяжелы...

11 Д е к а б р я. Не писала все это время, потому что заповѣдь читала. А сегодня, между двумя книгами, рѣшила написать...

У меня часто въ дневникѣ есть жалобы на холодность и пустоту. Не надо думать, что я ихъ каждый день ощущаю. Нѣтъ, есть дни, — и частые, — когда я совершенно спокойна, а подчасъ, даже, и больше.

Не ощущаю я тогда этого и того равнодушія къ папѣ, о которомъ я какъ-то разъ писала; нерѣдко появляется и любовь. Но дѣло въ томъ, что, въ такіе дни, я рѣдко сажусь за дневникъ: не такъ тянетъ къ нему. Вотъ почему, это ровное и спокойное настроеніе духа не отражается на моемъ писаніи.

Ну, теперь „оговорка“ сдѣлана.

Моя кузина, Женья, дочь папинаго брата, очень опасно больна; надежды мало, какъ говорятъ доктора. Обидно. Дѣвушка 20 лѣтъ. Она только что вырвалась изъ строго замкнутой домашней жизни. Поступила на курсы. Только начала жить... А какое дѣло смерти! Развѣ она смотритъ на свои жертвы? Экая ужасная штука эта смерть. Ничего нѣтъ мрачнѣй и непригляднѣй. И особенно больно, когда умираютъ молодые... Ну, старые хоть пожили, а эти только вступаютъ въ жизнь.

Такъ, со стороны глядя, въ этомъ жизненномъ процессѣ — жизни и смерти — найдешь стройность: одинъ человекъ умираетъ, другой рождается, — и такъ совершается жизнь человека; такъ проходятъ вѣка, одинъ за другимъ; изъ жизней каждаго пигмея строится большая историческая жизнь. Да, все такъ. Я сознаю это. И каждый можетъ сознавать. До несчастья. А тутъ — хлопъ всякое сознание! Своя маленькая печаль, но проникающая въ сердце, овладѣвающая чувствомъ, занимаетъ человека больше холодныхъ разсужденій ума. Скажите ему это, — вы будете чудовищемъ. Миѣ сейчасъ кажется, что меня-бы это поддерживало, въ известной степени успокаивало. Но, на сколько это было-бы такъ въ чувствѣ, — не знаю. Хочу надѣяться, что долго не узнаю. И еще, какъ, въ общемъ, люди равнодушны къ смерти близкихъ! За исключеніемъ самыхъ близкихъ родственниковъ — и то иногда — она обходится почти что холоднымъ равнодушіемъ. А если и есть участіе, то какое-то оно холодное; и искреннимъ можетъ быть, и даже глубокимъ, а.. чего-то и нѣтъ. Вотъ жалѣютъ люди, а все таки живутъ своей жизнью, какъ жили и раньше. Такъ уже построены свѣтъ. Законъ при-

роды. Одинъ изъ тѣхъ странныхъ и необъяснимыхъ законовъ, какихъ много въ природѣ.

Собственно, вотъ! Разсуждая логически, такое отношеніе вполне естественно изъ за сознанія общечеловѣческой связи. Такъ что и удивляться-то бы нечему. Такъ должно быть. Почему-же это равнодушіе людей оскорбляетъ меня? Неприятно такъ дѣйствуетъ. Почему? Какова психологія людей? А, собственно, никакая. Въ томъ-то и обида. Это, просто, равнодушіе своего рода. Если сознавать, какъ я писала, то будешь горевать. Но горевать тихо, — если это выраженіе понятно, — склоняясь передъ неизбежностью. Это будетъ другая горестъ; болѣе внутренняя и тихая, чѣмъ чувство, испытываемое теперь при смерти дорогого человѣка. Да, это равнодушное соболѣзнованіе людей вполне естественно и понятно, если подумаешь: вѣдь, не заставишь сердце говорить, когда оно молчитъ.

Сегодня мнѣ пришлось наблюдать, какъ близость смерти рождаетъ опасенія тамъ, гдѣ раньше ихъ совершенно не было. И папа, и дядя Володя начали насъ съ Ниной отчитывать: „что это будетъ, если вы захвораете; не хотите слушать...“ и т. д. Наблюденіе новое. До сихъ поръ я этого и не знала...

12 Декабря. Сегодня должна сама себя изучить. Проанализировать. И, во первыхъ, вотъ. Что за дурацкое стремленіе къ анализу, къ строгому самопознанію? Это значитъ у меня, по крайней мѣрѣ, что я цѣню собственную личность, ставлю ее на нѣкоторую высоту. Сколько разъ я говорила, что въ извѣстной степени это хорошо; но сегодня я сама себя сдѣлалась противна. Я глубоко субъективна; слишкомъ даже, временами, поглощена своей личностью. Къ счастью, это не мѣшаетъ другимъ чувствамъ, а, современемъ, можетъ быть, и измѣнится.

Мое внутреннее „я“ занимаетъ слишкомъ значительное мѣсто въ моемъ мышленіи. Я придаю себѣ много значенія, и

изъ за этого, иногда, не могу проникнуться чувствами и переживаниями другихъ людей: они кажутся мелкими и ничтожными въ сравненіи съ моими. И вотъ сегодня, за обѣдомъ, я почувствовала это, и за это ощущеніе глупаго превосходства сдѣлалась себѣ ужасно противна.

Папа разсказывалъ о Пташкиныхъ. И мы сдѣлались какъ-то ближе другъ другу. Теплѣй сразу стало. Надо проще на людей смотреть. На душѣ лучше. Миѣ сразу такъ радостно сдѣлалось и легко. Почему только миѣ горько безъ мамы? И папа, и Юра, чувствуютъ это. И, вообще, я не одна, не единственная все чувствую. Нѣчего представлять себя самой себѣ жертвой какой-то. Какъ и всѣ...

Это такъ пройти не должно: я буду помнить, что надо больше въ людей входить. И я себѣ показала такой жалкой и ничтожной. Можетъ быть, я была, а не то и есть такая: глупая дѣвченка, воображающая о себѣ непомярно много. Ужасно себѣ противна была!

15 Декабря. Многое сказать надо было-бы, но какая-то святая лѣнь овладѣла мной: рѣшительно, не могу разсуждать. Можетъ быть простуда моя виновата. А хотѣла я поговорить о социальномъ положеніи прислуги.

Прислуга... ея положеніе, одно изъ самыхъ тяжелыхъ, такъ какъ личная зависимость въ немъ чрезвычайно замѣтна. И многое надо измѣнить въ немъ. Во-первыхъ, надо, чтобы это не было господство съ одной стороны и кабала съ другой, а свободный договоръ сторонъ, со взаимнымъ уваженіемъ свободы и прочихъ правъ.

Въ наше время среди прислуги все чаще и чаще попадаютъ дѣвушки не совершенно темныя и необразованныя. Правда, эти верхи культуры заключаются въ болѣе складной рѣчи, въ желаніи пофрантить и въ нѣкоторой распущенности нрава, но, во-первыхъ, это послѣднее — не всегда, а, во-вторыхъ, въ какую-бы форму это ни вылилось, это — извѣстный

прогрессъ, это уже не прежняя темнота и ограниченность. Это плодъ моихъ наблюдений. Что изъ него слѣдуетъ, мнѣ ясно.

При условіи указаннаго, увеличивающагося прогресса, свободный договоръ не только легче и доступнѣе, но и необходимѣе.

Затѣмъ, становясь все болѣе и болѣе развитой, дѣвушка не преминетъ все больше и больше чувствовать тяжесть своего положенія, — еще одинъ поводъ для его облегченія со стороны болѣе могущественной. Да, наконецъ, пусть каждый гуманный, культурный человѣкъ поставитъ себя на мѣсто прислуги, и онъ почувствуетъ всю тяжесть ея положенія. Первое условіе облегченія ея участи, конечно, — гуманное и человѣческое отношеніе. Вѣжливость, спокойствіе обращенія, что-то большее, чѣмъ отношеніе „хозяйки“ и „прислуги“. Съ гордостью и удовольствіемъ могу сказать, что такъ было у насъ всегда, т. е. Дорогая всегда относилась такъ къ прислугѣ. Видѣтъ въ ней раньше всего человѣка, когда — помочь, когда — посовѣтовать, не брезговать, а просто разговаривать. И что же? У насъ люди жили подолгу, смѣю думать, чувствовали себя членами семьи. Ко всему этому, конечно, въ первой степени необходимы хорошія матеріальныя условія, безъ остановокъ передъ лишними затратами, если онѣ могутъ принести довольство служащимъ, спокойствіе всему дому.

Къ низшему, по положенію, человѣку надо относиться еще съ большей вѣжливостью, чѣмъ къ равному: этотъ послѣдній, безъ риска для своей матеріальной (насушной) жизни, можетъ отвѣтить вамъ, въ то время, какъ низшій долженъ молчать. Это одно изъ правилъ моей жизни, которымъ я и теперь всегда руководствуюсь.

Идеаль — это, конечно, жить безъ прислуги и по толстовски, какъ всякій идеаль, — въ далекой исторической дали; такъ какъ всѣ условія общественнаго устройства должны измѣниться для того, чтобы ни та, ни другая сторона не понесли отъ этого ущерба. Но, пока, мы должны стремиться къ возможному приближенію идеала, т. е. стараться улучшить физически и морально положеніе прислуги.

Какъ я подумаю объ этой службѣ, мнѣ даже страшно дѣлается, до чего она тяжела. Сколько тысячъ людей, вообще, ждетъ своего облегченія. Развѣ не высшій долгъ человѣка помочь имъ.

Я всѣ свои силы положу на это. Тутъ столько работы, насущной и необходимой!

20 Декабря. Нѣсколько дней хворала, въ кровати лежала, да и предъ этимъ какая-то сама не своя была: лѣнь адская, апатія находила. Сегодня, сейчасъ, я совсѣмъ сама своя. Настроеніе бодрое, сильное. А, какъ много значитъ настроеніе.

У меня своя личность, свое „я“ вовсе не охватываетъ весь внутренній міръ. Мнѣ не кажется, что я — „все“.

Сіжу я на дняхъ, вечеромъ, за книжкой, и вотъ промелькнула мысль: ты, отдающая себѣ отчетъ во всякомъ движеніи, цѣнящая себя, ну, словомъ, этимъ самымъ самосознаніемъ выдѣляющая себя изъ массы, ты — только частичка большого. Своимъ дневникомъ, вообще, внутреннимъ самопознаніемъ я выдѣляю себя изъ массы, — лучшаго выраженія не подобрать, — и вотъ, въ минуты полного самопоглощенія своей личностью, за чтеніемъ-ли книжки, за дневникомъ-ли, — вспоминается, что, все-таки, ты часть массы, той-же массы, которая въ эти минуты кажется такой далекой... И отвѣчаешь сама себѣ: „да, я знаю, это такъ!“ Вѣдь, это чувство приходило ко мнѣ очень часто и въ Москвѣ...

... А, все-таки, ужасно хочется мамы... Сегодня, не знаю почему, у меня весна на душѣ. Именно, бодро и сильно, вдобавокъ, чувствуешь себя. Хочется писать, говорить безъ умолку, и не такъ, чтобы о научныхъ вопросахъ, а просто болтать, душу выпораживать. Вотъ я и опоражниваю.

Сегодня у меня книга Эберса. Начала это я читать про конецъ четвертаго вѣка по Р. Х. въ Римской Палестинской колоніи („Ното Sum“) и трепеть пробѣжалъ по мнѣ. Господи,

жизнь, столь различная отъ нашей, въ совершенно другой обстановкѣ, была когда-то дѣйствительностью, была, для тѣхъ жителей тѣмъ, чѣмъ наша — для насъ, т. е. всѣмъ.

И такъ это чудно, такъ необъятно странно, что вотъ вся трепещешь, и хочется, все больше и больше, осязать ту жизнь, чувствовать ее такъ, чтобы видѣть ясно, или — наоборотъ — не отдѣльными эпизодами изъ той или другой страны, а цѣльной системой и картиной передъ глазами видѣть. Какъ прекрасна и интересна исторія.

И захотѣлось мнѣ, нѣтъ, я уже увидала себя окруженной историческими книгами, грудями историческихъ книгъ и поглощающей всѣ книги, и всю исторію, чтобы видѣть ее цѣльной системой. И захотѣлось безумно—читать безъ конца историческія сочиненія.

А вотъ сейчасъ, пока я писала, мнѣ еще пришло въ голову: читаешь про разныя времена и различныхъ людей, и обстановка все различная кругомъ, и только человѣческая личность все одна и таже: тѣ-же страсти, тѣ-же чувства у человѣка. Что изъ этого? Ничего. Какъ ни думай, а никакой таинственной философіи между строкъ не сыщешь. Вотъ только, развѣ, о будущемъ: что и тамъ „человѣкъ“ все одинъ и тотъ-же будетъ. А потомъ, другое: когда „учишь“ исторію, то не ощущаешь трепета; а когда читаешь беллетристику, то, хоть научно и знаешь окружающій фонъ, а все таки то, о чемъ читаешь, представляется лишь въ видѣ маленькаго островка. И ни тамъ, ни здѣсь, поэтому, не ощущаешь полнѣйшаго удовлетворенія. Почему?.. И вдругъ, когда я дописывала объ охватившемъ меня при чтеніи чувствѣ, истина, какъ бываетъ иногда, бѣлымъ днемъ наступила среди темной ночи. Я поняла: современемъ, путемъ изученія, чтенія, не случайно о какой нибудь странѣ, а путемъ долгаго, продолжительнаго, всеобще-историческаго чтенія достигается это. И я обрадовалась этому откровенію; вотъ достижимый идеаль. О, посвятить время исторіи, какое глубокое удовольствіе. Но не все время, а часть: и кромѣ исторіи много хорошаго на свѣтѣ. Все хорошо, все интересно, куда ни оглянись.

Учиться, учиться и учиться...

И, все-таки, я не знаю, возьмусь - ли я сейчас за историю. Пока отложу это, слишком большое и грандиозное дело. Буду исполнять намѣченную программу; писатели, история литературы, общественныя науки, женскій вопросъ, немного беллетристики и французскій. Можетъ быть, на Пасху, или лѣтомъ, — самое лучшее будетъ, — займусь исторіей.

Вотъ, ха-ха-ха! Пишешь одно, а, въ это время, вызванная написаннымъ, новая мысль, если не рой мыслей, уже летятъ въ голову. Едва успѣваешь заносить. Такъ вотъ, сегодня я рѣшительно увлечена исторіей: перечисляя мои „программныя“ науки, мнѣ все казалось, что исторія, совсѣмъ по другому, интереснѣе и больше ихъ. Первое-то вѣрно, а второе, я по опыту знаю, всегда кажется, когда занимаешься именно однимъ, а не другимъ.

Въ кровати, и до болѣзни, я читала Толстого („Крейцерову Сонату“, „Воскресенье“) и не могла, понятно, совершенно не остановившись, пройти мимо затрагиваемаго тамъ женскаго вопроса. Я буду пока говорить о первомъ.

Попутно, вспоминая мой взглядъ на свободную любовь, я еще въ это время читала, въ моемъ-же духѣ, Писемскаго „Въ водоворотѣ“. И тамъ, и тутъ, — правда, а исключаютъ друг друга. Дѣлалось трудно. Я копалась, мучилась — и, конечно, ничего рѣшить не могла. Смысль толстовскій схватывала, но онъ такъ великъ, что давить меня. Мнѣ все чудится старческая голова съ суровымъ и серьезнымъ взоромъ, и великій старецъ подавляетъ меня. Я начала ощущать къ нему органическую робость и страхъ. И сегодня, въ своемъ „историческомъ“ настроеніи, я откровеніемъ сказала себѣ: оставь на время! Осилить ты можешь, но онъ давить тебя и пришибаетъ; успѣешь; пользуйся пока тѣмъ, гдѣ ты можешь развернуться, и что интересуешь тебя, а для того — придетъ время. Ты не доросла до Толстого... А я еще хотѣла въ этомъ году его всего прочесть. Право, чувствуешь себя маленькой, маленькой и подавленной. Нѣтъ, Толстой — послѣднихъ годовъ, далеко не для меня. Да и, вообще, я думаю,

онъ не всѣмъ доступенъ, и многіе ощущаютъ то-же чувство подавленности, читая его.

Что касается „Воскресенья“, то оно, конечно, не было такъ тяжело, наоборотъ, я узнала много новаго и цѣннаго; оно вновь направило мои мысли по пути, на который онъ вступилъ-было въ прошломъ году: на путь социальныхъ реформъ, и потому я рада, что прочла его. Последнюю чистку Нехлюдова я поняла, но не думаю, чтобы прочувствовала. Безусловно, и въ „Воскресеньи“ есть что-то тяжеловѣсное. Въ общемъ, въ стилѣ не замѣчаешь этого, но все-же остается такое впечатлѣніе. И оно, какъ нельзя больше, подходитъ къ моему образу Толстого: какъ человѣка глубокой, внутренней мысли. И его самого, подчасъ, давила его глубина и необъятность, и вотъ это свое состояніе поэтъ не могъ не вложить въ свои произведенія, если онъ писалъ ихъ въ то время, когда самъ находился подъ внутреннимъ гнетомъ.

Ну, слава Богу, дописалась хоть до социальныхъ вопросовъ. Когда, скажите, я, въ „выпораживающемъ“ настроеніи, сумѣла написать обо всемъ, о чемъ хотѣла-бы.

Ну, спокойной ночи! Хе-хе!.. Завтра „Баранъ“ можетъ принести сочиненіе вольное...

Сочиненія меня всегда до боли волнуютъ. Что-то будетъ? Если не пять, вѣдь я, въ глубинѣ, удовлетворена не буду, знаю, А почти навѣрное не будетъ. Четверка съ крестомъ.

21 Декабря. Времени много сегодня, книги определенной нѣтъ, — такъ я и напишу.

Какъ я и думала, пяти не вышло. Четыре! Въ душѣ стукнуло, стало неприятно... Какъ ни говори себѣ, что пяти не будетъ, въ глубинѣ души, что-то повторять, произвольно отъ тебя: „а вдругъ таки будетъ, будетъ?.. И не изъ за пятерки больно, а потому, что неудача служить лишнимъ доказательствомъ того, что ты — масса; т. е., что мечты, вѣра

въ себя, будущее, — все капуты!.. Ахъ, ничего подобнаго! Во-первыхъ, для общественной дѣятельности, социальной работы, добра ближнимъ, вовсе не нуженъ талантъ, исключительныя способности, а во-вторыхъ, все-таки, я пишу, одна изъ хорошихъ; кто знаетъ, что будетъ дальше. А потомъ, что же сдѣлаешь, если ты не отмѣчена священнымъ даромъ?! Больно, конечно, если вѣрила, что сможешь писать, но дѣлать нечего...

И, все-таки, не все потеряно; будущее, одно будущее можетъ показать, на что я годна. Вотъ что-то оно скажетъ?! Увидѣть-бы...

Ну, довольно пустяковы!.. Послѣ „Воскресенья,“ слышанныхъ разговоровъ прислуги, вообще, вдругъ социальныя отношенія какъ-то ярче встали предо мной. Сколько, сколько зла, темноты и несправедливости въ нашемъ обществѣ! Какъ можно жить и не замѣчать всего этого? Бѣдность, нужда рабочихъ, безпросвѣтная жизнь ихъ дѣтишекъ, вѣчная борьба изъ-за куска хлѣба. Всю жизнь, всѣ интересы поглощаетъ эта борьба, не оставляя мѣста для духовной жизни. Какъ прекрасно понимаю я пьяницъ, ищущихъ одного — на время уйти отъ тяжелой обстановки! Сколько чистыхъ дѣтскихъ жизней гибнетъ въ этихъ условіяхъ!.. Сѣрая, забитая жизнь; ничего, кромѣ нужды, а рядомъ—пышныя хоромы и пресыщеніе богатей. Ихъ дѣти не знаютъ, куда дѣваться отъ баловства, въ то время, какъ тѣ лишены самаго необходимаго. И тутъ, и тамъ, — люди, духовно одинаковые и равные... А дѣвушки?.. Продажность, проституизмъ — отъ темноты и нужды. А тюрьмы съ ужаснымъ положеніемъ своихъ жертвъ? А сотни, тысячи несчастныхъ, которые дня счастливаго, спокойнаго отъ насущныхъ заботъ не знаютъ? Куда ни оглянешься, — только горе и видишь кругомъ.

И какъ можно, сознавая, что люди мрутъ отъ нужды, что они гибнутъ въ безпросвѣтномъ мракѣ, какъ можно, спрашиваю, спокойно жить? Нѣтъ, отдаться на службу этимъ несчастнымъ, посвятить себя облегченію ихъ участи, привлечь къ этому все новыхъ и новыхъ лицъ — вотъ задача! Только такъ рисую я себѣ будущую жизнь, и только такой будетъ она.

Съ наслажденіемъ думаю я о томъ, что десятки дѣтей будутъ выведены на дорогу, познають свѣтъ знанія и наслажденія отъ него.

Сколько нибудь освѣтитъ жизнь этихъ забытыхъ людей — такое огромное, большое счастье.

Мало работать въ партіяхъ, добиваться политическихъ правъ, надо войти въ частную жизнь каждого, каждому индивидуально облегчить жизнь; мало видѣть въ нихъ „пролетаріевъ,“ надо видѣть людеѳ. И какъ можно скорѣѳ!.. Какъ только прѳдетъ мама, я хочу начать работать. Мама сама съ удовольствіемъ приметъ участіе.

Своеѳ школы я не могу еще организовать, но работать гдѣ нибудь въ питомникѣ „Капли-молока“ я могла - бы...

Можетъ быть указала-бы Франя, но я далека отъ нея.

Сколько, сколько нужды на свѣтѣ! Когда читаешь объ этомъ, даже жутко становится. Сколько зла въ обществѣ!

И въ другихъ странахъ, конечно, есть нужда, но всюду, по книгамъ, по крайней мѣрѣ, меньше, чѣмъ у насъ.

Свѣтъ образованія — ярче, жизнь культурнѣе — тамъ. Сердце радуется, когда читаешь объ англійскомъ или французскомъ рабочемъ. Объ американскихъ я мало знаю. Но у насъ: какая темнота и сколько нужды.

И еще спрашиваютъ, гдѣ я буду жить! Конечно, въ Россіи, и посвящу себя трудящимся.

Право, со свѣтлой радостью думаю я о школь-пріютѣ для дѣтей, откуда они будутъ выходить сильные духомъ и тѣломъ, способные сами пробить себѣ дорогу въ жизни. Есть среди нихъ талантливые, они смѣло могутъ развиваться, имѣя всегда опору и поддержку.

Нужны школы для взрослыхъ, клубы для рабочихъ, здоровыя, доступныя развлечения, занятія для дѣвушекъ, школы въ деревняхъ, просвѣщеніе среди сѣрой массы крестьянства; нужно облегчать участь заключенныхъ и ссыльных... Вотъ эта дѣятельность зоветъ меня къ себѣ, и больше, чѣмъ партійная работа. Послѣдняя также необходима. Она подготавлиетъ народъ. И тамъ я тоже хочу участвовать. Только-бы

силъ хватило! Вотъ для этого я думаю поступить на юридическій факультетъ. Мнѣ кажется, что онъ можетъ дать болѣе подходящую практическую подготовку къ этой моей жизни.

Чѣмъ я буду, окончивши университетъ, еще не знаю, эта далекая будущность еще успѣетъ вырисоваться, но, что сказанное, что прочувствованное и сознанное будетъ основой моей жизни,—это твердо.

Но ко всему этому требуется реальная подкладка. И вотъ, какая. Можно-ли, сознавая всю несправедливость богатой жизни въ отношеніи бѣдной, можно-ли пользоваться ея матеріальными преимуществами? Нѣтъ! Это ясно и для ребенка. Это большой вопросъ и большой отвѣтъ.

Одни владѣютъ всѣмъ, другіе—ничѣмъ, это—несправедливо. И конечно. Разъ я такъ нахожу, я не должна, по крайней мѣрѣ, лично продолжать такой порядокъ вещей. Я должна внести извѣстныя ограниченія въ свою жизнь съ тѣмъ, чтобы разницу использовать въ народныхъ цѣляхъ. Я не обманываю себя, это не легко, это очень трудно мнѣ: богатая жизнь имѣетъ много красиваго, а своя комната полная предметовъ искусства и комфорта, такъ пріятна!.. Порвать со всѣмъ этимъ—это значить, отчасти, лишать себя пріятнаго въ будущемъ. Я думаю объ этомъ, и мнѣ тяжело; я чувствую, какъ много жертвуется при этомъ. Но развѣ есть середина?... Переломить себя здѣсь—это значить сумѣть зажить иной жизнью, ограничивши себя... Лишиться всего не имѣетъ смысла, такъ какъ этимъ самымъ я отнимаю у себя свѣтлую жизнь, къ которой хочу вести другихъ. Почему другіе не лишаютъ себя? Франя, Яша, различные извѣстные демократы? Про первыхъ двухъ я и не знаю многого, но, вообще, поборники народнаго дѣла никогда роскошно не живутъ. Нѣтъ, ограничить себя отъ роскоши необходимо, и я сумѣю это сдѣлать.

Вотъ это—„реальная“ задача, о которой я говорила. Серьезно, она трудна, эта задача, но я надѣюсь ее осилить.

Путешествія своего послѣ университета я ни въ коемъ случаѣ въ жертву принести не должна: оно разовѣетъ меня, позна-

комить съ жизнью, съ различнымъ положеніемъ тѣхъ, на помощь кому я хочу придти.

Что значить ограничить свою жизнь вообще? Въ обстановку своей квартиры можно столько красоты вложить... Красоты! А сколько человекъ сидятъ голодными и темными? Нѣтъ, рѣшительно, эта красота должна быть возможно проще. Не надо брать вѣнскіе стулья на толкучкѣ, но не надо и безразсуднаго богатства! Красиво для глаза и просто. Практически это покажетъ сама жизнь, я же могу сейчасъ разсуждать только теоретически. И, надо сказать, что всѣ мои разсужденія объ ограниченіи довольно таки слабы. Они не разсѣиваютъ всюду встрѣчающагося противорѣчія между голосомъ строгаго разсудка и голосомъ сердца, голосомъ „голубого міра“. Во мнѣ сильны оба начала и, смотря по времени, я—то больше во власти одного, то—другого... Иной разъ мнѣ кажется, что нѣтъ ничего выше искусства драматическаго, и хочется всей душой отдаться ему; другой разъ оно далеко, и въ сердцѣ господствуетъ суровая жизнь..

То я говорю себѣ, что надо в сѣ мѣ пользоваться въ жизни, а, какъ взглянешь, какъ сегодня, поглубже, то ясно увидишь, что примирить то и другое нельзя. И потому мнѣ дѣлается тяжело. И я вижу напередъ, какъ среди дѣятельной жизни мнѣ дѣлается временами безумно тяжело и пусто, “потому что я человекъ“. И теперь уже, мнѣ заранѣе страшно этихъ минутъ... Что я буду дѣлать тогда,—не знаю. Отдыхать ли, или бороться съ собой,—покажетъ жизнь. Только она отвѣтитъ на всѣ мои мечтанія.

А другая, дѣйствительно важная и серьезная, задача—изучить жизнь людей, среди которыхъ я хочу работать. Изучить ее практически, входя въ нее,—чего я пока не могу,—и чтеніемъ о ней.

Этимъ послѣднимъ я могу заняться и займусь... Освѣщеніе соціально-экономическаго положенія, знакомство съ идеалами социализма, съ положеніемъ рабочихъ въ другихъ странахъ... Работы тутъ много.

Духовная жизнь моя бесконечно разнообразна: вчера я жила историей, сегодня—этимъ, завтра могу витать въ царствѣ грёзъ и фантази. И все это будетъ мое „я“, естественное и непритворное. Но сегодняшнее писаніе—не только настроеніе, но и расписаніе на будущую жизнь; слишкомъ серьезныя задачи и обязанности, чтобы можно было играть ими. Остальное можетъ быть различно освѣщено, но фонъ будетъ постояннымъ и неизмѣннымъ.

Мнѣ кажется, что, чѣмъ дальше время, тѣмъ я больше отрезвляюсь; сравнительно съ прошлымъ, это безспорно. Всѣли такъ разнохарактерны, или я — исключеніе? До нѣкоторой степени, пожалуй, исключеніе...

24 Д е к а б р я. Общее положеніе сѣро и печально. Опредѣленно говорить, что большевики войдутъ въ городъ, такъ какъ среди петлюровцевъ у нихъ много друзей. И, какъ подумаешь объ этомъ, на душѣ дѣлается хмуро. Нашей семьѣ, въ частности, мало хорошаго предстоитъ отъ нихъ... Опять спокойная жизнь, гоненія, бѣгство, полное разстройство кое-какъ налаженной жизни... Форменнымъ образомъ, страшно дѣлается, когда думаешь о нихъ. Коломутно такъ! Скверно!

Право, съ ними только мрачное и видишь въ будущемъ. А его уже столько видали! Опять, надолго разстроенная жизнь... Мытарства... Эхъ, дало себя знать это время, на всю жизнь... Для меня, да и для всѣхъ, большевики и кошмаръ—синонимы. И глубоко, бесконечно хмуро дѣлается на душѣ, когда подумаешь о нихъ.

... Отъ мамы извѣстій никакихъ. Въ концѣ концовъ, чѣмъ же все это кончится? Что будетъ? А время идетъ, вѣдь новый годъ ужъ на носу. Да, вѣдь, папа не поѣдетъ, только сборы одни.

Эхъ-ма! Хоть-бы списаться была возможность! Вотъ, какъ подумаешь, какъ все скверно кругомъ. Когда-же это кончится?!

Говорятъ, что устанавливается прямое сообщеніе Одессы съ Марселью. До чего дошло, если думаешь о ней, какъ о маннѣ небесной?! Франція... Спокойная жизнь. Большевики, ежедневно смѣняющіяся картины политики, — все это гдѣ-то далеко... И вокругъ — спокойныя, довольныя лица, опредѣленное общее положеніе, возможность нормально жить!.. Нормально жить! Вѣдь это далекая мечта, волшебный сонъ... Когда, когда осуществится онъ? Неужели, для насъ кончено? Воистину, „страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ“...

Радость, горькая, но желанная радость овладѣваетъ, когда думаешь о Франціи, — о спокойной жизни тамъ... Но горько! И стыдно, что будешь удирать на чужбину, спокойно жить, въ то время, какъ тысячи останутся здѣсь мучиться. Это чувство стыда будетъ и тамъ мѣшать пользоваться покоемъ. Но, врядъ-ли, и тамъ полонъ этотъ покой? Пожалуй, нѣтъ! Мировой пожаръ не оставилъ ни одного чистаго мѣста. Но, все-таки, тамъ лучше, несравненно спокойнѣе, чѣмъ у насъ.

Но это чувство стыда за побѣгъ съ родины... Отъ него уже никуда не спасешься. Эмигрировать, эмигрировать изъ родной земли!.. Какъ тяжело!

Да, когда подумаешь о Франціи, то благословенной и, какъ-бы, запрещенной страной кажется она. Господи, когда, когда заживемъ нормально? Та жизнь, до-военная, вспоминается только, какъ прекрасный, далекій сонъ. И какъ манить къ себѣ, какъ зоветь!..

Что еще будетъ? Не видно конца этому кошмару. Не одинъ годъ пройдетъ, пока у насъ, въ Россіи, все болѣе или менѣе войдетъ въ колею.

А вдругъ, правда, мы уѣдемъ за границу жить пока? И хорошо-то оно и плохо. Вотъ въ такія исключительныя минуты чувствуешь, что любишь родину...

А, какъ подумаешь о Парижѣ, о заграничѣ, нѣтъ, именно, почему-то о Франціи подумаешь, что будетъ тамъ, — хорошо

на душѣ дѣлается... Да, къ тому-же, во Францію меня исключительно тянетъ...

Сѣра и пасмурна дѣйствительность. Безпросвѣтна она... Большевики, страхи, скитанья, — и заскребеть на душѣ!

Сегодня какъ-то остро почувствовала я эту дѣйствительность, и вѣроятно, это чувство останется.

27 Декабря. Вотъ что случилось сегодня. Я получила письмо отъ мамы. Лично я. Это былъ отвѣтъ на мое отдѣльное, секретное письмо Дорогой.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Крыма мама, какъ-то, жаловалась на одиночество. И мнѣ за этими жалобами показались глубокая тоска и горе. И я написала отдѣльно. Уговаривала, подбодряла. И вотъ, сегодня получился отвѣтъ, хотя я и писала мамѣ, что отвѣта не надо, такъ какъ письмо мое не требуетъ отвѣта. Но мама написала. И это очень жалко...

Какъ быть? Письмо адресовано мнѣ, и содержаніе лично для меня... Показывать третьему неприятно, кто-бы онъ ни былъ, этотъ третій. Эта коротенькая переписка — дѣло двухъ. Независимо отъ того, что это мама и я... Могли быть и другія лица. Все равно. Личное дѣло двухъ.

Но что я скажу папѣ? Гроза неминуема, это я поняла сначала и, какъ всегда, не ждала ее, а пошла на встрѣчу. Я сказала, что получила письмо, но не хотѣла-бы показывать. Поднялась буря...

Вообще, я вовсе не должна и не обязана показывать своихъ писемъ кому-бы то ни было. Серьезно, даже не съ моей, „дѣтской“, точки зрѣнія, я достаточно сознательна, чтобы быть въ состояніи имѣть основательныя личныя дѣла; съ другой стороны, я заслуживаю полного довѣрія своихъ родителей, и мое право личности должно уважаться ими.

И мама уважала всегда и уважаетъ. Получала я въ Саратовѣ письма на имя „Нелли Пташкиной“; мамой они никогда не открывались; мама не требовала ихъ читать, и если-бы

она попросила, а я отказала-бы, мама огорчилась-бы, но поняла и не сердилась-бы: у каждого из насъ есть заповѣднѣй тайникъ души, куда никто не допускается. Папа не признаетъ моихъ правъ, какъ личности. Ему интересно, онъ мой отецъ; можетъ быть, для него я — еще ребенокъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ считаетъ себя въ полнѣйшемъ правѣ распоряжаться моею перепиской и „личными тетрадями“. Не знаю, будетъ-ли это такъ и позже, когда я еще подросту... Борьба предстоитъ тогда посерьезнѣй сегодняшней...

Вообще, я была права, имѣла право не желать давать читать мое письмо папѣ, онъ-же не долженъ былъ требовать и кипятиться...

А вслѣдъ за этимъ поднимаются и другіе большіе вопросы.

И, въ суммѣ всего этого, была-ли я неправа и въ какой мѣрѣ?

Я очень устала сегодня...

1 Января 1919 г. Новый годъ, но онъ не чувствуется ни капельки. Что такое, въ сущности, Новый Годъ? Завершение землей своего круга вокругъ солнца? Но, все-таки, создается настроеніе, у меня было, даже, очень сильное, когда я думала о немъ вчера. Сегодняшній день представлялся яркимъ, свѣтлымъ праздникомъ.

Къ счастью для меня, погода хорошая: голубое небо, солнце, въ воздухѣ — упонительная свѣжесть...

Но это только сегодня. А завтра я начну дѣловую жизнь: два реферата написать на Рождествѣ надо. Жаль, но дѣлать нечего.

Вотъ, вдругъ, безъ всякой причины, создала себѣ яркій, свѣтлый денекъ...

А съ тѣмъ, о чемъ я писала прошлый разъ, все конечно. По обыкновенію, попыливъ, папа больше чѣмъ остылъ, т. е. загорѣлся любовью ко мнѣ. Вмѣстѣ съ этимъ окончательно успокоилась и я: совѣсть моя была чиста, а разъ все закончилось миромъ, я не думала больше объ этомъ. Да и сегодня не хочу испортить мой день.

Для каждаго, когда онъ углубляется въ себя, онъ обращается въ единицу, а другіе — въ сѣрую однообразную массу. Я, конечно, далеко не исключеніе изъ этого правила. Вообще, я субъективна, иногда даже, до противнаго...

Вообще, странно, какъ одинаковыя вещи, при голубомъ (поэзія) и при коричневомъ (проза) взглядѣ, могутъ быть различными. И какъ все измѣняется, принимаетъ другой оттънокъ. Все, начиная, хотя-бы съ л ю б в и!

Или это чудное поэтическое чувство, цвѣтъ и красота жизни. Или—половая животная страсть, которая, я думаю, должна исчезнуть со временемъ.

Богатая жизнь, — это или красота и изящество, или разлагающее баловство пустыхъ людей, не думающихъ о своихъ собратіяхъ.

Господи, все, рѣшительно все такъ! По временамъ, одно кажется правильнымъ, по временамъ—другое.

И между тѣмъ, движется, измѣняется ежеминутно большая, историческая жизнь народовъ. Но, пока она непосредственно не касается насъ, она кажется далекой. А то, вдругъ, какъ было въ Москвѣ у меня, охватить и не дать мѣста ничему другому...

А, пока, розовыя мечты владѣютъ мной. Вдали видѣется и манитъ волшебная весна, лѣто съ весельемъ и прекрасной природой.

Уже не долго, теперь время скоро пройдетъ!..

2 Января. Праздники продолжаются. Хорошо. Вчера цѣлый день прокутили. Была наверху. Изрѣдка, для отдыха, хорошо провести у нихъ денекъ. А они встрѣчали Новый Годъ. Защемило, когда узнала. Мнѣ такъ хотѣлось...

Изъ за проклятой деликатности! Я ждала, позовутъ-ли меня ночевать. Меня не позвали. Но, все-таки, лучше быть деликатной. А, все-таки, и въ этой горечи пріятное было! Саша жалѣлъ, и очень, что меня не было. Милый! Какъ пріятно чувствовать, что ты любима тѣми, кого сама любишь. Я ему ужасно благодарна за это сожалѣніе. Любить, значитъ! Временами хочется очень знать, какъ-же Иринка ко мнѣ относится? Есть-ли что нибудь большее, чѣмъ простое родственное чувство? Конечно, довольно пустые вопросы, но подчасъ я любопытна узнать ихъ отвѣтъ.

Почему не можетъ быть всегда свѣтло и радостно въ людскихъ отношеніяхъ? Какъ легко было-бы жить тогда!

Вотъ теперь, такъ все мирно и славно съ папой. Онъ — внимателенъ и ласковъ. Право, пріятнѣе на душѣ.

И невольно являются вопросы: что-же оттакивало меня, за что и почему не любила я его? И такимъ все далекимъ это кажется...

Почему, почему не всегда — „теперь?“ Неужели, это зависитъ только отъ меня? О нѣтъ, не думаю, должно быть, еще что-нибудь есть?!..

Какъ часто обманчива внѣшняя оболочка человѣка, и какъ можно ошибиться, если опрометчиво судить о немъ. Юра — ребенокъ, Юра-дитя, вырастаетъ, и каждый разъ, когда приходится вновь сталкиваться съ этимъ, заново удивляешься! Временами, онъ разсуждаетъ, правда, несправедливо, но разсуждаетъ, и, хотя я говорю ему: „брось комедію“, я должна чувствовать, что это составляетъ часть его. А тоска?!.. Тоска, когда всѣ кажутся маленькими и ничтожными... И свое личное „я“ выступаетъ впередъ и занимаетъ все мѣсто. Ахъ, какъ стыдно субъективна я, не субъективна только, а.. есть еще другое слово, когда ты — центръ. всего: кажется временами, что только мнѣ знакома она, эта тоска.

Какое безобразіе, какъ стыдно!

И у Юры бываетъ она; правда, болѣе реальными причинами вызванная, — просто скукой отъ бездѣлья и произвольной ревностью, что папа балуетъ меня, — правда, выражающаяся по другому: онъ ищетъ людей, меня и хочетъ говорить.. А развѣ я не хочу этого и только глушу въ себѣ это чувство?! И, все-таки, эта тоска и грусть, душевное чувство...

Каждый человѣкъ, какъ взглядишься, цѣлое море съ крупными и мелкими волнами. Умѣть узнавать и цѣнить это море, — что выше?!

4 Января. Пустовато, но хорошо проходятъ каникулы. Т. е. пустовато: я читаю, пишу рефераты, но, въ общемъ, какъ-то пусто; вѣроятно, въ самочувствіи и чувствахъ. Но, въ об-

щемъ, я вполне довольна. Если-бъ только Дорогая пріѣхала! Какъ была-бы я довольна..

Мнѣ одно всегда неприятно: почему съ Ирочкой, которую я люблю крѣпко, у насъ какія-то холодныя, стѣсненныя отношенія безъ присутствія третьяго лица. Т. е. не то, что стѣсненныя, я говорю съ ней вполне свободно и даже глубже, чѣмъ съ другими, но ихъ часто не бываетъ, и тогда получается какая-то холодность, какъ-то дальше я отъ нея, чѣмъ Нина. Можетъ быть, потому что мы не живемъ вмѣстѣ, можетъ быть, потому что и я, и она, какъ-то не умѣемъ, боимся сдѣлать первый шагъ. Не знаю, но подчасъ мнѣ жаль этого и хочется, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ было болѣе глубокое чувство. И еще ужасно обидно, что съ маминяго отъѣзда я такъ далеко отъ Саши; ни разу не была съ нимъ. А знаю, что онъ любитъ, и потому то такъ неприятно. Но онъ не думаетъ, что я холодна.. Буду надѣяться, что на праздники выпадетъ общій вечерокъ.

Всегда одно и то-же, но я не могу отдѣлаться отъ этого сознанія, когда пишу. Вотъ нашла хорошія слова! Когда начинаешь писать, то своя личность ярко выдѣляется и дѣлается крупнымъ центромъ. А безъ дневника этого очень часто въ повседневной жизни нѣтъ. Особенно, когда заживешь пустой „Лютеранской“ жизнью. Господи, до чего-же она безсодержательна! Неужели всѣ такъ живутъ? Я сама измельчала на нѣкоторое время. Случается. Могу опять повторить, что мечтаю о веселомъ, красивомъ лѣтѣ. Сильно мечтаю.

Какъ-то на дняхъ, во снѣ, я унеслась въ лазурное царство. Это былъ рѣдкостный случай. Желаетъ-же его часто; такъ хочется во снѣ увидеть и пожить необыкновеннымъ. О, это было такое море!.. Мнѣ снилось, что я затаила дыханіе, широко раскрыла глаза, и смотрѣла, смотрѣла, боясь пошевелиться... Это было гдѣ-то у южныхъ береговъ Италіи. Необыкновенная водная гладь. Она была какого-то голубого, фіолетоватаго цвѣта, зеленоватая мѣстами, освѣщенная солнцемъ. Теперь я не могу описывать ее: сонъ на словахъ всегда пустъ. Но тогда море было такъ прекрасно, что даже

утромъ, по пути въ гимназію, я радовалась и сіяла душой, думая о немъ. Это была картина обѣтованнаго лазореваго царства. Это было чудно красиво.

Я писала какъ-то о красивомъ въ барствѣ, которое должно уничтожиться при социализмѣ. Сегодня я была въ кинематографѣ; картина была великолѣпно обставлена. И, любуясь на роскошныя гостиныя, прекрасныя парки, я тутъ-же представляла себѣ бѣдныя лачуги съ ихъ темной страшной жизнью. Развѣ могъ замедлиться выборъ? Ни минуты. Такъ и въ жизни...

А на дняхъ я ужасно, возмутительно поступила: на сто рублей накупила конфекты! А сколько дѣтей могли-бы прокормиться на эти деньги въ теченіе Рождества!

И думала объ этомъ, и упрекала себя, и, все-таки, купила!..

Стыдно! Можетъ быть моя вина уменьшется сознаниемъ, но, все-таки, остается скверной виной. И половины было-бы вполне достаточно даже. Но такъ безумно хотѣлось, какъ-то, броситься въ омутъ. И я бросилась, говоря себѣ: пока я, вообще, люблю бросаться въ омутъ, очертя голову, увлекаться безъ мѣры. Въ весельи — мой девизъ: „Пропaday моя телѣга, всѣ четыре колеса!..“ Такъ люблю я веселиться. Не думая...

И часто уношусь въ такомъ бѣшенномъ вихрѣ. Господи, посмотришь хладнокровно, сколько глупости и бессмыслицы, но въ эти минуты не разсуждаешь, дѣлаешь только. И весело! Люблю такое веселье. И не только въ весельи, а во всякомъ увлеченіи хочется мнѣ унести. Я порывиста. Можетъ быть, страстна.

Я раньше боялась грозы, а теперь безумно, — именно безумно, — люблю я ее. Сколько величія, сколько бѣшеннаго, гордаго и сильнаго, безпредѣльнаго простора! Я сама электризуюсь во время грозы. Въ природѣ чувствуешь мощь, бурю и что то большее, безпредѣльное. А сколько красоты въ морѣ! Спокойное-ли, бурное, лазоревое или сѣрое, оно всегда прекрасно. Въ немъ чувствуется необъятность природы...

На меня, вообще, какъ-то исключительно сильно дѣйствуетъ природа. Такъ что въ обществѣ, я боюсь прямо, что

это принимают за аффектацію, хотя это чувство самое чистое и искренное, на которое только я способна.

Во-первыхъ, дѣлается необыкновенно легко, сразу большимъ ребенкомъ становишься, и еще чувствуешь красоту, вообще, что-то неземное, не нашей жизни, тамъ, гдѣ другіе ничего не видятъ.

И вотъ получается эта, якобы, аффектація...

Вотъ живетъ и чувствуетъ дѣвочка среди другихъ. И больше ничего? Странно, когда пишешь дневникъ, далекая мысль — о себѣ среди другихъ.

Нѣтъ, право, я гораздо мельче, чѣмъ была въ Москвѣ. Но это отъ спокойной жизни. А „то“ лежитъ въ глубинѣ меня. Все-таки, много дало мнѣ это время, и я не жалѣю о немъ. Но какую пертурбацію произвело оно въ нашей жизни. Серьезно, какъ неизмѣримо далеко все, все саратовское. То было далекое дѣтство... А какъ пріятно вспомнить все. Все — мелочи, какъ будто, не имѣющія значенія, а такъ сладко погружаться въ нихъ. Увижусь-ли я со всѣми ними, съ Раей? Какъ отнесемся мы другъ къ другу?

Вообще, воспоминанія окрашиваютъ повседневную жизнь въ розовые цвѣта. Примѣръ. Это лѣто, — ну, конечно, безъ отношенія къ дѣдушкиной болѣзни, — вспоминаю я съ тихимъ удовольствіемъ. Нашъ крохотный садикъ, обѣдъ, хозяйственную возню Дорогой.

А лѣто на хуторѣ. Тоже...

Но чаще, какъ-то, удерживаются такія картины съ лѣтней обстановкой; можетъ быть, потому, что ближе къ природѣ, не такъ обычна эта жизнь. Да, даже и зимняя — въ воспоминаніяхъ — особо привлекательна. А съ какимъ наслажденіемъ вспоминаю я Кавказскія горы, въ которыхъ такъ явственно слышишь дыханіе міра и тишину. Но это — другого рода воспоминанія...

Теперь поговоримъ о людяхъ, — о моей Дорогой.

Можетъ быть, мнѣ только кажется подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ, а можетъ быть, и правда, я отношу себя къ новому, а мамочку — къ старому міру.

Мой „новый міръ“ выражается въ томъ, что въ идеаль, въ исканіяхъ, у меня порядочная доля принадлежитъ головѣ, уму, а у мамы онъ почти весь исходитъ изъ души. Дорогая любить все красивое, изящное и тянется къ нему; ей хочется интересной жизни. Это все передовыя исканія стараго времени. И, желая всего этого, она какъ-то пассивно тоскуетъ. Не то, чтобы безъ дѣйствія: мама не можетъ его проявить, но какъ-то болѣзненно.

Идеаль — красота, а такъ какъ умъ есть, то къ ней добавокъ необходима и содержательная духовная пища. Все это, собственно, новое въ старомъ, такъ какъ и имъ оно не всѣмъ присуще.

У насъ, новыхъ, значительно, кромѣ всего этого, требуется дѣятельность живая. У насъ болѣе смѣлый полетъ мысли, часто уходящій отъ ихъ понятій.

Можетъ быть, это все только воображаемое, только „права молодости,“ а, можетъ быть, я, анализируя, и страданья преувеличиваю.

Я — на переходной ступени: я частью тутъ, и частью тамъ. Такъ кажется мнѣ. И въ этой двойственности самое главное отличіе отъ прочихъ.

Да, мнѣ кажется, что во мнѣ есть многое отъ новаго времени, отъ будущихъ людей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и старое меня не оставило, отсюда и получается такая двойственность, сложность моей природы.

Не знаю, преувеличиваю-ли я, но мнѣ почти кажется, что это такъ. Да и серьезно, во мнѣ — это-то, конечно, бесспорно! — есть много, масса задатковъ современной трезвой женщины.

Во что-то вылететъ все это? ... Хочется вѣрить, что не обманетъ время.

Ну, довольно „поболтала“ сегодня.

8 Января. Праздники, а я мало пишу. Это потому, что много читаю; три книги у меня: географическая, истори-

ческая, и „такъ“ („Коринна“). Я рѣшила, что первыя двѣ читаю не для себя. Теперь жалю. Почти цѣлые дни уходятъ на чтеніе...

Сегодня я думала, что всѣ наши, т. е. папа и Юра, останутся ночевать, и хотѣла произвести опытъ, о которомъ говорила: писать пока есть матеріалъ или пока не свалишься отъ усталости. Я была увѣрена, что они не придутъ и ужасно радовалась своему плану. Но они пришли. Жаль! И то я подтасую: буду писать, пока не услышу папины шаги, а тутъ юркну въ кровать. Разъ въ жизни, — и такой маленькій разъ, — согрѣшу.

Каждый разъ, когда, — ахъ, какъ на зло, сегодня могла-бы писать безъ конца, кажется, — когда я хожу на Лютеранскую, я чувствую простоту ихъ жизни и рада, что чувствую ее, и создаю свою, хотя-бы немного содержательнѣй. И всякій почти разъ чувствую, что между мной и Иринкой стоитъ какъ-бы стѣна. Можетъ быть, со временемъ, при близкой жизни она исчезла-бы, но пока она есть. Потому-ли, что я младше; потому-ли, что большей частью съ ней не только я чувствую, но и сознаю; потому-ли, что мы, все таки, недостаточно знаемъ другъ друга?..

Хотя я вижу, въ общемъ, ее. Вѣроятно, все вмѣстѣ ушло-бы, если-бъ жили мы поближе.

Но мнѣ очень сильно хочется знать ея чувство и мнѣніе по отношенію ко мнѣ. Очень сильно хочется.

... По исторіи я читаю Лаврова: „Историческія письма.“ Читаю ихъ съ большимъ удовольствіемъ: все, что говоритъ авторъ, такъ близко мнѣ. Я только молчаливо соглашаюсь, въ общемъ, съ его мыслями о несправедливости въ обществѣ, о государственномъ устройствѣ. Съ удовольствіемъ видишь въ смѣлыхъ и свободныхъ словахъ писателя свои мысли. И еще одно сдѣлала книга Лаврова.

Я не совсѣмъ безъ причины не приступала такъ давно къ вопросу о „свободной любви.“ Я боялась послѣ Толстого, послѣ „Крейцеровой Сонаты.“ Лавровъ далъ мнѣ вновь увѣренность въ себѣ. И у него я поймала нѣсколько хорошихъ,

смѣлыхъ словъ о любви, о половомъ влеченіи. И теперь я вновь могу писать и вѣрить. Я боюсь, я не смѣю сказать, что Толстой неправъ. Но его вѣрованія не для новой энергичной и дѣятельной жизни ума... Но, можетъ быть, вся жизнь — это ложь, а правда только въ томъ, что говоритъ великій старецъ. Вотъ изъ за этихъ-то сомнѣній не надо было еще читать мнѣ „Сонаты.“ Пусть-бы вѣрила я!..

... А вдругъ-бы пріѣхала Дорогая? Нѣтъ, этого не можетъ быть и, сознавая это, я все-таки уношусь иногда въ мечтахъ. И почему мнѣ не мечтать?.. Въ мечтахъ такъ хорошо и свѣтло...

9 Января. Не ложна-ли вся эта жизнь, построенная больше на голосѣ разсудка? И не единственный-ли свѣтъ — ученіе Толстого? Я не смѣю говорить, что знаю его, но, хотя-бы то, что высказано въ „Крейцеровой Сонатѣ.“ Идеалы Толстого — выше и строже „нашихъ,“ они больше. И для нихъ надо быть большимъ, какъ Толстой. Для меня они слишкомъ большіе. Они давятъ меня. Давятъ своей величественностью. Я не могу подняться до нихъ. Можетъ быть, я не могу согласиться съ писателемъ, но не могу и не чувствовать ихъ страшной для меня высоты.

Нѣтъ! они не для меня. Пока, можетъ быть. Ихъ надо прочувствовать, продумать, и было-бы странно, если-бы они пришли мнѣ по мѣркѣ.

Только потомъ, пройдя жизнь, можно вникнуть въ нихъ, а для насъ въ нихъ слишкомъ много отвлеченности, суровости.

Нѣтъ, мы можемъ жить только нашей жизнью: смѣлой, новой, построенной на разумѣ. И лишь съ благоговѣніемъ можемъ мы смотрѣть снизу на недостижимые идеалы. Уважать ихъ, какъ уважаютъ релігіозный энтузіазмъ и горячую вѣру. Мы не понимаемъ ихъ, но осуждать не смѣемъ. Они не для насъ, мы не для нихъ, а жизнь надо строить. Строить согласно съ тѣмъ мощнымъ голосомъ, который раздается въ насъ.

Онъ тоже не лишень справедливости. Онъ зоветъ къ новой жизни, онъ ведетъ по дорогѣ прогресса. И вѣрованія Толстого мы уважаемъ лишь, какъ вѣрованія. Можетъ быть, при строгомъ критическомъ взглядѣ, ихъ даже осудятъ. Но это не мое дѣло. Я знаю слишкомъ мало, я ничего не знаю, чтобы смѣть осудять.

... Эхъ!.. Вотъ пишу я, разсуждаю, думаю, а кругомъ такъ пусто... Мысли заполняютъ жизнь, но не могутъ оживить ее. Почему-же пусто? Потому что ничто не связываетъ, я одна. Пусто. Именно пустоту ощущаешь... Мамочка! А впрочемъ лучше не думать: что пользы самой себѣ растревать раны. Будемъ думать, читать и опять читать...

... Естественно-ли половое влеченіе, или оно должно уничтожиться? Вопросъ преинтересный для изученія... Что такое половое влеченіе?.. Знаю, что большинство, если не всѣ, скажетъ: естественно! Толстой останется одинъ. Но для меня это вовсе не значить, что онъ неправъ.

Я вижу жизнь безъ половой любви. Не знаю, можетъ-ли она существовать? Не знаю, кто правъ. Хочется мнѣ, конечно, склониться на сторону положительную: она проще и понятнѣе, но, не зная, гдѣ правда, я не смѣю говорить. Только хочу думать, что она здѣсь.

Чувство есть. И въ настоящемъ оно вылило въ уродливыя, несправедливыя формы. Ихъ надо обновить. Вотъ, что чувствую я.

Любовь — чувство; и, какъ всякое чувство, она не можетъ быть вполнѣ подчинена разуму. У нея есть свои права, которыхъ люди не хотятъ признавать. Говорятъ о вѣчной любви, налагаютъ цѣпи на любовь. Вѣроятно, вѣчная любовь есть, но ея можетъ и не быть. Она можетъ быть переходящей, и все-же страстной и искренней...

Бѣлинскій сказалъ, что не достоинство—любить разъ, и не грѣхъ—любить много разъ. Почему-же люди не хотятъ считаться съ очевидностью? Любви надо дать возможность развиваться свободно; по одному только чувству, безъ принужденія. Уже много сдѣлано исторіей въ этомъ направленіи. Изъ

безвольнаго, принудительнаго, бракъ обратился, какъ-бы, въ добровольный союзъ.

Но дальше, свобода любви остановилась на полдорогѣ. Бракъ заключается по желанію, но дальше для любви преграды.

Разводъ — формальность; число браковъ ограничено, кажется; видъ этихъ формъ любовь преслѣдуется всеильнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Для чувства, свободнаго чувства, люди хотять создать законы изъ мертвыхъ словъ и правилъ...

У насъ живетъ горничная. Ужъ много, много лѣтъ она „въ связи“ съ однимъ приличнымъ служащимъ. Живутъ прекрасно. Съ любовью, главное. И эта любовь, которую знаешь свободной, зависящей только отъ воли ихъ, трогаетъ больше, чѣмъ любовь супруговъ. Они любятъ другъ друга, а, между тѣмъ, они не были ни въ церкви, ни тамъ, гдѣ записывается гражданскій бракъ. Они счастливы. Вотъ моя мысль!

Но вотъ я пишу, и новый вопросъ становится передо мной. Что собственно осуждаемъ мы въ бракъ? Не любовь другого лица, а ту ложь, которой окутывается эта любовь. Такъ эта ложь также сумѣетъ быть и въ болѣе свободной любви. Что мѣшаетъ нашей Фенѣ обманывать своего Павла?

И все-же, несмотря на это, въ болѣе свободныхъ и культурныхъ формахъ любви возможность этой лжи меньше, такъ какъ фактъ разставанія съ бывшимъ любимымъ человѣкомъ сильно упрощается.

Женщинѣ легче сказать: „я не люблю тебя,“ чѣмъ начать сложное дѣло развода, который можетъ и не осуществиться, какъ у Р. съ ея мужемъ.

Итакъ, при сожительствѣ, искренняя любовь можетъ развиваться такъ-же, какъ и въ бракъ, при отсутствіи-же любви сложность факта разставанія упрощается насколько возможно.

Въ принципѣ, я противъ брака, считая его только путями любви, какъ свободнаго и не зависящаго отъ человѣка чувства.

Но, при отрицаніи этого общепринятаго института, встрѣчается такъ много новаго. И въ наше время сдѣлано много

для упрощенія — брака. Гражданскій бракъ наиболѣ совершенная форма его. Съ ней даже можно примириться, пожалуй. Собственно, какая разница между отсутствіемъ брака и гражданской формой его?

Переменная фамилія, переменна нѣкоторыхъ правъ юридическихъ. Полное отсутствіе брака есть только дальнѣйшій шагъ въ этомъ-же направленіи. Гражданскій бракъ только юридическое освященіе извѣстнаго договора между людьми.

Ну что-же? На судьбу дѣтей такой „свободный“ бракъ не вліяетъ. Они воспитываются, какъ и раньше.

Вотъ, если у нихъ мѣняется одинъ изъ родителей и мѣняется не одинъ разъ. Они могутъ оставаться у настоящаго или воспитываться въ извѣстномъ духѣ. Ни безнравственнѣе, ни глупѣе они отъ этого не стануть, и только свободное чувство сумѣетъ свободно развиваться.

Мнѣ кажется, все это такъ. Не хотѣлось-бы заблуждаться. И, если эта вѣра останется вѣрой, я не задумаюсь провести ее въ жизни.

А гражданскій бракъ мнѣ кажется болѣе или менѣе приемлемымъ.

О дѣтяхъ я еще подумаю... А что, все-таки, скажете время?..

11 Января. Нѣтъ у меня жгучихъ вопросовъ, не измелъчала-ли я? Впрочемъ, что вы хотите: нормальная, монотонная жизнь. Нѣтъ, я — я, и всегда буду собою.

... Я думала о бракѣ. Дѣло вовсе не такъ просто. Ложь теперешняя останется, можетъ остаться и тогда. Она субъективна. Установленіе брака было только средствомъ удалить эту ложь.

Но средство сдѣлалось фикціей, слѣдовательно, оно не годится; надо искать другого. Современность предложила гражданскій бракъ. Онъ не устраняетъ лжи, но значительно

упрощаетъ дѣло. Гражданскій бракъ — юридическая форма моего „не брака.“

Но къ чему и онъ? Что не полезно, то вредно. Вотъ что значить „умныя“ книжки читать!

Я не знаю, мнѣ кажется, и его можно устранить. Прибавимъ тогда къ полученному высшую культуру, — и искренность, мнѣ кажется, достигнута. Т. е. условія ея, такъ какъ она, еще разъ скажу, субъективна.

Правда, что такое бракъ? Вѣдь, только формальность. Для искреннихъ людей и безъ нея будетъ существовать чистая любовь; для грязныхъ, — и при бракѣ ея нѣтъ.

Бракъ стремится удалить безнравственность, а я думаю, онъ ничего не дѣлаетъ въ этой области. Неужели съ его отпаденіемъ безнравственность должна увеличиться? Не думаю. Мнѣ кажется, это будетъ шагъ впередъ, по пути прогресса.

Но это не такъ просто, потому что порываетъ со старыми традиціями.

Я хотѣла-бы вѣрить въ это и потомъ, чтобы была возможность испытать себя. Какъ-же я представляю себѣ дѣло? Какъ происходитъ гражданскій бракъ? Полюбили. Идутъ и записываются. Вотъ и все. Ну, а тутъ и записываться не надо. Хотятъ, — продолжаютъ жить отдѣльно, хотятъ, — живутъ вмѣстѣ.

Что скрѣпляетъ, обрядъ или чувство? Нѣтъ, право-же, бракъ — это предразсудокъ, традиція...

Ха-ха! Какъ-же „онъ“ говорить „ей.“ Говорить его чувство. Мало-ли чего „чувствительнаго“ напелести можно. — „Я васъ люблю глубоко и горячо, построимъ нашу жизнь вмѣстѣ и рука объ руку пойдемъ къ высокому, яркому идеалу правды и справедливости...“ Что нибудь, въ этомъ духѣ... Конечно, эти слова звучать глупо, но, вѣдь, все, что говорить влюбленные, имѣетъ смыслъ только для нихъ двоихъ...

А сколько красоты въ любви! Она прекрасна. Я читала случайно Сашино письмо, объ Ирочкѣ-невѣстѣ, къ бабушкѣ. И съ какимъ наслажденіемъ, умиленіемъ читала я о тѣхъ чувствахъ, которыя волновали его. Несчастливъ, бѣденъ чело-

вѣкъ, не испытавшій любви!.. Какъ должна быть хороша она...

У меня чудесное настроеніе стало. И вовсе не отъ мыслей о любви. Нѣтъ.

Я представляла себѣ, что на Новый Годъ участвую у Саши въ кинематографѣ и играю съ успѣхомъ, т. е. хорошо; успѣхъ, какъ слѣдствіе. Какъ-то разъ мы баловались съ Ниной, и Ира говорила, что у меня выходитъ хорошо. Мнѣ и самой кажется, что это такъ. Это, конечно, пустая фантазія, но, при представленіи о ней, „всѣ чувства разыграли во мнѣ...“

Просматривала дневникъ. Право, презанятно. Жаль, очень жаль, что тѣ мои тетрадки въ Москвѣ остались. Пропадутъ. Жалко! Были-бы хорошимъ воспоминаніемъ о саратовской жизни, т. е. о дѣтствѣ: большая разница между мной тогда и теперь. Слава Богу, что я расту, а не стою на мѣстѣ...

... Возвращаю къ браку. Онъ стремится устранить безнравственность, т. е. чувственную, животную любовь. Но онъ ничего не достигаетъ. Безъ брака будетъ только больше искренности въ чувствѣ. Разлюбили, — ушли, сошлись каждый съ другимъ. Не въ этомъ безнравственность. Она можетъ быть только въ продажѣ любви, въ проститутизмѣ. Безъ брака любовь, въ общемъ, чище не станетъ. Но не станетъ она и грязнѣе. Слѣдовательно, регрессивнаго — ничего, прогрессивнаго — искренность чувствъ. Скажутъ: тогда каждый день будутъ мѣнять возлюбленныхъ... Искренняя любовь останется искреннею... Одинъ мелкій, не принципиальный, вопросъ остается: о фамиліи. Собственно, перемѣна фамиліи и составляетъ, кажется, весь гражданскій бракъ. Мнѣ и самой кажется страннымъ, что у супруговъ будутъ разныя фамиліи. Но не есть-ли это вопросъ привычки? Отъ разныхъ фамилій дѣло по существу измѣниться не можетъ...

Я немного писала сегодня и односторонне. Но я все время почти отрывалась и витала въ какихъ-то мечтахъ. Думала и о своей такой жизни, „новой,“ т. е. не думала, а рисовала ее. И отъ всѣхъ этихъ образовъ, мечтаній, остается на душѣ какой-то сладкій отпечатокъ. Буду мечтать еще въ кровати.

О чемъ-же я, все-таки, мечтала? Право, не знаю. Но, кажется, вопросъ о бракѣ рѣшенъ, принципиально, окончательно.

Не знаю еще, нуженъ-ли гражданскій бракъ, какъ формальность, обществу, государству, а не только укоренившемуся „общественному мнѣнію“...

Впрочемъ, я думаю, что нѣтъ, что и гражданскій бракъ — „буржуазный предрасудокъ“, хотя значительно шагнувшій впередъ отъ брака-обряда. Да, да, всякій бракъ — ложень, фиктивень, одна форма. Не надо его.

Многіе думаютъ, что я — только „наука и книги.“ Какъ мало они меня знаютъ. Ужасное заблужденіе: это только частица меня.

Въ общемъ, я почти цѣлыми днями читаю. Это хорошо, потому что другого стоющаго нѣтъ: людей нѣтъ, „Лютеранская“ пустота хороша изрѣдка...

... А вдругъ мама?!

14 Января Не писала, не читала. Пошла къ Нинѣ, долго пораздумавъ раньше объ этомъ. Превесело провела вечеръ, осталась ночевать, утромъ съ Иринкой и Ниной пошли за покупками къ встрѣчѣ Новаго Года. Къ вечеру пошла въ „гости“, встрѣчать Новый Годъ къ СашИрѣ.

Были чужіе. Мы держались немного у стѣнки, но смотрѣть было превесело и презанятно.

... Съѣла за дневникъ, о которомъ думала еще со вчерашняго дня, послѣ гостей. Хотѣлось поговорить о гостяхъ Сашиныхъ, вообще, поболтать о томъ, на какія мысли они навели меня.

Я „чувствовала“ Новый Годъ въ былыя времена, тогда, когда мечтала встрѣчать его. Вчера я не чувствовала Новаго Года; думала, даже, пойти въ одиннадцать часовъ заниматься и снова начать свою „строгую“ жизнь. Думала долго. Потому рѣшила остаться, составила программу дня, начавшуюся съ

общаго гулянья. И создала себѣ праздникъ. На душѣ стало почему-то легко и весело. Не было Новаго Года, но былъ праздникъ. Но, именно, потому что сегодняшнее я устраиваю себѣ изрядка, оно имѣетъ для меня свою прелесть. До конца каникулъ этого больше не будетъ. Сегодня послѣдній день. Еще одно хочется помѣтить. Я, можетъ быть, даже слишкомъ долго думаю надъ пустяками, стараюсь дать себѣ твердое рѣшеніе, ясно опредѣлить слѣдствія, и тогда только рѣшаюсь на что-нибудь.

Но, если я много думала „до,“ то „послѣ“ я не перерѣшаю, большей частью; по крайней мѣрѣ, стараюсь... А главное, стараюсь не жалѣть о совершенномъ, и это, могу съ радостью сказать, почти всегда удается мнѣ, потому что я такъ рѣшила, отдалась этому, пошла на это.

Это стремленіе создать себѣ заранее программу, несмотря на свою смѣшную сторону, въ мелочахъ, скорѣе нравится мнѣ, чѣмъ нѣтъ. Даже день я, какъ-то невольно, по программѣ всегда распределяю себѣ...

... Когда наблюдаешь за людьми, не встрѣчавшимися до сихъ поръ съ тобою, сколько интереснаго можно увидеть. Конечно, когда это все чужіе, а я въ сторонѣ, какъ у Саши. Каждый человѣкъ пріобрѣтаетъ особую окраску. Сколько интереснаго! Совершенно иной, внутренней міръ открывается. Безразлично-ли какіе люди? Почти. Потому что, какой-бы ни былъ пустой человѣкъ, у него есть своя внутренняя физиономія.

Думаю, что въ „свѣтскомъ“ обществѣ наблюденія, все-же, были-бы неинтересны. Плохой показатель для него. Слѣдовательно, оно очень пусто, исключительно „свѣтское,“ а кто знаетъ, что можетъ быть пустѣе „свѣта.“ Пустѣе и скучнѣе. Смотришь на общество. Одно притворство. И чувствуешь это. И они не могутъ не чувствовать, а все-таки продолжаютъ притворяться другъ передъ другомъ. И такое пустое притворство.

И сама, попадая въ общество, часто попадаешь подъ общій тонъ, и отъ тебя также остается только какая-то глу-

пая, свѣтская маска съ ложью и притворствомъ. О, только-бы не погрязнуть въ немъ, не имѣть къ нему никакого отношенія. У меня будетъ свой интересный и содержательный кружокъ.

У Саши-же были интересные люди. Вдобавокъ, славные. Т. е., собственно, исключительно интересная — одна, С. Л-на, фамиліи не знаю. Но всѣхъ интересно наблюдать было.

Передъ тѣмъ, какъ пойти къ Сашѣ, говорили о С. Л-нѣ. Говорили разное: „Неестественная, холодная,“ опредѣлили Ильюша и Анюта. — „Чувствуется что-то, можетъ быть, умъ и глубина, но нѣтъ изюминки, души,“ сказалъ дядя Володя. — „Интересная, умная, докторъ,“ изрекъ дядя Исаакъ. Все это возбудило мое вниманіе. Ахъ да, забыла. „Хорошенькая,“ — сошлись всѣ.

С. Л-на средняго роста. Ни худая, ни полная. Красивая. Немного капризные черты лица: кругловатые глаза, брови, носъ правильной формы, но крупный, однако не острый. Темная брюнетка. Румяна отъ возбужденія. Ей лѣтъ тридцать, но выгладить она моложе. До сихъ поръ не замужемъ. Но мнѣ кажется, что замужество — не для нея.

Она красива, безспорно. И, безспорно, содержательна, умна. Отъ различныхъ глупостей и шутокъ подвыпившей компаніи она вдругъ переходила къ трезвымъ и вела разговоръ совсѣмъ другого рода, съ легкимъ чувствомъ снисхожденія къ пьяненькимъ. Она знаетъ, что красива и интересна. Она привыкла къ успѣху. И стоитъ выше обычныхъ свѣтскихъ дамъ только благодаря своему уму. Дальше, ея жизнь я себѣ не рисую, — слишкомъ мало знаю ее для того.

Все время въ разговорѣ С. Л-ны чувствуется подкладка, и это дѣлаетъ ее интересной. Очень! Но я думаю, что у нея нѣтъ „изюминки.“ Будучи умной, чѣмъ-же живетъ она? Н-ну, рѣшительно не знаю. Но она все время была неестественна. Она опредѣленно завела себя. Это чувствовалось, и, все, таки, она привлекала къ себѣ, именно, тѣмъ, что подъ всѣмъ чувствовалась подкладка. Она заинтересовала меня, и она, дѣйствительно, не знаю какой, но — интересный человекъ.

Были и многіе другіе. Барышня одна, славная, потому что „человѣчная“ юристъ; и одѣта была сильно „человѣчно“, и все-же, какъ и всѣ, веселилась пусто и . . . весело . . .

И, именно, этимъ было хорошо у Саши, что не было натягутаго свѣтскаго приличія, а было слегка безшабашное веселье. Много глумили, много смѣялись и всѣ веселились. Пили конечно. Флиртовали . . .

Я ушла и долго не спала, думала, о чемъ? О томъ общемъ впечатлѣніи чего-то новаго, разнороднаго, которое оставили во мнѣ эти люди. И такъ чудна эта бездна новыхъ впечатлѣній. Изъ за нихъ я люблю встрѣчи съ новыми людьми.

Вотъ, въ путешествіе, частью, входитъ этотъ интересъ.

А еще природа, народъ, искусства, переживанія и воспоминанія на мѣстѣ историческихъ событій. О, сколько, сколько! Поѣду обязательно. И хочу объѣхать весь свѣтъ. Пусть уйдутъ на изученіе этого годы. Но какіе чудные годы . . .

И, все-таки, по временамъ, среди такой жизни у свободного, трезваго, но одинокаго человѣка должно зашемить на душѣ; по временамъ имъ овладѣваетъ безпричинная тоска. Но любовь — удѣлъ избранныхъ. Побороть себя въ эту минуту, и снова все хорошо. Пусть „знаніе можетъ дать спокойствіе, но не счастье“, все-таки, большую часть времени дается иллюзія, что это — счастье.

На вечерѣ я держалась у стѣнки, очень даже. Правда, не могло быть по другому: были чужіе, взрослые. Но другая, „просвѣщенная“, на моемъ мѣстѣ была-бы куда развязнѣе. Правда, на то я и не просвѣщенная, но все-же эта робость . . . того . . .

Право, я сильно теряюсь, и меня только утѣшаетъ то, что въ своемъ обществѣ я была-бы и буду развязнѣе. Но мое „я“ такъ не важно, сравнительно, что и заниматься имъ, грызть себя за эту робость, особенно, не хочется: сущность такъ не важна . . .

. . . Насъ нѣсколько дѣвочекъ въ классѣ задумали писать романъ. И что-же? Это оказалось труднѣе сдѣлать, чѣмъ мы предполагали. Раньше, когда мы совершенно не соображали,

что обнимаетъ собою романъ, это было легко, но теперь когда мы приблизительно знаемъ, что романъ обнимаетъ собою жизнь, которую надо много наблюдать, которую надо продумать, дѣло оказалось сложнѣе. Вообще, и въ частности — для меня! Я не могу обнять писательскимъ окомъ всю среду, въ которой должно происходить дѣйствіе. Я ее слишкомъ мало знаю.

У меня есть отдѣльныя наблюденія людей, сценъ, но не больше. Я не знаю жизни, а измышлять, теперь уже, не могу. И потому, мнѣ странно какъ-то говорить объ одной какой-нибудь личности, т. е. перейти къ ней, начать съ нея, выдѣлить ее изъ общей среды.

Кромѣ этого, болѣе вышнія затрудненія: не могу рѣшить фона, дѣйствій и среды для своихъ типовъ-героевъ.

Съ одной стороны, это, конечно, неприятно, а, съ другой, меня радуетъ, что я могу понять, что нужно для романа, чувствую недостаточную подготовленность къ нему.

Наблюдать я умѣю; вчера вечеромъ мнѣ казалось даже, что нить, матеріаль романа есть, но сегодня я чувствую, что для него надо много подумать. И мнѣ, почему-то, кажется, что будетъ время, когда я сумѣю писать. Господи, когда я и теперь думаю о томъ, что изъ подъ пера моего выйдутъ созданные мною люди, поступки, картины природы, окружающая жизнь, — меня охватываетъ сладкое какое-то... у меня духъ захватываетъ отъ восторга тихаго и умиленія...

У меня уже раньше была мысль написать теперь рассказъ и отдать въ редакцію какого-нибудь журнала. У меня и теперь мелькаетъ эта мысль, и, можетъ быть, я приведу ее въ исполненіе.

Тема — „воспоминанія стараго дома,“ — картинка того, что видѣлъ „нѣкогда“ губернаторскій домъ. Навѣялась она сегодня, когда мы проходили мимо. Какое нескончаемое наслажденіе — творить, создавать изъ ничего жизнь и красоту!.. О, если-бы быть въ силахъ... А я попробую: рискъ — благородное дѣло.

Серьезно, ужасно люблю, — хоть знаю, что это нехорошо, недостаточно скромно, — люблю знать мнѣніе другихъ о себѣ. Особенно, конечно, пріятно, когда чужое мнѣніе подтверждаетъ то, что ты хочешь и на что надѣешься. Чувствуешь приливъ силъ и вѣры въ себя. Вдобавокъ, если слышишь это отъ людей, къ которымъ неравнодушна. А я уже давно не слыхала, — хочется.

Только сегодня, — собственно, это и навело меня на такія мысли, — я слыхала, какъ Маруся отозвалась обо мнѣ: „хорошая,“ а Рая: „умная, но немного непріятная, что-ли...“ Отзывъ горничной мнѣ въ высшей степени пріятенъ и дорогъ: я рада, что мое поведеніе соотвѣтствуетъ моимъ убѣжденіямъ. А кому не пріятно быть признаннымъ умнымъ? Я прекрасно знаю и то, что хотѣла сказать Рая „непріятной“: я, правда, подчасъ значительно рѣзка съ ней.

О, мое будущее! Сегодня, больше немного, думается о немъ. Если я достигну положенія свободной, самостоятельной, умной и развитой женщины-человѣка, я тоже буду удовлетворена... Но, если это будетъ иначе? О, пусть оно будетъ, какъ я хочу...

...Завтра вечеромъ увижу „Псишу“...

23 Января. Пріѣхала мама. Неожиданно совершенно. Радость сумасшедшая! Жаль мнѣ, что разминудась съ папой. Больше ничего не напишу сегодня.

26 Января. Лишь три дня прошло, а сколько измѣнилось. Жизнь совершенно иной стала. Опять большая историческая жизнь врывается въ нашу и разбиваетъ ее, измѣняетъ по своему произволу. То-же чувство объятія общаго, осязанія его, какъ тогда, въ Москвѣ, охватываетъ минутами меня. Большевики подъ городомъ. Буржуазная интеллигенція въ па-

ническомъ страхѣ бѣжить. Всѣ устремляются въ Одессу, въ Крымъ.... Пройхать за-границу, пока, никакъ не возможно. Всѣ наши уже уѣхали. Вчера прѣѣхалъ папа. Что дѣлать,—ни онъ, ни мама твердо не знаютъ: въ Кіевѣ мы—обыватели. Не остаться-ли намъ? Не пережить-ли въ Кіевѣ это смутное время? Словомъ, не трогаться намъ съ мѣста, какъ дѣлаетъ, въ общемъ, вся обывательская масса. А, съ другой стороны, насколько времени это царство Совдеповъ, эта оторванность, и развѣ мы не знаемъ, что за ужасы и что за жизнь приносятъ они съ собой. Вотъ, въ такой нерѣшительности и проходитъ время. Въ концѣ концовъ, думается, будутъ мѣста въ поѣздѣ и возможность,—мы поѣдемъ, ну, а если нѣтъ?.. Самъ Богъ велѣлъ въ такомъ случаѣ остаться.

Съ маминаго прѣѣзда у меня больше нормальной жизни.

Всѣ эти три дня прошли въ безпрестанныхъ измѣненіяхъ и, въ общемъ, въ неизвѣстности, которая и теперь еще продолжается. Съ минуты на минуту придетъ папа и скажетъ окончательное—„да или нѣтъ“. Все лучше этой томительной неизвѣстности.

Вотъ, теперь, когда общая жизнь вновь непосредственно задѣваетъ тебя, чувствуешь, какое ужасное время переживаемъ мы. Можетъ быть, чувствуешь даже со слишкомъ яркимъ, лично-лирическимъ отгѣнкомъ...

Видишь безпросвѣтную тьму, отъ которой нѣтъ спасенія.

Ну, хорошо, Крым! Лѣто пройдетъ; надо будетъ что-нибудь дальше дѣлать. Но что? Всюду беспорядокъ и анархія. И надо мириться съ этимъ, надо жить среди нихъ. Время идетъ. Годы проходятъ. Но чтó будетъ дальше?

Все также льется кровь и гибнутъ люди... Неужели, можетъ наступить время, когда всего этого не будетъ, когда жизнь вновь будетъ нормальной? И неужели тамъ, въ другихъ странахъ, Франціи, Англии, она течетъ спокойно, люди не живутъ на вулканѣ? Когда думаешь такъ, то онѣ представляются раемъ обѣтованнымъ, и хочется попасть туда.

Ну, что же? Поѣдемъ мы сейчасъ въ Одессу и, если откроется сообщеніе и будетъ матеріальная возможность, мы поѣдемъ.

Я явственно представляю себѣ, какъ постепенно удаляется русскій берегъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вся теперешняя жизнь... Начинается что-то новое. Совершенно новое. Это — другая жизнь. Жизнь на много лѣтъ, въ новой обстановкѣ. Да, это было-бы что-то совсѣмъ новое.

И, потому, что это совершенно порвало-бы со старой жизнью, въ глубинѣ души мнѣ горько и больно. Я ясно представляю себѣ это чувство.

Но я ничего не знаю. Можетъ быть, мы поѣдемъ. Хорошо хоть, что уже къ вечеру-то навѣрное, должно выясниться. Что-то будетъ?.. Что будетъ?..

III.

КИЕВЪ — ПАРИЖЪ

ФЕВРАЛЬ 1919 — ФЕВРАЛЬ 1920

Кіевъ, 24 февраля. Сколько времени я не писала! Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ. Не знаю, успѣю-ли я высказать все сегодня, — не думаю. Право, даже не знаю, съ чего и начать мнѣ.

За это время мы такъ почувствовали большевиковъ, что теперь только одна мысль, одна мечта: уѣхать, выбраться отъ нихъ. Это самое насущное, самое близкое теперь, и объ этомъ меня больше всего тянетъ поговорить.

Кажется, что представляется возможность: въ какомъ-то санитарномъ международномъ поѣздѣ до Одессы, съ ручательствомъ, а оттуда, если удастся сговориться съ французскими властями, до Константинополя.

Господи, а изъ Константинополя открыта дорога. Какое счастье, какая волшебная мечта: уѣхать во Францію, жить тамъ спокойно и хорошо... Зажить совершенно новой, свѣтлой жизнью...

Вѣдь, это-же счастье!..

Что-то легкое, чудное поднимается во мнѣ, когда я думаю, что эта прекрасная жизнь — не мечта, не фантазія, а близко осуществимая дѣйствительность: послѣзавтра дають окончательный отвѣтъ, а, по сегодняшнему судя, онъ, кажется, будетъ удовлетворительнымъ. Я не живу до среды. Стараюсь какъ-нибудь убить время. Какъ-то чуеться, что будетъ да...

Далекій волшебный міръ... Какъ далеко онъ отъ насъ, здѣсь жувающихъ, и какъ кажется прекрасенъ. Я представляю себѣ, что та жизнь, въ Парижѣ, во Франціи, что-то совершенно новое и чудесное...

А, развѣ, оно не такъ! Мы такъ устали отъ вѣчной смуты и тревоги, что спокойствіе само по себѣ манитъ и влечетъ. И, вдругъ, всѣ эти слова обратятся въ дѣйствительность. Скорѣй-бы послѣзавтра...

Не вѣрится, что, если не этимъ-же самымъ фокусомъ, то изъ Одессы нѣтъ рѣшительно никакой возможности выбраться.

Какой далекой остается теперешняя жизнь...

Я переживаю то, что должна буду переживать, отплывая отъ русскаго берега. И больно, и горько быть должно. Но радость спокойной, новой, интересной жизни такъ велика! А въ глубинѣ души больно. Порывается связь со всѣмъ роднымъ, привычнымъ...

Пройдутъ годы... Я — молодая дѣвушка. Образование, можетъ быть, лишь среднее, окончено. Въ Россіи немного успокоилось, а, можетъ быть, совершенно... Я возвращаюсь. Какъ все кажется милымъ... Какой, совершенно другой будетъ моя жизнь, если этотъ переездъ совершится. Я мечтаю о немъ, какъ о счастьи. И вдругъ... А о „нѣтъ“ и думать не хочется.

Такъ я мечтаю и желаю. А историческія событія бѣгутъ своимъ чередомъ... И, пока мы счастливо и беззаботно будемъ жить во Франціи, исторія Россіи будетъ бѣжать своей дорогой. По прежнему будутъ умирать и гибнуть люди, общественная жизнь — подвергаться вулканическимъ измѣненіямъ. А мы малодушно бѣжимъ отъ нея!.. Но это — естественное стремленіе человѣка: своя рубашка къ тѣлу ближе...

А вдругъ, весь міръ загорится пожаромъ, и некуда будетъ спасаться? Пришлось-бы тогда такъ и жить, не пользуясь благами жизни и трепеща за себя. Но я не представляю себѣ этого. Пока, тамъ все-таки спокойно и можно найти пріютъ. Ахъ, если-бы только!..

Бѣдная, бѣдная Россія! Что будетъ?.. Только на своихъ глазахъ переживая историческія событія, научаешься сознать большую историческую жизнь. Вотъ, я вижу ее. Въ Россіи готовится что-то новое, но, когда оно наступитъ,

— вопросъ далекаго будущаго. Долго будетъ еще продолжаться здѣсь пожаръ...

А, живя тамъ, въ спокойствіи, послѣ того, какъ вблизи почувствовали все это, еще больше сознаешь перспективу исторіи...

Но, все-же, нѣтъ! Я хочу принять и приму участіе въ политической жизни Россіи. Для нашего народа надо безконечно много сдѣлать, и я вложу въ это дѣло свою лепту. Дѣлу народнаго образованія хочу я посвятить свои силы, если только онѣ окажутся у меня...

3 Марта. Опять я долго не писала, но теперь это кончено. Баста! Съ сегодняшняго дня я вновь начала вести осмысленную жизнь, съ занятіями, планообразнымъ чтеніемъ, дневникомъ и „вообще“, какъ говоритъ Леля Радичъ, моя подруга.

А по сегодняшній день такъ валандалась, непростительно безалаберно проводя время...

Нашъ отъѣздъ... пока неопредѣленъ; кажется, что долженъ разрѣшиться недѣли въ двѣ. Боюсь и думать что-либо о немъ.

Но, неужели, такая жизнь (частная) будетъ продолжаться долго? Мѣсяцы, годы?..

Что-то, что-то будетъ?!

... Наши уѣхали. Всю недѣлю до ихъ отъѣзда, говорили, что, не сегодня-завтра, большевики войдутъ въ городъ, настроеніе было нервное, повышенное...

Результатомъ долгихъ разговоровъ съ мамой было высказанное папой опредѣленное желаніе, чтобы мы выѣхали вслѣдъ за нимъ и, все-таки, продолжаютъ нерѣшительность и колебаніе мамы. Ей не хотѣлось уѣхать наспѣхъ, опять лишиться семейной жизни, къ которой она только что вернулась. Въ глубинѣ души, мамѣ больше хотѣлось остаться, —

она не представляла себѣ всего ужаса жизни въ Большевиизм оторванности отъ своихъ.

Хочу оговориться, что моимъ заповѣднымъ желаніемъ было — вѣхать, несмотря на нѣкоторыя возраженія холоднаго разсудка.

Въ первые дни, по отъѣздѣ нашихъ, опредѣленно говорили, что большевиковъ, вообще, не будетъ. Мы поздравляли себя съ трезвымъ рѣшеніемъ. Но это спокойствіе было не долговѣчнымъ: начались настоящая паника и ужась предъ близкими побѣдителями. На этотъ разъ и мы чувствовали его. Но было поздно! Поѣзда не шли. Мы остались... И тогда мама почувствовала глубокое раскаяніе. Минутами и я, въ душѣ, упрекала ее...

Начались реквизиціи, обыски и грабежи подъ флагомъ большевиизма.

Въ огромномъ пятомъ номерѣ, на шумномъ Крещатикѣ, было какъ-то нервно и возбужденно...

Одни въ большой квартирѣ... Мама нервничала и не спала.

Въ это время Сашина квартира пустовала, и ее могли взять подъ постой. Было жалко, чтобы молодое, только что устроенное гнѣздышко погибло. А у нихъ такъ спокойно и уютно. Нельзя сравнить съ оставшимися мрачными комнатами дѣдушкиной квартиры. Поднялся вопросъ о нашемъ переездѣ туда. Я усиленно склоняла маму на положительное рѣшеніе, да и ей самой опротивѣла жизнь на Крещатикѣ.

Однимъ вечеромъ, мы долго сидѣли вдвоемъ, и я всѣми силами своего краснорѣчія, — если не громко будетъ сказано, — доказывала хорошія стороны нашего переезда. На слѣдующій день должна была начаться ненавистная мнѣ упаковка необходимѣйшихъ вещей. А утромъ... Мы лежали въ кроватяхъ и предавались семейному кейфу, какъ вдругъ раздался звонокъ. Было часовъ восемь. Изъ передней донеслись громкіе голоса. Какъ встрепанные, вскочили мы. Мама поспѣшно начала выбирать спрятанные деньги, мы — наспѣхъ одѣваться.

Феня пришла и объяснила, что какіе-то военные просили пустить ихъ, какъ большевиковъ, въ квартиру дѣдушки, гдѣ они хотѣли позавтракать. Она спокойно отвѣчала имъ, что дома никого нѣтъ, мужъ пошелъ за хлѣбомъ, а придетъ и выпуститъ ихъ. Пришельцы, какъ будто, удовлетворились этимъ отвѣтомъ и сказали, что будутъ ждать...

Но этого было достаточно. Мы спѣшно одѣвались. Мама нервничала, воливалась и, пожалуй, видѣла больше, чѣмъ было... Уже слишкомъ напуганы были обыватели большевиками, бандитами и т. д. Минуты этого поспѣшнаго одѣванія, чтобы чернымъ ходомъ удрать въ другую квартиру, были скверными минутами.

Вспоминалось все слышанное о нападеніяхъ, недавній случай у насъ-же въ домѣ, когда среди бѣла дня ограбили квартирантовъ, предварительно связавъ ихъ.

Пять, много десять, минутъ и мы — въ дворовой квартирѣ одного изъ служащихъ.

Мама еле переводила духъ, отъ волненія и сердцебіенія. Она слишкомъ волновалась, и волновалась по-женски... Волновалась, можетъ быть, экзальтировано и истерично. Я не люблю эту черту, тоже принадлежащую старому міру, сентиментальности и ложной чувствительности. Трезвость, хладнокровіе, сила воли и умѣніе владѣть собой — одни изъ наиболѣе цѣнныхъ мною качествъ. Я стараюсь воспитать ихъ въ себѣ. И съ удовлетвореніемъ замѣчаю при каждомъ жизненномъ случаѣ, — въ этомъ также, — что они проявляются во мнѣ... Последнее — и въ опытахъ (стычкахъ съ Юрой) — наиболѣе трудно достижимое. Не могу не похвастаться въ доказательство, что у меня хватило присутствія духа послать въ домовую комитетъ.

За послѣднее время, т. е. со времени маминаго возвращенія, я часто стала замѣчать въ моей Дорогой такія черты непріятнаго мнѣ свойства. Это мелочи, конечно, и на любовь мою къ мамѣ они вліять не могутъ, но я осуждаю ихъ немного въ душѣ. Къ нимъ относятся и колебанія, которыя, къ сожалѣнію передались мнѣ, но отъ которыхъ я буду, какъ и отъ

другого, стараться вылечить себя. Въ такихъ жизненныхъ случаяхъ я, какъ-то, начала становиться на папину сторону и смотрѣть на мамочку немного сверху внизъ. Кстати скажу, что, вообще, въ отношеніяхъ съ Дорогой, у меня много заботливаго чувства, что, собственно, и должно быть, когда ребенокъ больше не дитя и сознательнъ.

7 Марта. Эти дни я не писала не изъ-за непривычки. Я читала. Кончала „Дачу на Рейнѣ“, случайно полученную, и „Надъ Нѣманомъ“. У меня много накопилось чтенія... Надо кончить Ожешко; лежитъ неначатый романъ М. Нордау „Болѣзнь вѣка“, и здѣсь есть Гарина „Трилогія“, которую я уже давно хочу прочесть. А, кромѣ всего этого, въ этомъ году, т. е. до весны—лѣта, надо кончить Чехова и, все-таки, еще специальныхъ нѣсколько книгъ почитать. Такъ что работы много. Благо, и времени теперь больше: нѣтъ англійскаго и музыки.

Было у меня днемъ писательское настроеніе. Чудились образы и сладкія грезы, но потомъ все растаяло въ будничной прозѣ. Буду продолжать, поэтому, свой рассказъ... Объ отъѣздѣ пока ничего не слышно.

...Въ концѣ концовъ, исторія съ грабителями кончилась хорошо: они ушли, но сколько это стоило волненій. У страха глаза велики. Кто чужой ни приходилъ въ этотъ день, мы рѣшали, что это — нападеніе.

Случай съ грабителями рѣшилъ дѣло, и мы переехали къ Сашѣ. Первый вечеръ чувствовалась, какъ будто, какая-то неловкость по отношенію къ прислугѣ, но потомъ все „образовалось“, и мы отлично зажили въ уютной квартирѣ. Но недолго было все спокойно.

Подъ нами была свободная квартира, и „они“ реквизиrowали ее подъ лазаретъ. Мигомъ появились на кухнѣ солдаты. Но хорошо, если-бы такъ. Мы сядились обѣдать. Одинъ изъ

нихъ, молодой, нахальный, съ папиросою во рту и въ шапкѣ, вошелъ въ столовую. — „Позвольте полюбоваться вашимъ хозяйствомъ. Н-да, хорошія комнатки“... Ушелъ... А вечеромъ пришли два пьяныхъ красногвардейца и потребовали осмотра квартиры. Мирно и тихо показавъ имъ все Ильюша. Они собирались, было, уже уходить, но что-то не поладили съ прислугой, и начался скандалъ. Пьяные, рука въ правомъ карманѣ, кто знаетъ, что могло выйти. Кто-то послалъ въ лазаретъ за начальниками, въ штабъ напротивъ, и послѣ долгихъ разговоровъ—довольно громкихъ—ихъ, какъ будто-бы, увели. Мы начали уже успокаиваться, какъ вдругъ, подобно привидѣнію, вырастаетъ фигура одного изъ нихъ. Мы остолбенѣли.— „Какъ пройти до политическаго комиссара?“ прехладнокровно спрашиваетъ страшный „товарищъ“. Мы безпрекословно указали дорогу. Но комиссаръ не видалъ его, конечно, какъ своихъ ушей: красногвардейцу просто на просто надо было удрать отъ взявшихъ его товарищей, чтобы спастись отъ наказанія: ему удалось спрятаться, и, когда все утихло, онъ преспокойно пошелъ своей дорогой.

Но хороши были и „спасители“ наши! Одинъ изъ нихъ на слѣдующій день напился, какъ стелька, и пришелъ буянить на кухню, гдѣ ругался и колотилъ посуду; правда, вечеромъ онъ усиленно извинялся, такъ какъ ему грозило строгое наказаніе, въ случаѣ, если кухарка не захочетъ простить его.

Другой, и этотъ случай глубоко вѣзался мнѣ въ память, особенно, тотчасъ послѣ прочтенія „Сахалина“, — произошелъ съ однимъ изъ „начальниковъ“. Онъ былъ одѣтъ въ костюмъ, отличный отъ другихъ и явившійся предметомъ моего съ нимъ разговора, а, именно, въ ярко красную рубаху, черные брюки и въ военный (украинскій) плащъ. Въ разговорѣ „товарищъ“ этотъ старательно выбиралъ умныя слова и вообще, старался показать себя во всемъ блескѣ: и мы-де, молъ, образованные. О, этотъ „товарищъ“ былъ увѣренъ, что онъ неотразимъ! Прогнавъ пьяныхъ пришельцевъ, онъ, съ сознаниемъ полного своего права, остался въ столовой, завелъ какой-то разговоръ, небрежно отряхивая пепель папиросы на полъ...

— „То не настоящіе большевики, тѣ—которые пользуются моментомъ“... Слово „моментъ“ очень нравилось ему, и онъ часто употреблялъ его. — „Пойдешь чай пить?“ спросилъ проходившій солдатъ. — „Нѣтъ, не желаю“, небрежно отвѣтилъ онъ. Еще бы! Ему нравилась красивая столовая, бесѣда съ господами... Недавно стало все это ему доступно. — „А откуда у васъ, товарищъ, форма такая красивая?“ Онъ засмѣялся. — „А это я... какъ его?“ обратился онъ къ товарищу, повидимому позабывъ слово... — „Хайдамакъ“, было отвѣтомъ. — „Ахъ да, это я хайдамака убилъ, да и содралъ“, закончилъ онъ, смѣясь спокойно, даже съ отгѣнкомъ ухарства. Онъ убилъ человѣка и содралъ его платье,—чего проще и естественнѣе?! А мы не могли подняться до этого сознанія, насъ обдало холодомъ.

Убить человѣка, я не представляю себѣ, какъ это можно сдѣлать, но ограбить, вдобавокъ, его... А онъ — смѣялся. Это былъ одинъ изъ лучшихъ, спасавшій насъ отъ пьяныхъ грабителей!

А вотъ — еще. Мама рассказывала фельдшеру, что они держали руки въ карманахъ, гдѣ, вѣроятно, былъ у нихъ револьверъ. — „Вотъ такой?“ спросилъ онъ, добродушно улыбаясь и вытаскивая изъ кармана огромный револьверъ.

Наконецъ, все понемногу уgomонилось, и остались-бы только воспоминанія, если-бы... если-бы... Пришла „красная“ сестра милосердія и просила пустить ее переночевать. Думая сдѣлать лучше, мы пустили, т. е. пустила мама, а я возмущалась, — хвастунья! — этой предупредительностью: къ „сестрѣ“ безпрестанно ходили, даже, мочевали у нея, на слѣдующій день реквизировали кухарку, которая готовила имъ обѣдъ, проводняли всю квартиру, шмыгали, не давая намъ покоя, и т. д. Обстановка была адская, и мы вновь переѣхали на Крещатикъ, гдѣ, пока, было спокойно...

8 М а р т а... Но тутъ-то и произошло самое скверное!.. Какъ-то, подъ вечеръ, я мыла голову, остальные сидѣли въ столовой.

Вдругъ рѣзкій звонокъ. Я слышу изъ ванной грубые мужскіе голоса, стукъ сапоговъ, но рѣшаю не выходить. Черезъ нѣсколько минутъ меня зовутъ. Спѣшно одѣвшись, еще съ повязанной головой, выхожу въ спальню и вижу . . . Нѣсколько человѣкъ военныхъ суетятся, шкафы открываются, отбираются ключи . . .

— „Позвольте, я вамъ сама все покажу,“ вибрирующимъ отъ волненія голосомъ говоритъ мама. — „Пожалуйста, пожалуйста, мадамъ, вы только не волнуйтесь!“ вѣжливо, даже галантно, говоритъ одинъ изъ „нихъ . . .“

Я прозвала его „галантный,“ впоследствии выяснилось, что фамилія его была Ш-ро.

Большевики пришли съ приказомъ ареста дѣдушки.

— Онъ умеръ, — было отвѣчено имъ.

— Вы — дочь?

— Дочь, — отвѣтила мама, хотя однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ аргументовъ въ пользу нашей безопасности въ Кіевѣ и было, именно, то, что мама могла скрыть свою связь съ М-ми.

— Ваши братья?

— Уѣхали.

— Одинъ долженъ быть въ Кіевѣ, гдѣ онъ? — спросили они.

— Не знаю.

— Скажите, лучше будетъ.

— Даю вамъ слово, что не знаю, — съ совершенно чистой совѣстью утверждала мама.

— Въ такомъ случаѣ мы принуждены сдѣлать обыскъ и арестовать васъ!

— Пожалуйста . . .

Они стали тщательно обыскивать квартиру. Ш-ро пересматривалъ вещи, держась очень предупредительно и корректно. Онъ все уговаривалъ маму не волноваться и быть совершенно спокойной. За исключеніемъ того, что мама подпускала немного лирики, она держалась великолѣпно, и вообще, повидимому, понравилась Ш.

Судебный слѣдователь, „товарищъ Фрегель,“ какъ звали его, держался сдержаннѣе и холоднѣе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ чрезвычайно корректенъ. Вначалѣ онъ все старался показать себя принципиальнымъ, идейнымъ демократомъ. Въ концѣ — смягчился.

Бритый, съ суровымъ взглядомъ, онъ, дѣйствительно, производилъ впечатлѣніе человека идеи, энергіи и силы; и такимъ пусть запечатлѣется его образъ у меня въ памяти, какъ представителя идейнаго вождя народнаго движенія.

Третій, латышь, какъ говоритъ мама, мальчишка не старше 23-24 лѣтъ, рѣзкій, вѣроятно, даже, циничный подъ часть... Ходилъ все время съ браунингомъ; онъ то и дѣло пускалъ въ ходъ шпильки и насмѣшки.

Ш-ро помогаль разбираться низенькій, противный еврейчикъ, съ акцентнымъ выговоромъ, злой, повидимому.

Найдя какую-то бумагу, онъ обрадовался.

— О, вотъ интересная штука, товарищъ Фрегель, — злорадно усмѣхнулся онъ.

— Положеніе серьезное... правительство... — началъ онъ бурчать подъ носъ...

— Ничего интереснаго! — холодно перебилъ слѣдователь: копія перваго приказа Родзянки...

Я была дсвольна.

Этотъ-же „помощникъ“ укралъ, оставшись одинъ въ комнатѣ, деньги, около тысячи, а то и больше.

Нашли вино. — Чтобы ни одной бутылки не пропало, строго приказали они солдату, веселому малому, который тихонько объявилъ: — Вотъ мое орудіе, но только заряда нѣтъ, — грустно поглядывая на пустой стаканъ.

— Я предлагаю всѣ книги пересмотрѣть, — заявилъ латышь, когда перешли въ кабинетъ.

— Считаю совершенно лишнимъ, — возразилъ Фрегель, — взгляните только на нѣкоторыя...

На этомъ и помирились.

— Кто это? — строго спросилъ тотъ-же латышь, указывая на портретъ моего прадѣдушки.

— Мой дѣдъ, — отвѣчала мама.

— Отецъ стараго М-ка? — такимъ-же тономъ продолжалъ онъ допросъ.

— Отецъ стараго М-ка, — улыбаясь подтвердила мама.

Наконецъ, обыскъ кончили. — Мы вынуждены будемъ взять васъ съ собой, если только домовый комитетъ не поручится за васъ головой, объявили они.

Представители домового комитета въ нерѣшительности молчали.

— Позвольте мнѣ самой за себя поручиться? — спросила мама, и подписала имъ, что не выѣдетъ изъ Кіева.

Зачѣмъ-то прошли еще въ спальню.

Суровый тонъ начала былъ забытъ, мы были довольны другъ другомъ, разговаривали черезчуръ даже дружественно для большевиковъ-чрезвычайниковъ и обыскиваемыхъ „буржуевъ.“

— Поговоримъ, какъ частные люди, — предложила мама, — вотъ объясните мнѣ, зачѣмъ вы обыскиваете, арестовываете еще до контрибуцій?

— Сударыня, повѣрьте, мы были-бы рады, но время не терпитъ . . .

— Намъ некогда, скорѣй, — въ одинъ голосъ загѣли Фрегель и еврейчикъ.

— Ну, ничего, ничего, — удерживалъ ихъ галантный Ш-ро, которому по вкусу, что-ли, пришелся разговоръ.

— Какъ заложниковъ, мадамъ, — объяснялъ онъ, — а по уплатѣ выпускаемъ.

— Или нѣтъ! — вставилъ слѣдователь.

— Такъ что намъ придется платить двойную контрибуцію, и за дома, и за дѣло?

— Да, но, экономически, вы-же пользовались и двойными доходами, — съ тонкой усмѣшкой возразилъ онъ-же.

Что отвѣчать на это? Фрегель, въ общемъ, мнѣ очень понравился, хотя, впоследствии, онъ, увы! не оказался лучше другихъ: такой-же подкупный, увы! съ одной стороны, а, съ другой, это оказалось нашимъ счастьемъ.

„Товарищъ Фрегель“ четыре раза былъ въ ссылкѣ, страдалъ за идею, развѣ это не говорить, какъ-то, въ его пользу. Онъ показался мнѣ умнымъ, интереснымъ въ частной жизни и дѣльнымъ въ своей работѣ. Мнѣ было досадно, что онъ и Ш-ро мои враги, что мы должны быть противниками. Съ какимъ удовольствіемъ поразспросила-бы я ихъ, послушала о невѣдомой мнѣ жизни!..

Прощаніе было совершенно дружественнымъ: они долго извинялись, одинъ „мадамкаль“, другой „сударничаль.“

— Прощайте, граждане, — было послѣднимъ словомъ Ш-ро.

Я не посмѣла отвѣтить: „прошайте, гражданинъ“, да и было-бы комично: вѣдь онъ — обыскивавшій большевикъ, а мы — ущемляемые буржуа.

Послѣ ихъ ухода, я начала весело кружиться по гостиной, напѣвая: „чортъ не такой страшный, какъ его малюють.“

Уф! устала, должна передохнуть.

10 Марта. Что за удивительно глубокое удовлетвореніе испытываешь отъ усидчивой умственной работы; а, читая историко-философскую книгу для своего реферата, такъ пріятно чувствовать, что все глубоко и какъ слѣдуетъ понимаешь...

Эти дни я буду занята рефератомъ, и не знаю, смогу-ли писать.

19 Марта. Скверно! Въ томъ, что я такъ по-долгу не пишу, я вижу обмельчаніе своей жизни. Боюсь утверждать,

но, кажется, теперь она налажена. Сегодня первый день, который я весь провела разумно и хорошо.]

Историческій рефератъ я читала; въ одинъ день накатала его. Принципіально вопросъ разрѣшенъ правильно и хорошо, но для реферата не хватаетъ общихъ историческихъ примѣровъ.

Но я довольна результатами: главное, разработка вопроса хорошо исполнена.

Ахъ ты, глупая дѣвочка! — забыла сказать про свою тему: „о роли личности въ исторіи“.

Одно меня смущаетъ: занятій, въ тѣсномъ смыслѣ слова, мало. Гимназія безумно мало даетъ. Когда я сравниваю мою теперешнюю работу съ лѣтней, я не могу не смотрѣть на гимназію съ презрѣніемъ...

Ахъ, какъ безумно много надо сдѣлать въ этой области. А заниматься дома, самостоятельно, en plus, не хватитъ мужества.

Займусь языками: къ англійскому прибавлю нѣмецкій.

Такъ какъ у меня много свободного времени, надо чѣмъ нибудь, кромѣ беллетристики, заняться. Но я хочу отдохнуть: для реферата все читала. Вотъ, для мамы возьму пару книгъ въ бібліотекѣ, а потомъ займусь чѣмъ-либо посерьезнѣе.

По французски начала систематически читать; хочу въ этомъ году Гюго („Les Misérables“) и исторію революціи Тьера закончить.

За послѣднее время стала у меня вновь, послѣ громаднаго перерыва, появляться все чаще и чаще мысль о литературномъ творествѣ. Слабомъ, маленькомъ, но такомъ, на которое у меня есть силы.

Какъ безумно хотѣла-бы я узнать, есть-ли во мнѣ „священная искра высшаго огня“? Можетъ быть, это произвольное стремленіе къ творчеству?.. Не знаю, не знаю, ничего не знаю.

Во всякомъ случаѣ, хочется попробовать. Я читаю прелестные рассказы „Colette Yver“, и мнѣ хочется перевести ихъ. Красиво, литературно. Правда, переводъ — не ориги-

нальное творчество, онъ ниже его, но одно другому не мѣшаетъ, и рассказы такіе чудесные. Я не думаю въ это дѣло вылить свое стремленіе, не думаю этимъ замѣнить его, а такъ, кромѣ него...

Какъ разъ завтра я буду, вѣроятно, свободной отъ журнала и займусь переводомъ.

Мнѣ хотѣлось-бы создать что-нибудь художественное, а потомъ дать напечатать, чтобы этимъ измѣрить качество своего творчества, — другого способа у меня нѣтъ.

Теперь я выросла, и создать рассказы не представляется мнѣ такимъ легкимъ, какъ прежде: съела и написала.

Даже въ самомъ маленькомъ вижу я огромную, сложную, требующую всесторонняго вниманія работу: вѣдь, въ рассказѣ должна отразиться жизнь; изъ подъ cadaго слова должна быть видна дѣйствительность.

Но, зато, какое глубокое удовлетвореніе долженъ испытывать творецъ, поистинѣ творецъ, создающій изъ мертвыхъ словъ живыя картины. Мнѣ кажется, что я ощущаю, испытываю это чувство...

И меня безумно тянетъ къ себѣ творчество, а вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу, какъ-то благоговѣнно, не остановиться передъ величіемъ этой работы. Много, много, безъ конца надо думать передъ тѣмъ, какъ создавать...

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...

Вчера, какъ-то особенно, звали и манили воспоминанія о далекой саратовской жизни, съ которой у меня не осталось рѣзительно ничего общаго.

Мнѣ представляется, — въ общемъ, оно такъ и есть, — что та жизнь — дѣтство, отрочество; а теперь пошла совершенно другая. Юность, что-ли? Что обѣ части моей жизни рѣзко отдѣляются другъ отъ друга, какъ это бываетъ въ книгахъ. Впослѣдствіи, воспоминанія о моей жизни смогутъ составить памятникъ нашего бурнаго времени.

Можетъ быть, я сама... Но теперь я ни за что не ваялась-бы за такой громадный трудъ: не чувствую себя еще достаточно къ нему подготовленной.

Тихія саратовскія улицы... Наша большая красивая квартира. Домъ — полная чаша. Старые знакомые: Броды, Рабиновичи и милые Бачмановы, милая Катя, въ которую я такъ нелѣпо, по-дѣтски, но, все-же, трогательно, была влюблена...

Какъ жаль, что у меня нѣтъ съ собой моихъ старыхъ дневниковъ: перечитывая ихъ, я вновь явственно переживала-бы прошлое... Какъ много значать воспоминанія... Какая необъяснимая прелесть и поэзія таится въ нихъ: всякія мелочи, которыя, казалось, не имѣли совершенно никакого значенія, приобрѣтають смыслъ и получаютъ свою окраску.

Дорогая Раечка, съ которой мы понимали другъ друга съ полуслова и такъ чудно проводили время. Я не вѣрю, чтобы наша дружба прекратилась. Нѣтъ, друзья, такіе какъ мы, остаются друзьями...

Наши планы о совмѣстномъ путешествіи... Если-бы имъ было суждено осуществиться!.. Какъ далеко все это... Такъ чудно вспоминать старую жизнь... О ней, именно, больше думается, чѣмъ пишется... А моя старая гимназія! Милая, хотя и на теперешнюю я не жалею. Но, все-же, то былъ — мой второй домъ, а эта — только гимназія... Не даромъ пять лѣтъ я была вмѣстѣ со всѣми учителями и дѣвочками.

Съ какимъ, думаю, наслажденіемъ я невидимымъ духомъ полетала-бы надъ роднымъ городомъ и увидала-бы не только настоящій его видъ, но и прошлый, столь дорогой мнѣ...

Столько дорогихъ образовъ и лицъ осталось въ той прошлой жизни. Хоть-бы когда-нибудь увидѣться съ ними.

Вспоминаю и Кисловодскъ. И въ немъ было много прекраснаго и интереснаго. Послѣдняго, что удалось пережить до этого времени.

А потомъ, начинается сѣрая полоса современныхъ событий, гдѣ, какъ яркія точки, свѣтятся посѣщенія Художественнаго Театра, мои одинокія прогулки по улицамъ Москвы, гдѣ старыя, историческія картины подъ Кремлевскими стѣнами смѣшивались съ видомъ нарядной современной толпы на Кузнецкомъ мосту. И это было хорошее время...

Но я не могу сказать, что жалѣю о современности. Нѣтъ, она слишкомъ развила меня, чтобы я могла сожалѣть о ней: подчасъ, правда, до безумія хочется спокойствія, красоты природы, голубого моря, свѣтлаго, какъ юность лѣта, но что-же сдѣлать: такое время! Развѣ можно жалѣть, что мы—свидѣтели великихъ историческихъ событій, которыя, я увѣрена въ томъ, направятъ на новую дорогу историческую жизнь чело-вѣчества. Жалѣть о нихъ—это умалять значеніе современности, а жалкія людскія страсти не стоятъ того...

Что наша жизнь въ сравненіи съ вѣчностью? Разъ суждено уже, — такъ пусть! И все это сознание не мѣшаетъ ставить себѣ вопросъ: „Кончится-ли когда-нибудь все это? Наступитъ ли возможность спокойно жить? Какъ это живутъ такъ? Если жизнь будетъ продолжаться такимъ образомъ, то для насъ прошлое будетъ далекимъ воспоминаніемъ, а нашимъ дѣтямъ мы будемъ рассказывать о немъ, какъ о волшебной сказкѣ“...

Кисловодскъ... Красоты его природы, единственныя въ моихъ воспоминаніяхъ... Хотя, вообще, всякій природный колоритъ имѣетъ свою особую окраску, съ особой прелестью каждая.

Мы у Храма Воздуха. Я осталась одна на каменномъ выступѣ. Внизу передо мной, въ прозрачной дымкѣ тумана, разстилается городъ. Темнѣетъ зелень парка. А высоко въ небо поднимаются синіе выступы горнаго хребта. Узкой лентой извивается дорога. Синія горы пропадаютъ гдѣ-то на горизонтѣ...

Съ другой стороны поднимаются болѣе высокой грядой горы настоящаго Кавказа; а надъ ними — ослѣпительно бѣлая вершина старика Эльбурса.

Свѣжій горный вѣтерокъ приноситъ дыханіе горъ, шумъ ручьевъ и шелестъ деревьевъ. Вѣтеръ проникаетъ въ самую душу, очищаетъ отъ всѣхъ мелкихъ людскихъ мыслишекъ.

Слушайте!.. Напрягая всѣ фибры вашего существа къ одной цѣли, слушайте дыханіе вселенной, дыханіе всего міра, которое приноситъ ласковый вѣтерокъ, вѣющій отъ загадочно-тихихъ горныхъ громадъ.

Какъ прекрасно подслушанное дыханіе природы! Тише, не то оно исчезнетъ для васъ. Слушай-те тишину... Тихо... тихо...

Маленькій человѣчекъ сидитъ на грудѣ камней, окруженный вѣчностью. Онъ весь — комокъ нервовъ, напряженное вниманіе. Но безконечность не давить его: онъ понимаетъ ее, онъ проникъ душой въ природу. О, не всякому открываетъ природа свой шепотъ: надо глубоко любить и понимать ее.

Тише!.. Тише...

Какъ можетъ давить природа?! Только маленькихъ и бездушныхъ смущаетъ она, а избранные сами расширяются душой, они чувствуютъ свою связь съ міромъ, они расходятся въ міръ, и міръ воплощается въ нихъ...

Тамъ, на высокихъ горахъ, или у безпредѣльнаго моря, гдѣ много простора, дышетъ природа. Но не только тамъ... Она дышетъ вездѣ, гдѣ мелкій людской шумъ не заглушаетъ ея тихаго, но мощнаго дыханія. Надо только умѣть слушать.

Кругомъ меня зеленый лѣсъ. Больше хвойныхъ деревьевъ. Стройныя сосны, колеблемыя вѣтромъ, пригибаются другъ къ другу темно-зелеными верхушками. Мѣрно качаются онѣ.

Глядя въ высь, на шумящія верхушки, забываешь землю. Это шумъ моря... Это вѣчный шумъ природы... Мѣрно, мѣрно качаются сосны, слабо шумя. Что чудится въ ихъ шумѣ?

Я не умѣю воплощать природу въ образахъ; всюду чувствую я только вѣчный глубокой миръ и такое всепроникающее спокойствіе, котораго никогда не знали люди...

А внизу разстилается зеленый коверъ травы, и деревья ограничиваютъ горизонтъ. Но, ограничивая его, они открываютъ внутренній міръ лѣса, и вновь слышится дыханіе міра.

Я лежу на травѣ, усталая отъ книги, и слушаю... Не думается. Но чѣмъ-то полно все мое существо, безконечно прекраснымъ, успокаивающимъ и расширяющимъ душу.

Слушайте! И вы постигнете тайну зеленого лѣса, великую тайну природу.

... Экъ расписалась! Неожиданно. Я увлеклась и создавала. Я переживала все, что писала, и не чувство воспоминанія, а настоящее, живое чувство пробовала изобразить словами.

Для меня мои слова живутъ. Если-бы и для другихъ я могла заставить ихъ жить!

Неужели-же понапрасну горить во мнѣ этотъ огонь, жить въ мнѣ такая глубокая любовь къ природѣ? Вѣдь, такъ хочется вѣрить въ себя, что всюду ищешь возможности. И сегодня мнѣ вѣрится.

Пора. Я не устала и, кажется, долго писала-бы еще. Но, къ тому-же какъ-то не хочется спускаться къ людямъ, а я о нихъ хотѣла дальше писать...

Какой чудный провела я вечеръ... Полный красоты и поэзіи. Такой прекрасно далекій отъ современности.

А что кругомъ меня? Лишь лампа, тетрадь, да чернила.

Я сама умомъ и душой создала его.

Тѣмъ лучше.

22 Марта. Много читала русскаго и французскаго. Начала описаніе путешествія. Завтра воскресенье, — проведу совершенно для себя; съ удовольствіемъ думаю о немъ.

Бываютъ дни, когда на всѣхъ окружающихъ начинаешь какъ-то произвольно смотрѣть очень критически; даже слишкомъ, вѣроятно. Тамъ, гдѣ обычно ничего не замѣчаешь, — видишь уродство, противорѣчія. Словомъ, всяческія отрицанія. Даже въ самыхъ близкихъ людяхъ.

Иногда, можетъ быть и всегда, это чувство обосновано: я становлюсь старше, и во мнѣ вырабатывается критическая мысль.

Въ общемъ, это — чепуха; можетъ быть, даже лучше людей познаешь, но, когда дѣло касается тѣхъ, кого мы любимъ, когда чувствуешь, что они несправедливы, некрасивы въ данный моментъ, — больно и неприятно...

Я говорю о мамѣ. Мнѣ кажется, что мама сложный типъ, въ которомъ не сразу разбираешься. Но, между прочимъ, мнѣ кажется, что у нея есть склонность къ истеріи. И потому, я не знаю какъ назвать это: непрактичность, что-ли; то, да не то, слово; это — стремленіе жить только красивой жизнью, забывая совершенно, что жизнь не пѣсня, не „сказка волшебная,“ а проза, съ суровыми обязанностями и вѣчнымъ долгомъ.

Мама любитъ красивое во всѣхъ его проявленіяхъ, — прекрасно, но, — я буду плохо выражаться, — оно заглушаетъ потребность въ простой дѣятельной жизни.

Ахъ, это тоже то, но не только то, что я хотѣла сказать.

Подчасъ, мнѣ кажется даже такая страшная вещь: что маму ничто не могло-бы удовлетворить, что она всегда куда-то стремится, вѣчно чего-то ищетъ... Впрочемъ, не думаю: въ Симеизѣ-же она была удовлетворена. Но вотъ, именно, въ своихъ стремленіяхъ къ „Симеизу“ мама забываетъ, что жизнь не можетъ быть „Симеизомъ“. Потому, вообще, много есть мелочей неприятныхъ. Но это пустяки. Когда мама разстроена, разнервничается, она несправедлива въ своихъ словахъ, и эта несправедливость причиняетъ боль. У меня тогда плотно сжимаются губы, иногда хотятъ сложиться въ гримасу, какъ отъ чего-то раздражающаго, нарушающаго гармонию. Появляется какая-то холодность: къ несправедливымъ упрекамъ забываешь относиться снисходительно, какъ должно. Это я стараюсь побѣдить; до сихъ поръ, чаще бывало удачно.

Эхъ, кого нѣтъ безъ недостатковъ?

Въ обще-психологическомъ отношеніи мнѣ, почему-то, кажется, что мама типъ женскаго безвременья, когда на смѣну старому появляется новое. Въ мамѣ оно соединено, а во мнѣ, такъ мнѣ кажется, новаго (дѣятельнаго, положительнаго, можетъ быть, прозаичнаго, если хотите) больше.

Такъ мнѣ кажется временами...

26 Марта. Написанное послѣдній разъ односторонне. Къ нему надо многое добавить. Другой разъ...

Досадно! Я мало занимаюсь дневникомъ, потому что, въ общей сложности, цѣлый день распредѣляется между насущными, необходимыми занятіями.

И то, все въ одинъ день удовлетворить нѣтъ физической возможности: гимназія, уроки — это самое маленькое; переписка журнала; окончаніе своихъ „путевыхъ впечатлѣній“, чтеніе французское и русское, дневникъ; — хоть на части разрывайся! Теперь еще прибавятся музыка и англійскій. Ну, имъ я рада, а то настоящихъ „занятій“ у меня мало. Утѣшаетъ меня, что въ Саратовѣ я тоже вѣчно страдала недостаткомъ времени для дневника . . .

. . . Въ общемъ положеніи полнѣйшая неопредѣленность. Отсюда происходитъ положеніе личной неизвѣстности, и все вмѣстѣ создаетъ, когда [подумаешь, углубляясь, ужасно скверную жизнь.

Время идетъ, а разсвѣта не видно . . .

Я не могу не разсуждать немного съ личной, индивидуальной точки зрѣнія; и все сводится, въ настоящемъ, къ одному вопросу, — уйдутъ-ли большевики изъ Кіева или останутся? Говорятъ, что не бываетъ дыма безъ огня, а всѣ въ одинъ „голосъ“ изъ „достоверныхъ источниковъ“ поютъ, что „ихъ“ скоро не будетъ. Будто-бы нѣмцы, а не то — поляки, не то — украинцы, уже близко отъ Кіева, и это — вопросъ дней. Дней . . . но это говорятъ съ самаго ихъ прихода, и невольно теряешь вѣру. Къ тому-же, какъ будто-бы они подъ Одессой!? Только время, оно одно, покажетъ намъ, что будетъ. А пока надо жить ежедневной обывательщиной.

Если они остаются, я рѣшительно не представляю себѣ нашей дальнѣйшей жизни: что будетъ, когда кончатся на лѣто занятія въ гимназіи, какъ соединимся мы съ папой, или будетъ по теперешнему продолжаться.

Что будетъ зимой съ нами, со всѣми М-ми? И тогда думается, что такая неопредѣленность продолжаться не можетъ. Какъ-нибудь, но вопросъ разрѣшится. Скорѣй-бы только, чтобы было можно „видѣть“ будущее (какъ въ Москвѣ).

Да, я твердо убѣждена въ томъ что какъ-нибудь, да разъяснится положеніе. Но что-то готовить намъ, и вообще, будущее? Варшава — Парижъ — прямое сообщеніе. Какъ будто-бы ближе спасеніе личное: добраться до Польши.

А если, правда, поляки войдутъ въ Кіевъ?.. Собственно, лично это наилучшее, а вообще, было-бы хорошо, чтобы Россія во всякомъ случаѣ обошлась безъ вмѣшательства иностранцевъ.

Но сегодня я, какъ-то, охладѣла ко Франціи и не могу представить ее себѣ обѣтованной землей: я читалась ужасовъ Парижской коммуны, и эти образы заслоняютъ современный видъ страны.

Итакъ, о личномъ положеніи. Мнѣ кажется, что въ близкомъ времени оно, несомнѣнно, должно измѣниться, если не опредѣлится. Можетъ быть, и въ общемъ будетъ поворотный пунктъ: или падетъ Одесса, или падетъ Кіевъ. И остается одно: nous verrons!..

... Революція Тьера написана очень хорошо, и сегодня, читая о сентябрьской рѣзнь въ тюрьмахъ, у меня шевелились волосы отъ ужаса: тѣмъ болѣе, что все это такъ похоже на наши картины.

И современники тоже не видали разсвѣта, имъ тоже казалось, что выхода и будущаго нѣтъ. Для нихъ его не было, но прошло время, — я не могу даже сказать, прошли вѣка, — страна ожила, и на развалинахъ старой жизни появилась новая...

Какъ въ прошломъ году, я говорю себѣ: вопросъ только въ томъ, какъ мы переживемъ это время, являющееся для насъ всей жизнью, а для страны это только переходное звено исторіи, преходящее, какъ и остальные.

1. А прѣл я. Безумно рѣдко пишу, но рѣшительно нѣтъ возможности чаще садиться за дневникъ: у меня столько обязанностей помимо него...

Большая историческая жизнь идет своимъ порядкомъ. Каждый день слышишь новое о положеніи правителей, но ничего не видишь, и все остается по прежнему. Что будетъ дальше? Историческія перспективы закрыты отъ насъ больше, чѣмъ когда-бы ни было; и только тотъ, кто переживетъ настоящій кошмаръ, узнаетъ о судьбахъ родины, и, даже, мнѣ кажется, челоуѣчества.

Я начиталась, да и теперь еще читаю, исторію великой французской революціи и наглядно познаю, что значитъ исторія для уразумѣнія настоящаго: ужасы сентябрьской рѣзни, какъ живые, вставали предо мной; въ ихъ образахъ я видѣла отраженія теперешняго, и прошлое, сливаясь съ современностью, создавало страшныя картины.

Образъ той, „кровавой и хаотичной“ Франціи, занялъ въ моихъ мысляхъ мѣсто обѣтованной страны, рисуемой теперь, и на нѣсколько дней я охладѣла къ ней. Невольно, мысль сравнила настоящее съ прошедшимъ: обывателямъ эпохи великой французской революціи, въ частности, представителямъ аристократіи, тоже, какъ намъ теперь, казалась жизнь беспросвѣтной и гибельной; они не могли представить себѣ, что будетъ дальше, такъ какъ бурное настоящее ограничивало ихъ горизонтъ.

А, между тѣмъ, прошло полтора вѣка всего, — и Франція воспрянула изъ пепла разрушительнаго пожараща. Она вознеслась выше многихъ другихъ государствъ и стала одной изъ передовыхъ державъ міра.

Не то - ли будетъ и съ Россіей? Настоящее — только звено въ цѣпи безконечности. Пройдетъ время, и то, что для насъ в с е, будетъ только историческимъ воспоминаніемъ.

Россія, такъ или иначе, переживетъ это время, и только насъ можетъ захватить и смыть грозный потокъ, очищающій землю отъ вредныхъ наслоеній. Вотъ, когда подумаешь и ясно себѣ все представишь, дѣлается легче на душѣ: когда-нибудь да настанетъ конецъ. Да, и въ ожиданіи его мы должны жить такъ, какъ можемъ. И не такими страшными кажутся тогда Совдепія, большевики. Когда-нибудь все вой-

детъ въ норму и установится, „образуется“. Будемъ жить и ждать. Только не терять своей частной жизни. У меня, пока, есть гимназія, а, что дальше будетъ . . . тогда увидимъ.

Странно будетъ мнѣ, когда я буду читать о нынѣшней революціи въ учебникахъ, когда она будетъ только воспоминаніемъ . . . А все-же, несмотря на всѣ утѣшительныя теоріи, хотѣлось-бы воочию увидѣть это время . . . Буду надѣяться, это придется.

Интересно, въ исторической перспективѣ, мысленно представить себѣ всю Россію и ходъ настоящей исторіи во вселенной. Но этого не напишешь, это можно только прочувствовать . . .

Да, жизнь носить удивительно условный, зависящій отъ времени характеръ: все измѣряется событіями, и все время — такое чувство, что они должны принести измѣненія.

Въ общемъ, если-бы настоящее продолжалось, и моя будущая, взрослая жизнь была-бы также подчинена имъ. Но лучше не заглядывать за завѣсу исторіи: она поднимется сама. Увидимъ . . . посмотримъ . . . переживемъ.

Нельзя, все-же, жаловаться на частную жизнь: она полна, и нѣтъ мѣста былой московской тоскѣ.

Странно! я сейчасъ увидала, что и въ прошлый разъ писала о мысляхъ, навѣянныхъ Тьеромъ. Я повторилась, но это самое главное и большое, что выработалось во мнѣ за послѣднее время.

И еще. Разсматривая жизнь нашихъ гимназистокъ, я вижу, что для нихъ настоящее не имѣетъ такого критическаго значенія, какъ для меня, — не хочу говорить: для нашихъ; для нихъ это только виѣшняя форма, которой окружена частная жизнь. Она можетъ измѣняться, но капитально на всей жизни это не отражается: гетманъ-ли, Петлюра или большевики, эта частная жизнь идетъ своимъ темпомъ и, въ общемъ, не нарушается. Особенно ясно чувствуется это, когда думаешь о тѣхъ массахъ обывателей, которые живутъ въ Совдепіи: у массы не поднимается, да и не приходитъ въ голову, вопросъ о возможности отъѣзда.

И вотъ, когда подумаешь обо всемъ этомъ, настоящее не кажется такимъ страшнымъ, и хочется только одного: — увидать конецъ „образовавшагося“ уже будущаго. Такъ идетъ, двигаемая общими событіями, наша жизнь. Трудно, какъ-то, и представить себѣ другую.

Бываютъ дни, — теперь такая полоса, — когда Одесса, за граница и все грядущее одѣвается какой-то дымкой. Остается только настоящее, — Кіевъ . . .

. . . Въ жизни гимназій большевики дали сильно себя почувствовать: отмѣтки отмѣнены, учащіеся входятъ въ совѣтъ учителей. Это — пока. А предполагается „трудова единая школа . . .“

10 А пр ѣ л я. Жаль мнѣ, очень жаль, что я такъ долго не писала. Но, за долгое время, сегодня первый день, что у меня осталось время для себя. И какъ я была счастлива! . .

Когда такъ много занимаешься, подчасъ ужасно хочется все бросить и пожить нѣсколько дней для себя. Строить планы разумнаго времяпровожденія. Широкіе и большіе. Глядишь, — подошло такое время, — и день расходуется по мелочамъ, или просто читаешь запоемъ.

. . . Наступаетъ весна. Свѣтлая и радостная, какъ каждый годъ, какъ всегда. Воздухъ вселяетъ бодрость, веселье и стремленіе вдаль, къ неизвѣстному.

Шумно бѣгутъ ручьи, рокоча о близкомъ оживленіи всей природы.

А солнце, солнце! Такъ лучезарно, такъ ярко свѣтитъ оно . . .

Природа живетъ своей жизнью, распределенной по масштабу вѣчности, и, потому, всегда ровной; жизнь людей меньше, въ ней больше бурь и волненій, только болѣе мелкихъ. Понятіе „рода“ обширное, но обобщающее; видъ — узкое, но специальное, т. е. разнообразное.

Сегодня тревожный день, вообще, и въ частности для евреевъ. Почти опредѣленно, на Подольѣ былъ погромъ. Подробностей мы еще не знаемъ. Теперь, кажется, все ликвидировано. Не то, говорятъ, было возстаніе рабочихъ противъ большевиковъ, не то — бунтъ крестьянъ . . .

Что можетъ быть хуже погрома? Я не представляю себѣ, Это что-то сверхъ-ужасное. Подумаешь, я вижу картины разграбленія, убійствъ; вижу, какъ тащутъ людей, ругаясь надъ ними.

Въ такіе дни особенно чувствуешь, въ какое время мы живемъ. И лучше не думать о завтрашнемъ днѣ! Когда думаешь, не видишь разсвѣта, и дѣлается холодно. Надо жить настоящимъ, а тамъ . . . увидимъ, что будетъ, и какъ повернется время. Оно подскажетъ намъ, какъ провести лѣто, какъ будетъ зимой, какъ пойдетъ жизнь остальныхъ членовъ всей нашей семьи.

Одесса пала. По крайней мѣрѣ такъ сообщаетъ БУП.*) Въ первый день у „насъ“ никто не вѣрилъ; однако, теперь повидимому, приходится съ этимъ согласиться.

Что будетъ, вообще, — я не знаю: дадутъ-ли союзники Россіи самостоятельно раздѣлаться, или они еще выступятъ на арену?.. Проникнетъ-ли большевизмъ въ другія страны, или лишь Россія переболѣетъ имъ?

Дѣйствительно-ли призналъ Совѣтъ Четырехъ Россійскую Федеративную Совѣтскую Республику, и будутъ налажены мирныя сношенія, или, можетъ быть, случится что-нибудь совершенно непредвидѣнное?.. Никто ничего не можетъ сказать.

Но съ каждымъ днемъ движется время, и каждый день продвигаетъ насъ впередъ по историческому пути: поэтому, мнѣ кажется, не слишкомъ уже долго осталось неизвѣстности.

Для Россіи было-бы самое идеальное, чтобы в сѣ иностранцы оставили Россію въ покоѣ. Я особенно сознаю это, когда читаю о Великой французской Революціи: не надо забывать, что все въ исторической перспективѣ — преходяще.

*) БУП — бюро украинской прессы.

И для нашей страны минеть это страшное время смуть; она воспрянетъ вновь. И, если чужіе вмѣшаются теперь въ наши дѣла, намъ придется потомъ за это дорого расплачиваться. Пусть Россія, пройдя это время, какъ поведеть ее Русскій духъ, выйдетъ самостоятельно на новую дорогу.

Это будетъ, безъ всякаго сомнѣнія. Но какъ будетъ? Ахъ, если-бы проникнуть за завѣсу будущаго, вообще, и въ частности . . .

То-же самое было-бы и наилучшимъ для частнаго: возможность уѣхать, съ сознаниемъ, что и Россіи, родинѣ, дана возможность выпрямиться. Но отъѣздъ, эмиграція, носятъ мало симпатичный характеръ: уѣхать и жить спокойно, когда знаешь, что здѣсь тысячи мучаются . . . Неприятно сознание, что, вотъ, покидаешь родной край, разрываешь со всѣми и ѣдешь на чужбину.

Очень неприятно, но, разсуждаешь иногда, въ другіе моменты усталость отъ современности и тоска по спокойствію и красотѣ преодолеваютъ все, и имѣющееся сознание заслоняется въ истомленной душѣ жаждой покоя. „Пусть, — говоришь самой себѣ, — пусть, но нѣтъ больше силъ!..“

А, въ общемъ, и здѣсь посмотримъ, что скажетъ время . . .

Мнѣ кажется, что мы уѣдемъ; гдѣ-то въ уголкѣ души безумно этого хочется, ради процесса путешествія и, вѣроятно, той новой жизни . . .

Въ этомъ году весна какъ-то особенно на меня дѣйствуетъ. Поднимаетъ, какъ всегда; но, кромѣ того, чѣмъ лучше день, тѣмъ мнѣ больше хочется прямо . . . плакать; дѣлается больно и горько.

Я пошла къ Дивъпру. Онъ уже разлился. До самого горизонта — голубая водная гладь и, лишь кое-гдѣ, незатопленные мели. Синее весеннее небо. Свѣжее, какъ будто только что умывшееся росой Весны, росой пробужденія природы отъ долгаго зимняго сна.

Вѣть тихій, полный весеннихъ ароматовъ вѣтерокъ. Такъ красиво кругомъ . . . Такъ широко и спокойно . . .

Почему людская жизнь так безпокойна, так полна волнений? Почему нельзя жить по Правдѣ и Красотѣ?!

Нѣтъ въ жизни поэзіи, нѣтъ отдыха. А въ наше время особенно!

Отъ безсилія, отъ горя, что нѣтъ волшебной жизни мечтаний, — хочется плакать.

Эти слезы — протестъ противъ жизни, пассивный и недостойный, я знаю, но такъ устаешь отъ современнаго вулкана, что невольно ослабѣваешь.

О, если-бы зажить иначе! Если-бъ увидать шумящее море. Море... Море... Подчасъ я слышу его плескъ и шумъ...

Такъ безумно хочется моря и покоя...

Эти слезы не протестъ противъ жизни, вообще, а только противъ современнаго безпокойства и волненія.

17 А п р ѣ л я. Безобразіе: двѣ недѣли свободы, а дни расходуются какъ-то по пустыкамъ, проходятъ безо всякой умственной работы; читаю мало, пишу — того меньше, занимаюсь, и „вообще...“ Я недовольна сама собой. Но исправить это трудно: жизнь какъ-то такъ складывается. Скверно Боюсь, что мельчаю...

21 А п р ѣ л я. Сегодня какое-то смутное настроеніе. Поэтому, я и за дневникъ сѣла.

Скверно!

Вдобавокъ ко всему, изъ Одессы получили телеграмму, что Саша и Ра уѣхали въ Парижъ, а папа на дняхъ сюда пріѣдетъ. Досадно и больно. И мы могли бы уѣхать. Слава Богу, что они тамъ; я счастлива за нихъ.

Когда подумаешь, такъ какого рожна намъ здѣсь плохо? Если-бы было нормально, мы тоже такъ-бы жили. Ну, веселѣе, интереснѣе. Ахъ, если-бы было нормально... Все по другому было-бы, но объ этомъ и говорить нечего, Богъ съ нимъ. И чего жалѣть? Ни исправить, ни вернуть прошлаго — нельзя. Только время укажетъ, какъ все это будетъ. Надо принимать все, какъ неизбежное.

Авось, еще на нашъ вѣкъ, перемелется и мука будетъ. Не буду заглядывать въ будущее.

Какое-то смутное настроеніе, и подумать, что это отъ того, что у меня рѣзи въ желудкѣ.

Маленькая физическая боль, а я расклеилась совершенно, и свѣтъ уже не милъ. Какое маленькое существо — человекъ!..

Домашняя жизнь складывается какъ-то такъ, что много времени удѣляешь различнымъ хозяйственнымъ мелочамъ. Нельзя сказать, чтобы я мельчала. Была-бы обстановка... но теперь ея нѣтъ, и все духовное уходитъ въ глубину.

У меня есть что-то, чего никто не знаетъ... Я часто думаю о Л. А. Вотъ написала его имя и сдѣлалось какъ-то неприятно, и въ тоже время я съ удовольствіемъ останавливаюсь на немъ. Я мало знаю его духовно, но вообще, почему-то онъ необыкновенно привлекаетъ меня. Иногда отчаянно хочется, чтобы онъ былъ здѣсь, у насъ. И часто, т. е. всегда, когда я думаю о немъ, мнѣ кажется, даже больше, во мнѣ живетъ какая-то увѣренность, что онъ еще появится въ моей жизни и вообще его семья; что она будетъ для меня имѣть большое значеніе. Такъ мнѣ кажется подчасъ, и я уношусь мечтами въ далекое будущее.

Каково-то только оно будетъ?!

Что такое любовь?..

(Послѣ) „Жить! Будемъ жить и отъ судьбы возьмемъ хотя одну весну, хотя одно мгновеніе“.. Такъ начинается одинъ чудесный романсъ.. Жить! Всѣми силами души вкушать ароматъ жизни...

А, въ сущности, что такое жизнь, что такое человекъ?!

Жизнь — вѣчная борьба, съ побѣдами и пораженіями, и съ однимъ итогомъ — смертью.

Но пусть борьба, тяжелая и безпрестанная.. Въ ней и заключается прелесть, обаяніе жизни.

Наука, человѣчество, творчество.. были-бы силы и желаніе, дѣло найдется. Вся окружающая жизнь зоветъ къ себѣ.

Не надо думать о томъ, что наши въ Парижѣ.. Побольше вѣры и надежды..

Пройдутъ года, все образуется, я буду жить. Я хочу и буду..

Томленіе по Парижу понятно, это тоска по красивой, интересной жизни.. Но не надо его! Вспомнимъ, въ какое время мы живемъ. „Что наша жизнь въ сравненіи съ вѣчностью?“

Молодость смѣла и самонадѣянна. Весь міръ принадлежитъ намъ. У другихъ не хватило силъ, но у меня ихъ достаточно. У меня хватитъ силъ бороться противъ предрассудковъ, рутины и пошлости.

Я знаю, что всѣ, будучи молодыми, думали такъ, а потомъ — прошли года, и рутина втянула ихъ, я знаю все это, но все-же вѣрю, бодро и горячо, въ себя.

Мое будущее широко, какъ море, которое я такъ люблю.

Когда я думаю о своихъ планахъ и вѣрѣ, мнѣ хочется, чтобы скорѣе наступило то время и я увидала-бы, исполнятся-ли все. то, во что я вѣрю, осуществлю-ли я свои идеалы.

Свободная любовь (безъ брака), сильная и могучая! Жизнь въ обществѣ избранныхъ людей. Дѣятельность живая и производительная, на благо человѣчеству, которой я хочу посвятить себя.

И неужели все это только слова? „Наивная дѣтская сказка“?! О, не можетъ быть. Я такъ вѣрю. И мнѣ только пятнадцать лѣтъ. Вѣдь, впереди у меня еще вся жизнь. Изъ-за всего теперешняго, вызваннаго событіями, мое будущее не разбито. Оно полностью принадлежитъ мнѣ. Нечего отчаиваться! Пусть подойдетъ время, — два, три года еще, — и тогда.. если тогда не будетъ возможности, какъ теперь, я оздамъ ее, я добыюсь..

А пока, надо дѣлательно подготовляться, чтобы оказаться достойной такой жизни.

Учиться, читать... не отчаиваться и вѣрить.

Что такое любовь?... Раньше я не отвѣтила на этотъ вопросъ. Несомнѣнно, что въ глубинѣ своей это явленіе чисто физиологическое, произвольное, — ну, скажемъ, какъ рѣзи въ желудкѣ... Но, фактически, любовь пріобрѣтаетъ, какъ и физическая боль, громадное значеніе для человѣка.

Я хотѣла-бы прочесть естественное объясненіе того, что люди называютъ любовью... Это было-бы очень интересно!

Толстой называетъ ее влеченіемъ половъ и говорить, что со временемъ оно исчезнетъ. Первое вѣрно, второе — не знаю.

Но, сколько-бы ни говорили люди, они всѣ подвержены ей. Настаетъ чередъ, и „человѣкъ“ — по выраженію Чехова — перестаетъ понимать, что такое любовь, и подчиняется ей.

Любовь... Она должна быть красива и поэтична. Говорятъ, что она самое лучшее въ жизни. Говорятъ, что съ ней все преобразовывается, все озаряется яркимъ свѣтомъ. Говорятъ и пишутъ...

Иногда, когда я думаю о ней, мнѣ дѣлается страшно, что я не узнаю ее, и отъ этого дѣлается очень горько и больно. Не-у-же-ли?!

Я не вполне понимаю это, но пусть это — влеченіе половъ, пусть физиологическое явленіе. Но отъ книгъ и изъ жизни прививается безотчетное къ ней влеченіе... Но оно есть во мнѣ, помимо моей воли.

Во всякомъ случаѣ, любовь можетъ и должна быть только приложеніемъ къ жизни, а никакъ не ея содержаніемъ. Жалки, у кого это такъ. Слава Богу, что у меня нѣтъ...

Существуетъ ли вѣчная любовь? Не знаю. Единичные примѣры ея есть въ исторіи, но en masse, думаю, ея нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ супружеской жизни она затѣмъ переходитъ въ привычку.

И хорошо, если въ привычку. На многихъ я видѣла, что между супругами возникаютъ почти-что ненависть и вражда. Это то, что называется „семейнымъ счастьемъ“!.. А

пути, созданныя дѣтми или чѣмъ-нибудь другимъ, привычка, — слишкомъ сильныя, и тянется скучная, сѣрая лямка жизни.

Допустимъ, что любовь, — извѣстное органическое возбужденіе. Оно прошло. Если между соединенными имъ остается привычка... Чего-же лучше? Они соединены согласіемъ, дружбой, общностью интересовъ; а какъ часто ея вовсе не бываетъ, и бракъ совершается... я не знаю, какъ можетъ онъ совершаться безъ взаимнаго влеченія?..

Итакъ, отъ брака остается только одна форма, безо всякаго содержанія. Разной побочной „любви“ онъ не мѣшаетъ, а только увеличиваетъ грязь и развратъ. А разъ — только форма, ее надо удалить изъ жизни...

Я безусловно противъ брака...

Идеаль: жизнь на отдѣльныхъ квартирахъ; дѣти — съ матерью.

Мнѣ кажется, что въ такой обстановкѣ любовь должна быть и красивѣе, и привлекательнѣе: она оставляетъ всегда что-то неизвѣданное, и этимъ манить.

И еще потому я хотѣла-бы испытать любовь, чтобы знать, поступаю-ли я такъ, какъ вѣрю теперь.

„Что день грядущій мнѣ готовить“?..

22 Мая. Да, да, цѣлый мѣсяцъ не писала я... Почему? Не знаю. Вообще, безалаберную общую жизнь вела, а потомъ была слишкомъ занята и, когда бывала свободная минутка, садилась за книгу.

За это время произошло многое, и сегодня, въ частности, мнѣ много кое-чего хочется сказать, безумно сильное желаніе облегчить душу отъ накопившихся, какъ-то, за послѣдніе дни впечатлѣній.

Сегодня мнѣ мама сказала, что мы, очень вѣроятно, недѣли черезъ двѣ уѣдемъ въ Крымъ, съ тѣмъ, чтобы остаться тамъ и на зиму...

Мнѣ показалось, что счастье стало близкимъ и возможнымъ...

О, хоть-бы это только не были пустые разговоры. Хоть-бы правда, къ моему шестнадцатилѣтню очутиться подъ голубымъ небомъ юга, на берегу моря. О, если-бы!..

Когда я начинаю думать, мнѣ подчасъ больно, что я здѣсь, до тоски хочется Крыма, т. е. моря, солнца, юга...

Имѣются извѣстія, что жизнь тамъ дешева и спокойна. Быть можетъ, тамъ мы отдохнемъ и придемъ въ себя.

О, къ морю, къ морю!..

Тамъ растаетъ, уйдетъ немного въ глубину прозаическій налетъ времени, красота окружающаго обновитъ мою душу...

Временами, забывается это стремленіе, но сегодня, послѣ маминаго напоминанія, опять безумно сильно захотѣлось туда.

Посмотримъ, посмотримъ, посмотримъ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше даетъ себя чувствовать вліяніе времени, — очень положительное во многихъ отношеніяхъ: время заставило меня задуматься надъ многими большими вопросами, какъ социализмъ и др; оно указало мнѣ дѣйствительную цѣль жизни и расширило мой кругозоръ; оно „опрактичило“, „оположило“ меня въ повседневной жизни, сдѣлало болѣе подготовленной къ различнымъ случайностямъ жизни.

Между прежней „барышней Нелюшей“ и теперешней ученицей столяра Ивана Ивановича — много разницы, духовной особенно...

Все это хорошо и за свое развитіе я только благодарна времени. Но оно сдѣлало, увы, и другое: все то, а его было много, что принадлежало голубому міру мечтаній и грезъ, міру поэзій, ослѣло, забилося какъ-то въ глубину души.

27 Мая. Писать, писать и писать безъ конца...

„Изъ Дневника“

С. Надсона.

Сегодня всю ночь голубыя зарницы
Мерцали надъ жаркою грудью земли...

.....

... Да, смѣйся, мой демонъ, но грезы былого
Не трогай язвительнымъ смѣхомъ своимъ!..
Ты смѣйся надъ тѣмъ, что я сердца больного
Еще не осилилъ сознаниемъ святымъ,
Что мнѣ еще тяжки борьба и ненастья,
Что трудно порою мнѣ спорить съ тобой,
Что мнѣ, малодушному хочется счастья,
Какъ путнику — тѣни въ томительный зной....

Но знай, что я твердо сознать, что покуда
Такъ души покровы ночной темноты,
Такъ много на свѣтѣ бездомнаго люда, —
О личномъ блаженствѣ постыдны мечты.
И знаю я твердо, что скоро съ тобою
Я слажу, мой демонъ, изгнавъ тебя прочь.
И сердце, какъ встарь, не сожмется тоскою,
Тоскою о счастьѣ въ весеннюю ночь...

Чудесное стихотвореніе!.. Въ немъ все отвѣчаетъ настроенію моей души... Когда я рисую себѣ будущее, ни одна картина не обходится безъ этой борьбы.

Съ одной стороны, желаніе красиваго такъ велико и такъ захватываетъ, что, кромѣ него, ни о чемъ думать не хочется... Съ одной стороны, — сцена... Любимое искусство... Съ другой, — особыяки, имѣнья, сады, роскошь, уютъ, и надъ всѣмъ этимъ красота.

Но вспомнишь о массахъ, несчастныхъ въ своихъ подвалахъ и мансардахъ, о тысячахъ жизней, погибающихъ въ жуткой тинѣ косности и невѣжества, и другія картины становятся передъ глазами...

Бороться, всю жизнь бороться съ предрасудками и зломъ настоящей жизни. Вотъ, что я должна дѣлать.

Пусть наслаждаются слѣпые. Намъ и такъ мало, а ихъ всегда хватить... Нѣтъ, работать, работать безъ конца! Дѣла столько, что къ концу жизни совершенное будетъ лишь каплей въ морѣ...

И мнѣ кажется, что у меня хватитъ силъ на эту тяжелую борьбу. Сознаніе приносимой жертвы даетъ силу и бодрость. Вѣроятно, въ человѣческой природѣ лежитъ удовольствіе отъ сознанія, что приносишь жертву.

И тогда мнѣ хочется, чтобы скорѣе настало это будущее, и я могла-бы помѣряться силами съ жизнью...

Сегодня у меня легкое, удовлетворенное собой чувство, и хочется долго и много писать...

Столько дѣла кругомъ!.. Я устроила-бы пріютъ для нищихъ, какъ хотѣла еще въ дѣтствѣ; по деревнямъ я основала-бы образцовыя новыя школы; старалась-бы поднять среднее образованіе; писала-бы, думаю... Мнѣ кажется, я могла-бы! Работала-бы въ социалистической партіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избранный кругъ интересныхъ знакомыхъ, гдѣ отдыхала-бы душой...

Можетъ быть, любовь...

Что она такое, эта любовь, о которой такъ много пишутъ и говорятъ?.. Узнаю-ли я ее когда-нибудь?.. А, если нѣтъ, будетъ-ли моя жизнь какой-то неполной, буду-ли я ощущать тоску одиночества? Вѣроятно, да. Когда, усталая отъ дневныхъ хлопотъ, я буду возвращаться вечеромъ домой, временами мнѣ будетъ грустно и больно...

Любовь... любовь... когда-же?

Но нельзя поддаваться такой тоскѣ о чемъ-то неопредѣленномъ... Ей не мѣсто въ нашей трудовой, подготовительной жизни. Да, надо со многими лирическимъ проститься. Не надо этихъ настроеній, тоски такой, *attendrissements*... Насъ ждетъ работа!..

Это не громкія слова, не форма... Я прочувствовала то, что пишу, и не безъ маленькаго защемленія соглашаювъ на это. Потому, что это полное отреченіе отъ личнаго счастья и потому, что я вѣрю, что у меня хватитъ силъ откажутся отъ него.

Можетъ быть, это слишкомъ банальное умиленіе передъ самой собой...

Увы, все это мечты... Не знаю, что приготовить мне будущее, но, пока, оно поглощает мою жизнь...

Да, время историческое, безусловно интересное, но, ведь и жить хочется... Ах, как хочется, минутами!..

... Мое желание на это лето: много, массу прочесть, и по беллетристике, и по специальностям. Увы, моя библиотека (Идзиковскаго) закрыта, а оттуда у меня по различным отраслям чудесные списки. Но Идзиковский скоро откроется. Кроме этого, я занялась стенографией. Съ сегодняшнего дня. Искусство ради искусства, на будущей годъ въ гимназии и, вообще, хорошо это знать.

Пошла мода поступать на службу. Но я обеспечена, пока, материально, и потому не стремлюсь къ ней, а займусь „общественной дѣятельностью“: одна из нашихъ родственницъ, пресимпатичная дѣвушка, недѣли черезъ двѣ будетъ работать въ школахъ, гдѣ общала и меня устроить. Какъ разъ то, что я люблю.

Такъ, съ одной стороны, о зимѣ не думается. Посмотримъ. Если политически будетъ то-же, что и теперь, будетъ очень, очень скверно, какъ въ Москвѣ и Петроградѣ, гдѣ, говорятъ, люди пухнуть съ голода.

Однако, опредѣленно говорятъ, что „климатъ“ переменится. Словомъ: увидимъ. Я, вообще, на этотъ счетъ какъ-то успокоилась. Можетъ быть, именно, теперь, — не знаю.

Значительную роль, въ этомъ отношеніи, сыграла и „Французская Революція“ Тьера, которую я теперь читаю.

Стиль „Исторіи“ очень хорошъ: не сухой, наоборотъ, живой, мѣстами красочный, онъ дѣлаетъ книгу быстро читаемой и не трудной. Но, конечно, не этимъ дѣйствуетъ на меня это произведеніе.

Когда я читаю о революціи, картины страшныя, безпроектныя встаютъ передъ глазами.

Невольно сопоставляешь ихъ съ нашимъ настоящимъ, и съ настоящимъ Франціи.

Время прошло. Государство въ цѣломъ пережило всѣ эти муки и вновь высоко вознеслось. Люди погибли. Сотни и

тысячи ихъ . . . Имъ тоже казалась смута безконечною. Но мы, потомки ихъ, видимъ результаты. Что ихъ смерть, передъ огромнымъ шагомъ государства впередъ?

Такъ и теперъ. Надо только терпѣливо предоставить все времени.

Если мы выживемъ, то увидимъ теченіе спокойной рѣки, въ которую выльется теперешній шумящій потокъ . . .

Наши очень хотятъ уѣхать. Если начать говорить объ этомъ, то и мнѣ очень хочется. Тогда начинается что-то совсѣмъ новое. Папа хлопочетъ усиленно. Остается и тутъ одно, — увидимъ!

А пока, я буду стараться, какъ можно полнѣе проводить въ жизнь свою лѣтнюю программу.

Какъ подумаешь, сколь многому научила меня теперешняя жизнь, мытарства, продолжающіяся два года.

Безъ нихъ, я могла-бы выйти слѣпымъ китайскимъ болванчикомъ . . .

Да, время наложило неизгладимый отпечатокъ на всю жизнь. И, пока, я не могу жалѣть: я стала человекомъ, несравненно болѣе жизненнымъ и практичнымъ, чѣмъ раньше.

Я въ прошлый разъ говорила, что мнѣ жаль поэзіи души, которая спряталась. Да, мнѣ временами больно, что ея нѣтъ, но это мелочь въ сравненіи со знаменіемъ времени.

Наше поколѣніе выйдетъ куда болѣе матеріальнымъ, чѣмъ предыдущее.

Хотя въ душѣ живетъ все-же прекрасный огонь чувства красоты, и подчасъ онъ беретъ верхъ надъ всѣми разсужденіями о лазурномъ морѣ.

30 Ма я. Ужасно вчера хотѣла писать, но когда собралась сѣсть, въ нашей комнатѣ пошли спать, и мнѣ было негдѣ.

Было какое-то особенное внутреннее удовлетвореніе; кажется, такъ можно опредѣлить мое чувство. На душѣ было особенно легко. Захотѣлось перечитать свои старыя замѣтки. И

перечитывая московскій дневникъ, не въ-первой пришлось пожалѣть мнѣ объ оставленныхъ Саратовскихъ тетрадкахъ. Сколько милыхъ картинъ далекаго, поистинѣ далекаго прошлаго встало-бы передо мной. Да, жаль . . .

За послѣднее время у меня почти всегда какое-то пріятное внутреннее чувство. Чтó оно, откуда, — не знаю. Никакихъ особенныхъ мыслей нѣтъ, но такое ощущеніе, что я сейчасъ только думала о чемъ-то большемъ и хорошемъ. Въ головѣ разные отрывки . . . и, въ общемъ, легко и удовлетворенно. Я думаю, это — именно удовлетвореніе.

. . . Слава Богу, теперь я начала побольше читать. Читаю русское и французское. Русское — „Хроника семьи Горбатовыхъ“ Соловьева. Пріятно. Тамъ, гдѣ касается извѣстныхъ историческихъ личностей, особенно интересно. И, поэтому, я рѣшила лѣтомъ почитать побольше исторической беллетристики.

Хорошая наука исторія! Захватываетъ. А какое чувство должно обуревать, когда видишь раскопки старины, какъ Помпея и др.

Какъ пріятна нравственная удовлетворенность собой!

. . . Вѣроятно, у меня теперь такой возрастъ, когда я начинаю думать о любви. Не знаю, какъ другіе, но меня иногда эта мысль преслѣдуетъ . . . Я ищу ее (совершенно безсознательно) въ окружающемъ, иногда тамъ, гдѣ ея и быть не можетъ . . . Это глупо, быть можетъ, нехорошо, но это такъ . . .

— Мама, такъ что-же такое любовь, про которую такъ много пишутъ и говорятъ; безъ которой, говорятъ, жизнь не полна. Что-же она такое? Правда-ли, такая лучезарная? — спросила я на дняхъ маму, въ приливѣ размягченія и откровенности. — Да, — отвѣтила мама и немного поговорила на эту тему.

Но я, все-же, не знаю, что такое любовь. Я силюсь и не могу, рѣшительно никакъ не могу представить себѣ этó чувство.

Какъ можетъ что-то инстинктивное, половое, физиологическое такъ ярко окрашивать жизнь и стоять выше общественной дѣятельности, выше принциповъ, разума и совѣсти?

Нѣтъ, никто не можетъ отвѣтить на это, и, пока я сама не испытаю обаянія этого чувства, никто не объяснитъ мнѣ его.

Но когда, когда, и будетъ-ли, вообще, когда-нибудь это „когда“?

Больше не пишется мнѣ сегодня...

Ахъ вотъ! Я много думаю о Л. А. Мнѣ все кажется, что мы встрѣтимся въ жизни, что будемъ близки другъ другу...

И мама думаетъ о немъ для меня, она его не называетъ, но я знаю.

Не странно-ли это совпаденіе мыслей? Какъ жаль, что лично мы съ нимъ мало другъ друга знаемъ. Особенно онъ меня.

1 Іюня. Сегодня я рѣшительно стремлюсь къ дневнику. Милый... какъ хорошо, что онъ есть у меня.

О многомъ хочется поболтать сегодня, но будетъ-ли время? Начну съ главнаго...

Другая, спокойная жизнь такъ далека отъ меня, что я ее себѣ и представить не могу... Не сонъ-ли то, что было? А, можетъ быть, сонъ то, что происходитъ теперь?

Вотъ я проснусь, — будетъ утро; мы въ Саратовѣ, у себя на квартирѣ, и всего пережитого, какъ не бывало...

Сейчасъ мама позвонитъ, я побѣгу къ ней въ спальню, ошеломленная, удивленная... Принесутъ газеты... Я просмотрю ихъ, чтобы убѣдиться, что не брежу. Нѣтъ, это правда: газеты ничего не говорятъ о теперешнемъ.

Звоню по телефону — „Рая дома?“... И мы разговариваемъ... Вотъ, сейчасъ я проснусь... Какъ странно мнѣ будетъ...

Я знаю, конечно, что все это — „глупая дѣтская“ сказка, которой такъ хочется подчасъ.

А, между тѣмъ, мысль эта съ утра преслѣдуетъ меня. Знаю, вѣдь, что чепуха, но почему-же она держится въ головѣ?

И какъ-то пріятно останавливаться на ней: она вызываетъ воспоминанія и смутное, туманное, дымчатое самочувствіе.

Какъ много страннаго въ моей жизни... Неужели прошлое и настоящее укладываются въ одномъ существованіи? Какая галиматья! какая несуразность!

То прошлое было, существовало; оно составляло для меня жизнь, что-то полное и законченное. Оно было всёмъ...

Такимъ далекимъ будутъ когда-нибудь казаться мнѣ мои теперешніе годы, когда я для себя — человѣкъ, цѣлое, а не часть будущей женщины... Какъ снова странно! Неужели придетъ время, когда мое настроеніе будетъ только далекимъ воспоминаніемъ на горизонтѣ дѣтскихъ лѣтъ. И я буду совершенно вырослой, какъ всё они?..

Да, буду! Что-бы ни говорили событія, время идетъ, и съ нимъ я все приближаюсь къ жизни.

Пройдутъ годы, я вырасту, каковы-бы ни были общія условія, если только я останусь жива...

Все преходяще, вотъ общій тонъ моего нравственнаго самочувствія.

Въ прошломъ году, въ Москвѣ, я переживала бурю, мнѣ все казалось чернымъ, я не видѣла конца... а теперь я не могла-бы горѣть такимъ огнемъ.

Апатія-ли, или въ значительной степени вoadѣйствіе Тьера, — но мнѣ кажется, что теперешняя жизнь — вопросъ времени. Только-бы остаться въ живыхъ, а прочее перемелется и мука будетъ.

Вопросъ только времени.

Нѣтъ, право, такъ странно... Черезъ восемнадцать дней мнѣ исполнится шестнадцать лѣтъ. Въ 1903 году появилось на свѣтъ маленькое животноподобное существо. Прошли годы. Оно обратилось въ пятнадцатилѣтнюю дѣвушку, съ внутренними задатками на всю жизнь. Пройдутъ годы. Она станетъ женщиной, и теперешнее будетъ далеко...

Эту странность надо ощущать, чтобы понять... Жизненное колесо катится все впередъ и впередъ...

Мы, вообще, уйдемъ, на смѣну придуть другіе... А жизнь, по прежнему, будетъ катиться впередъ...

Неужели я когда-нибудь была несознательной малюткой, и буду чѣмъ-то, что будетъ вспоминать о настоящемъ, какъ о далекомъ дѣтствѣ...

Я повторяюсь, но, если подумать, вѣдь, это такъ странно...

У меня склонность къ такимъ... общимъ разсужденіямъ. Не знаю ихъ научнаго названія. Но суть всего этого та, что съ теченіемъ времени жизнь наладится. Надо только умѣть ждать.

Хорошо, конечно, было-бы очутиться далеко отсюда... Ну, да что объ этомъ думать! Правда, ждать можно и живя въ то-же время... Но у меня нѣтъ энергіи думать объ этомъ.

У меня больше нѣтъ энергіи и силъ, чтобы пылать... Вѣроятно, такъ. Но тутъ и не безъ Тьеровской революціи, вѣроятно... Тѣмъ лучше!.. Но въ этомъ чувствѣ о временности всего есть безусловно апатія... А, ну его, лучше не думать!

Подъ вліяніемъ такого состоянія, такихъ мыслей о прошломъ, мнѣ хотѣлось сегодня утромъ чего-нибудь мѣрнаго, однообразнаго, безъ яркихъ красокъ и тоновъ. И я ощутила связь человѣка съ природой.

Если-бъ было солнце, голубое небо, я вышла-бы, и горячіе лучи вдохнули-бы бодрость. Но шель дождь. Съ самаго утра мелкій, безпрестанный дождь. Было сѣро и однообразно, какъ и хотѣлось мнѣ. И дождь, то усиливался, то переставалъ. У меня было безумное желаніе одѣть старье, маленькую шапченку и пойти бродить безъ конца... Шагать по тихимъ улицамъ съ зеленью и безлюдьемъ... Итти, не замѣчая, какъ несутъ ноги, медленно, машинально... И вдругъ я-бы поймала себя на томъ, что не иду, а стою. Не слышу улицы... Прихожу въ себя и дальше... А дождь все идетъ и идетъ...

Это, безусловно, поддержало-бы мое настроеніе, тогда какъ моя цѣль — властвовать надъ настроеніемъ.

Но они такъ сладки, эти разнообразныя проявленія „томленія духа“, что каждый разъ мнѣ больно начать разрушать ихъ прозой.

Возьми я „французскую революцію“, займись-бы, — „настроение“, громко говоря, прошло-бы... Но оно было приятно. Приятно было ощущать новыя мысли и переживанія. А, все-же, надо дѣйствовать... Только-бы силы достало...

Эхъ, итти!.. Я, вѣроятно, буду очень эксцентричной особой, когда выросту, если останусь во власти своихъ настроеній. А во власти писательскаго — я, навѣрное, останусь.

3 Іюня. Да, пока, я рѣдко въ настроеніи одерживаю побѣду надъ чувствомъ. Но надо готовить себя къ жизни. Сладости, чувствуемой отъ нихъ, не мѣсто въ нашей суровой дѣйствительности. Я хотѣла-бы быть ровной, постоянно въ настроеніи. Не высказывать ни радости, ни горя. Но и это, пока, внѣ меня. А дальше... nous verrons.

...Но, конечно, никуда я не пошла, и съ горя начала читать. Но ни „Революціи“, ни русской библиотечной книги, — мнѣ не хотѣлось. Порылась въ шкафу и нашла „Секретъ Полишинеля“ Ю. Слезкина и „Побѣду Женщины“ Локка. Первое проглотила въ полчаса, а второе читала цѣлый день, лежа на кровати. Обѣ вещи понравились, но впечатлѣніе отъ второй больше и глубже.

Я читала „Побѣду Женщины“ съ особымъ интересомъ, потому что въ ней звучитъ много знакомыхъ и прочувствованныхъ тоновъ.

Клементина — художница-профессионалка, безъ заботъ о внѣшнемъ впечатлѣніи. Лирическіе моменты ея жизни и, наконецъ, ея превращеніе въ Клементину - женщину, которая сразу стала выше среды...

Ея самопожертвованіе въ любви, которой она ждала долго и напрасно.

Все это мнѣ казалось знакомымъ, больше, — роднымъ. Эти черты я нерѣдко замѣчаю въ себѣ. Итакъ, удовольствіе было большое. Только, мнѣ кажется превращеніе Клементины слишкомъ рѣзко для жизненности...

Вчера или сегодня, я раскрыла смыслъ названія „Побѣда Женщины“. Это не только побѣда Клементины надъ Эфраимомъ и Линой, это, главнымъ образомъ, внутренняя побѣда женственнаго инстинкта надъ грубой оболочкой, въ которую заключился онъ послѣ удара, перенесеннаго Клементиной въ ея первой любви. Вотъ — „побѣда женщины“! Сильная въ началѣ, Клементина, все-же, сдалась. „Поль виситъ на духѣ“...

Я сочувствую тому, что она „оженственилась“, но мнѣ обидно, что „человѣкъ“ оказался такъ легко побѣжденнымъ. Все-же, это слабость. Хотя? Въ чемъ она? Клементина не погрязнетъ въ мелочахъ среды. Умственно она выше ея и соответственно устроить свою жизнь. А искусство не заглохнетъ въ ней. Правда, семья будетъ на первомъ мѣстѣ, но Клементина всему опредѣлитъ свое мѣсто.

Развѣ можно требовать, чтобы любовь къ дому и семьѣ заглохла въ ней? Мечты о „своемъ“ такъ сладки.

Да, Клементина оправдана мной окончательно: вѣдь, идеаль женщины, воплотить въ себѣ и „женщину“, и „человѣка“.

Но какъ проводить этотъ идеаль въ жизнь? Какъ я проведу его?

Испоконъ вѣковъ обязанности раздѣлены между мужчиной и женщиной такъ, что, болѣе сильный физически, онъ несетъ тягость матеріальнаго обезпеченія, а на ея попеченіи — хозяйство и семья.

Вѣроятно, физиологически и душевно, женщина построена иначе, чѣмъ мужчина: относительно второго, — въ ней больше мягкости.

Серьезно, абсурдъ допускать, что природно — мужчина и женщина равны.

Вотъ, этой обязанности, смѣю сказать, данной намъ природой, нельзя совершенно покидать. Интересно, какъ выглядело-бы жильѣ безъ присмотра женскихъ рукъ. О, очагъ оди-

нокаго всегда можно отличить: одно присутствіе женщины вносить тепло — оно не обходится безъ мелочей, придающихъ столько красоты и юта.

Но умъ женщины зоветъ ее, подобно мужчинѣ, въ область науки.

Въ этомъ между ними и ѣтъ разницы.

Мы способны на ученіе такъ-же, какъ и мужчины, и мы хотимъ учиться. Только вѣковое неправильное воспитаніе забило женщину, выдвинуло кокетство, жеманство и т. д. Дайте намъ возможность учиться, и мы на дѣлѣ докажемъ, что умственно — ничуть не ниже мужчинъ.

Не только „учиться“, вообще, „воспитываться“ надо женщинѣ иначе, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Однако, что это? Я сильно отвлеклась отъ темы и не отвѣтила на поставленный вопросъ.

Женщина должна заботиться о семьѣ, воспитаніи дѣтей, столь важномъ для будущаго человѣчества, но не приносить эти занятія въ жертву стремленіямъ, зовущимъ ее; у каждой своя сфера: одна—артистка, другая—художница, въ широкомъ смыслѣ слова, общественная дѣятельница, работница въ области просвѣщенія... Мало-ли?

Домашнія заботы оставляють много досуга, и его надо использовать.

Да, это трудно, безусловно трудно провести въ жизнь. Общественная дѣятельность требуетъ всего человѣка, а не часть его, но мы должны добиться, чтобы идеаль осуществился въ жизни.

И это возможно. Если женщина — врачъ, она должна имѣть кого-нибудь, кому можно поручить дѣтей и домъ... Тотъ, кто можетъ творить, не долженъ исполнять грязную работу...

6 Іюня. Да, вотъ, насчетъ послѣдняго: общественная и хозяйственная жизнь женщины трудно совмѣстимы, а, между тѣмъ, онѣ должны быть соединены.

Лёля замѣтила вѣрно, что для женщины со средствами это легче осуществимо . . . О, да, когда хозяйство со всѣми мелочами лежитъ на женщинѣ, ей некогда заняться общественностью. А, между тѣмъ, время должно быть. Для этого надо перевернуть весь социальный строй и многое переменить въ немъ . . .

. . . Лѣто. Я почти не занимаюсь. Лишь музыка и иностранное чтеніе, — очень интересное. Однако, почти цѣлый день занять; по крайней мѣрѣ, строго распределенъ: до обѣда — казенщина, а послѣ — мое время.

Но теперь мнѣ этого мало: я успѣваю осуществить лишь одно чтеніе и гулянье, которое, я хочу, чтобы продолжалось не менѣе двухъ часовъ. А, между тѣмъ, мнѣ надо читать и по-французски, и писать дневникъ я хочу.

Что я дѣлаю въ казенное время: стенографія, музыка, журналъ. Ко всему этому, не надо забывать значительныхъ хлопотъ хозяйственныхъ: утромъ — уборка, днемъ и вечеромъ приготовленія къ обѣду и ужину. Это отнимаетъ значительное количество времени, но я могу лишь отчасти жалѣть о немъ.

Теперешняя жизнь, гдѣ приходится больше, чѣмъ раньше, думать о самой жизни, о ея, такъ сказать, насущныхъ требованіяхъ, много, считаю, развила меня. Почему? Да потому-же, что бѣдность, хотя и горькій, но наилучшій учитель.

Но, вотъ, не будь ихъ, я больше предавалась-бы духовной жизни; однако, въ общемъ, это даже не было-бы такъ полезно; хорошо, что я ко всему сейчасъ-же приноравливаюсь, и никакая работа меня не испугаетъ . . .

Но, вотъ, я л и ч и о выросту. Объ изгнѣженности у меня не можетъ быть и рѣчи. Я устроюсь, каковы-бы ни были мои матерьяльныя условія. И, будь моя обстановка даже роскошной, у меня сохранится нѣкоторая простота. И, потому, я сумѣю, по нравственному праву, передать часть „черной работы“, въ свободное время никогда сама не отказываясь отъ „низменныхъ“ дѣлъ: физическій трудъ удивительно обновляетъ и облегчаетъ душу. И я полагаю, что дѣтей надо воспитывать, слѣдуя девизу „самъ себѣ помогай“, взятому широко въ по-

жизни физической жизни. А нравственность? Я в какой-то книжке читала о нравственной самопомощи, кажется, отрицательно, но это слишком тонко сейчас.

Я говорю „самъ себя помогай,“ какъ вообще это понимаютъ, и — баста!

Между прочимъ, когда я говорила въ послѣдній разъ о женщинахъ, я могла писать, пока дѣло касалось общностей.

15 Июня. Моя волшебная пѣсенка объ отъѣздѣ.

Когда она дѣлается близкой, все окрашивается въ веселые розовые тона и кажется лучезарнымъ. Я такъ легко поддаюсь надеждѣ. Ужь сколько разъ мы „уѣзжали,“ но и теперь я снова поддаюсь надеждѣ.

Сегодня воскресенье, а въ пятницу есть хорошая — сравнительно — оказія поѣхать за границу. Съ завтрашняго дня папа начинаетъ хлопотать. Авось... Но мнѣ такъ вѣрится въ это.

Отсюда до Гомеля — пароходомъ. Затѣмъ — поѣздомъ на Мозырь-Лунинецъ. Потомъ — лошадьми черезъ фронтъ, говорить, пустыни. Ну, а потомъ Варшава—Парижъ. Когда я думаю обо всемъ этомъ и вспоминаю, что начало черезъ нѣсколько дней, мнѣ хочется протерѣть глаза, шире открыть ихъ, — такое чувство, что это совершенно новое не можетъ быть такъ близко осуществимо. И вдругъ, мѣсяць, другой...

Увидимъ, увидимъ; теперь, что ни день, — будетъ новое въ этой области.

Завтра, послѣзавтра, можетъ быть, у насъ будутъ пропуски и... Нѣтъ, это что-то не такъ!

Неужели-же я окажусь въ Парижѣ, въ центрѣ совершенно новой жизни? А? Не сонъ ли? Только-бы не окончилось одними разговорами...

Я хочу, — „если...“ — послѣ хорошо проведеннаго лѣта на берегу океана, когда придешь въ себя и свыкнешься съ яркимъ блескомъ новой спокойной жизни, — вѣдь, свѣтъ послѣ темноты всегда ослѣпляетъ, — поѣхать въ Англію, въ пансі-

онъ, и тамъ кончать свое образованіе: англійское воспитаніе наиболѣе изъ существующихъ соотвѣтствуетъ моему идеалу.

А тамъ . . . Подготовленная соотвѣтствующимъ образомъ къ жизни (благодаря англійской школѣ), я смѣло вступаю на намѣченную дорогу.

Не знаю, успокоится ли тутъ? Можетъ быть, да, а, можетъ быть, и нѣтъ. Я хочу путешествовать по всему свѣту. Основаться въ Москвѣ и посвятить себя угнетеннымъ и страдающимъ. Пусть такова будетъ моя жизнь.

А, что скажете къ тому времени исторія, — этого намъ не дано знать . . .

Мысль объ отъѣздѣ поддерживаетъ во мнѣ съ утра чудесное настроеніе. Я вѣрю, мечтаю, и бываю въ Парижѣ, въ Руанѣ, Лондонѣ . . . Я только и думаю объ этомъ.

— „Что день грядущій мнѣ готовить.“

На дняхъ мы отправились съ Лелей въ поле, за городъ, сравнительно не далеко отъ насъ.

Когда живешь въ городѣ, то удивительно чувствуешь малѣйшее приближеніе къ природѣ. Мы вышли задворками желѣзно-дорожнаго квартала.

Странно было, что мы только-что ушли съ шумныхъ, застроенныхъ домами улицъ, и попали на самое лоно природы.

Много въ мірѣ такихъ „странностей“ . . .

Кругозоръ ограничивался холмами, распаханными или покрытыми зеленымъ ковромъ. Мы поднялись на бугоръ и оглянулись.

Сзади насъ, гдѣ-то на горизонтѣ, степь упиралась въ небо, а, спереди, за пройденной нами частью поля, раскинулся Кіевъ.

О, что это былъ за видъ! Съ одной стороны, — тонущіе въ зелени небольшіе домики, съ другой, — каменные громады центра. Блестятъ золотые купола церквей . . .

Городъ обнимаетъ насъ съ трехъ сторонъ, постепенно сливаясь, на четвертой, съ полемъ.

И такой просторъ, такая ширь . . . Я особенно люблю это въ видахъ.

Мнѣ казалось, что у меня грудь разрывается отъ захватившаго ее трепета.

Мы легли, и тогда было впечатлѣніе, что мы смотримъ сверху внизъ.

Не вѣрилось, что мы пришли оттуда, что находилось на горизонтѣ и казалось такимъ далекимъ.

Мы слились съ этимъ полемъ. Я чувствовала, что теорія о единой міровой душѣ оправдывается: я растворялась въ окружающемъ и собирала его въ себѣ.

Потомъ пошли межой. Первый разъ въ этомъ году мы были близки къ природѣ, и, потому, вѣроятно, все казалось такимъ необыкновеннымъ.

Мы перебрасывались отдѣльными фразами и говорили исключительно о томъ, что имѣло связь съ природой. Все блѣднѣло и мельчало передъ ней.

Людская жизнь, любовь . . . нѣтъ, онѣ не мельчали у меня, а были слишкомъ далеки въ данную минуту, чтобы я могла сосредоточиться на нихъ.

Какъ разнообразна жизнь! И самыя различныя, противоположныя фазы ея имѣютъ каждая свой несравнимый интересъ.

Хорошо было поле . . . Но интересень и Нью-Йоркъ со своимъ шумомъ и гамомъ!.. И зоветь и манить любовь . . . Волшебная сказка юности.

Но, кто несчастень, кто утомился отъ городской и общественной прозы, дѣятельности ума и покоя чувства, пусть придетъ на лоно природы. Только здѣсь, подъ говоръ тишины, когда осязаетъ вѣчность, дѣйствительно отдыхаешь и набираешься новыхъ жизненныхъ силъ.

Что будетъ завтра?

22 Іюня. Мало, слишкомъ мало пишу я, но, вотъ, главная этому причина: вообще, жизнь моя какъ-то безалаберно идетъ. Я намѣчаю себѣ планъ, но онъ держится день, два, а потомъ . . . начинается глупость какая-то. Я сама себя поте-

рjala. И вечеромъ нѣтъ у меня перспективы пережитаго дня. Когда этому конецъ? Теперь рѣшительно не знаю, вѣроятно, когда все теперешнее кончится. А оно кончится, потому что мы уѣзааемъ... Вѣроятно, наконецъ. Если только ничто политическое не помѣшаетъ. Пропуски, удобные, ловко устроенные, такъ сказать, у насъ есть, и, какъ только папа освободится отъ своихъ дѣлъ... Скорѣй-бы, вѣдь, „куй же-лѣзо, пока горячо.“

Неужели это, наконецъ, осуществится? Будетъ время, — и въ скоромъ будущемъ, — когда теперешнее будетъ только воспоминаніемъ? Да не брежу ли я? Когда я думаю, что это вопросъ почти дней, у меня ощущеніе, именно, сна, бреда какаго-то...

На прошлой недѣлѣ мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Это былъ хорошій, свѣтлый день: со всѣхъ сторонъ я чувствовала столько любви и участія, что на душѣ у меня пѣли и ликовали тысячи голосовъ. Эта любовь окружающихъ дороже и пріятнѣ шумныхъ гостей и празднествъ. И то хорошо, конечно, но въ этомъ — больше чувства и содержанія.

Вечеромъ этого дня мнѣ хотѣлось сѣсть за дневникъ, чтобы дать себѣ хорошенько отчетъ. Но потомъ завозилась, такъ и осталось.

16 лѣтъ... Еще годъ-два, и я на порогѣ жизни, такъ манящей и зовущей къ себѣ.

Что-же я теперь и во что еще выльюсь? Теперь я еще молодое, бродящее вино, кажется, въ глубинѣ не совсѣмъ плохого качества. Но и теперь во мнѣ уже есть задатки будущаго человѣка. Попробую опредѣлить себя.

Умна ли я? Право, не знаю. Выдающаяся-ли? Не глупа, навѣрно. Способна очень. Есть влеченіе къ ораторству. Можетъ быть, талантъ писательскій, который можно развить... А, впрочемъ, это скучно... Во мнѣ уживаются самыя разнородныя и противорѣчивыя свойства. Я люблю все красивое и часто подъ вліяніемъ чувства размягчаюсь и совершенно забываю про другой двигатель человѣка — разумъ.

Черезъ недѣлю мы ѣдемъ!..

28 Іюня. Почему я теперь так мало пишу?

Да, я рѣшительно потеряла себя. Живу безъ плана, безъ программного чтенія. Французская Революція заброшена. И все виноватъ этотъ отъѣздъ или, скорѣе, неопредѣленность положенія, съ нимъ связанная. Еще—ни да, ни нѣтъ, и это мучить меня.

Скорѣй . . . ахъ, я не знаю, что скорѣе, но только на этой недѣлѣ вопросъ разрѣшится.

Я открыла, что я мечтательница: до сихъ поръ моимъ конькомъ была заграница, а сегодня, когда я возвращалась отъ Лѣли, я мечтала о томъ, что буду дѣлать, если мы останемся здѣсь и общее положеніе не измѣнится. И такъ размечталась, что все ясно себѣ представила. Такъ чудесно было . . .

Я устроилась-бы совершенно самостоятельно, безъ помощи родственниковъ.

Поступлю въ Коммерческой (вмѣсто Юридическаго) или на Историко-Филологической. Благодаря стенографіи—обезпеченный кусокъ хлѣба въ рукахъ, и я буду жить на свои деньги, — иначе я не могла-бы: денегъ въ Москвѣ надо много.

Первый вылетъ . . . Студенческая, самостоятельная жизнь . . . Поѣхала-бы въ Саратовъ . . . А въ Москвѣ—болѣе короткое знакомство съ Л. А. и . . . И почему мнѣ такъ чудится? И мама объ этомъ думаетъ, я знаю это. О, неужели-же?.. Театры . . . И я, „человѣкъ“, а не дѣвочка, пойду по своей дорогѣ . . . Такъ мечтается объ этомъ . . . Пишется труднѣе и терять свою прелесть . . .

Это, кажется, первое лѣто, что мы проведемъ въ городѣ, — не думая объ отъѣздѣ. Во всякомъ случаѣ, проводимъ, и малѣйшая связь съ природой чувствуется гораздо сильнѣе, чѣмъ всегда.

Раза два мы были въ полѣ. „Мы“ — Лѣля и я. Объ любимъ, понимаемъ природу и другъ-друга.

Тамъ необыкновенно. Кіевъ виденъ на горизонтѣ, блестя куполами церквей, мѣстами, исчезая въ зелени садовъ. Тамъ

чувствовала я свою связь съ міромъ природы, единую со всѣмъ міромъ души. Тамъ было чудесно.

Все, отъ полевыхъ цвѣтовъ до вѣтерка, все пахло нѣжно говорящимъ запахомъ.

Городъ былъ гдѣ-то далеко. Мнѣ странно было, что мы — изъ этой каменной громады, противоположной широкому полю.

Мы пѣли хвалебные гимны природѣ. Гимны изъ отрывочныхъ фразъ и возгласовъ. Какъ отдыхаешь наединѣ съ природой! Все забывается, и уносишься душой далеко, далеко... А, впрочемъ, я, кажется, говорила объ этой прогулкѣ.

Вторая—была въ дубовый лѣсъ. Ахъ, какъ шумять деревья... Какъ красива зелень... Куда ни глянешь, всюду лѣсъ, лѣсъ...

3 Іюля. Если есть дни, когда нечего занести въ мою заповѣдную тетрадку, за то есть другіе, когда рѣшительно не знаешь, съ чего-бы начать... Въ такіе дни я съ радостью замѣчаю, что выросла, и когда думаю, что всего лишь полтора года тому назадъ я была, сравнительно, совершеннѣйшимъ ребенкомъ, мнѣ дѣлается страннымъ подумать, что къ семнадцати годамъ я, какъ нѣчто далекое, буду вспоминать теперешнее.

И тогда я понимаю, что семнадцать, восемнадцать лѣтъ — юность золотая съ волшебными грезами любви, а теперь мнѣ, — хотя только два года разницы, — еще рано. И, когда за два года, — время нашего отъезда изъ Саратова, — все такъ перемѣнилось, почему-бы и къ тому времени не увидать мнѣ много новаго въ „общемъ“ положеніи?

Надо больше глядѣть на голубое небо и наслаждаться природой, тогда и силъ для ожиданія больше. За послѣдніе дни я вновь успокоилась и бодро гляжу въ будущее. Да, къ тому-же, и общее положеніе измѣняется.

Въ Москвѣ политика была главнымъ актесуаромъ моего дневника: не было частной жизни, а здѣсь она попадаетъ довольно рѣдко, — лишь въ исключительныхъ случаяхъ: своя жизнь заполняетъ кругозоръ и отодвигаетъ ту на-задній планъ.

... За послѣднюю недѣлю карта совершенно измѣнилась: Крымъ отрѣзанъ англичанами; на востокъ взять Царицынъ, на западъ — Харьковъ. Деникинъ идетъ не то на Москву, не то на Кіевъ... Какъ будто идутъ сюда и нѣмцы съ поляками. А не то — Петлюра. Въ провинціяхъ — банды, передъ которыми теперешніе правители — рай.

Вся русская революція похожа на нарывъ, который постепенно все больше и больше назрѣваетъ. И теперь такой періодъ его образованія, когда на глазъ замѣтно набуханіе. Почти всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что вопросъ недѣль, и онъ лопнетъ.

Но, вѣдь, это же самое думали, и какъ только большевики вошли въ Кіевъ... Но, кажется, въ настоящее время за это предположеніе — больше фактовъ.

4 Іюля. Я теперь довольна собой: каждый день послѣ обѣда иду въ Ботаническій и читаю тамъ часа три... Хорошо! Чувствуешь, какъ наполняешься.

Читаю я довольно безалаберно. Французскую Революцію оставила. Въ данное время читаю Соловьева, а, когда кончу его серію Горбатовыхъ, можетъ быть, возьму что-нибудь научное.

Такъ что-же такое любовь? Природа или люди? Естественность или извращеніе? Какъ и благодаря чему зарождается она?

Гдѣ-бы найти на это все отвѣтъ!
Обойдетъ-ли она меня, узнаю-ли?
О, будущее!...

Мнѣ не вѣрится въ, такъ сказать, предопредѣленный типъ. Но я столько разъ уже убѣждалась, что романы сходятся съ

жизнью, что боюсь смѣло опровергнуть это. Вѣроятно, конечно даже, правда, — если пишутъ...

Эти послѣдніе дни я мечтаю о самостоятельной студенческой жизни въ Москвѣ. И это для меня заманчивѣе всѣхъ заграничь. Дѣла у меня будутъ безъ конца, и служба вдобавокъ; минуты нѣтъ свободной; но это такъ чудесно. Самостоятельно въ обожаемой Москвѣ! А на Рождество — веселой компаніей въ Финляндію...

О, Господи, совершится-ли это когда-нибудь.

6 Іюля. Сегодня я, кажется, долго буду болтать съ дневникомъ.

Опять поговариваютъ объ отъѣздѣ въ концѣ недѣли. Я заставляю себя равнодушно относиться къ этимъ разговорамъ и не строить волшебныхъ замковъ. Но, помимо меня, вновь, какъ двѣ недѣли тому назадъ, у меня появился свѣтлый огонекъ, къ которому сводится все настоящее.

„Мы уѣзжаемъ... Мы будемъ въ Біаррицѣ на берегу моря“, — поетъ что-то внутри меня.

Нѣтъ, не буду думать: я уже столько разъ обманывалась. Буду вести свой нормальный образъ жизни.

Одно изъ наибольшихъ наслажденій жизни — путешествія. Если общія обстоятельства позволятъ, я, кончивъ образованіе, поѣду странствовать по всему свѣту...

А потомъ приѣду домой, на Русь, и постараюсь облегчить участь тѣхъ, кто тоже хочетъ счастья, но не имѣетъ его.

Какое счастье — путешествовать! Знакомишься съ самыми разнообразными красотами природы и еще больше научаешься любить ее. Широкими мыслями наполняется душа. Философскими, если говорить обще-принятымъ языкомъ.

А знакомство съ людьми. Столько интересныхъ впечатлѣній отъ новыхъ встрѣчъ, а мимолетныя знакомства, безъ скучныхъ формальностей гостиниой. А встрѣчи съ новыми людьми всегда возбуждаютъ цѣлый рой новыхъ мыслей.

Это самое определенное, что имѣется у меня: окончивъ образованіе, поѣхать по чужимъ странамъ. Одной. Самостоятельно и свободно...

Мнѣ думается о томъ, что вся жизнь еще впереди меня, и я увижу еще радугу этой страшной грозы.

Можетъ быть, это обывательская точка зрѣнія, диктуемая усталыми нервами, но часто внутренній голосъ массы силенъ. Хочется, прежде всего, мира и спокойной жизни.

Вѣроятно, мнѣ придется увидать ихъ. Каковы-же они будутъ? Что дастъ человѣчеству теперешняя страшная бойня? Мнѣ кажется, что старое не вернется никогда, и, хотя русская революція натворила много бѣдъ, она, все-же, значительно подвинула прогрессъ человѣчества. Вѣдь, „къ свѣту идутъ черезъ огонь“!...

Обывательшинѣ прежде всего хочется спокойствія, а что, прежде всего, нужно Россіи? Самостоятельная переработка нынѣшней бучи. Безъ помощи иностранцевъ! Ихъ „благородство“ потребуеъ высокой платы: аннексіи нашихъ лучшихъ частей.

Однако, я рѣшительно не могу себѣ представить, какъ, хотя-бы и постепенно, можетъ у насъ все успокоиться: „бѣлый генералъ“, Учредительное Собраніе?!

Да, что могу сказать я, слабый человѣчекъ, о такомъ великомъ моментѣ въ исторіи человѣчества? Время, и только оно одно, покажетъ намъ, какъ произойдетъ этотъ переворотъ.

Наряду съ мечтаньями о будущемъ, у меня все чаще и чаще появляется сильное желаніе литературнаго творчества.

Какое счастье тѣхъ, кто изъ мертвыхъ словъ создаетъ образы и воплощаетъ въ нихъ жизнь. Я видѣла много интереснаго и мнѣ такъ хотѣлось-бы рассказать о немъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, трудность задачи меня останавливаетъ. Выдумки я не хочу, а жизнь требуетъ отдаться ей цѣликомъ. Я чувствую, что теперь не могу этого.

И только вѣрю, что наступитъ день, когда завѣтное желаніе осуществится: потому что мнѣ думается, что хоть немножко, да, все-же, есть у меня возможность осуществить его.

Ахъ, если-бы кто-нибудь подтвердилъ, что это — такъ!
За послѣднее время я замѣтила очень меня порадовавшую вещь. Рассказываю-ли я прочитанное, виданное, или мечтаю вслухъ, у меня, большей частью, совершенно гладко, а, можетъ быть, и красиво получается. Дома, по крайней мѣрѣ, любятъ, когда я рассказываю.

Что это? Можетъ быть, ораторское дарованіе? О, какъ чудесно чувствовать, что у тебя есть что-то такое хорошее. Ахъ, если-бъ это! И для будущаго хорошо, да и, вообще, приятно чувство возбуждать.

Вѣроятно, если взглянуть въ жизнь каждаго человѣка, она не покажется такой, какъ другія. Я знаю нѣсколько такихъ случаевъ. Много, даже.

И въ нашей семьѣ то-же самое. Семья, — какъ семья, кажется. А, если поглубже на дѣло взглянуть, какія индивидуальныя черты и морщины появятся у этого понятія. En gros и en petit.

Было-бы интересно, по моему, написать хронику рода моей мамы, М-овъ: мнѣ часто, — вслѣдствіе близости между собою нѣкоторыхъ членовъ (мнѣ самыхъ родныхъ), — чудится, что это родъ, теперь могу сказать, вродѣ Горбатовскаго, гдѣ сохраняется сознаніе единой семьи.

Я ужасно люблю слушать старыя семейныя рассказы, воспоминанія о дѣтствѣ мамы, ея братьевъ и сестеръ, о женитьбахъ и замужествахъ ихъ. И, по мнѣ, это очень интересно. У всякаго по-своему. Можетъ быть, когда-нибудь и напишу я...

А дѣдушкина жизнь, когда онъ самъ началъ съ ничего!..

9 Іюля. Безалаберно идетъ жизнь: прошелъ день, и слава Богу. Читаю массу.

Много мечтаю я: все ношусь въ далекихъ странахъ Запада, у берега моря, въ англійскомъ колледжѣ... У меня сильно развито воображеніе. Иногда я слышу и осязаю Парижъ; о томъ, что ясно представляю картины будущаго, и говорить не приходится...

Мнѣ нравится это сильное воображеніе. Я раньше и не думала, что оно у меня есть.

Но, все-же, на мои мечты накинута узда: хоть онѣ и въ полномъ смыслѣ слова постоянны, неразлучны со мной, но не такъ пылки, какъ двѣ, три недѣли тому назадъ. Тогда, чуть слово „отъѣздъ“, и я волнуюсь, горю... Но время идетъ, идутъ и разговоры...

Мы ѣдемъ, мы ѣдемъ! Папа серьезно хлопочетъ, и уже у него есть кое-какія бумаги.

На будущей недѣлѣ! Свершится?! Сказка окажется жизнью? Поймите: та жизнь такъ далека, что мнѣ трудно остановиться на мысли, что она дѣйствительность.

Я только считаю, какъ одинъ за другимъ уходятъ дни, и я все ближе къ желанной цѣли.

Но довольно; облегчила душу, и хватитъ! Все увидимъ.

Сегодня, да и часто, я чувствую, что спокойна, но не сѣро-спокойна. Такъ... тишина на душѣ. Sérénité. Мысли разные, — т. е. я не знаю какія, да только не пусто.

Съ какой любовью стану я вспоминать теперешнюю жизнь! Такой далекой будетъ она! Хорошо!..

... „Всѣ счастливыя семьи счастливы одинаково, каждая несчастная семья несчастна по-своему“.

И, вообще, чѣмъ ближе приглядываться къ жизни человека, тѣмъ индивидуальнѣе выступаетъ она.

Можетъ быть, и счастье различно. А несчастье, — навѣрное.

Въ жизни большей частью видишь сѣрую массу, не приглядываешься-же ко всякому отдѣльно, и, потому, когда проникаешь глубже, невольно удивляешься: какъ въ книгѣ!

Исключительная (индивидуальная) жизнь. А, вѣдь, такъ— всѣ люди. Это, потому, что мы мало другъ друга знаемъ.

Вотъ, и мнѣ наша семейная жизнь кажется интересной. А, впрочемъ, оно такъ и есть. Описанная умѣло, всякая страничка жизни имѣетъ свой интересъ.

И хочется мнѣ рассказать о ней, много рассказать о томъ, что я вижу кругомъ; такъ рассказать, чтобы люди, читая, ви-

дѣли все предъ собой, чтобы жили подъ моимъ перомъ мертвыя созвучія словъ...

О, какъ хочется творить, обладать прекраснымъ даромъ слова!.. Но для этого нуженъ талантъ. Немного данныхъ есть у меня... Но онѣ — матерія безъ духа.

Талантъ, талантъ, вотъ что нужно мнѣ!

11 Юля. Теперь уже прошло, а минутъ пять-десять тому назадъ, мнѣ было очень тяжело. Прошло такъ скоро безъ давленія съ моей стороны. Я довольна, что такъ владѣю собой, но — все по порядку.

За обѣдомъ начинаются безконечные разговоры о слухахъ и т. п., говорятъ о многочисленныхъ отъѣздахъ, трудностяхъ и опасности дороги. И мнѣ тогда кажется, что мы уже не поѣдемъ. И безумно мрачно на душѣ дѣлается; тяжело такъ. Полнѣйшее равнодушіе ко всему. Горько. Никто не знаетъ, что я себя держу во всю, чтобы какъ можно меньше думать объ отъѣздѣ, главнымъ образомъ, не говорить о немъ.

Я только немного спрашивала маму, а она уже: — „ты мнѣ надоѣдаешь, мучаешь“... Я защищалась. Говорила, что, если хочется немного облегчиться... Это слово дало поводъ къ смѣху мамы: „есть отъ чего облегчаться“...

Будь все это раньше, я, вѣроятно, сейчасъ дневнику жаловалась-бы на непониманіе, одиночество и т. д. Но это время сантиментальничанья прошло. Я стала гораздо трезвѣе, чѣмъ была, больше прозы сухой во мнѣ. Подчасъ, она и дѣльная. Почти всегда. Я не жалуясь на нее, а, какъ фактъ, отмѣчаю перемѣну.

Это замѣчаніе было мнѣ больно, да и, вообще, настроеніе было адское. Раньше я поддавалась-бы ему, а теперь стала бороться; заговорила спокойнымъ голосомъ, и постепенно спокойствіе пришло.

Только передъ нимъ — нѣсколько взрывовъ неестественнаго смѣха, когда мнѣ вовсе, какъ будто, и не хотѣлось смѣяться.

Мнѣ кажется, это немного истерично. Жаль. Ничего, и оно пройдетъ.

Вотъ, этой борьбы моей съ самой собой никто не знаетъ
et je me garderai bien d'en parler.

Въ этой борьбѣ я побѣдила, здравый смыслъ побѣдилъ, и успѣхъ даетъ мнѣ новыя силы.

Да, я хочу въ совершенствѣ владѣть собой, и надѣюсь этого достигъ.

Въ радости это мнѣ, пока, невозможно, да и необходимо-ли оно въ этомъ случаѣ? Да, не надо быть экспансивной, а въ неприятностяхъ, за послѣднее время, я не однажды замѣчала, что по-немногу двигаюсь впередъ.

Я думаю, что, въ концѣ концовъ, на будущей недѣлѣ мы поведемъ.

Почему-же онѣ смѣялись? Развѣ мнѣ не можетъ быть тяжело? Или я совершенный ребенокъ? Пусть поводъ малъ и ничтоженъ, но для меня это—тяжесть. И смѣяться было жестоко!

Раньше я, вѣроятно, носилась-бы со своей тяжестью, а теперь я говорю, знаю, что она мала, но чувство остается, повторяю, для меня сильнымъ.

Мое стремленіе ухвать — что-то болѣзненное; особенно, въ послѣднее время. Можно и здѣсь поработать: не мечтать, не думать о немъ.

А, съ другой стороны, мои планы такъ велики въ связи съ тамошней жизнью, что понятно, почему я хочу ухвать.

(Вечеромъ). Я пошла въ театръ и потому не могла тогда продолжать. Видѣла „Пиковую Даму“. Понравилась очень: и музыка красивая, и дѣйствіе оперы.

И хорошо было, что на нѣсколько часовъ забываешь дѣйствительность и уносишься въ чарующій міръ поэзіи и красоты.

Такъ хорошо мечталось подъ музыку во время одной изъ картинъ...

И пришла я домой радостная и внутренне ликующая...

Лучше всѣхъ моихъ сновъ золотыхъ — студенческая жизнь въ Москвѣ. Да и, вообще, жизнь тамъ, но, главнымъ образомъ, именно во время студенчества.

О, какъ будетъ чудесно! Какъ было-бы, если-бы общая жизнь позволила... Будетъ, еще будетъ! Мнѣ только шестнадцать лѣтъ, — все еще передо мной. Будутъ еще на мой вѣкъ радости и наслажденія.

Не напишешь словами всего, что представляю я себѣ о Москвѣ... Слишкомъ неясныя для того картины. Но, неясныя для словъ, онѣ осязаются въ мечтаніяхъ.

Мнѣ кажется, что главная для меня прелесть въ нихъ — самостоятельная жизнь въ родной, знакомой немного, но по знакомому обожаемой Москвѣ. Прелести нашей древней столицы никакой другой городъ не будетъ имѣть, можетъ быть, потому что свое, русское.

Когда я думаю: Парижъ — чужой какой-то, а Москва — родная. Даже въ мечтаніяхъ это чувствую. И, вдобавокъ, я знаю ее. Знакомилась сама, собственными силами.

А Художественный? Ужъ лучше его-то — нѣтъ. Красивѣе, — не знаю; во всякомъ случаѣ, все остальное — молчаливѣе для души.

О, Москва, Москва!..

Такъ лучезарно на душѣ, что ни о чемъ темномъ не хочется говорить.

... Мы были въ театрѣ, и передъ дѣйствиємъ, уже послѣ закрытія электричества, я начала, упиваясь, рассказывать Darling'у о моихъ мечтахъ относительно Москвы.

Хорошо рассказывать М. И.: она все такъ близко принимаетъ къ сердцу, и всей душой отзывается на мои планы.

Мама меня немного ревнуетъ къ Darling'у.

„Скажи мнѣ... только правду... ты изъ-за кого-нибудь хочешь въ Москву, или изъ-за нея самой?“

Я разсмѣялась тому, какъ подходилъ вопросъ къ моимъ мыслямъ: какъ-то незримо, именно „незримо“, потому что я сама не знаю часто его личное участіе; но духъ его всегда

есть, въ московскихъ мечтаніяхъ присутствуетъ Л. А. Всегда и всегда...

Проклятые часы... Только было расписалась, — конченъ балъ.

Вотъ, когда я выросту, буду въ волюшку писать...

Эхъ, была — не была!

12 Іюля. Я очень рада: дневникъ опять по прежнему входитъ почти въ ежедневную потребность.

Какъ хорошо имѣть дневникъ!

Разговоры объ отъѣздѣ все ближе къ осуществленію. Завтра воскресенье. Мы ѣдемъ въ четвергъ, можетъ быть, даже, въ среду.

Сегодня папа принесъ очень хорошія новости: поѣздка на Мозырь прекрасна, и, говорятъ, есть прямое сообщеніе: Варшава-Парижъ.

Тутъ у меня уже совсѣмъ голова кружится.

Неужели-же мечта осуществится? Не вѣрится! Да, вотъ теперь, когда, послѣ столь долгихъ разговоровъ, отъѣздъ близокъ, — я не вѣрю, хочу вѣрить, но не вѣрится, что мы уѣдемъ.

Неужели, послѣ всѣхъ иллюзій и разочарованій, послѣ долгой борьбы съ самой собой, въ послѣднюю минуту все рушится?!... .

Какое дѣло судьбѣ до меня? Да, что такое судьба? Это была избитая фраза. Развѣ могутъ общія событія считаться со мной?

Это дѣло случая: говорятъ, что Мозырь — нашъ главный переходной пунктъ—эвакуируется, и пароходы могутъ не пойти.

О, Боже... Неужто?!

Еще четыре дня... Неужели-же что-нибудь непредвидѣнное разстроитъ, наконецъ, осуществляемую мечту... Я такъ боюсь... Какъ никогда, пожалуй...

И вотъ... мы въ Варшавѣ... Въ Парижъ свободный прямой проѣздъ. Мы въ поѣздѣ! Мелькаютъ чистыя деревни... Обработанныя поля... Чуждыя картины, но радующія взглядъ.

Есть въ нашей широтѣ и дикости прелесть, да пожертвовать ею надо... пожертвовать для прогресса.

Города... Небольшія остановки... Кое-гдѣ остатки недавней войны, и, чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ ихъ больше... Читать?... О нѣтъ, не то состояніе. Прильнувъ къ окну, я не отрываюсь отъ него... Вотъ, и граница... Франція... французскій говоръ... Парижскія газеты... И вновь мчитъ поѣздъ. Новая страна... Новые виды... И вотъ П-а-р-и-жъ! Мы пріѣхали... Мнѣ кажется, у меня начинается сердцебиеніе (при мысли о приближеніи къ городу). Не хватаетъ дыханія... Обычная при волненіи дрожь подъ колѣнками...

Поѣздъ сталъ, и мы сразу окунулись въ шумъ большого города. Кругомъ гамъ, крики... Мы въ экипажѣ... Улица за улицей... Жизнь столь различная отъ здѣшняго. Блескъ... шумъ... Блескъ не богатства, а большого города... Какой-то новый міръ...

„Ужъ не бредъ-ли?“ Нѣтъ, то правда!

Что?! Черезъ три недѣли будетъ такой день? Тамъ и сейчасъ все такъ, только безъ насъ... Тамъ не знаютъ о Россіи... т. е. знаютъ сухо, по газетамъ... обще... научно...

Какъ великъ и обширенъ міръ... и какъ онъ малъ... „Я — царь, я — рабъ, я — червь, я — Богъ“... Развѣ не отъ чего закружится головъ? Да тутъ съ ума сойти можно!

И такъ странно, что на землѣ такъ много различныхъ живней происходитъ... Зачѣмъ брать для этого Парижъ и Кіевъ... Есть-ли въ Кіевѣ двѣ семьи, живущія одинаково?..

Въ домѣ тонкія, деревянныя перегородки (двери) отдѣляютъ другъ отъ друга совершенно различныя жизни... И каждый человекъ живетъ своей индивидуальной жизнью... Это одно изъ того многого, что я какъ-то не могу объять... Это большое великое... Всемирное и природное, оно слишкомъ велико для нашего слабаго ума...

Что-то будетъ? Что-то будетъ?

Черезъ три недѣли я могу и въ Кіевѣ сидѣть, и въ Вильно какомъ-нибудь, и убиты быть мы можемъ... Увидимъ... Увидимъ... Только-бы шли пароходы... Это пока все, что я хочу.

Такой чудесный вечеръ! Какъ не надѣяться и не вѣрить?! Я напрасно думала, что такъ скоро приду въ нормальное состояніе.

15 Іюля. О, эти разговоры! Какъ ни привыкла къ нимъ, какъ ни уговариваешь себя, что они чепуха, ничего незначащая, но, когда слышишь...

Обѣдъ просто кошмаромъ теперь сталъ. Начинаютъ говорить, каждый свое, рассказываютъ о неблагоприятныхъ обстоятельствахъ дороги, вижу колебанія нашихъ, и...

Сегодня я совершенно разлѣзлась: колебаніе показалось мнѣ отказомъ, и такъ больно и горько сдѣлалось. У меня злость была на ихъ слабость...

Мои бѣдныя иллюзіи, бѣдныя мечты... рушатся...

Незначительный поводъ, и оставшись одна, я разрыдалась. Слезъ вскорѣ не хватило. Я рѣшила, что успокоилась, но, минутъ черезъ десять, опять; и это продолжалось долго...

Вѣдь, больно чувствовать, что все, тобой лелѣянное, исчезаетъ, какъ миражъ, въ тотъ моментъ, когда казалось, вотъ-вотъ схватишь его...

Несчастливая мысль объ отъѣздѣ... Она гвоздемъ засѣла у меня; и такія чудесныя мечты складываются подъ ея мелодію...

Я ничѣмъ не занимаюсь; послѣдніе дни даже къ чтенію не тянетъ, слишкомъ жива сама окружающая жизнь...

Я страдала и увидала, что, когда дѣло касается близко человѣка, онъ дѣлается равнодушнѣе къ другимъ, эгоистичнымъ. Т. е. большинство. Есть и порядочные люди, — въ этомъ отношеніи ихъ мало. Въ сущности такъ — въ порядкѣ вещей; если „разсудить“, выше—тѣ, немногіе.

Я пришла откуда-то, полная своих тяжелых — для меня — думь. Мама говорить, что узнала о смерти барышни-приятельницы,—одной изъ Л.

Стыдно сознаться, моею первой мыслью, и даже не мыслью, а промелькнувшими въ головѣ словами, было: „значить, кинематографъ пропалъ!..“ Но я искренно жалѣла, и жалѣю о ней. Только — „пассивное“, „побочное“ сожалѣніе... Впрочемъ, это почти естественно, хотя и холодно.

Да, мнѣ жаль, и даже очень, молоденькую барышню, но это такъ далеко, что и сожалѣніе, хотя и искреннее, холоднѣе, чѣмъ было-бы, если-бъ я была къ ней ближе эти полтора года.

Теперь все прошло. Я успокоилась и могла-бы много писать, но... проклятое время!.. Въ общемъ, съ отъѣздомъ все такъ-же, какъ и было.

Я лишь не выдержала и поддавалась ненужному, противъ чего, вчера у меня были силы... Минутная слабость...

31 Іюля. Опять было долгое молчаніе. Хотя, за послѣдніе дни, я хотѣла писать и не могла.

Сегодня все перевернулось и близкое уже окончательно снова стало далекимъ...

1 Августа. Одной минуты довольно, чтобы жизнь человѣка совершенно измѣнилась. Такъ и у насъ: эти дни принесли столько новаго... сквернаго новаго.

Говорять, что наступаютъ послѣдніе дни большевиковъ. Черезъ пять дней эвакуація. По газетамъ видно, что ихъ дѣла скверны. А сколько недоговореннаго въ газетахъ!..

Пока, буду писать только самое существенное, а то и его не успѣю.

Вновь начались преслѣдованія отдѣльныхъ личностей, (въ томъ числѣ и нашихъ). Насъ ищутъ и, — вотъ дезорганизація!

— не могутъ найти; а мы заявлены втеченіе шести мѣсяцевъ. Пришли къ папиному брату; во главѣ ихъ красавецъ молодой человекъ, бывший парикмахеръ. Грубъ и нахаленъ отчаянно.

„Ваша дѣвичья фамилія,“ обратился онъ къ тетѣ.

„— Л-цъ“. — „Не понимаю“, — пожалъ тотъ плечами.

Долго допытывался о нашемъ адресѣ. Его не сказали.

„Мы въ ссорѣ и никогда не видимся“... — „Хорошо, подписывайте бумагу“!..

„Я, нижеподписавшійся, обязуюсь не предупреждать брата. Въ случаѣ нарушенія отвѣчаю по всѣмъ строгостямъ закона“... Дядя испугался: „Какія строгости.“ — „Ахъ такъ! — въ конецъ разъярился сыщикъ, — въ чрезвычайку!“ И потащилъ его.

Испуганная семья сказала нашъ приблизительный адресъ. Однако, до сихъ поръ ихъ нѣтъ. Дядя сидитъ. Его хотѣли даже послать на общественныя работы.

Конечно, хлопочуть объ освобожденіи, н-но...

Папа „заболѣлъ“... Завтра идетъ въ клинику. Тогда, вѣроятно, объявятъ въ чрезвычайку, впрочемъ, нѣтъ, теперь этотъ планъ отброшенъ. Какъ освободить дядю, я не знаю.

Казалось-бы, что первымъ движеніемъ папы должно быть — объявиться. За что долженъ дядя страдать? Вотъ, это и есть: „н-но“.

Вѣдь, это безчестно заставлять брата страдать за себя. Таково первое движеніе.

Но вдумайтесь: дядя совершенно ни къ чему не причастенъ, и это даже они увидятъ. Къ тому-же хлопочуть, и неминуемо, что черезъ день-два, его отпустятъ, въ то время, какъ папу ожидаетъ большее.

Такъ мнѣ кажется, такой-бы выводъ можно сдѣлать: если дядѣ никакой опасности не угрожаетъ, то можно оправдать, что папа, теперь уже, скрывается. Но, при малѣйшей для дяди опасности, онъ долженъ явиться.

Впрочемъ, такъ-ли это?..

Два друга; горячо любящихъ другъ друга. Одинъ страдаетъ за другого. Я первая пошла-бы на это, но не знаю, согласилась-ли бы, чтобы за меня другой пошелъ. Нѣтъ! Мо-

жесть быть въ наикрайнѣйшемъ случаѣ. Да, такъ надо разсуждать.

Раньше всего надо сдѣлать все возможное, чтобы освободить дядю, спасая въ то-же время папу! А семья, вѣроятно, въ претензіи, и со своей стороны она права: надо быть въ холодномъ состояніи, чтобы такъ спокойно разсуждать, какъ стараюсь дѣлать я. И то я не увѣрена, справедливо-ли мое разсужденіе...

2 Августа. Я буду продолжать. Эти „странички жизни“ будутъ интересны впослѣдствіи.

О папиномъ мѣстонахожденіи было объявлено въ Ч. К., такъ что съ этой стороны is all right. Я довольна, потому что въ глубинѣ души что-то протестовало противъ папинаго укрывательства, несмотря ни на какія разсужденія.

Однако, все это сдѣлалось не просто. И, если-бы было такъ, много нехорошаго предстояло-бы намъ пережить.

У папы связи съ Наркомюстомъ; или, вѣрнѣе, въ единственномъ числѣ. Техникъ нашего дома въ Саратовѣ занимаетъ въ Юстѣ высокой постъ. Къ нему и обратились. Красавецъ-сыщикъ — его пріятель, и онъ могъ повліять на него.

Надо отдать справедливость „товарищу К-ву“: онъ сдѣлалъ все возможное и даже невозможное, уломалъ товарища Г., и тотъ согласился сыграть комедію. Онъ долженъ былъ притти къ намъ, констатировать „болѣзнь“ папы и уйти. По представленіи протокола обыска въ Ч. К., дядю должны были освободить.

Между тѣмъ, смилостивившійся Г. — одинъ изъ самыхъ страшныхъ и жестокихъ сыщиковъ.

Говорятъ, онъ авантюристъ. Сынъ одесскаго миліонера, Г. давно пошелъ своей „дорогой“: онъ красть деньги у отца, кутилъ, игралъ въ карты и т. д. Правда, это—все по разсказамъ.

Это высокій молодой человекъ, не то, чтобы полный, а крупный. Съ красивыми, нѣсколько острыми чертами лица. Удивительно красивый, хотя и сухой. Ваглядъ быстрый, рѣзкій и пронзительный, немного лукавый. Онъ безпокойно шагаль по комнатамъ, дѣлая неизмѣримо огромные шаги, немного волоча ноги.

Въ общемъ грубъ. Старался все время острить.

З. С., мужъ М. И., узналъ его и послѣ этого, сдѣлалось совсѣмъ весело. З. С. спрашивалъ его о знакомыхъ, тотъ не отвѣчалъ, шутилъ.

— „Такъ вы одесситъ?“ — „Причемъ тутъ національность!“ — отвѣтилъ Г., какъ обычно отвѣчаютъ въ Одессѣ. Смѣхъ.

Отца своего онъ ругаетъ подлецомъ, и говорятъ, сказалъ, что разстрѣлялъ-бы, если-бы родитель попался ему.

— „Что вы мнѣ рассказываете: вы — дочь М-ка и безъ денегъ? Полноте, знайте только, что рано или поздно ваши брилльянты попадутъ къ намъ въ руки. Мы уйдемъ изъ Москвы, Петрограда, но всемірная революція вспыхнетъ: нарывъ нарвалъ. Поняли вы?“

На нѣкоторое время онъ остался съ папой одинъ, нарочно.

— „Товарищъ К. былъ сегодня?“

— „Былъ.“

— „Что онъ сказалъ?“

— „Что онъ хлопоталъ о невинно сидящемъ моемъ братѣ.“

Онъ вскинулъ глазами, черными, блестящими.

— „Вы-бы лучше о себѣ хлопотали.“

Папа молчить. И, дѣйствительно, трудно отвѣтить, чтобы ему понравилось, тема такая щекотливая.

— „Онъ сказалъ вамъ, что вы не будете арестованы?“

— „Сказалъ,“ — на прямой вопросъ было прямымъ отвѣтомъ.

— „Счастливы вы, что за васъ заступился К-въ. Никто, кромѣ него, не можетъ уломать меня“ . . .

Правда, такому звѣрю попасться не шутка: красный терроръ, чрезвычайка, разстрѣлъ . . . чего только не говорилъ онъ въ началѣ, въ періодъ пылепусканія.

— „А, вѣдь, мы — родственники,“ сказала провожая его З. С.

— „Подальше отъ родственниковъ-буржуевъ“!.. И съ громкимъ хохотомъ онъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Это сыщикъ-то отъ преслѣдуемаго буржуа!..

Г. грубъ очень, вѣроятно, даже циниченъ. Не глупъ. Грубо-остроуменъ. Можетъ быть, интересенъ, т. е. занимателенъ. Его нельзя и сравнить съ Ш-ро и Фрегелемъ: первый деликатенъ, второй серьезнѣе, и не вноситъ комедійнаго элемента туда, гдѣ ему не мѣсто. Можетъ быть, Ф. (слѣдователь) и идеенъ; для этого вывода я его мало знаю.

Жизнь stalkивала меня съ многими большевиками. Увы, ни одинъ изъ нихъ не удовлетворилъ меня, какъ человекъ идеи и принципа. Большинство изъ тѣхъ, которыхъ я знала, ремесленники. Лучше другихъ московскій латышъ. Къ сожалѣнію, онъ мало говорилъ, для полнаго заключенія. Но изъ того, чтó я знаю, онъ идейный...

Увы, пора!..

3 Августа. При небольшомъ количествѣ свободного времени, эти странички жизни выгѣсняють мысли и ощущенія. Зато онъ будутъ интересны впослѣдствіи, и у меня сегодня, кажется, больше времени. Къ сожалѣнію, писать днемъ почти невозможно: стенографія — дома и полтора часа на курсахъ, — главнымъ образомъ, занимаетъ мое время.

До обѣда: домашнія дѣла, стенографія и, черезъ день, англійскій урокъ. Послѣ: стенографія, немного погулять, а тамъ возня съ ужиномъ, онъ самъ, вотъ и вечеръ! А надо почитать... И находятъся, вдобавокъ ко всему, тысячи мелочей, которыя надо „справить“. Но теперь я придумала: дѣла съ ходженіемъ я буду дѣлать послѣ стенографіи вечерней. Для чтенія надо найти время днемъ, а, если не буду успѣвать, то придется жертвовать вечерами.

„Болѣзнь“ папы развилась въ настоящую „кумедь“. Онъ легъ въ клинику, гдѣ врачъ относится къ нему съ полной серьезностью: не можетъ-же докторъ, какъ говоритъ мама, внутрь ему забраться.

Что-же будетъ дальше? Такъ онъ и будетъ лежать до... До чего же? Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что это — вопросъ недѣли. И, фактически, дѣла большевиковъ скверны. Похоже, что этотъ разъ будетъ правда. Посмотримъ! И, если — да, то должны скоро увидѣть: черезъ недѣлю. Будто-бы, уже началась эвакуація. Что будетъ, вообще и въ частности, по ихъ ухадѣ?

У насъ имѣются свѣдѣнія, что „М-ки“ (фирма) обложены новой контрибуціей. Посему, мама уѣзжаетъ въ Святошино. Лучше скрыться: во время политической агоніи большевики особенно свирѣпы.

„Нѣтъ худа безъ добра“: мама отдохнетъ въ тиши лѣса: въ Святошинѣ мало народу въ этомъ году. Перемѣна всегда хороша. Тѣмъ болѣе такая: дома мамусь все-же не у себя, а тамъ тихо и мирно. По-деревенски. Можно гулять много. Ёдетъ и Юра. Я — нѣтъ. Изъ-за стенографіи. Я довольна собой: въ болѣе или менѣе серьезныхъ вещахъ у меня, оказывается, есть сила воли: я жертвовала прошлымъ лѣтомъ, жертвую и теперъ. Молодецъ дѣвочка! Въ такомъ-же духѣ продолжай.

Сегодня я узнала кошмарный фактъ жестокости большевиковъ и, по принятому обычаю, хочу занести.

Въ Кіевѣ былъ видный кадетъ, присяжный повѣренный Пересвѣтъ-Солтанъ. Онъ и его зять были схвачены и разстрѣляны. Остались двѣ вдовы: мать и дочь. Былъ еще сынъ — 14 лѣтъ. И его схватили. Уже давно сидитъ ребенокъ. Чего только не дѣлаютъ надъ нимъ! Издѣвались всячески. Можетъ быть, и били. Повели, даже, къ разстрѣлу, чтобы запугать. Но мальчикъ, пока, упорно молчитъ; отъ него хотятъ вывѣдать, кто у нихъ бывалъ, происходили-ли засѣданія, и съ кѣмъ, и т. д.

Бѣдный, бѣдный мальчикъ! На всю жизнь искалѣчать ребенка. Что можетъ изъ него выйти? Озлобленный, правый, угрюмый, замкнутый, но стойкій и сильный.

Эти издѣвательства надъ дѣтьми большевикамъ не простятся. Изъ нихъ составитъ Великая Книга обвиненій, которая предстанетъ на судъ исторіи. Нельзя забыть одного: не власть, какъ таковая, виновата въ подобныхъ этому звѣрствахъ. Ни Ленинъ, ни Раковский, мельче даже; но Ивановъ, Хейфець и другія жертвы не оправдаютъ ихъ. Это самоуправство низшихъ, безсознательныхъ, чаще безпринципныхъ. Этого нельзя ставить въ вину большевикамъ, какъ таковымъ, но — увы! люди такъ-ли, иначе-ли, — гибнуть. Сотнями, тысячами . . .

Время прошло. Да, и устала я. Только кратко расскажу день петербургскаго интеллигента.

Мужъ — юристъ, жена — докторъ. Маленькое, годовалое „дитѣ.“ Вставъ рано утромъ и выпивъ кофе, — для Петрограда все это надо замѣтить, — мужъ отправлялся на службу, а С. И. убирала немного комнаты, приготовляла къ обѣду кое-что и уходила съ дѣвонькой въ садъ. До половины пятого, пока за ней не приходилъ мужъ. Они шли домой. Онъ нарубалъ и таскалъ дрова, кормили они ребенка, и часовъ въ семь ѣли. Это съ утра-то! Затѣмъ перемыть посуду надо, постирать пеленки, прибрать все, и къ часу, обезсиленные, они елились съ ногъ. Надо добавить, что, въ смыслѣ продовольствія, они были обставлены лучше другихъ, были кое-какіе запасы.

„Хлѣбъ подешевѣлъ въ Петроградѣ: сто рублей фунтъ...“ Это со 170-ти—200-тъ. Нашъ хлѣбъ — 32 р., мясо 40—50 р., масло 180 р., вишни 20—30 р., и т. д.

Этимъ закончу пока странички жизни. Надо-бы свое пописать. Имѣется оно . . .

9 А в г у с т а . „Коль любить, такъ всей душой“ и т. д...
Можетъ быть, и ко мнѣ можно это приложить: я занимаюсь

стенографіей; и вся отдалась ей. Цѣлый день почти на нее уходитъ. А остается время, почитать надо. Дневникъ — только роскошь! Завтра воскресенье, и я, какъ школьница, радуюсь ему, потому что въ этотъ день не занимаюсь, и пойду гулять немного.

Сегодня нѣтъ матерій высокихъ, вообще буду говорить.

Хорошая вещь мечты, но нездоровая: онѣ безусловно развиваютъ болѣзненность, носишься въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ, настоящее уходитъ куда-то; тишина окутываетъ душу.

Т. е. это не то, чтобы помечтать, а, если все время думать о чемъ-нибудь, будущемъ, хочу я сказать, рисовать себѣ опредѣленные картины его, вотъ это нездорово. Но — какъ пріятно!

Я мечтаю о многомъ: о заграничѣ, о Москвѣ, о гимназій при хорошемъ общемъ положеніи, о любви, но самая осязаемая мечта — о морѣ. Какъ прекрасно оно! Какъ красива природа на его берегахъ. О, какъ я буду наслаждаться... Книги заброшены въ сторону, только гулять, нѣжиться подъ рокотъ волнъ и все время, и днемъ, и ночью, слушать тишину... Море, море!..

Большевики скоро уйдутъ. Гимназія будетъ ремонтироваться, мѣсяць останется въ моемъ распоряженіи. Сентябрь мы проведемъ въ Крыму... О, какое волшебное время это будетъ... Только будетъ-ли?..

Когда, — довольно часто, — безумно хочется красивой и интересной жизни, — въ мечтахъ, главнымъ образомъ, красивой, — и видишь передъ собой нескончаемую сѣрую пелену дѣйствительности, одно утѣшаетъ меня; уже часто говорила я это: мнѣ только 16 лѣтъ. Еще все впереди у меня; я еще воспользуюсь жизнью, и какой! Ясной, свѣтлой, очищенной отъ прежней и теперешней грязи.

Терпѣніе! Вопросъ только времени. Недолгаго, всѣ говорятъ. Недѣли двѣ, три. Но, даже, если и больше. Только бы живыми остаться. А въ то, что на моемъ вѣку будетъ спокойствіе, въ это я вѣрю всѣми силами души...

Если подумать, какихъ историческихъ переворотовъ мы являемся свидѣтелями! Вся исторія пойдетъ новой дорогой. Настоящее — ея переходной этапъ.

О, будущее, чѣмъ-то ты будешь? Исполнится-ли то, о чемъ я грежу и во что вѣрю? Останусь-ли вѣрной своимъ идеаламъ?! Ну, что можно отвѣтить? Увижу! Годъ, другой, и начнется настоящая жизнь.

А какъ повернется исторія? Почему нѣтъ отвѣтовъ на эти вопросы?

... Дядя Максъ еще не выпущенъ. Папа въ клиникѣ...

... Уже нѣсколько времени, какъ лелѣю я, въ головѣ разсказикъ небольшой: объ исторіи пальто-модели изъ Парижа, какъ оно, постепенно опускаясь, попало въ руки большевиковъ. Сегодня хотѣла было пописать, да и бросила.

Къ чему, думаю? А вечеръ не одинъ уйдетъ.

Буду-ли я когда-нибудь въ состояніи писать? Иногда мнѣ кажется—да, иногда—нѣтъ. А какое это счастье! Въ мертвыхъ словахъ воплощать жизнь и оживлять ихъ этимъ.

Я чуть не выжимаю изъ себя мысли. Къ чему это! Брошу. А вдругъ это нравственное оскудѣніе? О, нѣтъ. Бываютъ дни, когда такъ много надо сказать. Только сегодня не такой день. Спокойной ночи.

12 Августа. Вчера я очень хотѣла писать, да времени не хватило.

Какъ будетъ хорошо, когда, охваченная вдохновеніемъ, я буду просиживать ночи надъ книгой или тетрадью. Однако, если подумать, этимъ ничего не выигрывается: организмъ необходимо требуетъ сна, — увь! — и придется въ такихъ случаяхъ отдавать день. Иногда, конечно, можно. Въ общемъ, я, пожалуй, долго могу болтать сегодня о „маломъ“ и „великомъ“. Но немного трудно, потому что мысли туманныя, разрозненныя.

... Особенность моего дневника: близко окружающая меня жизнь рѣдко проглядываетъ въ немъ. А, между тѣмъ, эта „близко-окружающая меня жизнь“ часто осязательно даетъ себя чувствовать.

Попробую сегодня.

Раньше, въ далекіе дни жизни въ Саратовѣ, когда я говорила о мамѣ я представляла ее дорогимъ цвѣткомъ, требующимъ тщательнаго, особаго ухода. Увы! то время ушло безвозвратно. Больше всего, думаю, перемѣнилась я; кромѣ того, что выросла... Я знаю свою перемѣну; почти точно могу формулировать ее, т. е. осязать, а для формулы, конечно, не хватить мнѣ словъ...

Зачѣмъ мнѣ говорить о себѣ? Такой противный эгоизмъ! Но это только предисловіе, а изложеніе, вѣроятно, будетъ не сегодня; какъ всегда у меня бываетъ.

Эхъ, въ общемъ, чепуха все это, и гораздо важнѣе другое, о чемъ я хотѣла сказать дальше...

Только не раздуваю ли я его? Не преувеличиваетъ ли чепухи большое воображеніе, нѣсколько (безсознательно) склонное къ драматизму. Осторожно! Въ былое время сколько глупостей было надѣлано изъ за этого воображенія. Когда пишешь, раздувается, само собою, все; можетъ быть, лучше смолчать, дать умереть появившейся мысли? А сказать хочется, донимаетъ меня сегодня эта мысль.

Да, не то, что было, у насъ теперь съ мамой. Хотя, когда мама говоритъ это, я разубѣждаю ее: очень мамѣ это больно. Только я-ли виновата въ этомъ? У меня сейчасъ промелькнула мысль: можно-ли быть ко мнѣ въ претензіи, если такая вышла натура у меня. Время, жизнь окружающая, и многое кое-что другое выростили ее. Я-ли создала ее? Кажется — нѣтъ. Какая-же натура? Чтб перемѣнилось во мнѣ? Твердость какая-то появилась во мнѣ; „деревянность“, какъ часто — теперь — говорить мама... О, я не недовольна ею, но...

20 Августа. О, мой дневникъ... Уже нѣсколько дней, какъ я въ долгу у тебя.

Уже нѣсколько дней, больше, недѣлю почти, какъ я хочу съѣсть пописать, и не только хочу, а многое очень сказать мнѣ надо.

Впечатлѣній все больше и больше. Пока еще они не далеки, и я могу предаться имъ. Хочется имѣть передъ собой долгіе часы, чтобы имѣть возможность высказать все, что накопилось въ душѣ. Но, когда дождешься этого времени? Вотъ, и сегодняшнее будетъ каплей въ морѣ. Скорѣй, скорѣй...

За послѣдніе дни, приблизительно съ тѣхъ поръ, какъ я читала (включая время чтенія), „L'enfant de volupté“ я чувствую, какъ интенсивно живетъ мой интеллектъ. Вечеромъ особенно, когда забываешь сухія, прозаичныя, „стенографическія“ мысли, я чувствую, какъ во мнѣ что-то движется, быстро, быстро течетъ, приноситъ довольство въ душу и какъ-то заставляетъ голову работать. Такой пріятной работой, если можно такъ назвать это „что-то“. Объ утомленіи не можетъ быть и рѣчи. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, о чемъ точно эти мысли, — я не могу сказать. Но только большія, хорошія мысли!.. О, какъ чудесно это чувствовать! И хочется писать, писать... Но, — это было послѣ чтенія прекрасной, красивой книги, — надо было идти спать. Какъ это глупо было: какъ разъ, когда чувствуешь, что можешь развернуться во всю ширь! А, утромъ, все ушло, чтобы вернуться лишь вечеромъ. Мысли прозаичныя, дѣловыя, повседневныя заполняютъ день.

Много, много хотѣлось мнѣ сказать за это время. Почти все хочется сказать и сегодня. Но раньше, конечно, новое, что наполнило меня сегодня...

Жаль мнѣ, ужасно жаль, что время такихъ оцутительныхъ и хорошихъ переживаній осталось нѣмымъ для дневника. Но я уже не разъ говорила, что дневникъ — роскошь, которую не всегда я могу себѣ позволить.

Я пришла домой ликующей и радостной. Внутри что-то пѣло. Такъ хорошо на душѣ: свѣтло и радостно. Теперь то-

же. Отчего? Неужели отъ того, что я думаю? Такъ мало, и такъ много!

... Я хожу въ союзъ учащихся. Но не совсѣмъ это. Публика тамъ — свой братъ, учащійся, конечно. Большой частью, хорошая публика, здоровая, соединившаяся для работы. Кружки различные есть. Начинанія хорошія. Пробуемъ.

Вотъ оно, то „что-то:“ будь тамъ однѣ дѣвочки, я не получила-бы такого удовольствія. Да, да! Тамъ мальчиковъ много. Есть интересные, симпатичные. Большинство такихъ. И совмѣстная работа съ ними такъ хорошо дѣйствуетъ на меня. Но, конечно, и работа не безъинтересная намѣчается. Все вмѣстѣ. Мнѣ не весело, этого я не могу сказать, но мнѣ радостно, такой радостью, какъ никогда, думаю, не бывало...

Съ нетерпѣніемъ жду слѣдующаго визита моего въ союзъ. А, между тѣмъ, я пока особенно ни съ кѣмъ не сблизилась. Пока еще... Потому что это будетъ, такъ говоритъ моя душа.

А въ субботу будетъ вечеринка. „субботникъ“, на „союзномъ“ языкѣ. Съ такимъ нетерпѣніемъ жду я его... Потому что, я думаю, что буду не одна, и съ кѣмъ я буду, вѣрнѣе, кто будетъ со мной? Какъ будто мнѣ что-то говорить, что я буду не одна. Я увѣрена въ этомъ.

И въ такомъ „свѣтскомъ“ отношеніи я никогда не могла-бы этого думать. Я была не для него. А тутъ, какъ будто, буду. И это такъ зажигаетъ меня... Такъ ново-пріятно сознаніе... Чего? Могу-ли я опредѣлить? Просто говоря, что на тебя обращаютъ вниманіе...

А подумать... все это не обоснованно, безразсудно. И, если разсуждать по моему, то, „въ порядкѣ партійной дисциплины,“ это надо побороть. А, между тѣмъ, я этого не сдѣлаю.

Оно такъ радостно. И смогла-ли бы я? Это слабосты! Что будетъ потомъ? Но что получила-бы въ обмѣнъ? Сознаніе побѣды разсудка? Этого мало, въ сравненіи съ настоящимъ. Нѣтъ, побѣда была-бы не нужной...

Какъ много хочется еще сказать. Но и „проза жизни“ обуреваетъ. Завтра очередь за сахаромъ и надо рано встать...

24 Августа Опять молчаніе, опять тьма впечатлѣній, это дѣлается даже смѣшнымъ, потому что каждый разъ повторяется. А, между тѣмъ, какъ-бы я хотѣла устранить это: столько новыхъ душевныхъ и умственныхъ впечатлѣній хотѣлось-бы записать. Всѣ они таковы, что не знаешь, какое-же главное, доминирующее.

„Они уходятъ“. О, сколько магическаго въ этихъ двухъ словахъ. Миръ обновленія заключается въ нихъ. Неужели-же „взаправду“ черезъ 4—5 дней, скажемъ даже, черезъ недѣлю, ихъ не будетъ и жизнь забьетъ ключемъ? Какъ повернется наша частная жизнь? Сколько новаго должны мы увидѣть, если это совершится!

Не разговоры это теперь, а факты: Житомиръ и Бердичевъ оставлены; отсюда они эвакуируются спѣшно. Сама жизнь говоритъ на сей разъ. Посмотримъ.

Будущая недѣля, — сегодня воскресенье, — должна принести много новаго. Она рѣшитъ дѣло. И всѣ данныя за то, что она рѣшитъ его въ положительную для насъ сторону.

Но... насколько она положительна для общаго? Что принесетъ уходъ большевиковъ?

Приходъ поляковъ опредѣленно отрицателенъ: это иностранная сила, и, вдобавокъ, ненавидящая и презирающая русскихъ. Что можетъ быть хорошаго въ томъ, что на русскія земли будетъ заявлено польское притязаніе?

Въ этомъ отношеніи приходъ Деникина лучше. Но насколько онъ соблюдаетъ столь громкія слова, какъ „Учредительное“, „свобода совѣсти, слова“ и всѣ прочія свободы? Однако, узнать мы можемъ лишь на собственной шкурѣ. Говорятъ, онъ реакціонеръ, монархистъ, крайній правый. Если такъ, тоже скверно. Если-же онъ соблюдаетъ общае, лучшаго желать нечего. Пусть объединитъ онъ тогда Россію, пусть сама она опредѣлитъ удобную ей форму правленія и начнетъ жить по новому, быстро подвигаясь по дорогѣ прогресса, чтобы нагнать прошлое, не по ея винѣ темное.

Начнется новая жизнь, хорошая и красивая. Сдерживавшіе за теперешнее время свое дыханіе люди поспѣшатъ нагнать прошлое, и жизнь пойдетъ бѣшеннымъ темпомъ.

О, какая интересная, дѣятельная! Тогда работы — хоть отбавляй. Жизнь въ чудесной Москвѣ... Чтѣ-то скажетъ время?

Я унеслась въ лирику, дѣло стало. Буду продолжать.

Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее. Чтѣ-же меньшее, — Деникинъ, „царскій генераль“, или — наши теперешніе правители? Можетъ быть, личное благополучіе вліяетъ на мое мнѣніе, не знаю, постараюсь быть безпристрастной.

Куда идемъ мы при теперешней власти? Лига націй не перемѣнитъ свою тактику, т. е. блокаду, — дороговизна и недостатокъ товаровъ продолжатся. Матеріальнаго обезпеченія жизни нѣтъ, этимъ самымъ нѣтъ возможности жить, хотя-бы сколько-нибудь, духовной жизнью.

Тысячи невинныхъ гибнуть ни за что, ни про что, недостойные авантюристы и несознательные исполнители государственныхъ обязанностей занимаютъ высшія должности. Жизнь всей страны, въ общемъ, заключается въ трепетномъ и безпрекословномъ исполненіи воли кучки людей. Я не буду — и не могу — отрицать, что есть среди передовыхъ большевиковъ и люди идеи, и вѣры. Увы, ихъ мало, и стоятъ они слишкомъ высоко.

Чтѣ дать намъ Деникинъ? Если онъ исполнитъ свои обѣщанія, говорить не о чемъ. Но представляю себѣ худшее. Онъ не исполняетъ ихъ. Это крайній правый, который... Но, если такъ, чтѣ мѣшало ему въ занятыхъ мѣстахъ объявить монархію? Или онъ ждетъ всеобщаго покоренія раньше, занятія сердца Россіи — Москвы? Я не думаю, чтобы это было такъ. Но, даже, если!..

Есть-ли другая дорога при создавшемся положеніи вещей? Упорядоченіе системы управленія, мирная просвѣтительная работа, а не шовинистско-большевистская, прекращеніе террора, миръ съ прочими государствами? Но это все возможно только при „если“... И первое „если“ состоитъ въ томъ, что по-

больше-бы свѣтлыхъ и сознательныхъ людей среди власть имущихъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. А теперь Деникинъ необходимъ, какъ переходная форма. Черезъ всю исторію проходитъ законъ, что, послѣ взрывовъ, наступаетъ реакція.

Но что будетъ, если какіе-либо иностранцы вздумаютъ примоститься на различныхъ лакомыхъ кусочкахъ Россіи? Только-бы не это! Но что-бы то ни было, Россія подыметъ, тогда какъ при теперешнихъ властителяхъ, какъ подняться ей?

Лучше, чтобы поляковъ не было, и-но... Я опредѣленно не хочу, чтобы они приходили, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу, даже при нихъ, не радоваться избавленію отъ большевиковъ. Это огромная, но, все-же, меньшая изъ двухъ бѣдъ.

Хотѣла-бы я спросить объ этомъ кого-нибудь компетентнаго, не буржуйнаго; тѣ возмутительно радуются полякамъ. „Душа печалиться будетъ, пожалуй, а тѣло—радоваться“, такъ что-ли? Тяжело будетъ! Какъ горькое лѣкарство...

Что-то будетъ?

Сколько еще надо сказать!...

26 Августа. Я только что возвратилась изъ союза. Какое пріятное сознание, когда поработаешь немного. Глубокое чувство удовлетворенности. И, хотя не знаю, что именно скажу, но тотчасъ-же подумала о дневникѣ.

Одно изъ моихъ налюбимѣйшихъ занятій — общественная работа, широко понимая это: и въ кружкахъ, по наукамъ, и организаціонная, гдѣ говорить надо. Поэтому, сегодня я такъ бодро чувствую себя. Хорошо! А завтра буду въ пьесѣ участвовать. И это весело.

Тѣмъ временемъ, большая историческая жизнь идетъ своимъ чередомъ. Назрѣваютъ событія. Наше время — поворотный этапъ въ исторіи человѣчества. Послѣ такихъ бурь не можеть пойти все по прежнему. Наше поколѣніе увидить зарю новой жизни. Только-бы пережить, чтобы увидѣть результаты теперешней каши.

И какова будетъ въ общей жизни моя личная? Исполнятся-ли мои мечты, или, какъ громкія слова, уйдуть съ молодостью? О, всёмо своимъ существомъ я вѣрю и говорю: н ѣ т ь!

Есть еще одно у меня затаенное желаніе — любовь. Она зоветъ и манитъ къ себѣ, заставляетъ страстно желать ея. „Бываютъ люди, которые никогда сами по себѣ не любили-бы, если-бы не слышали постоянно разговоровъ о любви“... Я думаю, это такъ. И думаю еще, что принадлежу къ такимъ людямъ.

Такъ что-же такое, въ концѣ-концовъ, любовь? Никто не даетъ отвѣта. И представить себѣ никакъ нельзя, что за ощущеніе — любовь. Отъ природы-ли она существуетъ, или люди создали ее? Я думаю, — природа. Такъ-ли она прекрасна, какъ пишутъ въ книгахъ? О, только-бы узнать! „Тоска по любви есть сама любовь“ (Рихтеръ). Если такъ, — я люблю.

Къ Л. А. я чувствую что-то большое. Нѣтъ, это еще не чувство, а зародышъ его, который при встрѣчѣ разовьется.

30 Августа Гроза разразилась. За послѣдніе два дня событія помчались съ головокружительной быстротой. Въ данное время затишье, вѣроятно, временное. Для Кіева — начало конца. Каковъ будетъ конецъ? Власть надъ городомъ въ рукахъ Думы. Какъ будто уже начали входить войска Петлюры. Толкомъ ничего не извѣстно. Позавчера еще газеты торжествовали побѣду, а вчера большевики ушли.

Какъ будто-бы все обновилось. Что-то будетъ теперь? Послѣ долгаго, полугодоваго кошмара мы просыпаемся. Сколько интереснаго предстоить теперь! Воочію будемъ наблюдать мы, какъ ключемъ забьеть жизнь. Да, время въ высшей степени интересное. И если мы останемся живы, я рада буду, что пережила его.

Разскажу по порядку. Уже нѣсколько дней, какъ настроеніе было нервное. Ожидались событія. Большевистскія

сообщенія о побѣдахъ многихъ повергали въ уныніе. Другіе не вѣрили. Слухи ходили самыя разнообразныя, разнорѣчыыя. Вчера напряженіе особенно чувствовалось.

Утромъ говорили, Петлюра на Деміевкѣ. Къ обѣду стало известно за фактъ, что главныя и послѣднія отвѣтственныя большевистскія власти, — Петерсъ, напумѣвшій въ Петербургѣ, и Ладисъ, оба латыша, между прочимъ, — уѣхали.

Днемъ видѣли мы по нашей улицѣ отступающія части (быть можетъ, дезертиры.) Но фактовъ въ рукахъ не было, только слухи и „свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ.“

Дальняя пальба была слышна съ позавчерашняго дня и особеннаго вниманія на нее никто не обращалъ.

Часовъ въ шесть я взяла книги и пошла въ Ботаническій садъ, напротивъ. Было славно сидѣть. Народу нѣтъ. Солнце, уже клонившееся къ западу, не жарило, а ласково и кротко, по осеннему, грѣло и свѣтило сквозь зеленую листву. Кое-гдѣ пятнами — желтокрасныя листья. Во всемъ чувствовалось дыханіе золотой осени. Жизнь природы шла своимъ чередомъ, въ то время, какъ исторія несла человѣку что-то новое . . .

Рѣзкимъ диссонансомъ доносился шумъ орудій и гулко отдававшееся эхо. И что-то большое было въ томъ, что подъ громъ орудій одной революціи, я читаю исторію прошедшей. У меня въ рукахъ былъ Тьеръ. Книга жила . . .

Вдругъ грохотъ . . . свистъ . . . я падаю на землю . . . (вѣроятно, отъ сотрясенія воздуха), и, инстинктивно вспоминая, что отъ снарядовъ пригибаются къ землѣ, стараюсь уменьшить себя, собираюсь въ комокъ, и съ негромкимъ возгласомъ: „мама!“ жду, что вотъ онъ разорвется надо мной, и . . . кончено! . . . Я ждала паденія снаряда, какъ онъ попадетъ въ меня, какъ кругомъ раздастся взрывъ . . . Я была на горкѣ. Прихвативъ одной рукой книги, и, все ожидая смерти, я покатила внизъ . . . Я убѣгала отъ нея. Все это произошло въ нѣсколько мгновеній, такъ какъ внутреннія переживанія не мѣшали мнѣ дѣйствовать, а, скорѣе — наоборотъ. Это было

моимъ боевымъ крещеніемъ: потому-то я такъ сильно реагировала на новый для меня свистъ снаряда.

Внизу на тропинкѣ я поняла, что смерть, — могла-ли она быть или нѣтъ, — миновала. „Домой! Скорѣй, скорѣй!“ И я помчалась... Свистъ продолжался. Какъ передать его впечатлѣніе? Раздается ударъ выстрѣла... минутное молчаніе... затѣмъ слышно „вж-ж-ж,“ или „вжз-з-з...“ затѣмъ грохотъ недалекаго разрыва.

3 Сентября (21 Августа стараго стиля). Эти дни жизнь была такъ занята текущими событіями, что не до дневника было. Теперь у меня много времени и я буду продолжать.

Стрѣльба продолжалась весь вечеръ и часть ночи: приблизительно до двухъ часовъ, съ перерывами. Это было съ 16 на 17 августа ст. ст.

Наконецъ, мы легли спать, толкомъ не зная, въ чьихъ рукахъ городъ, но почти опредѣленно предполагая, что большевики отступили. Только успѣли забыться мы отъ жуткаго впечатлѣнія бомбардировки, — нѣкоторое время свистъ, казалось привыкшему уху, еще продолжался, — какъ грозное баханье вновь разбудило насъ. На этотъ разъ оно казалось, и дѣйствительно было, еще страшнѣе, чѣмъ вечеромъ. Шрапнели разрывались, такъ судили мы испуганные и полусонные, у самыхъ оконъ.

Скорѣе, скорѣе внизъ!.. Пока мы сошли, все успокоилось. Постепенно стали появляться на улицѣ народъ. Всѣ оживленные, но сдерживающіе это оживленіе: полнѣйшая неизвѣстности не давали возможности вылиться настроенію въ опредѣленную форму,

Большевиковъ нѣтъ, это на устахъ у всѣхъ, но кто-же? Очевидно, — власти никакой.

Высунулись и мы. Осмотрѣли поврежденія ближайшія; ихъ было нѣсколько: вывороченные трамвайные рельсы почти

напротивъ насъ, снарядъ въ окно дома № 17, и на сосѣдней улицѣ, гдѣ убило женщину. Лишь случайно не попало къ намъ. Мнѣ страшно теперь думать, что мы были такъ близки отъ смерти. Полети снарядъ немного правѣе или лѣвѣе... Да, этого я какъ-то не могу обнять. Пошли дальше. Раздаются воззванія Рябцова, председателя Думы, съ предложениемъ записаться въ охрану города. У зданія записи толпа не хочетъ евреевъ. Шумъ и гамъ.

По нѣкоторымъ улицамъ, говоритъ публика, уже прошли войска — Галиційскія; кое-какіе разѣзды Добровольцевъ.

До обѣда мы сидѣли дома, а затѣмъ пошли въ центръ смотрѣть войска, толпу, обновившейся, словомъ, городъ.

Въ центрѣ жизнь началась къ полудню, когда начали въѣзжать „освободительныя“ войска. Пока, больше галичане. Публика, — ею начали запруживаться всѣ улицы; всѣ радостные, оживленные; трогательно встрѣчали военныхъ; пѣснями, цвѣтами, слезами и криками. Но всѣ ожидаютъ главнаго — Деникинцевъ, всѣ смотрятъ на галичанъ, какъ на прологъ главнаго.

22 Августа. Но радостное настроеніе постепенно смѣняется тяжелымъ предчувствіемъ. Воздухъ жужжить отъ несущихся со всѣхъ сторонъ ругательствъ на евреевъ: „Жидъ, жидъ“! Ужасно!

Хочется сердцемъ и не можется — примкнуть къ этой толпѣ; а, между тѣмъ, и твое сердце радуется русскому флагу, и ты чувствуешь въ храбрыхъ „освободителяхъ“ родныхъ и близкихъ. Больно щемить сердце отъ этой насильной отчужденности.

Мы вернулись домой. Такой хорошей казалась тишина нашей улицы. И когда кто-нибудь изъ простонародья производилъ „Еврей“, — я чувствовала къ нему глубокую симпатію и благодарность.

Точныхъ свѣдѣній о взаимоотношеніяхъ русскихъ и украинцевъ не было. Собственно Деникинцевъ въ городѣ еще не было, кромѣ прибывшихъ утромъ развѣдочь.

(О флагѣ я говорю вообще; тогда его еще не было).

Вечеромъ у Думы произошелъ кровавый инцидентъ: вооружили украинскій флагъ. Толпа и Добровольцы, — тогда они уже пріѣхали, — запротестовали. Къ украинскому присоединили русскій. Какой-то фанатикъ разорвалъ русскій флагъ. Вслѣдъ за этимъ началась стрѣльба, паника, и черезъ часъ конфликтъ былъ ликвидированъ. Ночью еще пострѣляли немного. Это было и будетъ, хочу вѣрить, послѣднимъ.

Изъ вечернихъ газетъ этого дня, — 18 августа, воскресенья, — мы узнали истину о взаимоотношеніяхъ Петлюры и генерала Деникина.

Контакта, о которомъ ходили такіе долгіе слухи среди Кіевского общества, между ними никакого не было. Идеи ихъ противоположны другъ другу: одинъ за „единую недѣлимую“, другой за „самостійну Украину“. Украинцы, состоящіе изъ галичанъ и петлюровцевъ, вступили въ городъ первыми, и не хотѣли впускать Добровольцевъ. Вслѣдствіе ли переговоровъ, вооруженной ли силой, но къ послѣполудню этого дня — 18 августа — Деникинскія войска вошли въ городъ со стороны Печерска. Симпатіи населенія были явно на ихъ сторонѣ.

Шли разговоры о зонахъ, раздѣленіи власти, но, послѣ инцидента у Думы, украинцы получили приказъ о разоруженіи и отходѣ изъ города на одинъ переходъ. Къ утру это требованіе было исполнено, и, въ настоящее время, власть, въ рукахъ единственно добровольцевъ.

Галиційскія войска не преслѣдовали цѣлей Петлюры — захвата власти самостійниками, — они шли на сверженіе большевизма. Быть можетъ, по повелѣнію Антанты, не знаю, думаю, что не я одна не знаю этого, съ ними, быть можетъ, будетъ установленъ контактъ.

Антогонизмъ среди населенія чрезвычайно силенъ. Вѣроятно, если-бы не позиція власти, былъ-бы погромъ. И такъ

не мало случаев избіенія на улицѣ „чрезвычайниковъ“, которыхъ ловятъ по подозрѣнію, часто первыхъ встрѣчныхъ.

... Много еврейской молодежи погибло, изъ среды еврейской самообороны, за время пребыванія петлюровцевъ... Что-бы было, если-бы они оставались здѣсь... Каждый день помѣщаются въ газетахъ извѣщенія о „трагически погибшихъ“ Яшахъ, Моничкахъ, Янусяхъ и др. Это ужасно. Цвѣтъ юношества пошелъ въ самооборону. Они погибли, защищая насъ...

Вѣчная память мальчикамъ-героямъ...

... Страшное наслѣдіе оставили большевики; нѣтъ, это не наслѣдіе: изъ переживаній эпохи большевизма, отразившихся на всѣхъ слояхъ населенія, одно особенно даетъ и дастъ себя чувствовать. Это — чрезвычайка.

Умъ не обнимаетъ того, что въ одномъ и томъ-же городѣ, гдѣ общество, хотя отчасти, но, все-же, веселилось и забывалось по театрамъ и кинематографамъ, гдѣ бурно, но однообразно текла обывательская жизнь, люди гибли тысячами въ застѣнкахъ пресловутой Че-Ка. „Контръ-революціонеры“, „буржуи“, судебные дѣятели, интеллигенты, всякій, кто чѣмъ-либо не угодилъ „начальству“, попадалъ на Садовую... Елизаветинскую и въ другія отдѣленія чрезвычайной комиссіи.

Что происходило тамъ? Оно, даже для насъ, согражданъ несчастныхъ жертвъ, останется покрытымъ тайной, остатки которой вопіютъ о прошломъ.

... Маленькія камеры. Подоконники, изрѣзанные именами, надписями, молитвами погибшихъ. Запекшаяся кровь... А рядомъ—роскошная обстановка реквизированныхъ имуществъ и пустыя бутылки изъ подъ шампанскаго.

Это какая-то нечеловѣческая жажда крови и разрушенія. Это аномальное что-то. Садисты? Но не могли-же всѣ чрезвычайники быть садистами.

Особенно страшна — Садовая, 5. Небольшой дворикъ. Сарай съ цементнымъ поломъ. Къ серединѣ стокъ для крови. Все покрыто ею. Валяются мозги: въ послѣдніе дни несчастныхъ разстрѣливали въ голову...

Подваль, куда не пускають публику, наполненъ, говорятъ, трупами. Ихъ откапывали въ саду, гдѣ лежали безчисленныя тѣла замученныхъ. Иные, по признакамъ, были зарыты полуживыми... Говорятъ есть вырѣзанные ремни на тѣлѣ, искалѣченные. Безусловно, публика привираетъ. Я не вѣрю въ пытки. Но чего стоитъ одно число *н е в и н о п о г и б ш и х ъ*...

Тамъ матери и жены, братья и сестры, отыскивали своихъ. Въ газетахъ умоляютъ сказать о судьбѣ арестованныхъ Ч. К. и пропавшихъ безъ вѣсти. Каждый день панихиды...

За что? Какъ могло это быть такъ близко, и такъ далеко, отъ насъ? Темная, кровавая завѣса... Десятки тысячъ предстанутъ, когда придетъ великій судъ Времени.

Весь день стоитъ толпа у этихъ остатковъ, — только остатковъ, — пережитого кошмара.

Можно-ли удивляться, что слѣпой ненавистью зажигаются сердца темныхъ людей, не могущихъ различать правыхъ отъ виноватыхъ, когда — увы! — тамъ было такъ много евреевъ. Это мы знаемъ, что еврейскаго въ Че-Ка не было ничего. Евреи тамъ были, какъ и всякая другая народность, но не специфическая какая-нибудь. Если хотите, это — случай. А сколько среди погибшихъ тѣхъ-же евреевъ! Но не пойметъ этого озвѣрѣлая толпа и, потрясая кулаками, готова растерзать попавшагося ей въ этотъ моментъ „жида“.

Потому я не иду туда. Девяносто девять процентовъ за то, что можетъ произойти скандалъ. „Скандалъ“... Мило сказано... Я хотѣла-бы пойти, чтобы объять это; увидѣвъ во очію, глаза какъ-бы раскроются, но, все-таки, я не пойду.

Въ темныхъ Садовыхъ и Елизаветинскихъ, на кладбищахъ, въ храмахъ льются слезы, и картины личного, глубокаго горя затмеваютъ все остальное... А, между тѣмъ, жизнь не ждетъ, она мчится впередъ, съ каждымъ днемъ принося намъ теперь что-нибудь новое.

Эта двойственность всегда скользитъ у меня; я въ жизни всегда ощущаю ее...

... На фронтахъ Добровольческая Армія побѣждаетъ. Адмиралъ Колчакъ, „верховный правитель Россійскій“, задви-

гался. И, духъ-ли ихъ газетъ таковъ, мѣстная-ли жизнь даетъ толчекъ къ тому, такова-ли дѣйствительность, или, вѣрнѣе, всѣ три причины, вмѣстѣ взятыя, но создается впечатлѣніе, что мракъ разсѣивается. Наступаетъ конецъ. Побѣдная Добармія дойдетъ до „сердца коммунизма — Москвы“, гдѣ настанетъ конецъ большевикамъ.

Жизнь людей въ мѣстностяхъ, занятыхъ Деникинымъ, это весна природы: все оживаетъ, живетъ полностью.

Говорятъ, въ Харьковѣ — жизнь 1914 года, т. е. нормальное общественное развитіе. И это вполне понятно: общество хочетъ вознаграждать себя за долгую пришибленность. Двухъ вещей не хватаетъ Киеву, чтобы была совсѣмъ весна: дешевизны и успокоенія юдофобства. На второе можно только надѣяться, а первое неизмѣнно наступитъ, когда наладится сообщеніе.

Теперь въ Киевѣ цѣны — внѣ конкуренціи. Прошлогодняя Москва — положительно рай передъ настоящимъ. Хлѣбъ — 110 р. черныи, и эти дни его нѣтъ совершенно. Мясо — 180 р., сало — 300 р., масло — 400., огурцы — 50-35 р. десятокъ, яблоки отъ 12 до 35 р. штука, творогъ — 170 р.

Мысли бѣгутъ скорѣе, чѣмъ перо... Еще столько хотѣла я сказать сегодня. Да, и не пересказать всего: по мѣрѣ того, какъ пишешь, являются все новыя, новыя мысли.

Такъ и писала-бы всю ночь, если-бы не сонъ... и мама...

... Мнѣ-бы какъ-нибудь днемъ сѣсть, да для другого время нужно. Спокойной ночи.

24 августа. Есть дни, когда хочется чего-то ббльшого, чѣмъ окружающая однообразная сѣрая жизнь. Чего-то луннаго, голубого, изъ того лазореваго міра, который такъ далекъ отъ настоящаго. Это тоска по красному, поэтичному.

Но о чемъ, не знаю. О чемъ-то... Грустно... Увядающая осень на душѣ... Но тихая тоска. Въ самой глубинѣ души. Воспоминанія прошлаго!.. Они овладѣвають

мною тамъ, на квартирѣ у Саши или у дяди Володи. Грусть безотчетная, безграничная. Еще немного, кажется, осталось ждать, когда будетъ красота въ жизни.

Что-же дѣлать въ такіе дни? Можно и писать. Можно и читать. Но мало Тьера, мало, даже, Чехова. Хочется чего-нибудь увлекательнаго, захватывающаго. Единственное, что, болѣе или менѣе, отвѣчаетъ настроенію... Можно и затемнить его, возвращеніемъ къ трезвой дѣйствительности, но не хочется какъ-то...

Что будетъ зимой? Пока — мы перебираемся къ Сашѣ. Можетъ быть, скоро пріѣдетъ дядя Володя съ семьей. Счастливые! Какъ они жили.

Хорошо-бы музыки, — ея нѣтъ, Какая могучая духовная сила въ музыкѣ... Я раньше не понимала этого.

... Въ такіе дни я могла-бы сдѣлаться, можетъ быть пьяницей, морфинисткой скорѣе, или кокаинисткой, вообще, въ этомъ родѣ... Опьянясь, унеслась-бы тогда... А если-бы я была у моря, только любовалась-бы имъ, и этого было-бы достаточно...

Писать — забытья. Читать — поддаться. Слабость — противная моей программѣ. Поддамся. Ну... скажу—последній разъ...

Писаніе успокаиваетъ, отрезвляетъ лучше всего прочаго.

1 Сентября. Шесть дней. Какъ будто цѣлая вѣчность. Все, вообще, такимъ далекимъ и давнимъ кажется. И наша жизнь у Маріи Исааковны, и вчерашній экзаменъ по стенографіи, и сегодняшнее утро...

„Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“... Далеко, ахъ какъ далеко: Саша въ Парижѣ! Онъ проѣхалъ туда изъ Константинополя. Онъ тамъ... Дяди Володина семья чудесно живетъ въ Крыму. Тамъ солнце и море, небо и горы... Тамъ есть красота въ жизни. Тамъ хорошо, легко и свободно. Тамъ есть сознание личной свободы и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ...

Еще больше это сознание существует въ далекомъ Парижѣ. Тамъ живутъ... Какъ?... Говорять, что такъ жили до войны, въ „нормальное“ время. Я не знаю, какъ это... Не помню. Только хорошо, полно...

Въ то время, какъ я сижу за дневникомъ и плачусь тихими слезами осени, тамъ жизнь кипитъ и бьетъ ключемъ. Я вижу огромный городъ, какъ стоголавое чудовище, дышащее тысячами трубъ. Улицы, полныя людьми, гдѣ каждый занятъ своимъ и спѣшитъ, мимо проходя остальныхъ. Витрины магазиновъ, съ художественными выставками. Шумъ стоитъ несмолкаемый. Фиакры, „авто“, омнибусы... Все кричитъ, все шумитъ, все живетъ... А вечеромъ — фееричная сказка... Все фантастичнымъ кажется, освѣщенное яркимъ газомъ и электричествомъ. О, какъ все живетъ!..

Полноте, есть ли такое мѣсто?... Глупая фантазія, какъ-бы поддразнивая, такъ ясно и ярко все это [мнѣ] показывается.

Я вижу жизнь, такую же шумную и полную „для каждого могучимъ развитіемъ его „я“, и въ другихъ городахъ.. Но отъ той мнѣ не больно. Великъ и разнообразенъ земной шаръ. Въ какихъ только измѣненіяхъ не проявляется на немъ жизнь. Для меня это одинъ изъ законовъ природы, не совсѣмъ поддающихся пониманію, странныхъ...

• Но тамъ, въ Парижѣ, этой жизнью пользуются и наслаждаются наши Саша, Ира, которые тоже, какъ и мы, были здѣсь...

Это было давно... Но, все-таки, недавно, полъ года тому назадъ, въ полутемной и почти пустой гостиной, я прощалась съ уѣзжающими, съ убѣгающими изъ Россіи. Усталый отъ дневныхъ волненій и бѣготни, когда не зналъ, получить-ли онъ нехватяющій билетъ, Саша лежалъ на диванѣ. Ира сидѣла рядомъ... Въ креслѣ... „До свиданья... Тяни свою маму. Торопи ее. Вамъ не надо здѣсь оставаться...“ Такъ говорила Ира, цѣлуясь со мной...

И теперь. Мы здѣсь, влачимъ сѣрую жизнь, матеріальную жизнь, безсодержательную, а они тамъ, что казалось такимъ

далекимъ, изъ другого міра. Значить, оно достижимо... Почему же мы не можемъ?

Вы хотѣли отъѣдать заморскаго плода. Видѣли его въ воображеніи, слышали запахъ, тонкій, раздражающій, чувствовали вкусъ... О, какъ вамъ хотѣлось этого плода. Но время шло. Жизнь, не стоящая на мѣстѣ, втягивала васъ. Желаніе притуплялось. И вдругъ, на такомъ высококомъ деревѣ, что достать его нельзя, вы видите этотъ плодъ... Что прежнія мученія въ сравненіи съ теперешними, когда, вотъ-вотъ кажется, плодъ вашъ, а нѣтъ его...

Такъ и меня грызеть тоска, съ тѣхъ поръ какъ я узнала, что Саша тамъ. Осень на душѣ у меня. Почти апатія. И цѣлыми днями преслѣдуетъ мысль: „въ это время, тамъ“... Что-бы я ни дѣлала, эта мысль не даетъ мнѣ покоя...

„Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“...

„Осень ненастная, осень одинокая“...

... А разговоры о необходимомъ скоромъ отъѣздѣ, ведутся все время.

Эльфы насмѣшливые шепчутъ мнѣ о немъ безпрестанно...

2 С е н т я б р я. Ужасно. Кошмарно-юмористично. Цѣлый день со всѣхъ сторонъ только и слышенъ разговоръ, сколько стоитъ хлѣбъ, что стоитъ картофель, на сколько понизились огурцы, помидоры и прочая снѣдь...

И сама разговариваешь объ этомъ, большую часть „я“ поглощаютъ эти хозяйственныя мелочи. „Сматеріалистичиваешься...“ Да, но по другому нельзя, въ нашихъ условіяхъ... Мнѣ это грустно-смѣшно. И немного обидно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, за эти годы, можетъ быть, и будущіе, нѣсколько учишься жизни. Они несомнѣнно принесли пользу мнѣ. Принесли... и хватить ея! Довольно. Пора-бы уже. Заслужено...

Эхъ, Парижъ, Парижъ, не про насъ писанъ... Надо забывать его. Не думать. Вчера я растрвила себя до самого вечера...

Да, если подумать, такъ обидно, горько; хочется очень. Вотъ, и не надо думать. Пусть идетъ время.

Мама вѣрять, что къ зимѣ насъ здѣсь не будетъ. Средство одно — не думать. А, какъ начнешь, никакія разсужденія не помогаютъ. „Видитъ око, да зубъ нейметъ.“

Живутъ они себѣ тамъ, наслаждаются... Не обидно это? А мы здѣсь... Можетъ быть, придетъ и нашъ чередъ. Неужели зимой? И представить-то себѣ это трудно.

Не думать, и кончено. Благо, матеріальныхъ заботъ и работы всякой такъ много, что, при желаніи, и некогда думать.

... Многие считаютъ меня теперь за хозяйственную дѣвочку, и — *c'est tout!*

Господи, вдругъ такъ оно и есть? Нѣтъ, глупости. Все идеальное живо во мнѣ, только спряталось глубоко.

Не думать, не думать... Забыть!..

Можетъ быть, скоро начнется гимназія. Я рада.

(Черезъ часикъ перерыва). Ничего, и въ Кіевѣ люди живутъ. Не думать лишь о той жизни.

4 Сентября. „За милыхъ женщинъ, любившихъ насъ, хотя-бы часъ...“ „За милыхъ женщинъ, забывшихъ насъ въ послѣдній часъ...“ Сколько красоты глубокой и сильной!.. Я сидѣла въ антрактѣ, прислонившись къ стѣнкѣ... Такъ хорошо... Далеко уносишься отъ міра прозы и повседневности. О, какъ красиво!..

Это былъ кинематографъ. О, почему я не могла съѣсть записывать, писать свои впечатлѣнія тотчасъ-же послѣ окончанія.

Душа, казалось мнѣ, готова разорваться, столько чувствъ и мыслей, пробужденныхъ этими чувствами, было въ ней...

Теперь не то... Я приняла уже холодный душъ.

Разсказать? Нѣтъ, въ разсказѣ, безъ музыки, безъ красивой обстановки для глаза, — что такъ много значить на

экранъ, — не получится того сильнаго настроенія, которое
создалось во мнѣ.

Какъ было хорошо!.. Можетъ быть, черезъ два дня я
пойду вновь съ мамой. Правда, будетъ не совсѣмъ то, но еще
разъ увидѣть всю эту красоту — тоже удовольствіе.

На два часа я унеслась въ совершенно иной міръ. Такой
безконечно далекій отъ настоящаго. Онъ былъ далекъ, вообще,
отъ жизни. И, въ частности, отъ этой. Странно, даже, какъ-
то, что можно такъ уйти отъ міра.

Трудно писать, когда хочется спать, помимо своей воли.
Въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, человекъ — рабъ своей
природы.

Такъ что-же такое любовь? Нѣтъ отвѣта. Нѣтъ зна-
нія, кромѣ опыта. Будетъ-ли, будетъ-ли? Неужто это — та-
кое большое, что поглощаетъ всѣ чувства и мысли? Такое
огромное и лучезарное?

Буду-ли знать? Или мимо пройдетъ, не затронувъ?

И я думаю объ одномъ. Полюбить-ли онъ меня?.. Глупо,
смѣшно. Я, вѣдь, не знаю ихъ, лишь мама... Можетъ-ли
быть? Кто знаетъ! Но я встрѣчусь, встрѣчусь обязательно!
Учась и живя въ Москвѣ, — это будетъ.

Но не изъ за него хочу я тамъ жить. Только онъ кое-что
прибавляетъ къ мечтамъ моимъ. Кое-что свѣтлое...

По возрасту, это можетъ случиться. А дальше, кто что
можетъ знать.

О, такъ бы хотѣла любить. Вообще, и въ частности.

Милый... Такой тонкій, чуткій и умница, — черты моего
идеала человека.

Если-бы онъ очутился въ Кіевѣ! Хорошо-бы!..

Въ сегодняшней драмѣ есть немного изъ этого фантастич-
наго будущаго. Ахъ, если-бы!.. Но я вѣрю, мнѣ вѣрится,
что сойдутся наши жизненные дороги. Съ ихъ семьей. Съ
ними . . .

У меня нѣтъ семьи, — есть мама!..

Будущее. Скорѣй-бы . . .

Могла-бы пописать и изъ болѣе реальной области, но, все-таки, надо идти. Поздно. Если-бы сны пришли мнѣ хорошіе... Я люблю ихъ ...

7 С е н т я б р я. Есть иногда дни, что, будь у меня водка, я, вѣроятно, способна была бы выпить. Или морфій, кокаинъ принять ...

Не буду писать сегодня, потому что хочу уйти отъ себя...

11 О к т я б р я. И такъ... Сегодня день, котораго ждала я... шесть долгихъ мѣсяцевъ. Сколько волнений и слезъ! Сколько темнаго и мрачнаго пережито за это время. Неизгладимая печать на всю жизнь. Неужто все осталось позади?! Не вѣрится. Не укладывается, какъ-то, въ головѣ, что кошмаръ большевикама, погромовъ, — что можетъ быть ужаснѣе этого? — остались позади. Правда, впереди еще много: дорога, посадка на пароходъ, но какъ то кажется, что перескочимъ черезъ всѣ эти препятствія. И, правда, за исключеніемъ крушеній, налетовъ, что значить трудность дороги послѣ того, что мы пережили. Неужели черезъ мѣсяцъ мы можемъ быть въ... Парижъ? А пока, черезъ недѣлю, другую, — у моря? Мечта начала осуществляться. Теперь она болѣе возможна, чѣмъ въ тѣ далекіе дни, когда я сидѣла у М. И. и, захлебываясь, писала объ этомъ въ дневникъ.

Море... море...

Съ новымъ годомъ начнется и новая жизнь. А такъ это возможно?! Развѣ есть еще сказки, волшебныя и прекрасныя, въ жизни?!

Съ сегодняшняго дня, такъ или иначе, эта сказка начала осуществляться. Можетъ быть, медленно, но начала. Недолго ждать. И, въ постоянномъ приближеніи къ конечной цѣли, время пройдетъ незамѣтно...

Жаловаться нельзя, вѣхать сравнительно хорошо: всѣ вещи съ нами; мы сидимъ — двѣ нижнія скамейки — насъ пятеро. Ничего, жить можно. Не очень душно. Публика... гмы! Мож-

но смѣло сказать, большей частью военная, офицерская. „Интеллигентныхъ“ мало, если не совершенное, почти, отсутствіе ихъ, грубы очень. Женщины и дѣти, вѣроятно, большей частью, военные семьи.

На вокзалѣ мы пріѣхали рано, плюсъ къ тому расторопность папы, сѣли въ поѣздъ также безъ особаго труда. Посмотримъ, что дастъ ночь и завтрашній день.

Какъ поѣдемъ изъ Харькова, — неизвѣстно; кажется, что пути на Севастополь нѣтъ.

Непріятно, пока, только одно: О-ны не поѣхали съ нами; они доставали билеты въ другомъ мѣстѣ, и неудачно.

12 Октября. Сидя въ поѣздѣ, подъ шумъ колесъ и непрерывное измѣненіе ландшафта, можно было бы писать о многомъ большомъ и широкомъ. Но мѣста нѣтъ, писать можно только у стола, а тамъ сидятъ „дѣти“. Жаль!.. Буду наверстывать на остановкахъ: въ Харьковѣ и др. городахъ.

Ночь была почти что кошмарной: трое на одной скамьѣ, мы все время изобрѣтали болѣе удобныя мѣста. Особенно страдала мама. Если бы не это, было бы вполне сносно.

Что-то долго стоимъ на станціи. Печально: вѣроятно, только къ вечеру будемъ въ Харьковѣ. Какъ-то мы тамъ устроимся? Какъ поѣдемъ? Когда? Доберемся-ли до Франціи? Неужто это возможно? Да и возможно-ли то, что мы черезъ нѣсколько дней будемъ въ Ялтѣ, увидимся со всѣми?

Какъ-то странно: въ одно и то-же время столь разнообразна жизнь на земномъ шарѣ: Ялта, Парижъ, Кіевъ, Москва, война. Для меня это, именно, странно.

13 Октября. Прибыли въ Харьковъ въ 2 ч. ночи. На вокзалѣ приткнуться рѣшительно нѣгдѣ. Это не пустыя слова, а осязательные факты. Въ буквальномъ смыслѣ слова, люди

спять почти другъ на другъ, валяясь на перронъ, въ классныхъ залахъ, на лѣстницахъ, въ корридорахъ, въ телеграфной комнатѣ.

14 Октября. Сегодня мы еще въ Харьковѣ... До утра просидѣли на вокзалѣ. Тamarочка спала у Шуры на колѣняхъ, а послѣдняя сидѣла въ багажномъ, на чемоданахъ. Остальные сидѣли на чемоданѣ, на перронѣ. Утромъ, часовъ въ 7, сдавъ вещи на храненіе, поѣхали къ П-мъ, друзьямъ дѣтства всей семьи.

Первое впечатлѣніе отъ Харькова, — особенно въ сѣрый осенній день, — скверное. Чего то большого, расплесканнаго, плоскаго, тюри прихлопнутой. Городъ на манеръ Саратова, провинція, хотя и большая, но, все-же, провинція. Домики маленькіе, мостовыя скверныя, грязь. Таково первое впечатлѣніе отъ старо-городской, такъ сказать, части. Другая часть города, застроенная особняками, большими домами и магазинами, значительно лучше. Главная улица — Сумская — тянется до загороднаго парка, красы и гордости харьковцевъ. Одна изъ улицъ называется Черноглазинской. Рѣченка Сула — лужа, которую куры въ бродъ переходятъ. Въ городѣ имѣются отдѣленія самыхъ большихъ фирмъ Россіи, и въ торговлѣ городъ имѣетъ большое значеніе. Но, пока, внѣшность его не соотвѣтствуетъ содержанію.

Жизнь тутъ дешевле кievской, и чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ разница будетъ значительнѣй. Бѣлый хлѣбъ — 12 руб., масло — 150 руб., сливы — 10 руб., пирожное — 8 руб. Въ Кіевѣ же, послѣ большевистской авантюры, цѣны были: хлѣбъ бѣлый 25 руб., масло около 300 руб., сливы — 20 руб., пирожное — 12 руб.

Пріѣзжаемъ къ П-мъ. Маленькій двухэтажный домикъ. На оба этажа двери разныя. Тонкой деревянной перегородкой, — такое мое представленіе о двери, хотя и невѣрное, — отдѣляется отъ улицы небольшая, но замѣчательная квартира.

Воздухъ въ ней особенный. Культурный, уютный, чистый. Размѣры всего миниатюрны, и это еще болѣе увеличиваетъ, если не создаетъ, прелесть квартиры. Изъ игрушечной передней дверь въ кабинетъ — гостиную. Старинная мебель красного дерева; закрывающійся письменный столъ; пузатый шкафъ. На стѣнахъ два книжныхъ шкафчика; открытый рядъ полокъ. Беллетристики не видно. Зато много научныхъ — и книгъ объ искусствѣ. Много прекрасныхъ тонкихъ репродукцій, миниатюръ, висятъ на бѣлыхъ стѣнахъ. На полу коверъ въ синекрасномъ тонѣ. Свѣтло, привѣтливо. Дверь открывается и, неслышно ожолзя по ковра, появляется въ комнатѣ очаровательное бѣленькое существо съ большимъ голубымъ бантомъ. Это 4-хлѣтняя Ирочка, дочь владѣльцевъ симпатичнаго уголка — П-ыхъ.

Отецъ ея — маленькаго роста, довольно плотный, со всегда привѣтливой шуткой. Онъ свой среди антрепренеровъ, артистовъ и имъ подобныхъ: пріѣзжали художественники, своими были у него. Бдуть бѣженцы, переселенцы — знакомые изъ Кіева въ Ростовъ, — всѣ останавливаются у П-ва.

Рѣдко въ узенькой — шириной съ буфетъ — столовой сидитъ за столомъ меньше пяти-шести человекъ, тогда какъ семья — онъ, она, да дѣвонька.

Гостиницы, конечно, переполнены. П. устроилъ насъ въ лечебницѣ, у знакомыхъ.

Получить билеты не трудно: надо только стать въ очередь на 1-2 ночи. Я могла бы это сдѣлать, но мама взяла, конечно, красную шапку. Завтра ѣдемъ дальше.

Ахъ, какъ буду я путешествовать года черезъ два-три!..

Путешествіе — одно изъ самыхъ большихъ наслажденій. Шагать по улицамъ чужого города, видѣть новыя волшебныя красы природы...

... Много неприятнаго придавало дорогѣ сюда несимпатичная публика — грубая офицерская молодежь. Одинъ — жирный, себялюбивый поручикъ, безъ билета, но съ балычкомъ и икоркой. На деньги плюетъ, на честность, вѣроятно, тоже...

Почему мамы до сихъ поръ нѣтъ? Пора! А что, если-бъ съ мамой несчастье случилось? Я бы ушла. Одна. Зажила бы по другому... Пробралась бы за-границу. Страшно!.. Но я знаю, это глупости...

Ахъ, какъ будетъ чудесно у синяго моря. Рано по утру одна... А затѣмъ на пароходѣ въ дальнюю волшебную страну. Чтѣ-то скажетъ она?.. Вдругъ дѣйствительность обыденная, сѣрая?! Не вѣрю... Такъ странно, когда представляешь себѣ столь разнообразную жизнь мѣра сейчасъ.

Я пишу, читая Блока, ожидая маму. Что такъ долго нѣтъ ея?.. Мама пришла. Все вернулось въ свою колею.

Поручикъ, о которомъ я писала, вѣроятно, юдофобъ. Поэтому, онъ съ нами такъ грубо разговаривалъ. Другой нахальный невѣжда. Онъ называлъ „Демона“ оперой, не зная ничего о Лермонтовскомъ. У Мопассана, по его словамъ, юмористическіе любовные рассказы. Насъ было трое на скамьѣ, и онъ дерзко, въ полномъ смыслѣ слова, требовалъ мѣста. „Этого русскіе люди не дѣлаютъ!“ — говорилъ онъ на маминъ протесты. Никто не возразилъ. Отвернувшись къ окну, я заплакала. Такъ обидно и горько было... За что?

Всей душой любишь и желаешь добра своей родинѣ, коей я до сихъ поръ Россію считала, и слышишь, какъ тебя зачумляютъ словомъ проклятымъ: „жидъ“. Злоба безсильная, жгучая ненависть, просыпаются въ душѣ. Теперь еще больше хочу уѣхать.

Теперь не могу я такъ работать, какъ думала: пусть стихнетъ. Въ страшные дни погрома въ Кіевѣ я чувствовала братство, единство съ евреями, нищими, омерзительными, до тѣхъ поръ ненавидимыми мною. Нѣтъ, тогда они не были мнѣ омерзительны. За что, за что? Когда я слышу такія вещи, я ихъ такъ ненавижу, такъ... этихъ злобныхъ людей... И, противные. Когда это дѣлаютъ темные, забытые, не таково, вѣроятно, это чувство, но ко всѣмъ „интеллигентнымъ“ погромщикамъ, вродѣ дорожнаго спутника, его мало!..

... Какъ обнять Жизнь?!..

Черезъ недѣлю, черезъ недѣлю!
Когда я думаю о заграничѣ, чувствую, какъ жизнь бѣжитъ
по всему тѣлу...
Заграница... Море...

15 Октября. Посадка была адская. Такой я за свою
бѣженскую жизнь еще не видала: разбивая стекла, лѣзли въ
окна, изъ подъ рукъ крали вещи, толпа, давка невыразимая.
Г. Е. провожалъ насъ и устроилъ. Онъ влѣзъ въ окно, ему
передали дѣвоньку, носильщики тащили вещи; солдаты врываются
въ окна. У насъ остались еще два громадныхъ чемодана,
плюсъ мы всѣ. Мама волнуется, отчаяваясь въ успѣхъ.

— „Паничъ“, — кричатъ носильщики. Юру также подаютъ
въ окно. Онъ лѣзетъ головой внизъ. Наконецъ, появляется
начальство. Толпу выгоняють, и мы благополучно водворяемся
на мѣста...

Въ результатъ—гораздо лучше, чѣмъ изъ Кіева: въ вагонѣ
электричество, и не такъ тѣсно. Только бы засвѣтло
прибыть въ Ростовъ.

О-ны поѣхали на Одессу.

Мы все ближе и ближе къ тебѣ, благословенный югъ!
Прими насъ, жаждущихъ Солнца и Тепла. Еще немного...

Завтра уже Ростовъ...

О, новая жизнь! Если бы только она не обманула надеждъ
и чайній нашихъ.

Съ каждымъ часомъ все ближе мы къ завѣтной цѣли.

„Тукъ-тукъ-тукъ“ шумитъ поѣздъ. Скоро, скоро!

До завтра.

16 Октября. Солнце свѣтитъ. Мы на югѣ. Смотрю
изъ окна на дальнія безбрежныя степи, и такъ вольно на душѣ
дѣлается, близко къ цѣли.

Ахъ, какія чудесныя эти степи! Ширь, приволье! Есть-ли еще въ цѣломъ свѣтѣ такія мѣста, кромѣ Руси? . .

Писала-бы, да больно неудобно.

17 Октября. Я устала безумно. А такъ писать-бы хотѣлось. Мыслей много . . . Невеселыя мысли . . .

18 Октября Вчера вечеромъ много могла-бы пописать, но слишкомъ устала. Что за манера? По вечерамъ ногъ подъ собой не чувствовать. Ну, раньше событія виѣшней жизни . . .

До Ростова доѣхали вполнѣ благополучно. Устроились . . . въ старообрядческой богадѣльнѣ. Богадѣлки — старушки себѣ на умѣ. Пришла вчера одна. Говорила полчаса, и кончила тѣмъ, что попросила денегъ. Экономка за деньги все дѣлаетъ, а „безъ оныхъ“ — ни на шагъ. Завтра ѣдемъ пароходомъ въ Ялту. Скоро, скоро. Солнце, море . . . Господи! Когда-то буду вдыхать морской воздухъ . . . Скорѣй, скорѣй!

Первая половина исполнена. Теперь, т. е. когда пріѣдемъ въ Крымъ, остается проѣхать за границу. Только-бы мама не задерживалась тамъ . . .

Съ каждымъ днемъ жизнь наглядно доказываетъ мнѣ, что содержаніе книгъ взято изъ жизни. Стоитъ поближе посмотреть, и въ каждой семьѣ увидишь свою драму, т. е. хочу сказать, чисто индивидуальное, счастье или несчастье, что выдѣляетъ ее изъ среды другихъ. Нѣтъ сѣрой массы, а есть отдѣльные мірки, каждый полный своимъ содержаніемъ. Семья Н. Дочь, кумиръ семьи, вырастаетъ въ пустую, дерзкую дѣвушку, лѣнивую, взбалмошную . . . Последній подвигъ ея, уже въ замужествѣ: она была въ „положеніи“, и безъ всякой причины дѣлаетъ операцію. Какъ можно такъ дѣлать? Лишить

жизни маленькое созданище? С сознательно лишить себя материнства! — Что может быть выше материнства? Что лучше своего ребенка? О, быть бы мнѣ матерью!

19 Октября. Ёдемъ завтра. Хотя сегодня узнали, что, будто бы, на Крымъ идетъ Махно. Вѣроятно, лишь — паника. Можетъ быть, правда, но преждевременная! Но мама рѣшила ѣхать. *Advienne que pourra!*

Хоть бы немного пожить спокойно. Надѣюсь, что Махно чепухой окажется.

Сегодня я осознала, или, вѣрнѣе, нашла названіе чувству, какъ пріятно сознаніе, что въ тебѣ замѣчаютъ женщину. Ужасно пріятно. Хорошо на душѣ дѣлается: свѣтло и легко. Если бы только полностью понять его!

Утромъ мы пошли въ контору Владимира Михайловича, Релинаго мужа. Я люблю его, симпатичный онъ очень. Ну-съ, вотъ! Послѣ обѣда, къ вечеру, мы зашли къ нимъ. Мама и Юра тамъ живутъ. Я-е живутъ у его родственниковъ, гдѣ сынъ, мальчикъ лѣтъ 15—16-ти. Мы, т. е. Рая и я, уходили. Вышли всѣ вмѣстѣ, и В. М. съ нами. Журикъ — имя мальчика — пошелъ вмѣстѣ со мной; началъ болтать. Значить почувствовалъ, ничего особеннаго, конечно, только женщину.

Потомъ В. М. У насъ симпатія взаимная. Разговаривали. Разставались сердечно. Это-то и пріятно. Вообще, пріятно выраженіе любви со стороны, но тутъ была, именно разница... Фу, противно выходить. Было именно то, что они — мужчины, а я — женщина.

Любовь, чтó ты? Когда узнаю я? Правда ли, она такъ сильна?

Какъ разъ сегодня хочется писать, а старушенціи гонять спать. Досада! Однако, про жизненность книгъ кончу.

Въ Крыму съ одною знакомой настоящая драма, и мнѣ глубоко жаль ее И, именно, какъ женщину, я не люблю ее.

Конечно, такъ какъ я ее знаю близко, жалость еще болѣе увеличивается...

... Такихъ случаевъ тысячи. На каждомъ шагу... Но, помня вышесказанное, совершенно иначе смотришь на книгу. Хорошо бы писать такъ, чтобы давать болѣе обширныя картины жизни! Вѣроятно, это мнѣ не по силамъ... Но было бы хорошо! Можетъ быть, когда-нибудь...

Увы, пора!..

20 Октября. Вдемъ. Пока только по Дону. Съ замѣраніемъ сердца думаю я о скоромъ исполненіи своей давнишней мечты увидѣть море.

Правда, увидѣть его съ парохода я не думала, но и это, конечно, не плохо будетъ. Еще нѣсколько дней!..

Когда думаешь о жизни въ разныхъ мѣстахъ, то поражаешься ея разнообразіемъ и съ трудомъ обнимаешь ея значеніе.

21 Октября. Сегодня хочу я писать долго: пополнить всѣ долги послѣднихъ дней.

Ростовъ гораздо симпатичнѣе Харькова. Свѣтлѣе и привѣтливѣе. Улицы широки, обсажены зеленью. Въ настоящее время главная улица города, Садовая, соединяетъ его съ Нахичеванью. Между обоими городами проведенъ также трамвай. Замѣчательно обиліе кинематографовъ, имѣющихъ свой особый терминъ, какъ въ Одессѣ, — „иллюзіонъ.“

Конечно, не всѣ улицы широки и свѣтлы, но центральная часть города, наиболѣ близкая проѣзжающимъ, производитъ очень хорошее впечатлѣніе.

Въ наше время Ростовъ является однимъ изъ главныхъ центровъ „освобожденной Россіи“. Оживленіе въ немъ сильное. Обиліе военныхъ, „капиталистовъ“ изъ столицъ и другихъ, занятыхъ красными, городовъ...

Сравнительно съ Кіевомъ — цѣны низкія, но ростовцы жалуются на дороговизну: они, имѣвшіе большевиковъ за 2 года всего 1½ мѣсяца, привыкли почти къ нормальнымъ цѣнамъ. Мясо, напримѣръ, до послѣдняго времени, стоило 3 руб., и, только благодаря колоссальному наплыву публики, поднялось до 18-ти. Такъ и другіе продукты.

Пароходъ отошелъ въ 1 часъ. Вначалѣ правый берегъ рѣки, на которомъ стоитъ Ростовъ, былъ нагорный, но за однимъ изъ многочисленныхъ изгибовъ рѣки, невысокій кряжъ отошелъ къ сѣверу, вглубь страны, — не могу подобрать лучшаго выраженія, — и по обѣимъ сторонамъ остались широкія Новороссійскія степи, покрытыя осенней, желтовато-зеленой травой.

Пятнами бѣлѣли стаи красивыхъ чаекъ. Роями носились онѣ за пароходомъ, съ визгомъ ловя бросаемый хлѣбъ. Онѣ, или неподвижно держались въ воздухѣ, или размахивали большими сѣрыми крыльями. Создавалось впечатлѣніе, что крыло состоитъ изъ одной массы, такъ своеобразно движется оно сверху внизъ. Красива картина, когда вся стая птицъ равномерно машетъ крыльями. Минъ напоминали онѣ, временами, не живыхъ, а изваянныхъ птицъ — это благодаря ихъ особому взмаху крыльевъ. Само названіе чайка очень поэтично, или, вѣрнѣе, таковымъ создалъ его человекъ...

ПРІЪЗДЪ ВЪ ПАРИЖЪ

Ночь. Поѣздъ быстро мчится, проносятся заснувшія деревни, молчаливыя зданія станцій. Въ вагонѣ тихо. Привычно примостившись на узкихъ скамьяхъ, спятъ пассажиры. Ночная лампочка слабо освѣщаетъ корридоръ... Черезъ открытое окно врывается вѣтеръ.

Я жадно вдыхаю свѣжій воздухъ, стараясь проникнуть взоромъ сквозь темноту ночи. Гдѣ-то тамъ, на горизонтѣ, раскинулся большой городъ, къ которому стремилась я въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ. „Парижъ!..“ Въ этомъ словѣ чудились мнѣ покой, новая, полная жизнь, которой такъ давно мы были лишены. Какой-то она будетъ? Что новаго скажетъ этотъ чужой городъ, чужая страна?.. А поѣздъ мчится, прорѣзывая гудками ночной воздухъ.. Итакъ, конецъ тяжелому прошлому? Все позади, въ воспоминаніяхъ. Заря чего-то новаго, прекраснаго зажигается на горизонтѣ...

Огни мелькаютъ чаще и гуще. Мы приближаемся...

„Nous arrivons bientôt, Mademoiselle?..“ Я возвращаюсь къ дѣйствительности. Это подошла старая англичанка; ея паспортъ провѣряли вмѣстѣ съ нашими на границѣ.

— „Не знаю. Я здѣсь первый разъ.“ Слово за слово, — разговорились. — „Что я буду дѣлать въ Парижѣ?..“ — „Заниматься. Потомъ поѣду въ Англию...“ Она говоритъ искренно, горячо. Жалѣетъ насъ, русскихъ. Желаетъ сердечной встрѣчи въ Англии. „Nous vous aimons, nous vous aimons“,

повторяет миссь. И кажется чѣмъ-то значительнымъ это искреннее пожеланіе счастья на порогѣ новой жизни... По-вѣдь замедляетъ ходъ... Черезъ нѣсколько минутъ — Gare de Lyon... Обычная суета, шумъ. Наконецъ, багажъ просмотрѣнъ, полученъ, — можно ѣхать.

Мы выходимъ на улицу.

Ночь умираетъ. Блѣдный дискъ луны приближается къ горизонту. Городъ окутанъ предразсвѣтнымъ голубымъ туманомъ... День начинается. Солнце, ясное и торжествующее, освѣтитъ вступленіе въ эту новую и неизвѣстную жизнь, что такъ звала и манила къ себѣ...

СОДЕРЖАНІЕ

Имя Саши Ира придумано Нелли для обозначенія семьи ея дяди Александра (Саши и Ира).

Изъ подружь, ею упоминаемыхъ, чаще всего встрѣчаются: Нина саратовская, которую надо отличать отъ Нины - кievской, другой ея кувины; затѣмъ, саратовская подруга — Рая (Ра-вичъ) и Рая, съ которой она встрѣчается въ Кіевѣ, юная сестра ея матери.

Въ нѣкоторыхъ листахъ дневника встрѣчаются повднѣйшія приписки, которыя точно воспроизведены съ рукописи съ сохраненіемъ почерка оригинала.

ГЛАВА I

Москва (Январь — Мартъ 1918 г.) стр. 13

ГЛАВА II

Кіевъ (Апрѣль 1918 — Январь 1919 г.) стр. 117

ГЛАВА III

Кіевъ—Парижъ (Февраль 1919 — Февраль 1920 г.) стр. 219

